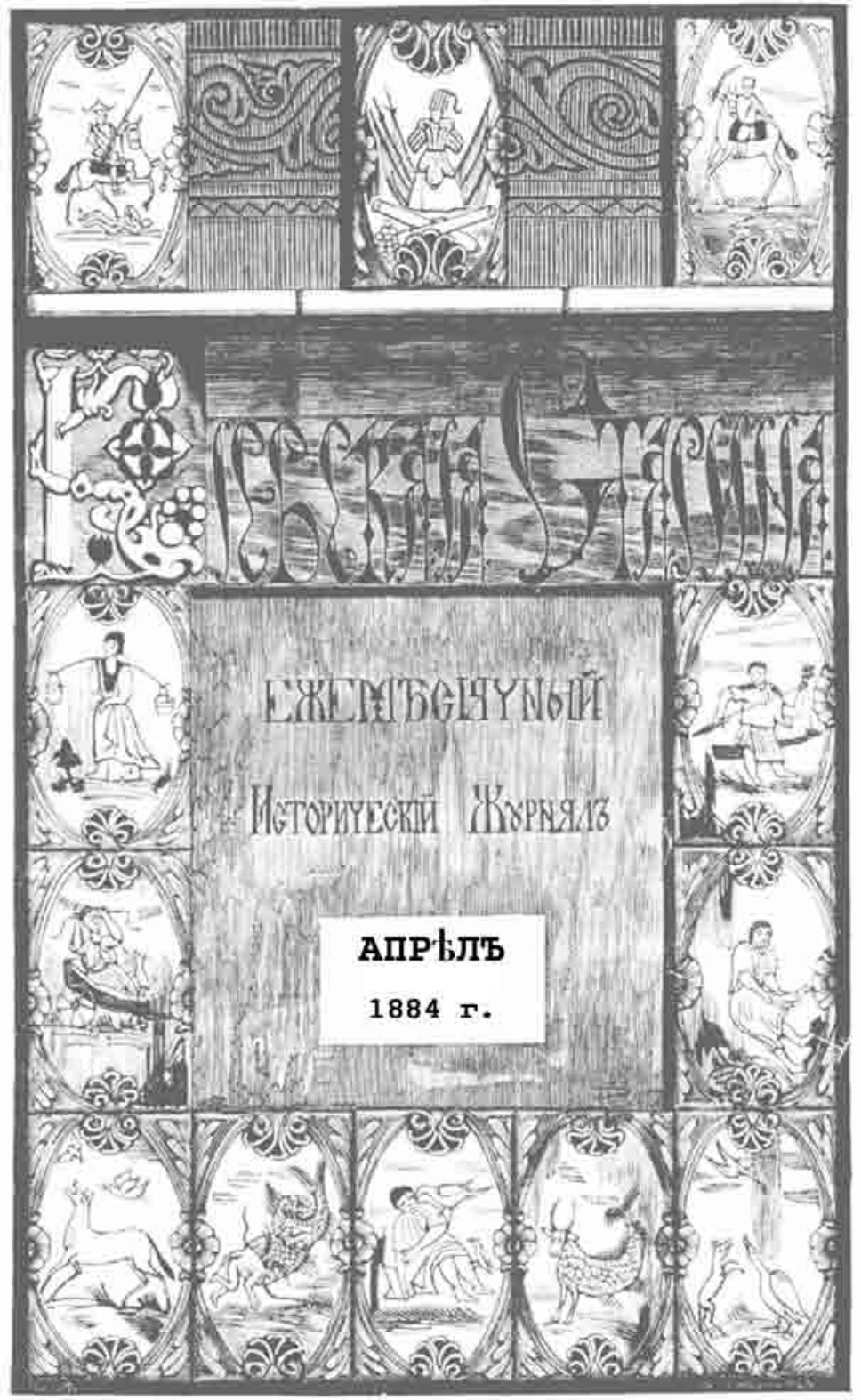
Русская Старина
Ежемѣсячный
Историческій Журналъ
Апрѣлъ
1884 г.

КНИЖНОЕ ПРОСТРАНСТВО BOOK SPACE

СОДЕРЖАНІЕ.

Апрѣль, 1884 г.

СТР.

I. ПЕРВЫЯ КОЗАЦКІЯ ДВИЖЕНІЯ ВЪ РѢЧИ ПОСПОЛИТОЙ. (1591—1596 г.). *(Окончаніе).* **Ѳ. Николайчика.** 525

II. ІОАННИКІЙ ГАЛЯТОВСКІЙ. (Къ исторіи южно-русской литературы XVII вѣка. *(Окончаніе).* **Н. Ѳ. Сумцова.** 565

III. ЧИСЛО И ПОРЯДОКЪ ЗАПОРОЖСКИХЪ СѢЧЕЙ. **Д. И. Эварницкаго.** 599

IV. ЗАПИСКИ Я. Д. СЕЛЕЦКАГО. Часть первая. 1821 — 1846 годъ. *(Продолженіе)* 609

V. ИЗЪ ПИСЕМЪ МАКСИМОВИЧА КЪ ШЕВЧЕНКУ. **С. Пономарева** . 634

VI. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Географическій словарь западно и юго-славянскихъ земель и прилежащихъ странъ, сост. Я. Головацкимъ. Съ приложеніемъ географ. карты. Вильна. 1884 г.—*Ѳ. Ни—ка.*—б) Кубанскій Сборникъ. Труды Кубан. Област. Статистическаго Комитета, издаваемые подъ редакціею Е. Д. Фелицына: Т. I., съ картою Кубан. Области. Екатеринодаръ. 1883 г.—в) А. А. Потебни. Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсень. Варшава 1883.—*Ц. Неймана*—г) Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія. Н. И. Петрова. Кіевъ, 1884 г.—*В. Г.* 621

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Греки въ Елисаветградѣ (Отрывокъ изъ исторіи колонизаціи)—*В. Ястребова.*—б) Малоизвѣстные и неизвѣстные источники свѣдѣній о минувшей жизни Полтавщины.—*Н. С.*—в) Кіевскія лѣтописныя замѣтки XVIII и XIX ст. 1) Изъ приписокъ къ подлиннику путешествія Василія Григоровича Барскаго. 2) Изъ записной книжки кіевскаго гражданина Мирославскаго.—г) Могила гетманцевъ въ г. Лебединѣ.—*П. Ефименка.*—д) Два сообщенія по части народныхъ вѣрованій: 1) Криница—богиня плодородія у сѣверянъ.—Сообщ. *П. Литвинова.*—2) Полъ неодушевленныхъ предметовъ.—Сооб. *М. Г—овъ.*—е) Изъ разсказовъ о Кармелюкѣ.—*Маковскаго.*—ж) Художникъ В. Л. Боровиковскій. 1758 (?)—1825 г.—*В. Горленка*—з) Греческія музы въ малорусскомъ изображеніи (Рисунокъ и поясненіе къ нему). 673

VI. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728—1753 г.) *(Продолженіе)* 17—32

VII. АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ 1884 года продолжается. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Софійская площадь, д. № 11. Оставшееся незначительное число экземпляровъ журнала за 1882 и 1883 гг. высылается по той-же цѣнѣ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ VIII.

АПРѢЛЬ.

1884 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 31-го марта 1884 года.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ VIII.

1884 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

ПЕРВЫЯ КОЗАЦКІЯ ДВИЖЕНІЯ ВЪ РѢЧИ ПОСПОЛИТОЙ.

(1591—1596 г.).

(Окончаніе) [1]).

II.

Лобода и Наливайко.

Причины козацкихъ грабежей внутри государства.—Біографическія свѣдѣнія о Наливайкѣ и Лободѣ.—Переходъ татаръ черезъ польскія владѣнія въ 1594 г.—Сношенія императора Рудольфа съ козаками: Хлоницкій и Лассота.—Предпріятіе Язловецкаго.—Походъ козаковъ въ Молдавію.—Наливайко въ Брацлавѣ, затѣмъ въ Барѣ съ Лободою. 1595 годъ.—Неудавшаяся коалиція противъ турокъ и движеніе Замойскаго съ войскомъ къ границѣ.—Отдѣленіе Наливайка отъ Лободы и походъ его въ Венгрію.—Экскурсія его въ Бѣлую Русь.—Лобода съ Замойскимъ.

Козачество чѣмъ дальше, тѣмъ больше распространялось по Украйнѣ. Изслѣдовать, какія условія тутъ дѣйствовали, не входитъ въ нашу задачу. Отмѣчая просто это явленіе, нельзя не привести здѣсь словъ Н. И. Костомарова, въ точности подтверждаемыхъ бунтами Лободы и Наливайка. Онъ говоритъ: „лишеніе козаковъ возможности вырываться внѣ государства обратило ихъ удаль внутрь этого самаго государства. Козачество разширялось внѣ и было занято внѣшней войною, но коль скоро дорога къ внѣшней войнѣ была пресѣчена, то это вольное общество, естественно ища свободы своей дѣятельности, стало разширяться внутри, стремилось захватить для себя возможно болѣе поля въ королевствѣ и сломить про-

[1]) См. «Кіевская Старина», 1884 г., март. кн., стр. 423—442.

тивоположныя себѣ начала шляхетскаго строя“ [1]). Къ этому надо прибавить только, что не одна удаль и желаніе сломить эти начала обращали козаковъ внутрь государства, а иногда и нужда въ хлѣбѣ насущномъ [2]).

Какъ только выходили запасы, пріобрѣтенные набѣгами на сосѣднія земли, и если нельзя было сдѣлать ихъ тѣмъ-же путемъ, то козаки естественно кормились на счетъ государства, а собирали кормъ обычнымъ для того времени способомъ—грабежами и насиліями, въ чемъ нисколько не отличались отъ правительственныхъ жолнѣровъ.

Такимъ путемъ поступали козаки впродолженіе двухъ лѣтъ, въ 1594—1595 году, пока въ 1596 г. ихъ своеволія не навлекли на себя коронныхъ войскъ, какъ на враговъ государства. Къ этому присоединилась и нѣсколько усложнила дѣло подготовка къ офиціальному объявленію уніи, состоявшемуся осенью 1596 г. на соборѣ въ Брестѣ-Литовскомъ. Въ 1596 г. правительство наказало козаковъ лишь за то, что они осмѣлились практиковать обычные пріемы пріисканія продовольствія, но только въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Лица, принимавшія въ этомъ болѣе другихъ видное участіе, были Лобода и Наливайко, а выступили они на сцену гораздо раньше этого времени: первый въ концѣ 1593 г. Обратимся прежде всего къ біографическимъ о нихъ свѣдѣніямъ; въ скудномъ числѣ можно найти оныя о Наливайкѣ.

Семеринъ-Наливайко былъ сынъ вѣроятно мелкаго шляхтича, у котораго былъ грунтъ въ Гусятинѣ, въ Брацлавщинѣ. Грунтъ этотъ отнялъ у отца Наливайка панъ Калиновскій, причемъ такъ избилъ владѣльца, что тотъ умеръ отъ побоевъ. По смерти мужа, вдова Наливайкова, мать Семерина, жила съ дѣтьми у сына своего Даміана, бывшаго священникомъ въ г. Острогѣ [3]). Самъ Семеринъ былъ на службѣ князя Острожскаго (должно быть такъ называемымъ рукодайнымъ слугою) и сражался въ его войскахъ противъ козаковъ Косинскаго [4]). Но въ это время онъ является уже чело-

[1]) Историч. монограф., т. III, стр. 249.

[2]) Это лучше всего видно изъ письма Лободы къ коронному гетману отъ 11 января 1596 г.—Listy Zółk., стр. 65.

[3]) Костомаровъ. Моногр. т. III, стр. 258 и Кулишъ „Исторія возсоед. Руси“ т. 2, стр. 92.

[4]) Путешествіе Эриха Лассоты (русск. пер. Бруна), стр. 50.

вѣкомъ бывалымъ: онъ, по собственнымъ словамъ, съ юныхъ лѣтъ воевалъ по многимъ землямъ, подъ предводительствомъ козацкихъ гетмановъ [1]). Срокъ службы у Острожскаго кончился для Наливайка въ 1594 г., потому-что еще въ апрѣлѣ этого года онъ въ письмѣ къ коронному гетману называетъ Острожскаго своимъ паномъ и собираетъ войско съ его дозволенія [2]). Но 1-го іюля того-же года уже сносится съ запорожцами, какъ человѣкъ вольный, и выставляетъ имъ на видъ, что раньше не могъ служить имъ, потому что былъ на службѣ у Острожскаго [3]). Съ того времени и начинается извѣстность его въ исторіи. О Лободѣ извѣстно только, что онъ гетманствовалъ на Запорожьѣ еще до 1594 г. [4]).

Въ 1593 и 1594 г. турки вели войну съ цесаремъ Рудольфомъ II. Въ концѣ февраля мѣсяца 1594 г. отъ императора явился въ Польшу посолъ съ просьбой не пропускать татаръ въ Венгрію черезъ владѣнія Рѣчи Посполитой. Явился чаушъ и отъ султана—съ обратной просьбой. Сеймъ, пользуясь отсутствіемъ короля, который тогда уѣхалъ въ Швецію, на счетъ союза далъ обѣимъ сторонамъ уклончивый отвѣтъ; но о переходѣ татаръ черезъ польскія владѣнія отвѣтилъ прямо отрицательно [5]). Не смотря на это, въ апрѣлѣ разнесся слухъ, что татары двинулись на Украйну. Наливайко, какъ человѣкъ опытный въ военномъ дѣлѣ, сейчасъ-же, съ позволенія Острожскаго, у котораго состоялъ тогда на службѣ, собралъ около себя охотниковъ и отправилъ письмо къ Замойскому, прося его назначить мѣсто, гдѣ встрѣтить татаръ, и откуда брать съѣстные припасы; онъ просилъ Замойскаго, чтобы тотъ своими разпоряженіями санкціонировалъ ополченіе охотниковъ, такъ какъ у нихъ много враговъ, желающихъ выставить ихъ за шайку грабителей [6]). Неизвѣстно, отвѣчалъ-лй что-нибудь на это Замойскій, только Наливайко все таки погнался за татарами, ворвавшимися черезъ Покутье, и преслѣдуя ихъ до Теребовля, хотя и не помѣшалъ ихъ опустошеніямъ, но успѣлъ отбить все таки отъ 3 до 4 тысячъ лошадей. Татары на

---

[1]) Такъ сказано у Кулиша въ 2 т., стр. 58.
[2]) Listy Żółk., стр. 64.
[3]) Лиссота, стр. 50.
[4]) Ibidem, стр. 37.
[5]) Бѣльскій, стр. 212—213; Гейденшт. т. 2, стр. 321—322.
[6]) Listy Żółk, стр. 64.

несли страшный вредъ странѣ. Они взяли Снятынъ, Жуковъ, Товмачъ, Чешибисы[1]), Тысьменицу; часть населенія увели съ собою, часть поубивали; села, попадавшіяся на пути, обратили въ пепелъ. Замойскій и самъ было двинулся съ войскомъ, даже настигъ татаръ у Самбора, но татары обманули его и прошли въ Венгрію на помощь туркамъ[2]).

Рудольфъ II, не надѣясь получить никакой существенной помощи противъ турокъ отъ польскаго правительства, еще въ началѣ 1594 г. завелъ непосредственныя сношенія съ козаками, съ цѣлью побудить ихъ къ набѣгамъ на турецкія владѣнія. Сношенія эти велись черезъ шляхтича Хлопицкаго довольно успѣшно,—отчасти потому, что козаки и безъ того постоянно промышляли въ турецкихъ и татарскихъ владѣніяхъ. Благодаря внушеніямъ императорскаго агента, запорожцы весною 1594 г.[3]) на 50 чайкахъ отправились, въ числѣ 1300 съ гетманомъ Богданомъ Минкошинскимъ къ морю, съ цѣлью помѣшать переправѣ татаръ черезъ Днѣпръ у Очакова, при слѣдованіи въ Венгрію; этотъ послѣдній походъ, впрочемъ, кончился для нихъ безуспѣшно, благодаря присутствію около переправы турецкихъ галеръ.

Возвратившись лѣтомъ изъ этого похода на Запорожье, козаки застали тамъ новаго посланца отъ императора, силезца Эриха Ляссоту[4]), привезшаго имъ подарки отъ цесаря и пріѣхавшаго для заключенія условій относительно новыхъ походовъ.

---

[1]) Нынѣшній Езуполь, при впаденіи Быстрицы въ Днѣстръ.

[2]) Бѣльскій, стр. 215—224; Ляссота, стр. 50.

[3]) Современные польскіе хроникеры упоминаютъ еще о болѣе раннемъ походѣ козаковъ, именно о способѣ на Юргевъ (Джурджево), который они относятъ къ концу 1593 году. Въ прошломъ году во Львовѣ вышла брошюра подъ заглавіемъ „Справоздане дирекціи цесарско-королевской гимназіи академичной во Львовѣ на рокъ школьльный 1881—2 г.“, гдѣ помѣщена превосходная статья г. Заклинскаго „Зношеня цѣсаря Рудольфа II зъ козаками и ихъ участь въ войнѣ угорско-турецкой въ р. 1594 и 1595 г.“. Въ этой статьѣ г. Заклинскій съ большой основательностью доказалъ, что упомянутаго выше похода козаковъ на Джурджево не было, да и сношенія Рудольфа II съ козаками могли начаться не раньше начала 1594 г. („Справоздане“ и проч., стр. 7, 34—35.

[4]) О посольствѣ Ляссоты см. дневникъ его, а о Хлопицкомъ, кромѣ Дневника Ляссоты—Бѣльскій, стр. 210; Гейденшт. т. 2, стр. 323; Listy Żółkiewskiego, стр. 45—49, 59—60.

Переговоры на этотъ разъ пошли однако не совсѣмъ успѣшно. Козаки отказывались невозможностью воевать за столь незначительное вознагражденіе, какое предлагалъ имъ посолъ, указывая между прочимъ на неимѣніе лошадей для похода и на большія затраты, необходимыя для ихъ пріобрѣтенія. Тутъ явились на Запорожье 1-го іюля послы отъ Наливайка съ предложеніемъ доставить запорожцамъ 1500—1600 лошадей изъ числа отбитыхъ имъ при погонѣ за татарами, шедшими въ Венгрію,—съ условіемъ, чтобы честное рыцарство простило Наливайку участіе его въ войнѣ противъ нихъ, въ войскѣ князя Острожскаго, и приняло его въ свою среду. Для полнаго оправданія Наливайко предлагалъ лично явиться въ Сѣчь и доказать свою правоту, предоставляя запорожцамъ въ противномъ случаѣ отрубить ему голову его собственною саблею. Неизвѣстно, какъ именно состоялось примиреніе, но что оно состоялось, показываютъ послѣдующіе совмѣстные походы Наливайка съ его вольницею и запорожцами. Переговоры съ императоромъ затянулись: запорожцы отправили съ Эрихомъ Лассотою своихъ уполномоченныхъ въ Австрію для испрошенія большаго вознагражденія, а сами между тѣмъ не остались безъ дѣла.

Татаръ надо было ожидать обратно изъ Венгріи и принять мѣры къ предупрежденію могущихъ повториться опять опустошеній. Коронный гетманъ Замойскій, собравъ войско, расположился на границѣ съ Венгріей, чтобы встрѣтить татаръ при возвращеніи. Между тѣмъ снятынскій староста Николай Язловецкій задумалъ на собственныя средства составить отрядъ и напасть на оставленный безъ защиты Крымъ. Хотя правительство Рѣчи Посполитой обыкновенно строго запрещало частнымъ лицамъ нападать на татарскіе улусы и тѣмъ навлекать месть на государство, однако на этотъ разъ набѣгъ предпринимался съ вѣдома Замойскаго, который былъ озлобленъ на татаръ за причиненный ими вредъ и смотрѣлъ сквозь пальцы на предпріятіе Язловецкаго, сомнѣваясь только, чтобы для этого хватило частныхъ средствъ. Но Язловецкій, собственно говоря, хотѣлъ выслужиться на чужой счетъ: всю надежду онъ полагалъ на козаковъ, которыхъ пригласилъ на помощь къ нѣсколькимъ сотнямъ нанятаго имъ войска. Козаки, въ ожиданіи результата переговоровъ съ императоромъ, такъ сказать между дѣломъ, приняли предложеніе Язловецкаго и отправились съ нимъ въ походъ. Ихъ было

два отряда: запорожцы шли подъ предводительствомъ Лободы, а Наливайко съ своею вольницею. Но во время похода они, раздумавъ, оставили Язловецкаго и расположились въ Брацлавщинѣ. Язловецкій, „желая выслужиться чѣмъ-либо", какъ говоритъ Бѣльскій, направился къ Бѣлгороду. Но за козаками стали уходить и его собственные люди: каждый день уходило, говоритъ Бѣльскій, душъ по сту, такъ что Язловецкій остался наконецъ ни при чемъ и долженъ былъ со стыдомъ возвратиться. Эта неудача такъ подѣйствовала на него, что онъ умеръ отъ горя [1]).

Куда направились запорожцы съ Лободой, оставивъ Язловецкаго—неизвѣстно; вѣроятно ушли за пороги. Наливайко-же съ своимъ войскомъ пошелъ къ Брацлаву. Мѣщане, измѣнивъ старостѣ Юрію Струсю, впустили козаковъ въ городъ и замокъ. Тамъ, говоритъ Бѣльскій, козаки жили, какъ дома, приказывая окрестной шляхтѣ доставлять имъ квартиры и продовольствіе. Кто изъ шляхты не исполнялъ ихъ требованія, они нападали на его домъ и разоряли. Между прочимъ тутъ они разграбили имѣніе пана Калиновскаго, отнявшаго грунтъ у отца Наливайка. Король слалъ къ нимъ листы съ приказаніемъ разойтись и не чинить людямъ убытковъ, но они не обращали на то вниманія. Напротивъ, къ Наливайку приставало все больше и больше народу [2]).

Наконецъ Наливайко самъ освободилъ шляхту отъ страха: съ цѣлью оказать услугу императору, онъ направился на Килію. По дорогѣ напалъ на Тегинь (Бендеры) и занялъ ее. Козаки вырѣзали здѣсь большую часть турецкаго и татарскаго населенія, затѣмъ городъ сожгли. Кромѣ того козацкіе загоны разбѣжались по окрестностямъ, сожгли много селъ (до 500, по словамъ самого Наливайка, сказаннымъ, очевидно, не безъ хвастовства) и взяли въ полонъ до 4 тысячъ татаръ и турокъ обоего пола. Въ то время, какъ козаки съ добычей уже возвращались домой, Ааронъ, господарь молдавскій, съ семью тысячами волошскаго и турецкаго войска, погнался за ними и преслѣдовалъ ихъ до самаго Днѣстра, гдѣ они должны были переправ-

---

[1]) Бѣльскій, стр. 224—225; Гейденшт. т. 2, стр. 326, 327; что съ Язловецкимъ были и Лобода и Наливайко, а не одинъ который нибудь изъ нихъ, объ этомъ у Костомарова (Моногр. т. 3, стр. 257).

[2]) Бѣльскій, стр. 225; Архивъ юго-западной Россіи стр. 67.

ляться. Во время переправы онъ отнялъ у козаковъ всю добычу, при этомъ козаковъ погибло нѣсколько сотъ или даже до 1500. Наливайко удалился отъ Днѣстра съ угрозами отомстить господарю [1]).

Дѣйствительно, спустя очень немного времени, Наливайко исполнилъ свою угрозу. Соединившись съ Лободою, онъ двинулся въ Молдавію. Въ этомъ походѣ козаковъ было до 12 тысячъ. Было у нихъ 40 хоругвей и на двухъ изъ нихъ орлы цесарскіе; предводительствовалъ Лобода, а Наливайко былъ помощникомъ. Козаки перешли Днѣстръ подъ Сорокой и сожгли Цецору. Ааронъ, разбитый въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, бѣжалъ въ Волощину, а козаки тогда перешли Прутъ и явились въ господарскую столицу Яссы. Тутъ они награбили много разнаго добра, затѣмъ сожгли самый городъ и множество окрестныхъ селъ и съ громадной добычей къ осени вернулись въ границы королевства [2]).

Это было въ октябрѣ 1594 года. Наливайко опять отправился къ Брацлаву. Лобода тоже должно быть расположился гдѣ нибудь неподалеку, потому что въ ноябрѣ того-же года они стояли вмѣстѣ въ г. Барѣ. Въ Брацлавѣ назначены были въ то время судебные „роки“. Съѣхавшаяся шляхта, предупрежденная городовымъ писаремъ Байбузою, получившимъ отъ Наливайка угрожающее письмо, отложила суды и разъѣхалась по домамъ. Городской урядъ припялъ Наливайка и онъ поселился въ Брацлавѣ, требуя по прежнему *стацій* отъ окрестныхъ дворянъ, т. е. содержанія для себя.

Между тѣмъ шляхта, опомнившись отъ страха, возъимѣла намѣреніе продолжать суды. Пошли ободряющіе слухи, что козаковъ немного въ Брацлавѣ, что ихъ подъ Тегинью погибло до 1500 человѣкъ, а теперь многіе разошлись по домамъ и что стало быть Наливайко напрасно только пугаетъ ихъ. Расхрабрившаяся шляхта собралась опять ѣхать толпою въ Брацлавъ и съ дороги послала въ городъ пана Цурковскаго для объявленія козакамъ, что шляхта не желаетъ быть сочтена пособниками разбойниковъ и поэтому не только не будетъ больше давать *стацій*, но напротивъ сама ѣдетъ громадою въ городъ для расправы съ козаками; войту-же и и мѣща-

---

[1]) Заклинскій, Зношенія цѣсаря..., стр. 23.

[2]) Бѣльскій, стр. 225; Гейденштейнъ, т. 2, стр. 327.

намъ грозила наказаніемъ за потворство бунтовщикамъ. Козаки задержали Цурковскаго въ городѣ и когда шляхта, подъѣхавъ къ окрестностямъ Брацлава, остановилась въ ожиданіи посла, вдругъ почью Наливайко съ козаками, въ сообществѣ со всѣмъ городскимъ урядомъ и мѣщанами, напалъ на шляхетскую стоянку, побилъ и поранилъ шляхтичей и ихъ слугъ, забралъ деньги, документы, все имущество шляхетское и благополучно вернулся въ городъ. Шляхта записала 17 октября протестъ въ урядѣ гродскомъ луцкомъ и обратилась съ жалобою къ королю [1]). Король прислалъ отъ 1-го ноября универсалъ къ шляхтѣ, въ которомъ, упоминая о прежнихъ своеволіяхъ брацлавскихъ мѣщанъ, за которыя они не разъ приговаривались къ наказанію еще покойнымъ Стефаномъ Баторіемъ, поручалъ шляхтѣ произвести слѣдствіе объ ихъ недавнихъ разбояхъ въ сообществѣ съ Наливайкомъ, и нашедши виновныхъ, покарать ихъ по закону, въ особенности „thego Nalewaika“ [2])

Универсалъ этотъ не имѣлъ никакого дѣйствія, потому что уполномочивалъ шляхту сдѣлать то, что она и безъ того сдѣлала-бы, если-бы только имѣла средства; средствъ-же этихъ, въ видѣ напримѣръ вооруженной силы, универсалъ не давалъ.

Въ серединѣ ноября Наливайко двинулся далѣе внутрь страны, къ г. Бару, гдѣ былъ и Лобода съ Хлопицкимъ. Всѣ козацкіе отряды расположились вокругъ города, такъ что ни одинъ человѣкъ не могъ проникнуть ни туда, ни обратно, безъ вѣдома козацкихъ предводителей. Въ замкѣ шли у козаковъ совѣщанія, а кругомъ города, по селамъ, производились по обыкновенію грабежи и разбои. На окрестное населеніе, знакомое съ козацкими и жолнѣрскими постоями, напала паника: жители разбѣгались, паны отправляли свои семейства въ болѣе безопасныя мѣста, а сами собирали слугъ вокругъ себя, чтобы только избавиться отъ смерти. „Прошу вашу милость научить меня, что дѣлать; простой совѣтъ не окажетъ намъ помощи, потому, что мы не имѣемъ силъ для отраженія опасности“, писалъ къ коронному гетману Яковъ Претвичъ, староста Теребовельскій, одинъ изъ близкихъ къ Бару владѣльцевъ [3]). Князь Острож-

---

[1]) Архивъ, стр. 66—68.

[2]) Кулишъ, Матеріалы для исторіи возсоединенія Руси, т. I, стр. 20—21.

[3]) Listy Żółkewskiego, стр. 59—60.

скій, слыша о приближеніи къ его владѣніямъ козаковъ, выслалъ на развѣдки въ Меджибожъ слугу, который-бы слѣдилъ за ихъ движеніями. Хотя князь былъ въ личной перепискѣ съ Лободой, которую снисходительно поддерживалъ изъ боязни повторенія дѣла Косинскаго, и хотя Лобода, заискивая у Острожскаго, гарантировалъ безопасность его владѣній, тѣмъ не менѣе, когда разнесся слухъ о выступленіи козаковъ изъ Бара, Острожскій, въ письмѣ къ зятю, князю Радзивилу, выражаетъ желаніе, что-бы козаки уходили подальше отъ него: „пусть направляются куда угодно, лишь-бы Господь насъ отъ нихъ сохранилъ“ [1]).

Въ Барѣ козаки стояли до конца 1594 года и распускали слухи, что будто-бы опять намѣрены двинуться въ Волощину [2]); на самомъ-же дѣлѣ, въ началѣ слѣдующаго года они направились частію къ Винницѣ, частію къ Брацлаву,—„поближе къ Днѣпру“, какъ думалъ Острожскій.

Во время этого движенія Лобода взялъ у нѣкоей шляхтянки Оборской близкую родственницу ея и насильно заставилъ ее обвѣнчаться съ нимъ.

Козаковъ въ это время было до 12 тысячъ. Король въ отвѣтъ на многочисленныя жалобы на козацкія своеволія отправилъ за ними 2 тысячи войска. Острожскій выражалъ сомнѣніе въ письмѣ къ зятю, чтобы эта горсть могла что нибудь сдѣлать козакамъ, которымъ не въ состояніи были противостоять даже господари молдавскій и волошскій [3]). Что дѣлали эти 2 тысячи, неизвѣстно. Вѣроятно, согласно предположенію Острожскаго, они не осмѣлились вступить съ козаками въ дѣло.

---

[1]) Письма князя Острожскаго—въ приложеніи ко 2 т. „Исторіи возсоед. Руси“ Кулиша, стр. 431.

[2]) Костомаровъ (Моногр. т. 3, стр. 259), разсказывая объ этомъ, говоритъ, что о козакахъ одни говорили, будто-бы они идутъ къ Волохамъ, другіе—что *къ Черкесамъ;* надо *къ Черкасамъ*, а не *къ Черкесамъ* (въ письмѣ князя Острожскаго, откуда взялъ Костомаровъ это извѣстіе, говорится: *ku Czerkasom*, если только тутъ не поставилъ *a* по догадкамъ самъ издатель писемъ, г. Кулишъ). Далѣе у Костомарова приводится небывалый, кажется, фактъ, что козаки въ это время пограбили Волощину. Изъ писемъ Острожскаго ясно видно, что козаки только пускали слухъ, что идутъ въ Волощину, на самомъ-же дѣлѣ не пошли, а изъ Бара одни направились къ Брацлаву, другіе къ Винницѣ.

[3]) Кулишъ, т. 2, стр. 431 и 443.

Коронный гетманъ съ войскомъ, какъ было выше сказано, стоялъ лѣтомъ 1594 года, во время попытки Язловецкаго, на границѣ съ Венгріей, ожидая татаръ, которые должны были возвращаться домой черезъ польскія владѣнія. Простоявъ тамъ съ собравшимися около него панами до конца 1594 года, Замойскій получилъ извѣстіе, что татары прошли изъ Венгріи прямо черезъ Волощину, миновавъ польскія земли; поэтому въ январѣ 1595 года онъ уѣхалъ на сеймъ, а собравшіеся съ войскомъ паны разошлись [1]). На сеймъ въ началѣ 1595 года явились послы отъ цесаря, отъ папы, изъ Семиградіи и обоихъ румынскихъ княжествъ съ предложеніемъ союза противъ турокъ. Замойскій, зная по опыту, какъ трудно вести войну съ турками небольшими силами, противодѣйствовалъ заключенію союза, если къ нему не будутъ привлечены король испанскій и всѣ германскія государства. Шляхта, боясь новыхъ налоговъ, поддержала Замойскаго, и союзъ не состоялся, тѣмъ болѣе, что цесарь не могъ склонить къ нему испанскаго короля, занятаго въ это время войной съ Франціей [2]). Союзъ не состоялся, но княжества румынскія, вмѣстѣ съ Семиградіей, отпали отъ турокъ и, слѣдовательно, должна была начаться война, во время которой могли пострадать отъ татаръ пограничья Рѣчи Посполитой. Поэтому Замойскій съ войскомъ долженъ былъ двинуться на границу съ Молдавіей, къ Днѣстру. Онъ оповѣстилъ козаковъ, что теперь настало время заслужить прощеніе короля за прежнія преступленія и приглашалъ ихъ на помощь къ своему войску. Козаки сначала не хотѣли и требовали платы за участіе въ походѣ, но потомъ согласились; согласилась однако только часть ихъ, бывшая подъ предводительствомъ Лободы.

Изъ предыдущаго разсказа видно, что Лобода начальствовалъ надъ запорожцами, а Наливайко надъ вольницей, состоявшей изъ разнаго народу. Это подтверждаютъ и современные авторы. Гейденштейнъ напримѣръ прямо говоритъ (т. 2, стр. 363): „Лобода начальствовалъ надъ старыми, чистой расы, низовцами; Наливайко

[1]) Гейденштейнъ, т. 2, стр. 328. У Костомарова почему-то сказано, что Замойскій вернулся въ концѣ декабря 1594 года. Гейденштейнъ, какъ секретарь Замойскаго, долженъ былъ знать о возвращеніи своего принципала, кажется, въ точности.

[2]) Бѣльскій, стр. 227—228; Гейденштейнъ, т. 2, стр. 329—340.

имѣлъ подъ собой самихъ преступниковъ и бѣглыхъ, людей жестокихъ, но отважныхъ". Хотя Наливайко и помирился съ запорожцами и дѣлалъ вмѣстѣ съ ними набѣги, но или запорожцы не хотѣли, составляя нѣкоторымъ образомъ извѣстное войско, смѣшиваться со сбродомъ Наливайка, или поссорились сами предводители, потому что Наливайко, какъ видно, былъ честолюбивъ, а ему не давали первой роли [1]),—только въ февралѣ 1595 г. козацкое войско раздѣлилось: низовцы, подъ предводительствомъ Лободы, слѣдуя призыву Замойскаго, двинулись 21 февраля изъ Брацлава на помощь коронному войску, а Наливайко со своими козаками расположился въ Острополѣ, по сосѣдству съ княземъ Константиномъ Константиновичемъ Острожскимъ. Князя въ это время не было на Волыни; онъ былъ въ своемъ полѣсскомъ имѣніи Туровѣ и оттуда въ письмѣ къ Радзивилу выражалъ опасенія на счетъ безопасности своихъ маетностей въ виду присутствія козаковъ: „панъ Лобода, писалъ Острожскій, желая пріязни со мной, велъ себя спокойно относительно меня и моихъ подданныхъ, а этотъ „łotr" Наливайко, отставши отъ другихъ, въ числѣ 1000 человѣкъ гоститъ теперь въ маетности моей Острополѣ... Другаго Косинскаго насылаетъ на меня Господь Богъ!..." [2]).

Опасенія Острожскаго однако не оправдались: „погостивъ" въ Острополѣ, Наливайко съ своими козаками отправился черезъ Семиградію въ Венгрію на службу къ Эрцгерцогу Максимиліану. Но здѣсь онъ былъ не долго и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, съ огромной добычей, вернулся черезъ Самборъ на родину [3]). Объ этой своей заграничной службѣ самъ Наливайко писалъ къ королю слѣдующее: „не имѣя дома дѣла, а праздно жить не привыкши, мы, по письму нъ намъ христіанскаго цесаря, пустились въ цесарскую землю, гдѣ не за деньги, а по собственной охотѣ своей рыцарской, прослужили не мало времени; но узнавъ, что семиградскій воевода заводилъ козни противъ гетмана, не захотѣли мы оставаться болѣе въ той землѣ и не посмотрѣли ни на какіе подарки". Иностранные-же хроникеры передаютъ, что козаки просто оказались нестер-

---

[1]) Гейденштейнъ, т. 2, стр. 363.

[2]) Приложеніе ко 2 т. „Исторіи возсоединенія Руси" Кулиша, стр. 345.

[3]) Гейденшт. т. 2, стр. 463.

пимыми грабителями и потому нѣмцы постарались скорѣе препроводить ихъ въ Польшу [1]).

Вернувшись изъ Венгріи, Наливайко явился опять на Волыни и первый-же городъ, лежавшій на дорогѣ—Луцкъ, подвергъ опустошенію. Козаки явились туда во время ярмарки и такъ разграбили, что король, по просьбѣ пострадавшихъ, особымъ листомъ приказалъ луцкому „поборцѣ“ Николаю Семашку не взыскивать съ нихъ чоповаго, впредь до дальнѣйшей королевской инструкціи [2]).

Изъ Луцка Наливайко направился въ Бѣлоруссію; онъ напалъ на городъ Слуцкъ, бывшій во владѣніи Іеронима Хоткевича, каштеляна виленскаго. Городъ съ замкомъ былъ взятъ и поступилъ въ распоряженіе козаковъ; но тутъ Наливайко услыхалъ, что на него готовитъ войско гетманъ литовскій и потому не остался въ Слуцкѣ, а взявъ изъ замка 12 самыхъ лучшихъ пушекъ, 80 гаковницъ и 700 рушницъ, да съ жителей окупу 5000 копъ литовскихъ, поспѣшилъ убраться оттуда и пошелъ далѣе въ Бѣлоруссію, къ Могилеву [3]).

Здѣсь замокъ былъ довольно надежный, такъ что жители заперлись и начали было защищаться. Козаки осадили городъ и 30 ноября взяли штурмомъ. Обозленные сопротивленіемъ, они творили страшныя жестокости. „Мѣсто славное Могилевъ, говоритъ лѣтописецъ, мѣсто побожное, домы, крамы, острогъ выжгли; всехъ яко 500, а крамовъ зъ великими скарбами 400. Мещанъ, бояръ, людей учтивыхъ, такъ мужей, яко и жонъ, детей малыхъ побили, порубали, попоганили; скарбовъ тежъ незличоныхъ побрали съ крамовъ и зъ домовъ“ [4]). Такъ неистовствовали козаки впродолженіе двухъ недѣль. Наконецъ къ Могилеву подошло литовское войско, подъ начальствомъ Криштофа Радзивила, воеводы виленскаго, гетмана литовскаго. Съ нимъ было войско литовскихъ пановъ, всего числомъ до

---

[1]) Кулишъ, т. 2, стр. 81.

[2]) Чоповое—питейный сборъ. О нападеніи на Луцкъ см. Бѣльск., стр. 253; Гейденшт. т. 2, стр. 363; Арх. юго-зап. Руси, стр. 69.

[3]) Бѣльскій, стр. 253—254.

[4]) Кулишъ. Матер. для истор. возсоед. Руси т. I, стр. 64—65. Здѣсь напечатана рукопись, хранящаяся въ московской синодальной библіотекѣ подъ № 790, съ печатнымъ заглавіемъ на корешкѣ: „Лѣтописецъ вкратцѣ“ и названная г. Кулишомъ *Боркулабовской хроникой*, по мѣсту составленія—г. Боркулабову.

14 тысячъ, да татаръ 4 тысячи. Козаки заперлись въ разоренномъ Могилевѣ, но не могли долго усидѣть. Мѣщане, чтобы избавиться отъ нихъ какимъ-бы то ни было образомъ, зажгли замокъ и козаки принуждены были защищаться инымъ способомъ. Они вышли на сосѣднюю гору, Илинскую, и укрѣпились. Тутъ ихъ окружила литва съ татарами, расположившись на полѣ Буйницкомъ, имѣніи князя Богдана Соломерецкаго, кричевскаго и олучицкаго старосты. Сраженіе продолжалось цѣлый день, но литовское войско не могло причинить вреда козакамъ, потому что у нихъ было много пушекъ, гаковницъ, полгаковъ и иного оружія; кромѣ того позиція ихъ была очень выгодна для защиты. Потомъ козаки, спустившись съ горы, начали уходить такъ стройно, что войско литовское и тутъ не могло имъ повредить.

Козаковъ, уходившихъ таборомъ, литовцы преслѣдовали до Рогачева, затѣмъ вернулись въ Могилевъ и разграбили до тла все, что только могло остáться отъ пожара и козаковъ. Далѣе „литва и татары рушилися до Менска, до Новгорода и до Вильны, набравшися тутешнего краю лупу“ [1]). Изъ Рогачева Наливайко въ концѣ января 1596 г. возвратился на Волынь [2]).

Между тѣмъ Лобода съ запорожцами отправился было на помощь къ коронному гетману. Объ этомъ его походѣ никакихъ точныхъ свѣдѣній не имѣется. Послѣднее напечатанное письмо Лободы къ Острожскому относится къ 23 февраля 1595 года и писано имъ по выступленіи изъ Брацлава, съ дороги [3]). Послѣ этого до 11 января слѣдующаго года, когда Лобода находился въ Овручѣ и оттуда писалъ къ Замойскому [4]), нѣтъ никакихъ документовъ. Что касается цитуемыхъ нами авторовъ, то они говорятъ объ этомъ очень неопредѣленно. Вотъ что можно извлечь изъ нихъ.

Пока Замойскій дошелъ до молдавской границы, дѣла этого княжества сложились такъ, что потребовалось вмѣшательство поляковъ. У господаря Аарона была наемная венгерская дружина, начальникомъ которой былъ нѣкій Розванъ. Онъ измѣннически

---

[1]) Кулишъ. Матер. т. 1, стр. 65, изъ Боркулаб. хроники.
[2]) Гейденшт. т. 2, стр. 363.
[3]) Прилож. къ 2 т. „Ист. возсоед. Руси“ Кулиша, стр. 435.
[4]) Listy Żółk., стр. 65.

схватилъ господаря и съ семействомъ отправился къ семиградскому князю Сигизмунду Баторію, а самъ на правахъ его намѣстника сталъ управлять Молдавіей. Но тамошніе бояре были недовольны имъ и обратились къ Замойскому съ просьбой поставить имъ господаря отъ имени короля польскаго и защитить ихъ отъ турокъ. Исполняя просьбу, гетманъ вошелъ въ Молдавію, поставилъ на господарство Іеремію Могилу и расположился затѣмъ у Цецоры, близъ Днѣстра, въ ожиданіи татаръ. У Замойскаго было всего до семи тысячъ войска, потому-то онъ и обратился къ козакамъ. Лобода потянулъ къ нему, какъ выше сказано, но предпринялъ этотъ походъ единственно съ цѣлью пограбить. Дѣйствительно, козаки подошли къ Тегини и разсыпались опустошать окрестности. Тогда гетманъ, видя, что отъ нихъ больше вреда, чѣмъ пользы, объявилъ, что если они не уйдутъ и не будутъ сидѣть спокойно, то онъ будетъ поступать съ ними, какъ съ непріятелемъ. Послѣ этого Лобода вернулся въ украинныя воеводства, гдѣ и застаемъ его въ началѣ 1596 г. Замойскій-же, благодаря счастливому случаю, отвратилъ отъ Молдавіи грозу со стороны турокъ и заключилъ съ ними выгодный для Польши миръ, по которому Могила былъ признанъ господаремъ, въ вассальной зависимости отъ Польши. Затѣмъ Замойскій уѣхалъ зимою въ Польшу, оставивъ одну часть войска Могилѣ, другую-же двинулъ подъ начальствомъ польнаго гетмана Жолкевскаго на Украину, гдѣ въ началѣ 1596 года уже завязалась „трагедія“ съ козаками[1]).

III.

Подготовка уніи и отношеніе къ ней дѣйствій Наливайка на Волыни.—Братья Наливайка въ маетностяхъ епископа Кирилла Терлецкаго и пана Семашка.—Войско Лободы въ кіевскомъ воеводствѣ и прикрывавшіеся именемъ этого войска.—Савула.—Предписаніе короля Жолкевскому и универсалъ къ шляхтѣ противъ козаковъ.—Движеніе Наливайка изъ Волыни къ Брацлаву.—Брацлавщина.—Преслѣдованіе Жолкевскимъ Наливайка до „дикихъ полей“.—Сношенія Наливайка съ Жолкевскимъ и Лободою, и Лободы съ Жолкевскимъ.—Возвращеніе Савулы въ Кіевъ изъ Бѣлой Руси и соединеніе съ Лободою.—Сасько и Рожинскій.—Соединеніе всѣхъ козацкихъ отрядовъ у Бѣлой Церкви.—Сраженіе при Бѣлой Церкви и въ урочищѣ Острый Камень.—Переходъ козаковъ на лѣвую сторону Днѣпра.—Несчастье съ полкомъ Кремпскаго въ Каневѣ.

Возвратившись изъ Бѣлой Руси на Волынь, Наливайко расположился опять въ имѣніяхъ кн. Острожскаго. Но на этотъ разъ

[1]) Бѣльскій, стр. 235—251, 253; Гейденштейнъ, т. 2, стр. 344—359.

князь не протестуетъ противъ присутствія такого „гостя“, потому что оно даже было ему на руку.

Какъ извѣстно, 1595-й и половина 1596 года были временемъ подготовки къ офиціальному объявленію уніи, состоявшемуся на соборѣ въ Брестѣ осенью 1596 года. Епископы Кириллъ Терлецкій и Ипатій Потій уѣхали въ Римъ въ 1595 году и въ началѣ слѣдующаго еще не возвратились. Князь Константинъ Константиновичъ сталъ на сторону угрожаемаго православія. Какіе мотивы побуждали его явиться ярымъ противникомъ уніи, здѣсь не мѣсто обсуждать. Для насъ остается только фактъ, что князь Острожскій пользовался всѣми средствами, какія только были у него подъ руками, чтобы уничтожить, или по крайней мѣрѣ затормозить предпріятіе сторонниковъ уніи. Зная непріязнь князя къ дѣятелямъ уніи, Наливайко и его вольница не замедлили воспользоваться ею въ довольно обширныхъ размѣрахъ. Сейчасъ-же шайки своевольныхъ людей обратились на имѣнія лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу уніи, и подвергли ихъ полному опустошенію, пользуясь не только безнаказанностью, но даже покровительствомъ урядниковъ владѣній Острожскаго. Нельзя обвинять князя Острожскаго въ прямомъ подстрекательствѣ козаковъ къ грабежамъ, да это было-бы и излишне. Наливайко былъ слишкомъ тонкій человѣкъ и съ слишкомъ большимъ чутьемъ къ безнаказанной поживѣ для того, чтобы нуждаться въ подстрекательствѣ, когда обстоятельства указываютъ дорогу. Но что князь зналъ о насиліяхъ и не давалъ управы по жалобамъ потерпѣвшихъ, смотрѣлъ сквозь пальцы, потворствовалъ расправѣ козаковъ, объ этомъ прямо говорятъ акты [1]). Нельзя въ этомъ случаѣ смотрѣть на письмо Острожскаго къ зятю [2]), въ которомъ онъ отрицаетъ свое участіе въ подстрекательствѣ Наливайка, какъ на документъ, оправдывающій князя съ внутренней, а не съ формальной стороны. Письмо это не было откровеннымъ сознаніемъ близкому человѣку въ интимной перепискѣ. Оно было разсчитано на многочисленную вліятельную публику, съ которой зять будетъ говорить о тестѣ. Интересно кромѣ того участіе въ наѣздахъ козацкихъ брата Наливайка, острожскаго священника Дамьяна. Ни до, ни послѣ этихъ именно

[1]) Арх. юго-зап. Руси, ч. III, т. 1, стр. 76, 99, 135, 137.

[2]) Прилож. ко 2 т. Кулиша, стр. 438.

наѣздовъ, онъ не состоялъ въ вольницѣ брата; слѣдовательно участвовалъ въ ея поискахъ не въ силу присущей тогда всякому ненависти къ панамъ-притѣснителямъ; очевидно, имъ руководили религіозныя побужденія, а вмѣстѣ и желаніе подслужиться князю, или разсчетъ на его покровительство. Такъ или иначе, только Острожскій не называлъ уже Наливайка вторымъ Косинскимъ. Наливайко выѣзжалъ на грабежи изъ княжескихъ имѣній [1]) и возвращался туда-же; а княжескіе урядники не преслѣдовали его судомъ по жалобамъ потерпѣвшихъ.

Въ февралѣ мѣсяцѣ Наливайко, съ братомъ Дамьяномъ, сдѣлалъ набѣгъ на владѣнія Яроша Терлецкаго, брата уѣхавшаго въ Римъ епископа Кирилла. Къ нимъ пристали люди, лично не расположенные къ Терлецкимъ: сосѣдъ по имѣнію Павелъ Кмита, слуга епископа Флоріянъ Гедройтъ и другіе; они показывали дорогу въ села, принадлежавшія Терлецкому. Сначала ограбили имѣнье Дубую, потомъ Отовчичи. Дворы „зобрали, злупили и сплондровали; врядника, слуги, челядь побили, поранили; злото, сребро, права, привиля, листы важные, мамрамы на долги и иншие на маетности и справы пилные, кони ездъные и вшелякое забране, отъ мала до велика, побрали и полупили и съ тымъ укрываючися по некоторыхъ домехъ шляхетскихъ, уѣхали до мѣста княжати его милости, пана воеводы киевского, Степаня“ [2]).

Затѣмъ досталось и маетностямъ самого епископа. „Часу отеханя до Рыму, черезъ непріятелей внутрънихъ и сваволенство козацкое людей злыхъ, маетность его милости въ краю Пинскомъ вся забрана, злуплена и розпрошона“. Въ самомъ Пинскѣ, у нѣкоего мѣщанина Григорія Крупы хранились „мамрамы“ епископскія, ризница его и всѣ „коштовные обряды и апараты епископьи“, отданные этому мѣщанину на храненіе въ отсутствіе епископа. Наливайко, вѣроятно по указанію людей, прежде близкихъ къ Терлецкому, напалъ на домъ Крупы и забралъ всѣ имущества, принадле-

---

[1]) Почему-то Костомаровъ (Мон. т. 3, стр. 265—266) наѣзды Наливайка съ братомъ и съ Гедройтомъ на имѣнія братьевъ Терлецкихъ относитъ къ возвращенію Наливайка изъ Бѣлоруссіи: ограбили де-скать по дорогѣ. Акты (Арх., стр. 78) прямо говорятъ, что выѣзжали они изъ имѣній кн. Острожскаго.

[2]) Архивъ юго-зап. Руси, стр. 77.

жавшія епископу [1]). Впослѣдствіи, когда слуги Терлецкаго, шляхтичи Олизаровскій и Гротъ, явились въ Острогъ и на основаніи королевскаго листа требовали у тамошняго княжескаго старосты Ждана Боровицкаго выдачи епископскаго слуги Гедройта, то Боровицкій, по словамъ Олизаровскаго, ихъ „до двора своего, яко-бы якихъ лотровъ привелъ и разобравши зъ оденя, постронками бити хотѣлъ", потомъ „до турмъ местскихъ розно посажалъ, и въ ней за сторожью день и ночъ голодомъ морячи, у везеню держалъ" и затѣмъ, какъ преступниковъ, отослалъ въ гродскій судъ, въ Кременецъ [2]).

Кромѣ Терлецкихъ, наѣзды направлялись на владѣнія другаго дѣятеля уніи въ томъ краѣ, пана Александра Семашка, старосты луцкаго, каштеляна брацлавскаго. Въ этихъ наѣздахъ попу Наливайку помогали уже другія лица, тоже вѣроятно личные враги Семашка. Тутъ фигурируетъ даже *князь* Петръ Вороницкій, собравшій сотню и грабившій съ нею самостоятельно. 17 февраля попъ Дамьянъ Наливайко, князь Петръ Вороницкій и шляхтичъ Гулевичъ напали съ отрядомъ вооруженныхъ людей сначала на мѣстечко Тучинъ, потомъ на село Коростятинъ, маетности Семашка, и произвели страшное опустошеніе: ограбили имущества, какъ господскія, такъ и крестьянскія, насиловали женщинъ, крестьянамъ отрѣзывали уши и мучили другими способами. Приведемъ здѣсь нѣсколько небольшихъ выдержекъ изъ реестра убытковъ, причиненныхъ въ Тучинѣ и Коростятинѣ, исчисляющаго просто, безъ всякихъ иллюстрацій, „шкоды", причиненныя „людьми своевольными"; онѣ дадутъ понятіе о безобразіяхъ, творившихся въ этихъ мѣстахъ шайками Наливайка. Исчисляя имущества, забранныя у крестьянъ, реестръ говоритъ напримѣръ: „у Рубина взяли ермякъ синій, люнский, взяли сокѣру и гусевъ семъ, и вепра, и лезиво ременное, и пенязей сто грошей литовскихъ, бчолы двое выдрано, и самого збили, и косы две, и шлякъ узялы, и три разы его мучили, стрелами руки кололи"; „у Гуменника клячу взяли, и ухо урезали, и копенякъ узято"; „Деревяци клячу взели, шапокъ две, ложникъ новий, сермягу, невесткамъ двомъ кгвалтъ учинили. Савостьянови

[1]) Архивъ, стр. 133.
[2]) Ibidem, стр. 137.

коня взяли и кожухъ, и жонѣ его кгвалтъ учинено. Боскови жонѣ его кгвалтъ учинено"; „у Парфена седло зъ войлокомъ, кошуль две, и сынови его уха урѣзано, и збито и змордовано самого, и на дорозе его покинули..." и проч. Въ господскихъ дворахъ брали больше и лошадей хорошихъ породъ, „меды и иные напое", но конечно не пропускали и прочихъ вещей. Все награбленное имущество Вороницкій и Гулевичъ увозили въ свои маетности, а попъ Наливайко въ Острогъ, гдѣ пользовался защитой мѣстнаго уряда [1]). Такъ когда въ Острогъ явился возный съ шляхтой-понятыми, чтобы отобрать лошадей, взятыхъ Дамьяномъ въ Коростятинѣ, то этотъ послѣдній съ угрозами прогналъ его. „Кгды есми хотелъ, говоритъ возный, тые вси кони личковати, тогды тотъ попъ Острозскій, братъ Наливайковъ, самъ мне около губы почалъ кивати и до кия порвался". Возный обратился къ содѣйствію старосты Боровицкаго, но онъ, вмѣсто помощи, отвѣчалъ возному: „ражу вамъ, уеждчайте оттоль прочъ, бо всѣ погинете!" и мы, говоритъ возный, „мусели ночю прочъ уеждчати" [2]).

Приведенные случаи грабежей и насилій, можно думать, были не единственными. Къ Наливайку приставало множество слугъ, хлоповъ, и вся эта вольница должна-же была гдѣ нибудь помѣщаться и кормиться. Они мелкими шайками, въ родѣ сотни князя Вороницкаго, разсыпались по селамъ и мѣстечкамъ и вездѣ чинили насилія, подобныя только что описаннымъ.

Въ то-же самое время, въ январѣ и февралѣ 1596 года, войско поступало такимъ-же образомъ въ кіевскомъ воеводствѣ. Собственно козаки, бывшіе въ войскѣ, вели себя теперь нисколько не хуже и не своевольнѣе, чѣмъ когда-бы то ни было въ другое время. Они собирали только *стацію*, съ тѣми-же обычными пріемами, какіе употреблялись въ этихъ случаяхъ всегда и ими, и жолнѣрами. Характерно очень письмо Лободы къ коронному гетману отъ 11 января 1596 г., въ которомъ онъ выражаетъ свой взглядъ на это дѣло. „Ваша милость пишешь къ намъ и приказываешь, писалъ Лобода, не входить въ границы великаго княжества литовскаго, къ Мозыру, и товарищей не пускать; не требуешь отъ насъ

---

[1]) Архивъ, стр. 86—98.

[2]) Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. 1, стр. 99.

услугъ великому княжеству литовскому и всей Рѣчи Посполитой, указывая на миръ со всѣхъ сторонъ, со всѣми непріятелями короны польской. За это да будетъ хвала Господу Богу, за такой миръ люду христіанскому, что онъ смягчилъ сердце каждому непріятелю креста святаго. Но мы, если пришли въ этотъ край, то причина этого для всякаго очевидна:... въ это зимнее непогодное время, когда насъ никуда не требуешь на услугу, Богъ знаетъ, куда намъ направиться; поэтому покорно и униженно просимъ, благоволи *не заборонять намъ хлѣба-соли*“ [1])... Эту хлѣбъ-соль козаки добывали обычнымъ способомъ, дѣлая наѣзды на сосѣднія села и забирая насильно все, что только попадалось подъ руку годнаго. Но къ войску очень много пристало сброду, для котораго грабежъ былъ ремесломъ, и много крестьянъ, ушедшихъ отъ панскаго гнета и потому готовыхъ мстить своимъ угнетателямъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Наконецъ именемъ и силою войска Лободы прикрывались авантюристы изъ шляхты, составлявшіе отряды съ цѣлью грабежа, или тѣ изъ дворянъ, которые хотѣли воспользоваться случаемъ для мести своимъ личнымъ врагамъ. Акты приводятъ примѣры такихъ людей, злоупотреблявшихъ именемъ Лободы и козаковъ. Такъ напримѣръ шляхтичъ Андрей Ганскій подговаривалъ другаго шляхтича, Остафія Слуцкаго, чтобы онъ назвался сотникомъ войска гетмана Лободы. Самъ Ганскій назвался атаманомъ. Они собрали толпу и шли къ войску Лободы просить у него на подмогу людей, чтобъ вмѣстѣ съ ними сдѣлать наѣздъ на одного шляхтича кіевской земли, которому хотѣли отомстить „за ниякось побране почту своего“. Но по дорогѣ напали на село Коростятинъ, маетность Семашка. Здѣсь имъ однако не посчастливилось: сотникъ Остафій Слуцкій былъ убитъ, а Ганскій съ товарищами попалъ въ плѣнъ и былъ впослѣдствіи казненъ по приговору луцкаго гродскаго суда [2]). Другой примѣръ: подданные замка Межиричъ и окрестныхъ селъ, гдѣ старостою былъ Янъ Скотницкій, собрались подъ начальствомъ мѣщанина Гуменицкаго и называя себя сотнею гетмана Лободы, напали на замокъ Хунковъ, все того-же Семашка, и на его-же села и „чинили кгвалты

[1]) Listy Żółk., стр. 65.

[2]) Архивъ, стр. 106—129.

бѣлымъ головамъ (т. е. женщинамъ), бои, морды (истязанія) людямъ невиннымъ", угнали множество лошадей и рогатаго скота. Когда-же возный явился въ замокъ Межиричи и, увидѣвъ тамъ весь награбленный скотъ, хотѣлъ „личковать" его, то былъ избитъ и выгнанъ урядникомъ и евреемъ-арендаторомъ [1]).

Въ то время, какъ это происходило на Волыни и въ Подоліи, часть козаковъ, подъ начальствомъ Савулы, сдѣлала экскурсію въ Литву и Бѣлую Русь, по примѣру Наливайка [2]). Объ этой экскурсіи нѣтъ подробностей, но по всей вѣроятности тамъ повторялось то-же, что и на Волыни. Козаки ушли туда должно быть потому, что тамъ „хлѣбъ-соль" была непочата.

Сумма безпорядковъ, творившихся Наливайкомъ, Лободою и Савулою, вызвала наконецъ серьезное опасеніе со стороны правительства. Король предписалъ польному гетману Станиславу Жолкевскому двинуться съ войскомъ изъ Молдавіи на усмиреніе украинныхъ воеводствъ. Въ то-же время онъ издалъ универсаль къ шляхтѣ этихъ воеводствъ, приглашая ее соединиться съ войскомъ гетмана и совокупными силами идти на козаковъ. „Тотъ-же запалъ, писалъ король, уже праве до упреймости и верностей вашихъ доходитъ, которому кгды-бы ся не забежало, тожъ-бы ся, чого не зычимо, маетностямъ, деткамъ, жонамъ и самымъ-же упреймостямъ и верностямъ вашимъ одъ тыхъ своволныхъ людей деяло, што ся по тые часы вашой брати другой, звлаща при Украйне, стало" [3]). Листъ королевскій Жолкевскій получилъ въ февратѣ 1596 года. Не медля ни минуты, онъ двинулся къ Кременцу. У гетмана было очень немного войска, да и то истомленное молдавскимъ походомъ и давно не получавшее жалованья. Жолнѣры съ неохотой повиновались распоряженіямъ своихъ начальниковъ. Съ такими силами Жолкевскій не отваживался предпринимать что-нибудь рѣшительное и, разославъ письма къ воеводамъ волынскому и кіевскому и другимъ лицамъ, ждалъ вспомогательныхъ отрядовъ и осаждалъ Замойскаго письмами о жалованьи жолнѣрамъ [4]).

---

[1]) Архивъ, стр. 101.

[2]) Гейденштейнъ, т. 2, стр. 363.

[3]) Архивъ, стр. 84.

[4]) Гейденштейнъ, т. 2, стр. 363—364; Listy Żołkiewskiego, стр. 67—68.

Услышавъ о приготовленіяхъ польнаго гетмана, Наливайко двинулся изъ Волыни въ брацлавское воеводство, но не очень спѣшилъ, говоритъ Гейденштейнъ, потому что зналъ, что хоругви сходятся къ гетману медленно, а безъ нихъ Жолкевскій не осмѣлится напасть на него. Онъ разсчитывалъ остановиться въ Лабунѣ [1]) и подождать здѣсь, пока соберутся всѣ купы, которыя разбрелись на поживу по сосѣднимъ селамъ и мѣстечкамъ, а затѣмъ идти къ Брацлаву, гдѣ населеніе было къ нему очень расположено.

Здѣсь не лишне замѣтить, что въ Брацлавщинѣ козачество находило столь-же благопріятную почву для своего развитія, какъ и въ Поднѣпровьѣ. Это обусловливалось географическимъ положеніемъ Брацлавщины: она, какъ пограничье, такъ-же часто имѣла дѣло съ татарами, какъ и другія, сосѣднія съ ними области. Населеніе Брацлавщины, не имѣя возможности окозачиться по разнымъ причинамъ, тѣмъ не менѣе всегда тяготѣло къ козакамъ. Достаточно припомнить пребываніе Наливайка въ Брацлавѣ въ 1594 году, когда въ насиліяхъ надъ шляхтою ему помогали не только мѣщане, но и самъ муниципалитетъ, чтобы видѣть, что козаки, или всякая вольница, называвшая себя такъ и поступавшая покозацки, были дорогими гостями въ Брацлавѣ.

Сюда-то и стремился Наливайко по старой памяти. Но разсчеты его не удались. Жолкевскій, зная всю трудность расправы съ Наливайкомъ, если-бы онъ засѣлъ въ Брацлавѣ, рѣшилъ во чтобы то ни стало отрѣзать его отъ этого мѣста. Посему онъ, не ожидая подкрѣпленій, съ наличнымъ войскомъ двинулся къ Лабуню.

Это было въ концѣ февраля. Жолкевскій подошелъ къ Лабуню такъ неожиданно, что Наливайко и не подозрѣвалъ близости поляковъ. Вольница его не была въ сборѣ. Здѣсь, доносилъ потомъ Жолкевскій Замойскому, навѣрное-бы досталось козакамъ, если-бы ихъ не предупредилъ нѣкій Плоскій, бывшій сначала съ своею ротою въ польскомъ войскѣ, но потомъ перешедшій къ козакамъ, когда его рота, въ числѣ другихъ была отпущена за недостаткомъ жалованья [2]). Благодаря Плоскому, Наливайко ушелъ изъ Лабуня и направился къ Острополю. Войско его шло въ разбродъ, по разнымъ

[1]) Лабунъ—нынѣ мѣстечко заславскаго уѣзда, волынской губерніи.

[2]) Listy Żółk., стр. 71.

деревнямъ. Жолкевскій двинулся за нимъ. Въ селѣ Мацеіовицахъ, между Лабунемъ и Острополемъ, передовой отрядъ польскаго войска 2 марта наткнулся на двѣ сотни козаковъ, подъ начальствомъ сотниковъ Марка Дурнаго и Татаринца, числомъ до 500 человѣкъ. Не смотря на то, что козаки сильно подпили, выпивъ цѣлую бочку горилки у арендатора, они все таки стали бодро защищаться, такъ что поляки, не будучи въ состояніи съ ними справиться, „подкурили“ ихъ: зажгли село и козаки погибли въ пожарѣ и сраженіи [1]).

Другой отрядъ встрѣтилъ козаковъ въ селѣ Чернавѣ; тутъ они стояли „на чатахъ“ и однако-же не замѣтили приближенія поляковъ; было ихъ три хоругви. Началось сраженіе. Поляки не могли причинить вреда козакамъ, заставили ихъ только отступить къ Острополю. Въ Острополѣ Наливайко не остановился, а прошелъ далѣе и направился къ Пикову. Жолкевскій, перепочевавъ въ селѣ Райкахъ, подъ самымъ Острополемъ, и не давъ отдохнуть жолнѣрамъ, пустился преслѣдовать козаковъ. Жолнѣры, не смотря на изнуреніе, очень усердно опустошали проходимыя села, забирали все, что оставалось отъ козаковъ, такъ что послѣ прохода ихъ ни въ одномъ селѣ нельзя было найти ни одной лошади [2]). Козаки шли къ Пикову день и ночь. Отдохнувъ въ Пиковѣ, они двинулись далѣе, прямо къ Брацлаву. Теперь уже они собрались и шли вмѣстѣ „sprawą wielką“, въ таборѣ имѣли до 20 пушекъ и много гаковницъ: къ каждой пушкѣ Наливайко приказалъ приковать пушкаря; пороху и ядеръ тоже у нихъ было достаточно. Жолкевскій съ войскомъ пришелъ въ Пиковъ всего нѣсколькими часами послѣ ухода оттуда козаковъ. Здѣсь онъ узналъ, что Наливайко двинулся къ Брацлаву и что изъ Пикова еще онъ отправилъ туда посланца съ письмомъ.

Надо было Жолкевскому или опередить козаковъ и занять Брацлавъ, или заставить ихъ какъ нибудь свернуть съ дороги. Гетманъ, оставивъ ненужные возы и фургоны, затруднявшіе движеніе, бросился за козаками и нагналъ ихъ надъ р. Ольшанкой. По однимъ извѣстіямъ здѣсь произошло сраженіе, по другимъ—

---

[1]) Бѣльскій, сор. 262, Гейденштейнъ, т. 2, стр. 364; Письма князя Острожскаго—Кулишъ, т. 2, стр. 437.

[2]) Письмо Острожскаго. Кулишъ, т. 2, стр. 438.

нѣтъ, потому что ночь помѣшала [1]). Послѣ этого самъ Наливайко раздумалъ идти къ Брацлаву. Не получая оттуда отвѣта на свое письмо [2]), онъ опасался измѣны и потому повернулъ въ такъ называемыя дикія поля, которыя тогда начинались за р. Собомъ. Дошедши до Синихъ Водъ, онъ остановился, такъ какъ Жолкевскій здѣсь не могъ его преслѣдовать, — онъ не имѣлъ съ собою фургоновъ и запасовъ, а въ степи ихъ раздобыть было нельзя,— не было селъ, которыя можно было-бы грабить; кромѣ того въ польскомъ войскѣ захромало отъ быстрыхъ переходовъ множество лошадей [3]).

Стоя у Синихъ Водъ, Наливайко завелъ сношенія съ одной стороны съ Жолкевскимъ, съ другой—съ Лободою. До сихъ поръ войско Лободы не смѣшивалось съ вольницей Наливайка, съ того времени, какъ этотъ послѣдній отдѣлился отъ Лободы въ началѣ 1595 года и ушелъ въ Венгрію. Между предводителями того и другаго войска была, очевидно, непріязнь. Въ январѣ 1596 года Лобода въ письмѣ къ Жолкевскому заявляетъ, что съ Наливайкомъ онъ не имѣетъ ничего общаго. „Что касается того человѣка своевольнаго, Наливайка, который, забывши почти страхъ Божій и пренебрегая всѣмъ на свѣтѣ, собравши по своему замыслу людей своевольныхъ, чинилъ большіе убытки коронѣ польской, то мы объ немъ никогда не знали и знать не желаемъ“ [4]). Но теперь общая опасность заставила забыть непріязнь. Лобода, хотя и сносился въ январѣ 1595 года съ Жолкевскимъ и Замойскимъ, но дальнѣйшими обстоятельствами былъ поставленъ во враждебное отношеніе къ правительству. Безчинства и насилія, которыя творило его войско и всѣ, прикрывавшіеся его именемъ, возбуждали въ населеніи такія-же жалобы, какъ и вольница Наливайка. Кромѣ того можно предположить, что Лобода былъ раздраженъ Замойскимъ, который, по свидѣтельству современниковъ, вообще не терпѣлъ козаковъ и постоянно твердилъ о необходимости ихъ усмиренія, если не полнаго уничтоженія. Массы угнетенныхъ хлоповъ усиливали его войско

[1]) Бѣльскій, стр. 262; Гейденштейнъ, т. 2. стр. 365.

[2]) Жители Брацлава отлично понимали, что войска Жолкевскаго нельзя сравнивать съ шляхтою, съѣхавшеюся на рочки.

[3]) Гейденшт., т. 2, стр. 365.

[4]) Listy Żółk., стр. 65.

и онъ не могъ не видѣть, что если соединится съ Наливайкомъ и Савулой, который ожидался изъ Бѣлой Руси, то составится сила, съ которой въ пору было-бы помѣряться и большому, хорошо устроенному войску, не только хоругвямъ Жолкевскаго. Потому-то козаки и грозились, какъ говоритъ Гейденштейнъ, на короля и на городъ Краковъ.

Эти угрозы однако не были глухимъ подземнымъ гуломъ, предвѣстникомъ землетрясенія. Козаки не смотря на множество уроковъ, преподанныхъ имъ польскимъ правительствомъ, не научились еще не отдѣлять интересовъ угнетеннаго поспольства отъ своихъ собственныхъ и, какъ кажется, готовы были при случаѣ, пожертвовать хлопами для своихъ собственныхъ цѣлей. На такую мысль наводятъ нѣкоторыя строки въ письмѣ Наливайка къ королю Сигизмунду [1]), дающія отчасти понять, какъ относился къ хлопамъ даже этотъ самозванный „гетманъ запорожскій", у котораго въ шайкѣ хлопы составляли главную силу. „Наливайко предлагалъ королю, говоритъ Костомаровъ (Мон. т. 3, стр. 264—265), отвести козакамъ для поселенія пустыни между Бугомъ и Днѣстромъ, на шляху татарскомъ и турецкомъ, между Тегинею и Очаковымъ, на пространствѣ 20 миль отъ Брацлава, гдѣ отъ сотворенія міра никто не обиталъ; пусть козаки тамъ построятъ городъ и замокъ и живутъ себѣ; затѣмъ уже *никому не должно, кромѣ реестровыхъ и запорожцевъ, называться козаками, а хлопамъ слѣдуетъ обрѣзывать за своеволіе уши и носы*". Еще менѣе, кажется, обращалъ вниманіе на хлопскіе интересы Лобода, офиціальный „старшій" надъ войскомъ запорожскимъ. Упомянутыя выше угрозы козаковъ надо принимать въ томъ смыслѣ, что удалое рыцарство само можетъ навести переполохъ не только на какого-нибудь Семашка, въ его замкѣ Хупковѣ, но даже и на самаго короля въ Краковѣ. Полнаго единства между козаками и народомъ еще не видно, но почти уже была готова почва для настоящаго народнаго возстанія. Жолкевскій писалъ Замойскому: „вся Украйна окозачилась, измѣнниковъ и шпіоновъ полно!" (Listy, стр. 80); но того, что видѣлъ Жолкевскій, не видѣла сама Украйна.

Изъ сѣверныхъ окраинъ кіевскаго воеводства Лобода передвинулся на югъ, къ Бѣлой Церкви; отсюда онъ и заводитъ сноше-

[1]) Къ сожалѣнію у насъ не было подъ руками самаго письма.

нія съ Наливайкомъ. Наливайко вѣроятно первый обратился къ Лободѣ, находясь въ стѣсненномъ положеніи. До Жолкевскаго доходили слухи, что въ войскѣ Наливайка были большія смуты; на него нарекали, что онъ плохою распорядительностью довелъ ихъ до того, что множество людей погибло даромъ, остальные-же лишились пропитанія и лошадей. Нѣсколько разъ даже жизнь Наливайка была въ опасности.

Прежде чѣмъ сноситься съ Лободой, Наливайко обратился къ брацлавскому старостѣ Струсю, прося у него ходатайства предъ гетманомъ, обѣщая распустить свое войско, если не будутъ взыскивать съ него за прежнее. Жолкевскій отвѣчалъ, что онъ обѣщаетъ ходатайствовать передъ королемъ о прощеніи Наливайка, если только онъ распуститъ свою шайку и выдастъ армату и хоругвь, пожалованную эрцгерцогомъ Максимиліаномъ. Плохо вѣрилъ Наливайко обѣщаніямъ гетмана, а потому предпочелъ обратиться лучше къ запорожцамъ съ Лободою. „Правдоподобнѣе, что такой съ такимъ легче сойдется, чѣмъ отдастся на ласку его королевской милости“, писалъ Жолкевскій [1]). Для отвращенія Лободы отъ соединенія съ Наливайкомъ, онъ отправилъ къ первому посланца съ письмомъ, въ которомъ обѣщалъ ходатайствовать передъ королемъ, если козаки уйдутъ къ себѣ на Запорожье и будутъ сидѣть спокойно; въ письмѣ говорилось очень рѣзко о Наливайкѣ и его дружинѣ и давалось понять козакамъ, что гетманъ не смѣшиваетъ ихъ со сбродомъ Наливайка. Но посольство не имѣло успѣха. Если самъ Лобода и былъ склоненъ покориться, то этого не допустила чернь. „Чернь, пишетъ Жолкевскій, хотѣла убить посланца, говоря, что онъ пріѣхалъ шпіонить. Лобода тоже, дѣлая видъ при черни, сердился на него и говорилъ: развѣ гетманъ не могъ къ намъ шляхтича какого нибудь прислать, а не тебя? какъ-бы говоря этимъ, прибавляетъ Жолкевскій, что я посылаю łotra къ łotr'амъ; а тотъ козачекъ, что я посылалъ къ нимъ, дѣйствительно не взраченъ. Потомъ однако отпустилъ посланца и далъ ему червонный злотый, но отвѣта никакого на мой листъ не прислалъ“ [2]).

Результатомъ сношеній Лободы съ Наливайкомъ было то, что послѣдній подвинулся отъ Синихъ Водъ поближе къ войску Лободы,

[1]) Listy, стр. 71.
[2]) Listy, стр. 72.

къ г. Корсуню. Ни пушекъ, ни пороху и ядеръ не было уже у Наливайка; онъ потопилъ ихъ въ водѣ, а порохъ закопалъ въ землю, когда уходилъ отъ Жолкевскаго. У Лободы тоже не было артиллеріи, потому что всю запорожскую армату забралъ съ собою Савула въ Бѣлую Русь. Теперь приходили къ Лободѣ вѣсти, что Савула находится въ Быховѣ и скоро будетъ въ Кіевѣ. Для соединенія съ нимъ двинулся въ Кіевъ и Лобода со своимъ отрядомъ. Это было въ половинѣ марта [1]). Савула дѣйствительно возвратился въ Кіевъ и выбранъ былъ гетманомъ [2]) надъ соединенными отрядами.

Жолкевскій въ это время стоялъ сначала въ Винницѣ, потомъ передвинулся въ Никовъ, гдѣ вѣроятно было болѣе удобствъ. Чтобы развѣдать о положеніи непріятеля и держать его въ постоянномъ страхѣ близостью коронаго войска, Жолкевскій отрядилъ съ 500 конницы князя Рожинскаго въ Паволочь, приказалъ ему вести себя какъ можно осмотрительнѣе, въ виду умѣнья козаковъ строить засады непріятелю. Рожинскій, человѣкъ горячій, не могъ удержаться отъ рискованныхъ предпріятій. Онъ жестоко поступалъ съ попадавшимися ему въ руки козаками и самъ искалъ случая подраться.

Узнавъ о движеніи Рожинскаго, Савула выслалъ изъ Кіева полковника Саська съ 3 тысячнымъ отрядомъ, чтобы онъ опусто-

---

[1]) Гейденштейнъ, т. 2, стр. 365—366; Listy, стр. 72.

[2]) Относительно слова *гетманъ*, прилагаемаго въ описываемое время къ козацкимъ предводителямъ, надо замѣтить, что съ нимъ не соединялось представленіе о какой нибудь опредѣленной должности; гетманомъ въ обыденной рѣчи называли всякаго предводителя самостоятельнаго войска, какой-бы величины оно ни было, лишь-бы составляло отдѣльное цѣлое. Въ этомъ смыслѣ, „гетманомъ войска запорожскаго“ (въ то время уже вошло въ обыкновеніе называть всякихъ козаковъ войскомъ запорожскимъ) называетъ себя и Наливайко (Listy Żolkiewckiego, стр. 64) и Савула (ibid стр. 75) и Косинскій (Архивъ стр. 56). Авторъ Боркулабовской хроники тоже говоритъ: „надъ тымъ людомъ былъ *гетманомъ* на имя Николай Буйвидъ“ (а войско было приведено къ Могилеву княземъ Радзивиломъ). Въ такомъ смыслѣ употребляетъ это слово самъ Жолкевскій; онъ говоритъ: „kozaczy zaraz na mieyscze Sauline (послѣ сраженія у Бѣлой Церкви) obrali sobie *Hethmanem* Nalewayka“ (Listy, стр. 80). Въ этомъ смыслѣ слово *гетманъ* встрѣчается и у авторовъ. Бѣльскій говоритъ: „шли козаки къ Волохамъ (1594 г.); надъ ними гетманомъ былъ Лобода, а Наливайко „porucznikiem“. Оффиціальное имя начальника надъ реестровыми было *старшій*. Но этимъ именемъ „старшіе“ подписываются только въ сношеніяхъ съ польскимъ начальствомъ, напримѣръ Лобода въ письмѣ къ Замойскому (Listy Żolkiewskiego, стр. 66).

шалъ имѣнія Рожинскаго, лежавшія въ окрестностяхъ Бѣлой Церкви, и, въ случаѣ возможности, напалъ-бы и на самого Рожинскаго. Сасько остановился въ Хвастовѣ и послалъ оттуда нѣсколько человѣкъ на развѣдки. Они наткнулись на людей Рожинскаго и всѣ погибли. Рожинскій затѣмъ кинулся въ Хвастовъ, чтобы захватить тамъ Саська, но не засталъ его уже въ Хвастовѣ. Онъ ушелъ въ Кіевъ просить подкрѣпленія [1]). Не желая возвращаться ни съ чѣмъ опять въ Паволочь, Рожинскій двинулся въ Бѣлую Церковь и расположился тамъ, потому что изъ Бѣлой Церкви удобнѣе было ему оборонять отъ козаковъ свои маетности.

Жолкевскій, услышавъ объ этомъ движеніи Рожинскаго, испугался, чтобы козаки не обратились на него всѣми силами. Онъ поспѣшно двинулся изъ Пикова, не давъ поправиться захромавшимъ лошадямъ и не ожидая шедшихъ къ нему на помощь новыхъ хоругвей. Опасенія Жолкевскаго сбылись. Изъ Кіева двинулись къ Бѣлой Церкви всѣ козаки; кромѣ того они уговорились тѣмъ временемъ окончательно и съ Наливайкомъ и призвали его къ себѣ изъ Корсуня, гдѣ онъ собиралъ свѣжее войско.

Для отвлеченія вниманія Жолкевскаго и Рожинскаго отъ приближающейся бѣды, Савула изъ Кіева черезъ ксендза отправилъ 27 марта письма къ тому и другому, жалуясь, что ни за что—ни про что обратился на нихъ, людей рыцарскихъ, гнѣвъ ихъ милостей;

---

[1]) Начиная съ движенія отряда Рожинскаго, до конца войны мы будемъ больше всего заимствовать изъ Гейденштейна, потому что его показанія почти въ точности подтверждаются письмами Жолкевскаго, что объясняется легко положеніемъ Гейденштейна, какъ секретаря Замойскаго, которому Жолкевскій доноситъ подробно о всемъ происходящемъ. Очень жаль, что письма Жолкевскаго за 1596 г. прерываются въ половинѣ апрѣля... Не надо однако забывать, что это свидѣтельство только одной стороны и что мы поэтому лишены возможности слѣдовать правилу: audiatur et altera pars! Нѣкоторыя показанія Гейденштейна отличаются явной пристрастностью. О движеніи Рожинскаго и о битвѣ въ Бѣлой Церкви и около нея—см. Бѣльскій стр. 263—264; Гейденштейнъ т. 2, стр. 366—370; Listy Żolkiewskiego стр. 75—81.

Костомаровъ почему-то *Саська* называетъ *Шашкой*. Въ сборникѣ писемъ Жолкевскаго есть одно письмо, писанное самимъ Саськомъ; въ немъ онъ подписалъ свою фамилію *Sasko*. Жолкевскій пишетъ *Saszko* и *Szasko*, но у него постоянно звукъ *s* смѣшивается съ *sz*, потому что въ произношеніи этотъ звукъ былъ нечистый.

что они теперь, какъ и всегда, готовы служить за порогами его милости королю и промышлять надъ врагами святаго креста. Въ письмѣ къ Рожинскому Савула просилъ у него заступничества передъ Жолкевскимъ. Но ксензъ-посланецъ разсказалъ объ истинныхъ планахъ козаковъ и письма такимъ образомъ не имѣли успѣха.

Козаки подошли къ Бѣлой Церкви 2 апрѣля и расположились таборомъ вокругъ замка. Было ихъ около 8 тысячъ. Рожинскій, замѣчаетъ Гейденштейнъ, лучше всего сдѣлалъ-бы, если-бы заперся въ замокъ и ждалъ прибытія Жолкевскаго. Замокъ стоялъ на высокой горѣ и былъ очень укрѣпленъ, потому что подвергался частымъ нападеніямъ татаръ, такъ какъ Бѣлая Церковь была первымъ городомъ на *Черномъ шляху* [1]), любимомъ пути татаръ. Но Рожинскій предпочелъ сразиться. Съ нимъ были роты Михаила Станиславскаго и другихъ, да кромѣ того венгерецъ Лепшеній съ королевской пѣхотой.

Когда настала ночь, Рожинскій рѣшилъ сдѣлать вылазку. Въ то самое время, какъ все польское войско, за исключеніемъ нѣсколькихъ десятковъ венгровъ, вышло изъ замка, Наливайко, отряженный козаками съ отрядомъ, ворвался въ замокъ съ другой стороны и изрубилъ и ограбилъ всѣхъ бывшихъ тамъ. Только венгры защитили жилище своего начальника. Но козаки, оставшіеся въ таборѣ, тоже не ожидали нападенія. Ночь была очень темная. Услышавъ выстрѣлы въ своемъ таборѣ, козаки переполошились и стали уходить. Поляки изрубили не успѣвшихъ присоединиться къ уходящимъ и бросились преслѣдовать послѣднихъ. Но козаки опомнились отъ страха и, обернувшись, ударили на поляковъ; тѣ бросились назадъ въ замокъ черезъ опустѣвшій козацкій лагерь, но тутъ наткнулись на Наливайка, успѣвшаго возвратиться изъ замка. Отрядъ

Наконецъ надо замѣтить, что у Гейденштейна (въ польскомъ переводѣ, во 2 т. стр. 366 и 368) два раза вмѣсто *Бѣлой Церкви* стоитъ *Брацлавъ*,— явная обмолвка, или опечатка, какъ это хорошо видно изъ предыдущаго и послѣдующаго.

[1]) „Такъ назывался путь, пролегавшій по водораздѣльной линіи между бассейнами Южнаго Буга съ одной стороны, Роси и Припяти съ другой; по этому пути обыкновенно врывались въ ю.-з. Русь татаре, избравшіе эту дорогу во избѣжаніе переправъ и болотъ". (Антоновичъ. Кіевъ, его судьба... Кіев. Ст. 1882 г. кн. 1, стр. 26).

Рожинскаго такимъ образомъ очутился между козаками Савулы съ одной стороны и Наливайка съ другой. Легко себѣ представить, что тутъ очень не посчастливилось Рожинскому, хотя авторы и умалчиваютъ объ этомъ. „Наши, видя, что дѣло плохо (widząc, że źle), говоритъ Бѣльскій, убѣжали въ замокъ". Изъ 500 человѣкъ пѣхоты, по показанію Гейденштейна, пало болѣе 100 человѣкъ и было много раненыхъ; но по всей вѣроятности цифра убитыхъ и раненыхъ была гораздо значительнѣе.

Жолкевскій былъ уже близко отъ Бѣлой Церкви; эту ночь онъ проводилъ въ Тришкахъ, за 4 мили отъ города. Услышавъ гулъ пушекъ, онъ двинулся съ войскомъ. Передняя стража захватила нѣсколькихъ козаковъ, искавшихъ живности. Узнавъ отъ нихъ, что произошло, Жолкевскій пошелъ еще поспѣшнѣе. Въ полумили отъ Бѣлой Церкви встрѣтилъ онъ посланца отъ Рожинскаго, который просилъ о помощи. Мѣстность около Бѣлой Церкви холмистая. Козаки, стоявшіе подъ городомъ, замѣтили съ холмовъ приближеніе польскаго войска и стали уходить по дорогѣ къ Триполью.

Пришедши въ Бѣлую Церковь, Жолкевскій колебался, преслѣдовать-ли ему козаковъ, или дать отдохнуть войску и подождать подкрѣпленій. Король, по письму его, отправилъ приказаніе Потоцкому, стоявшему съ частью войска въ Молдавіи, выйти оттуда и присоединиться къ Жолкевскому; его-то и поджидалъ гетманъ. Но жолнѣры рвались въ битву. Условія для нея были благопріятны: козаки отошли не далеко, стали въ разстояніи всего одной мили; мѣстность была тамъ ровная; маленькія болотца позамерзали, потому что, не смотря на весеннее время, ударили морозы и выпалъ такой снѣгъ, какого во всю зиму не было; снѣгъ даже нѣсколько раньше затруднилъ движеніе Жолкевскому. Надо было воспользоваться настроеніемъ жолнѣровъ и козаковъ, не пришедшихъ еще въ себя отъ страха. Въ виду этого Жолкевскій двинулся за козаками и вечеромъ догналъ ихъ у озера Острый Камень.

Козаки отаборились. Спереди поставили повозки, а внутри пѣхоту; только предводители были на лошадяхъ; со всѣхъ сторонъ табора расположили свои 24 пушки. Гетманъ, построившись такъ, чтобы козацкія пушки могли ему меньше всего вредить, быстро началъ битву. Жолнѣры охотно бросились на козаковъ и очень храбро сражались, „но разорвать табора, хотя это повидимому и

легко было, Господь не судилъ“ [1]). Залегши подъ возами, козаки очень часто стрѣляли и наносили большой вредъ нападавшимъ. Тѣмъ не менѣе сраженіе окончилось очень печально для козаковъ: ихъ погибло до 2000; Сасько былъ убитъ, Савула и Наливайко ранены. Однако, если „Господь Богъ не судилъ разорвать табора козаковъ“, то очень вѣроятно, что и у пытавшихся разорвать потери были немалыя. Поэтому, по прочтеніи показанія Гейденштейна, что у поляковъ палъ только ротмистръ Янъ Вернекъ и 34 человѣка (въ письмѣ Жолкевскаго даже 32), у читателя невольно является улыбка [2])...

Послѣ этого сраженія козаки сбросили съ гетманства Савулу и выбрали Лободу [3]). Ночью Лобода ушелъ къ Триполью и, переправившись здѣсь черезъ Днѣпръ, ушелъ къ Переяславу, гдѣ козаки и расположились.

Жолкевскій опять вернулся въ Бѣлую Церковь, чтобы перевязать раненыхъ и подождать подкрѣпленій, о которыхъ просилъ короля черезъ старосту галицкаго. Стоя въ Бѣлой Церкви, онъ получилъ извѣстіе, что по правую сторону Днѣпра, въ Каневѣ, что-то задержало еще козаковъ и что тамъ стоитъ ихъ полкъ подъ начальствомъ Кремпскаго. Онъ сейчасъ-же отправилъ туда отрядъ съ приказаніемъ очистить вообще правую сторону Днѣпра отъ козаковъ. Польскій отрядъ, состоявшій изъ людей князей Рожинскаго и Вишневецкаго и ротъ Темрюка и Блинструба, подъ главнымъ начальствомъ Ходкевича, напалъ на козаковъ въ расплохъ. Они кинулись переправляться, но многіе частью были изрублены, частью утонули въ Днѣпрѣ. Это было въ страстную субботу, въ серединѣ апрѣля. Въ Каневѣ и Терехтемировѣ польскій отрядъ забралъ всю соль изъ магазиновъ, что причинило не мало досады козакамъ. Къ Жолкевскому между тѣмъ подходили въ Бѣлую Церковь вспомогательные отряды. Кромѣ людей Ходкевича, тутъ соединились съ нимъ роты Бекеша и другихъ.

---

[1]) Listy Żółkiewskiego, стр. 80.

[2]) Въ данномъ случаѣ польскіе хроникеры докладываютъ публикѣ объ успѣхахъ поляковъ пословицей: „ахъ, какъ дядя хохла бьетъ! ажъ изъ дяди кровь идетъ!“

[3]) Гейденшт., т. 2, стр. 370. Жолкевскій въ своемъ письмѣ говоритъ (Listy, стр. 80), что вмѣсто Савулы выбрали Наливайка; но это, очевидно, по паслышкѣ, сейчасъ-же послѣ сраженія. Изъ дальнѣйшаго видно, что начальствовалъ Лобода.

IV.

Приготовленія къ переправѣ польскаго войска.—Переговоры.—Уловка Жолкевскаго.—Движеніе козаковъ къ Переяславу.—Личность Жолкевскаго.—Неудобное положеніе козацкихъ предводителей.—Переправа черезъ Сулу.—Козацкій таборъ у Лубенъ.—Мелкія стычки и положеніе осажденныхъ и осаждающихъ.—Приготовленіе поляковъ къ штурму.—Согласіе козаковъ на сдачу и ихъ погибель. Кашперъ Подвысоцкій.—Казнь Наливайка.

Жолкевскій твердо рѣшилъ добывать козаковъ, куда-бы они ни пошли. Теперь ему предстояло переправиться черезъ Днѣпръ, и тѣмъ скорѣе, что онъ опасался, какъ-бы козаки по лѣвой сторонѣ Днѣпра не бросились на Бѣлоруссію, гдѣ гоняться за ними было-бы очень затруднительно. Но переправа представляла громадныя трудности. Козаки сожгли или увели съ собой всѣ суда, годныя къ переправѣ. Гетманъ послалъ собирать лодки съ рр. Припяти и Тетерева и наложилъ повинность на кіевлянъ: они должны были приспособлять къ переправѣ пригоняемыя съ верху разнокалиберныя суда и строить новыя лодки.

Какъ только козаки узнали о приготовленіяхъ къ переправѣ въ Кіевѣ, они тотчасъ поспѣшно двинулись туда, чтобы уничтожить приготовленныя лодки и наказать кіевлянъ за службу полякамъ; грозили обратить городъ въ пепелъ и развалины. Но Жолкевскому дали знать объ этомъ. Онъ тоже поспѣшилъ къ Кіеву и самъ лично ѣхалъ впереди войска, чтобы распорядиться работами. По дорогѣ къ Кіеву войско его продолжало пополняться; такъ въ Васильковѣ соединился съ нимъ возвратившійся изъ Молдавіи Потоцкій. Козаки хотѣли обмануть Жолкевскаго; чтобъ раньше подойти къ Кіеву, они завели съ нимъ переговоры. Но Жолкевскій черезъ шпіоновъ зналъ всѣ намѣренія козаковъ и потому попытка ихъ не удалась. Поляки подошли къ Кіеву только двумя часами раньше козаковъ и городъ былъ спасенъ.

Жолкевскій расположилъ свое войско подъ монастыремъ, въ полумилѣ отъ Кіева (выходитъ—подъ Лаврою), а городъ окружилъ пикетами. Тутъ-же противъ него на лѣвой сторонѣ расположились козаки, подъ начальствомъ Лободы. Къ нимъ плыли съ низу запорожцы на 100 чайкахъ.

Еще изъ Бѣлой Церкви Жолкевскій отправлялъ въ Сѣчь посольство съ цѣлью удержать запорожцевъ въ вѣрности правитель-

ству и разными обѣщаніями отклонить ихъ отъ соединенія съ бунтовщиками. Часть запорожскаго товарищества была съ Лободой, но около 500 человѣкъ оставалось въ Кошѣ. Здѣсь польскому посольству не посчастливилось: запорожцы заковали пословъ въ кандалы, а сами подъ начальствомъ Каспера Подвысоцкаго отправились въ Кіевъ на соединеніе съ козаками. Вѣтеръ къ ихъ несчастью былъ съ верху; надо было идти сплошь на веслахъ. Люди изморились; тутъ Жолкевскій, узнавъ объ ихъ приближеніи, велѣлъ установить на берегу пушки и всѣми мѣрами стараться не дать чайкамъ приблизиться.

Какъ только раздался звукъ котловъ и трубъ, которыми запорожцы давали знать о своемъ прибытіи, въ нихъ начали палить изъ пушекъ. Пальба при сильномъ противномъ вѣтрѣ не допустила запорожцевъ подойти къ козацкому лагерю и флотъ удалился. Самъ Подвысоцкій даже чуть не лишился жизни, такъ какъ въ его чайкѣ было пробито двѣ дыры.

То-же самое, что поляки продѣлали съ козацкой флотиліей, могли продѣлать и козаки съ Жолкевскимъ, когда онъ попытался-бы переправиться. Надо было поэтому придумать Жолкевскому какой нибудь способъ безопасной переправы. Онъ прежде всего завелъ сношенія съ козаками и заключилъ перемиріе. Козаки тоже не прочь были переговорить, даже искренно, надѣясь, что гетманъ согласится уладить дѣло миромъ. Они пустили по Днѣпру колоду съ воткнутымъ въ нее листомъ, въ которомъ просили о помилованіи. На другой день въ польскій лагерь пріѣхалъ отъ козаковъ сотникъ Кузловскій, тоже прося о милосердіи и желая узнать, на какихъ условіяхъ гетманъ согласенъ помириться съ козаками. Гетманъ отъ себя отправилъ къ козакамъ посланца съ отвѣтомъ, что они должны выдать Наливайка и другихъ главнѣйшихъ бунтовщиковъ, отдать артиллерію и хоругви иностранныхъ государей.

На слѣдующій день отъ козаковъ пріѣхали уполномоченными два асаула, которые повторили просьбу о милосердіи, но на требованія о выдачѣ дали отрицательный отвѣтъ. Переговоры очевидно не клеились. Жолкевскій и началъ ихъ только съ тѣмъ, чтобы за это время тѣмъ или другимъ способомъ приготовиться къ переправѣ. Онъ измыслилъ пріемъ, вполнѣ удавшійся. Зная, что въ Переславѣ козаки оставили семейства и все имущество, онъ распустилъ

слухъ, что отправилъ Потоцкаго съ частью войска къ Триполью, или къ какому-либо другому пункту ниже, съ цѣлью переправиться и напасть на Переяславъ. Для приданія большей вѣроятности слуху, онъ приказалъ Потоцкому дѣйствительно отойти отъ Кіева и, снарядивъ 24 воза съ лодками и другими предметами, необходимыми при переправѣ, отправилъ ихъ вслѣдъ за отрядомъ Потоцкаго. Это было сдѣлано тогда, когда асаулы еще не возвращались въ козацкій лагерь.

Въ это-же время изъ польскаго лагеря перебѣжали къ козакамъ два пахолка, вѣроятно нарочно посланные туда Жолкевскимъ. Они донесли козакамъ, что изъ Литвы приближается на помощь къ гетману войско и что Потоцкій уже двинулся къ Переяславу. Извѣстіе произвело сенсацію. Жолкевскій-же, чтобъ замаскировать подсылку, потребовалъ выдачи перебѣжчиковъ, грозя въ противномъ случаѣ задержать асауловъ. Козаки на глазахъ поляковъ отрубили головы бѣднымъ пахолкамъ, а Жолкевскому послали сказать, что не хорошо съ его стороны наружно вступать въ переговоры, а въ тылу тѣмъ временемъ строить засаду. Жолкевскій, чтобъ поддержать въ нихъ эту мысль, отвѣтилъ, что переговоры были начаты для того, чтобы каждая изъ сторонъ какъ можно лучше повела свое дѣло и что онъ не обѣщалъ имъ бездѣйствовать. Тутъ козаки тотчасъ начали сгонять съ пастбищъ лошадей, сѣдлать и приготовляться въ дорогу, и отступили, не медля ни минуты.

Но Лобода и Наливайко, въ количествѣ полутораста коней, остались еще для послѣдней попытки переговоровъ. Лобода одинъ сѣлъ въ лодку и подъѣхалъ къ кіевскому берегу. Для переговоровъ съ нимъ явился староста брацлавскій Юрій Струсь, лично съ нимъ знакомый. Переговоры однако ничѣмъ не кончились и Лобода съ Наливайкомъ уѣхали. Жолкевскій, убѣдившись, что нигдѣ нѣтъ засады, приступилъ къ переправѣ. Черезъ два дня все войско польское было уже на лѣвой сторонѣ [1]).

Козаки такъ спѣшили въ Переяславъ, что стали тамъ за одинъ день. По дорогѣ въ разныхъ мѣстахъ они разставили чаты, слѣдить за движеніемъ польскаго войска. Когда стоявшіе на ча-

---

[1]) О переправѣ см. Гейденштейнъ, т. 2, стр. 371—374; Бѣльскій, стр. 264—266.

тахъ дали знать, что Жолкевскій двигается къ Переяславу, между козаками поднялось большое смятеніе; не знали, оставаться-ли въ Переяславѣ, или двигаться дальше въ степь. Движеніе было очень затруднительно, потому что въ Переяславѣ нельзя было оставить женъ и имуществъ; надо было брать ихъ съ собой. Но съ другой стороны и запереться въ Переяславѣ было очень неудобно: во первыхъ городъ былъ раскинутъ на большомъ пространствѣ,—валъ имѣлъ до мили въ окружности; во вторыхъ, съ козаками было до 10 тысячъ лошадей, прокормить которыхъ въ городѣ продолжительное время не было никакой возможности. Собирались безпрестанно на рады, шумѣли, раздѣлились на партіи. Между козаками всегда было довольно людей, предпочитавшихъ сдаться на какихъ угодно унизительныхъ условіяхъ, лишь-бы сохранить свои пожитки и самимъ остаться цѣлыми. Жолкевскій не переставалъ манить такихъ людей разными обѣщаніями и тѣмъ увеличивалъ раздоры. Между тѣмъ надо было спѣшить, потому что чаты доносили о движеніи гетмана къ Переяславу. Наконецъ рѣшено было пуститься въ степь, въ Лубнахъ перейти черезъ Сулу, уничтожить за собой переправу и отсидѣться въ степи такимъ-же образомъ, какъ Наливайко на Синихъ Водахъ. Жолкевскому было-бы очень опасно ихъ тамъ преслѣдовать. Козаки съ женщинами, дѣтьми и всѣмъ имуществомъ двинулись въ Лубны.

Но Жолкевскій и здѣсь ихъ перехитрилъ, и на этотъ разъ удача Жолкевскаго имѣла для козаковъ роковыя послѣдствія. Здѣсь кстати сказать нѣсколько словъ о личности самаго Жолкевскаго. Судя по его письмамъ и по установившемуся мнѣнію о немъ у поляковъ, это былъ человѣкъ выдающійся. Уступая нѣсколько знаменитому своему современнику Яну Замойскому въ обширности и всесторонности знаній, Жолкевскій тѣмъ не менѣе обладалъ значительнымъ для того времени образованіемъ, отличался природною смѣтливостью, открытымъ, твердымъ характеромъ и считался еще при жизни отличнымъ полководцемъ; онъ 46 лѣтъ провелъ въ лагерѣ или въ полѣ, и начальствовалъ въ 6 кампаніяхъ, совершенныхъ имъ съ успѣхомъ, за исключеніемъ послѣдней, въ которой онъ погибъ подъ Цецорой 7 октября 1620 года.

Козакамъ пришлось имѣть дѣло съ противникомъ, превосходившимъ ихъ вождей знаніемъ военнаго дѣла. Кромѣ того на сто-

ронѣ Жолкевскаго было то удобство, что онъ могъ спокойно, независимо ни отъ кого, обсуждать свои дѣла или самъ, или еще лучше въ военномъ совѣтѣ, составленномъ изъ небольшаго числа лицъ. Другое дѣло у козаковъ. Ихъ предводители были связаны по рукамъ и ногамъ всеобщимъ настроеніемъ. Обсуждать дѣла на многочисленныхъ сходкахъ хорошо только въ спокойное время, когда некуда спѣшить и когда всѣ участвующіе хладнокровно относятся къ дѣлу. Но въ минуты критическія толпа подхватываетъ большею частію какое-нибудь мѣткое мнѣніе, не отличающееся иногда основательностью, но удобное на первый взглядъ. Настроеніе толпы въ такихъ случаяхъ мѣняется очень рѣзко и часто, по мѣрѣ того, какъ того или другаго члена осѣняетъ какая-нибудь блестящая, хотя и нелѣпая мысль. Запорожцы отлично понимали это, когда облекали своего кошеваго на войнѣ неограниченною властью, въ то время, какъ у себя въ Сѣчи на радѣ его могли предать суду и даже казнить. Въ описываемую войну неустройство возбуждалось соперничествомъ Лободы и Наливайка, изъ которыхъ у каждаго были приверженцы, старавшіеся склонять массы въ сторону своихъ начальниковъ. Частыя перемѣны предводителей у козаковъ въ войнѣ 1596 года показываютъ, что первые были въ полной зависимости отъ такаго настроенія толпы.

Жолкевскій съ войскомъ былъ еще въ 20 миляхъ отъ Лубенъ, когда козаки уже пришли туда. Лубны расположены на правомъ берегу (со стороны Переяслава) р. Сулы, на которой въ то время былъ очень длинный мостъ, по причинѣ примыкающихъ къ рѣкѣ болотъ. За Сулою начинались степи. Козаки расположились въ Лубенскомъ замкѣ, ожидая извѣстій отъ разставленныхъ вездѣ по дорогѣ чатъ и намѣреваясь, въ случаѣ близости гетмана, переправиться на другую сторону, разрушивъ за собою мостъ и перерѣзавъ такимъ образомъ путь польскому войску, потому что переправа другимъ способомъ была невозможна на далекомъ разстояніи по рѣкѣ.

Жолкевскому было извѣстно положеніе козаковъ и дѣло шло о томъ, какъ-бы помѣшать имъ переправиться, или отстоять мостъ. Онъ отправилъ къ козакамъ давняго ихъ знакомаго, галицкаго каштеляна Претвича, для переговоровъ, а самъ спѣшилъ къ Лубнамъ. На дорогѣ присоединился къ нему князь Богданъ Огинскій,

приведшій съ собой литовское войско. Между тѣмъ гетманъ узналъ, что за 5 миль отъ Лубенъ внизъ есть на Сулѣ еще другая переправа, въ Горошинѣ, гдѣ обыкновенно переправляются татары, идя на Украйну, и гдѣ нѣкогда перешолъ съ войскомъ великій князь Витовтъ, потерпѣвъ пораженіе надъ Ворсклой отъ Эдигея. Жолкевскій отрядилъ брацлавскаго старосту Юрія Струся съ княземъ Рожинскимъ и Михаиломъ Вишневецкимъ, приказавъ имъ перейти Сулу въ Горошинѣ и зайти въ тылъ козакамъ; при чемъ, если козаки не замѣтятъ,—подойти къ нимъ съ другой стороны моста и не дать переправиться, если-же до тѣхъ поръ перейдутъ уже Сулу, то стараться сохранить мостъ и задержать ихъ на томъ берегу. Другой отрядъ въ 500 коней, подъ начальствомъ Бѣлецкаго, Жолкевскій двинулъ впереди себя прямо къ Лубнамъ, чтобъ въ случаѣ надобности съ этой стороны рѣки оказать помощь Струсю; самъ-же гетманъ, со всѣмъ остальнымъ войскомъ, не могъ-бы подойти такъ скоро.

Струсь съ большими предосторожностями двинулся въ путь: даже люди его отряда не знали, куда ихъ ведутъ. Пройдя милю дорогою на Лубны, Струсь повернулъ направо и шелъ по такимъ мѣстамъ, гдѣ козаки вовсе не предполагали встрѣтить поляковъ, а потому не разставили чатъ. Подошедши къ Сулѣ въ Горошинѣ, поляки пустили лошадей вплавь, а сами переправились на связкахъ тростника.

Козаки, узнавъ о движеніи Бѣлецкаго съ отрядомъ, прервали переговоры съ галицкимъ каштеляномъ и переправились за Сулу. Они уже подожгли мостъ, какъ одновременно съ двухъ сторонъ подошли къ нимъ Бѣлецкій и Струсь. Люди Бѣлецкаго бросились вслѣдъ за козаками на мостъ и впродолженіе часа потушили огонь и починили попорченныя части. Между тѣмъ подошелъ къ Лубнамъ и Жолкевскій. Зная о его приближеніи, но не зная о томъ, что въ тылу тоже стоятъ поляки, козаки еще не теряли надежды уйти отъ гетмана въ степь. Замѣтивъ за собою пыль, они думали, что это тянутъ татары. Но тутъ раздался пушечный выстрѣлъ, бывшій условнымъ знакомъ между Жолкевскимъ и Струсемъ, что этотъ послѣдній стоитъ уже на мѣстѣ. Козаки переполошились, не зная, что дѣлать. Опять пошли ссоры. Наконецъ видя, что такъ или иначе, а уходить поздно, такъ какъ ихъ обошли съ двухъ сторонъ, стали окапываться.

Козацкій лагерь находился въ полумили отъ города и былъ устроенъ такимъ образомъ. Сначала они окружили себя четырьмя рядами повозокъ, скованныхъ между собою, потомъ за повозками выкопали окопъ и насыпали валъ, выше повозокъ. Сдѣлавъ нѣсколько воротъ, насыпали въ таборѣ противъ каждыхъ изъ нихъ горки, на которыхъ поставили пушки. Горки эти дѣлались, очевидно, съ цѣлью заполнить для непріятельскихъ выстрѣловъ отверстія въ стѣнѣ, занимаемыя воротами. Внутри табора подѣлали срубы, наполненные землею, по высотѣ выше вала; на нихъ тоже помѣстили пушки, такъ что можно было стрѣлять черезъ валъ. Въ такомъ видѣ козацкій лагерь представлялъ изъ себя укрѣпленіе, почти неодолимое для поляковъ, что они хорошо понимали, послѣ сраженія у Остраго Камня.

Поляки расположились вокругъ козацкаго лагеря слѣдующимъ образомъ. Съ одной стороны отрядъ Юрія Струся, съ князьями: Рожинскимъ и Вишневецкимъ; здѣсь-же были роты: Ходкевича, Язловецкаго, Фредра, Собѣсскаго, Чарнковскаго, Бекеша, Горностая и остатки роты убитаго Вернека. Съ другой стороны самъ гетманъ съ ротами: Щенснаго Гербурта, Ковачевскаго, Гурскаго, Сладковскаго, Тарнавскаго и королевская пѣхота съ Лепшеніемъ. При гетманѣ были и отряды Потоцкаго и Огинскаго, изъ которыхъ каждый состоялъ изъ нѣсколькихъ ротъ. Съ третьей стороны стояла постоянная стража, а съ четвертой находились прилегавшія къ Сулѣ болота. Всего войска у Жолкевскаго было, по показанію Бѣльскаго, до 3 съ половиною тысячъ; но не надо забывать, что считались только „товарищи“, т. е. шляхта, составлявшая конницу, такъ что и счетъ велся по числу лошадей. Кромѣ того каждый панъ приводилъ съ своею ротою еще толпу слугъ, которая была гораздо многочисленнѣе самой роты и составляла пѣхоту. Козаковъ было до 8 тысячъ, по показанію Гейденштейна,—цифра, конечно, приблизительная, потому что посчитать вѣдь полякамъ нельзя было.

Это было въ серединѣ мая 1596 года. Лѣто было жаркое. Положеніе осажденныхъ было очень печально. Они были отрѣзаны отъ воды и пастбищъ и ни откуда не могли разсчитывать на помощь. Къ полякамъ-же еще подъ Лубны прибыла рота князя Заславскаго, воеводы подляшскаго, въ числѣ 300 коней. Воду еще козаки съ трудомъ добывали, но корму для лошадей рѣшительно не было;

каждый разъ, когда козаки хотѣли выгнать лошадей, имъ приходилось силой пробиваться сквозь непріятелей. Чтобы отвлечь вниманіе непріятеля, козаки безпрестанно заводили „гарцы“ и при этомъ обнаруживали неистощимый запасъ изобрѣтательности. Часто заманивали поляковъ къ самому табору и здѣсь поражали. Въ „гарцахъ“ погибли со стороны поляковъ Дениско, староста житомірскій, Ташицкій, Пеніовскій, Милковскій и другіе паны. Но не смотря на всю изобрѣтательность козаковъ, они даже урывками не могли кормить лошадей, которыя падали отъ голода въ громадномъ количествѣ. Открылись частые побѣги изъ козацкаго стана, начались распри. Жолкевскій искусно ихъ поддерживалъ. Онъ завелъ сношенія съ Лободой, что навлекло на послѣдняго подозрѣніе въ измѣнѣ. Отчаявшаяся толпа наконецъ въ досадѣ убила Лободу и выбрала начальникомъ Кремпскаго.

Поляки тоже были въ очень неудобномъ положеніи: запасовъ было мало, пили мутную, теплую воду. Кони были почти постоянно подъ сѣдломъ и покрылись ссадинами. Войско, не сходя почти съ лошадей, было страшно истомлено. „Имѣли наши съ ними довольно работы и днемъ и ночью“, говоритъ Бѣльскій. Козаки безпрестанно тревожили вылазками. Такъ 28 мая они, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ, бросились на Струся; къ нему поспѣшили на помощь другія роты и отбили козаковъ съ большимъ урономъ для нихъ, но и изъ поляковъ многіе „dali tam gardło“. Штурмомъ нельзя было взять козацкаго стана, потому что у Жолкевскаго не было большихъ пушекъ, а маленькія полевыя причиняли имъ мало вреда. Видя это, гетманъ послалъ въ Кіевъ за большими пушками, а въ ожиданіи ихъ приказалъ днемъ и ночью всѣми силами сторожить козаковъ, чтобы они не пробились какъ нибудь силою. Наливайко, дѣломъ котораго была и смерть Лободы, видя, что его все таки обошли, нѣсколько разъ бросался со своимъ полкомъ изъ лагеря, но каждый разъ поляки отбивали его.

4 іюня привезли пушки изъ Кіева. Жолкевскій сталъ готовить войско къ штурму. Было мало пѣхоты, а потому полковники потребовали у своего рыцарства, чтобы оно спѣшилось и шло на штурмъ. Рыцарство, истомленное постояннымъ бдѣніемъ, съ удовольствіемъ согласилось, желая такъ или иначе покончить дѣло. Уже все было готово къ штурму, какъ вдругъ поляки услыхали въ

лагерѣ козаковъ большой шумъ. Оказалось, что козаки рѣшили выдать Наливайка и прочихъ зачинщиковъ. Наливайко сталъ отбиваться, когда его хотѣли взять, почему и поднялась въ козацкомъ лагерѣ драка. Поляки хотѣли воспользоваться случаемъ и ударить въ это время на козаковъ; они сѣли на коней и тѣсно подступили къ табору, но тутъ козаки объявили, что выдадутъ зачинщиковъ. Дѣйствительно 8 іюня они привели Наливайка, схваченнаго уже во рву, когда тотъ собирался пробиться сквозь польскую цѣпь и убѣжать,—и на другой день обѣщали привести Савулу, Шостака и другихъ. Козаки кромѣ того соглашались исполнить всѣ раньше предложенныя имъ требованія, т. е. отдать армату, иностранныя хоругви, лишь-бы ихъ самихъ выпустили на свободу. Когда-же гетманъ сказалъ, что всякій панъ, находящійся въ войскѣ, имѣетъ право взять своего подданнаго, узнавъ его между козаками, они объявили, что лучше готовы защищаться до послѣдней капли крови. Тутъ поляки, воспользовавшись, тѣмъ, что козаки вышли для переговоровъ изъ табора, бросились на нихъ. Это было сдѣлано такъ внезапно, что козаки, по словамъ Бѣльскаго, „не успѣли ни сомкнуться въ строй, ни взяться за оружіе“. Они бросились, куда попало. Поляки рубили козаковъ на разстояніи мили, такъ что лежалъ трупъ на трупѣ. Только около полутора тысячъ ихъ съ самимъ Кремпскимъ успѣли спастись.

Въ козацкомъ лагерѣ поляки нашли два цесарскихъ знамени, подаренныхъ козакамъ императоромъ Рудольфомъ, одно эрцгерцога Максимиліана, серебрянные котлы, тоже присланные цесаремъ, 21 хорошую пушку и нѣсколько испорченныхъ и много всякаго другаго оружія. Казна войсковая была плоха; болѣе всего въ ней было турецкихъ вещей, оцѣненныхъ при раздѣлѣ въ 4 тысячи злотыхъ.

Въ то время, какъ козаки были въ осадѣ подъ Лубнами, Касперъ Подвысоцкій съ своей флотиліей стоялъ у устьевъ Сулы. Сначала онъ сдѣлалъ нѣсколько попытокъ подойти на помощь осажденнымъ, но польскія чаты, разставленныя по рѣкѣ, мѣшали этому. Тогда онъ началъ жечь и опустошать окрестные города и села, вѣроятно маетности пановъ, находившихся въ войскѣ подъ Лубнами. Услышавъ о бѣдствіи, постигшемъ козаковъ, онъ ушелъ на низъ.

Очень вѣроятно, что съ нимъ уѣхали въ чайкахъ и запорожцы, спасшіеся съ Кремпскимъ [1]).

Жолкевскій, послѣ разгрома козаковъ, уѣхалъ въ Кіевъ, а оттуда во Львовъ, гдѣ вручилъ Замойскому взятыя у козаковъ хоругви, армату и нѣкоторыхъ плѣнниковъ; затѣмъ возвратился домой. Войско его расположилось въ украинскихъ городахъ и селахъ. Наливайка скованнаго, съ шестью другими вожаками, шляхтичъ Поребскій привезъ въ Варшаву. Здѣсь всѣ, кромѣ Наливайка, были тотчасъ казнены, а Наливайка „сохраняли“ до сейма, когда ему отрубили голову, тѣло разрубили на 4 части и развѣсили по разнымъ мѣстамъ.

Въ позднѣйшее время, вѣроятно въ періодъ наибольшаго ожесточенія и ненависти между двумя національностями, сложилось преданіе, что Наливайко былъ сожженъ поляками въ раскаленномъ мѣдномъ быкѣ.

Говоря о казни Наливайка, Бѣльскій замѣчаетъ: „Это былъ красивый мущина, личность къ тому-же не заурядная,—если-бы онъ на добро употреблялъ то, что ему далъ Богъ; кромѣ того онъ былъ отличнымъ пушкаремъ“ [2]).

Оканчивая этимъ описаніе козацкаго движенія 1596 года, сдѣлаемъ въ качествѣ заключенія одно замѣчаніе. Бунтъ Лободы и Наливайка, родившись на почвѣ общественной анархіи и не возвышаясь по своему существу надъ простымъ проявленіемъ ея, тѣмъ не менѣе обратилъ на себя вниманіе всего тогдашняго русскаго населенія Украйны. Онъ прокладывалъ дорогу оппозиціи и послужилъ, не смотря на всѣ свои неудачи, наглядным образцемъ, по которому складывались послѣдующія оппозиціонныя движенія, какъ козацкія, такъ и крестьянскія. Не будь исходъ его такимъ печальнымъ для козаковъ, Хмельнищина явилась-бы въ исторіи нѣсколькими десятилѣтіями раньше.

Θ. Николайчикъ.

[1]) Гейденштейнъ, у котораго разсказъ объ осадѣ подъ Лубнами оканчивается совсѣмъ иначе,—именно, что козаки будто-бы по заключеніи условій были отпущены съ Кремпскимъ,—говоритъ, что Каспера извѣстили о заключеніи мира, и онъ сейчасъ-же принесъ повинную. Но въ List'ахъ Жолкевскаго напечатано письмо Претвича къ Нечковскому отъ *10 іюля*, гдѣ говорится: „Kasper niech się nyc nie boy, ya go na szię biorę y ślubuyę“. Это письмо даетъ основаніе думать, что никакого опредѣленнаго термина заключенія мира не было, а просто козаки на время затихли, ожидая, пока уляжется дѣло, а поляки тоже не хотѣли разжигать его.

[2]) Отъ переправы черезъ Днѣпръ до конца—см. Гейденштейнъ, т. 2, стр. 373—377; Бѣльскій, стр. 275—281.

ІОАННИКІЙ ГАЛЯТОВСКІЙ.

(Къ исторіи южно-русской литературы XVII вѣка).

(ОКОНЧАНІЕ)[1]).

Во второй половинѣ XVII столѣтія главными врагами малороссовъ были поляки и турки. Противъ этихъ угнетателей Украйны направлены главныя сочиненія Галятовскаго съ 1669 года. Воспользовавшись безопаснымъ положеніемъ елецкаго монастыря, до котораго не только туркамъ, но и полякамъ по дальности растоянія трудно было добраться, Галятовскій злобнымъ латинскимъ и уніатскимъ писателямъ нанесъ нѣсколько ловкихъ полемическихъ ударовъ. Онъ удостоился съ ихъ стороны почти такой-же лютой ненависти, какую лѣтъ на восемьдесятъ ранѣе вызвалъ славный защитникъ православія, авторъ „Апокрисиса" Христофоръ Бронскій.

Въ 1668 г. въ Вильнѣ вышло сочиненіе іезуита Павла Боймы, въ которомъ онъ старался доказать, что православная вѣра не есть древняя вѣра [2]). Католики такъ высоко цѣнили это сочиненіе, что дали Боймѣ наименованіе „Benedictus". „Спорный вопросъ, поднятый Боймой", писалъ Барановичъ И. Гизелю, „не такой пустой, чтобы православные могли безъ вреда для себя не отвѣчать на него, потому что онъ явно упрекаетъ насъ, будто у насъ немного такихъ, которые умѣли бы разсуждать правильно". Въ другомъ письмѣ къ И. Гизелю Барановичъ находитъ, что „Бойму

[1]) См. «Кіевская Старина», 1884 г., март. кн., стр. 371—390.

[2]) Подлинное заглавіе этого сочиненія слѣдующее: „Stara wiara, albo jasne pokazanie, iż ci, co w dyzuniej trwają, starey wiary nie mają".

слѣдуетъ хорошо прошколить, чтобы онъ зналъ, что и въ непросвѣщенной Россіи есть свой разумъ". Въ письмѣ къ Ѳеодосію Софоновичу 1670 г. Барановичъ признаетъ, что „Старая вѣра" Боймы многихъ засушила въ Литвѣ [1]). Архимандритъ московскаго Симонова, потомъ новгородскаго Юрьева монастыря Гавріилъ Домецкій въ письмѣ своемъ къ новгородскому митрополиту Іову 1706 г. пишетъ, что на защиту православія отъ латино-уніатовъ „отъ малороссійскія церкве православныя были избраны извѣстные богословы, архіеп. черниг. Лазарь, да архимандритъ І. Галятовскій, которые и учинили имъ чиномъ философскимъ и богословскимъ отвѣтъ подобающій" [2]). Ту роль, которую Домецкій приписываетъ малорусской церкви вообще, въ дѣйствительности разыгралъ одинъ Барановичъ. Онъ не только лично выступилъ противъ Боймы, но выдвинулъ противъ него Галятовскаго и Гизеля и хотѣлъ еще побудить къ полемикѣ съ Боймой Софоновича. Посылая въ 1670 г. Софоновичу первую часть своей „Новой Мѣры", Барановичъ просилъ въ письмѣ Софоновича, Гизеля и всѣхъ игуменовъ „пересмотрѣть этотъ ночей стоившій трудъ" и „приложить своего огня; если у кого есть что-либо древнее, достопримѣчательное, то вынуть изъ ноженъ мечъ и сразиться съ Боймой..... Спасайте, спасайте! вопіетъ церковь къ сынамъ своимъ, — возражайте на „Старую Вѣру!" [3]).

„Nowa miara starey wiary" Барановича вышла въ 1676 г. въ Новгородѣ-сѣверскомъ. Въ началѣ книжки находится изреченіе изъ Св. Писанія, предисловія къ Богородицѣ и читателю и обращеніе къ Боймѣ. „Новая Мѣра" распадается на двѣ части; въ первой части говорится о власти римскихъ папъ, во второй объ исхожденіи св. Духа отъ Отца. Вся книжка въ 354 стран. пересыпана макаронизмами и пустыми виршами [4]).

Галятовскій принялся за составленіе возраженія Боймѣ почти одновременно съ Барановичемъ. „Моя *Мѣра* такъ плодовита", пи-

[1]) Письма Лаз. Барановича 104, 110, 107 и 103.

[2]) Прибавл. къ Твор. Св. Отцовъ 1846. I. 37 и 69. Примѣч., цит. въ примѣч. къ Письмамъ Лаз. Барановича, 155 стр.

[3]) Письма Лаз. Барановича, 104.

[4]) Одинъ экз. „Новой Мѣры" Барановича находится въ библ. харьк. дух. семинаріи.

салъ Барановичъ Гизелю 13 авг. 1671 г., „что уже третьяго цыпленка вывела.... Я сколько желаю того, чтобы всѣ прочитали отвѣтъ вашъ Боймѣ, сколько и мое (сочиненіе), какъ Лазарево, хотя и гнило, но для меня мило. Къ намъ, слава Богу, летитъ со своими перушками архимандритъ мой черниговскій. Если свѣтъ ничего не увидитъ, то не избѣгнемъ посмѣянія. Изъ этой миги выйдутъ три фиги; пускай они достанутся противникамъ; другаго чего нибудь они не стоятъ, какъ только, сложивши имъ пальцы съ перьями [1]), накормить ихъ такою фигою.... Вы нашъ Аристотель; почему же на ихъ вызовъ и намъ не отозваться; и они не снимаютъ звѣздъ съ неба; нужно только наперед посогласоваться между собою“ [2]).

„Фига“ Галятовскаго произрастала цѣлыхъ семь лѣтъ. Лишь въ 1678 г. вышелъ его отвѣтъ Боймѣ подъ заглавіемъ: „Stary kosciół zachodni nowemu kosciołowi rzymskiemu pochodzenie Ducha S. od Ojca samego, nie od Syna pokazuje (Древняя Западная церковь показываетъ новой римской церкви исхожденіе Св. Духа отъ одного Отца, а не отъ Сына) [3]). Сочиненіе Галятовскаго направлено не только противъ Боймы, но и противъ вышедшаго послѣ „Старой вѣры“ Боймы „Трибунала“ Николая Циховича. Прежде чѣмъ выпустить въ свѣтъ свое сочиненіе, Галятовскій сдѣлалъ попытку выпросить у московскаго царя денежное вспоможеніе. „Азъ хощу отвѣтъ дати о православной вѣрѣ нашей латинамъ,“—писалъ Галятовскій царю Ѳедору Алексѣевичу,—„клевещущимъ и злословящимъ насъ и глаголющимъ, же мы правовѣрные зле вѣримъ отъ Отца самого исходити Духа свята, не отъ Сына.... Тую книгу объ исхожденіи Духа Свята отъ Отца самого, не отъ Сына, освѣщающе я латинамъ, русскимъ языкомъ написалемъ и приписалемъ всея Россіи самодержцу, вашему пресв. царскому величеству..... Желаю отъ вашего царскаго величества, яко Ѳедора, Дара Божія, даровъ на друкованіе моей книги, которую хочу въ Новгородѣ-

[1]) Что касается выраженій: „летитъ съ своими перушками“, „пальцы съ перьями“, то въ объясненіе ихъ нужно допустить, что Галятовскій въ своемъ возраженіи католикамъ хотѣлъ опереться на сравненія перьевъ орла и коршуна, но потомъ отдумалъ, и немного позднѣе построилъ на этомъ сравненіи свои возраженія магометанамъ.

[2]) Письма Лаз. Барановича, 154—156.

[3]) Одинъ экз. „Стараго костела“ находится въ библ. харьк. дух. семинаріи.

Сѣверскомъ друковати". Далѣе Галятовскій проситъ прислать ему бумаги и 60 руб. денегъ или 40 соболей, чтобы продавши соболи, онъ могъ уплатить за наборъ и печатаніе книги [1]). Просьба Галятовскаго не была исполнена, что видно изъ того, что Галятовскій издалъ книгу на польскомъ языкѣ и посвятилъ ее Барановичу, нигдѣ не упоминая о Дарѣ Божіемъ, царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ.

Посвященіе книги Барановичу любопытно съ двухъ сторонъ, во первыхъ, какъ краткая біографія Барановича, составленная лицомъ современнымъ и близкимъ Барановичу, во вторыхъ, какъ краткая автобіографія Галятовскаго. Въ „посвященіи" говорится о благочестіи Барановича, о томъ, что онъ развилъ свой умъ въ разныхъ академіяхъ, въ Вильнѣ, Кіевѣ и Калишѣ, что съ учительской каѳедры онъ затѣмъ обучалъ въ кіевской коллегіи молодежь и съ церковной каѳедры въ разныхъ церквахъ говорилъ проповѣди, что онъ составилъ и издалъ много сочиненій, которыя при этомъ и перечисляются въ такомъ порядкѣ: „Мечъ", „Трубы", „Лютня", „Мѣра", „Житія святыхъ", „Księgi rodzaju" (?) и „Księgi śmierci" (?), что онъ оказываетъ матеріальную помощь убогимъ, коллегамъ, невольникамъ, сиротамъ, наконецъ даетъ средства на возстановленіе обветшавшихъ церквей и монастырей и на постройку новыхъ, которые при этомъ и перечисляются: новгородъ-сѣверская церковь Преображенія Господня, черниговская церковь св. муч. Бориса и и Глѣба, Троицкій монастырь на Болдинскихъ горахъ. „За эти добрыя дѣла, прибавляетъ Галятовскій, Богъ оказалъ Барановичу многія милости, давши ему игуменство кирилицкое, купятицкое и дятеловецкое, ректорство въ кіевскомъ коллегіумѣ, наконецъ черниговское архіерейство, причемъ Барановичъ, съ согласія царя Алексѣя Михайловича и восточныхъ патріарховъ, получилъ почетное наименованіе архіепископа".—Въ виду крайней скудости біографическихъ свѣдѣній о Барановичѣ, нѣкогда игравшемъ въ южной Россіи весьма видную роль политическаго и литературнаго дѣятеля, человѣкѣ несомнѣнно умномъ, дѣятельномъ и предпріимчивомъ, тѣ свѣдѣнія, которыя даетъ Галятовскій, представляютъ большую цѣнность въ научномъ отношеніи. Не менѣе важны сообщенія Галятовскаго о его собственной жизни, о тѣхъ благодѣяніяхъ, которыя

[1]) Рукопись въ библ. моск. общ. ист. и древн. № 98.

оказалъ ему Барановичъ. „Когда я, говоритъ Галятовскій, началъ мое ученіе въ кіевской коллегіи, ваша милость, панъ былъ моимъ первымъ учителемъ въ классахъ инфимы и грамматики, а потомъ и въ классѣ реторики, и великую милость оказывалъ мнѣ не только когда я былъ свѣтскимъ, но и когда сталъ монахомъ. Когда я въ опасное военное время пріѣхалъ изъ Волыни въ купятицкій монастырь, ваша милость панъ, будучи тамъ игуменомъ, принялъ меня милостиво и истинно какъ отецъ; перейдя потомъ на ректорство въ Кіевѣ, ты и тамъ давалъ мнѣ ходъ; переселясь также въ Новгородъ-Сѣверскъ, когда я прибылъ изъ Литвы, ты и тамъ меня обласкалъ, какъ любящій пастырь заблудшую овцу, поддержалъ мое избраніе на черниговскую архимандрію, посвятилъ меня въ этотъ санъ въ церкви Преображенія Господня, доставилъ мнѣ принадлежащія этой архимандріи имѣнія Горбовъ и Авдѣевку съ документами на нихъ, и наконецъ писалъ и посылалъ на Москву ходатайственныя обо мнѣ письма блаженной памяти царю Алексѣю Михайловичу и своими письмами привлекъ на меня великую милость его пресвѣтлаго царскаго величества“. Галятовскій посвящаетъ Барановичу въ знакъ своей благодарности сочиненіе „Stary Kościoł“, или, употребляя иносказательное выраженіе автора, подноситъ ему голубя, огонь, вѣтеръ и облако (образы св. Духа),—голубя, чтобы св. Духъ даровалъ Барановичу спокойствіе,—огонь, чтобы св. Духъ спалилъ всѣхъ его враговъ, вѣтеръ, чтобы св. Духъ вошелъ въ пещеры сердца Барановича, облако, чтобы св. Духъ сокрылъ Барановича отъ враговъ.

Богословскій трактатъ Галятовскаго объ исхожденіи св. Духа отъ Отца раздѣляется на двѣ части: въ первой части (90 стр.) доказывается, что древняя западная церковь держалась древней вѣры, а во второй (105 стр.), что новая римская церковь выдумываетъ новую вѣру. Въ первой части въ пользу православнаго ученія объ исхожденіи св. Духа исключительно отъ Отца приводятся доказательства изъ св. Писанія, восточныхъ и западныхъ писателей и доводы на основаніи разума. Во второй части опровергаются римскія доказательства „Filioque“, приводимыя изъ св. Писанія и учителей церкви. „Старый Костелъ“ Галятовскаго по силѣ доводовъ, по систематичности въ изложеніи доказательствъ, по простотѣ и ясности языка стоитъ несравненно выше „Новой Мѣры“

Барановича. Католики признали въ Галятовскомъ сильнаго противника. Съ латинской стороны послѣдовало три возраженія на „Старый Костелъ“: 1) неизвѣстнаго автора: „Квестійки, или краткіе вопросы по поводу сочиненія Галятовскаго: „Старый Костелъ“, 2) Вопросы къ разговору объ исхожденіи св. Духа, также неизвѣстнаго автора и 3) Голіаевъ своимъ мечемъ пораженный, уніата Рутки[1]). Послѣдняя книга наполнена богословскими разсужденіями о св. Духѣ. Тонъ полемики рѣзкій. Рутка обращается къ Галятовскому съ словами: „О вѣтреная голова!“ и въ другомъ мѣстѣ: „извиваешься какъ змѣя, а на истину попасть не можешь“. Лазаря Барановича. Рутка называетъ козломъ барановичемъ. Языкъ Рутки простой и сильный. Противъ Боймы выступилъ Иннокентій Гизель съ сочиненіемъ „О истинной вѣрѣ“, которое архіеп. Филаретъ называетъ „слабымъ“ [2]). Дѣйствительно, кіевскій „Аристотель“ оказался неудачнымъ полемистомъ. Галятовскій не замаралъ себя личной перебранкой съ Боймой, но нашелъ вполнѣ соотвѣтствующій ученому человѣку способъ отомстить противникамъ православія за ихъ клевету и брань. Въ 1683 г. онъ издалъ противъ католиковъ „Фундаменты, на которыхъ латинники утверждаютъ единство Руси съ Римомъ“ [3]). Въ южно-русской схоластической литературѣ второй половины XVII ст. „Фундаменты“ Галятовскаго составляютъ самое лучшее, наиболѣе выдающееся произведеніе. Въ этой небольшой книжкѣ (всего 100 страницъ) довольно удачно опровергаются поль-

[1]) Точныя и полныя заглавія этихъ книгъ слѣдующія:

1) „Na Stary Koscioł zachodni“ I. Galatowskiego, wydany r. 1678, Qvestyjki albo krótkie pytania zadane y rozwiązane. R. 1679. 8+48 str.

2) Quæstiunculæ super Dialogum primum de Processione Spiritus s. a Solo Patre formatæ et resolutæ a quodam Latino—romano. R. 1682. Typ. monast. Olivensis. 8+72 str. (Wisznewski Hist. liter. polsk. VIII. 396).

3) Goliat swojim mieczem porażony, to jest I. Galatowski arch. Jelecki przeciw pochodzenia Ducha S.... y kościołowi rzymskiemu piszący p. X. Theophila Rutkę s. J. Theologa refutowany i swiatu chrzesciańskiemu na widok podany. W Lublinie. 1689. 4+171. (Одинъ экз. *Голіава* находится въ библ. харьк. д. ак.).

[2]) Филаретъ, Обзоръ, I. 285.

[3]) Fundamenta, na których łacinnicy jedność Rusi z Rzymem fundują, według rzymskiey teraznieyszey wiary nowey, prawdziwemi odpowiedziami cerkwi wschodniey wywrócone y zniesione“. Одинъ экземпляръ „Фундаментовъ“ находится въ библ. харьк. духов. семинаріи.

ско-іезуитскія хитросплетенія и выдумки о бывшей будто-бы въ старое время „едности“ малороссіянъ съ римскою церковью. Шагъ за шагомъ, страница за страницей, въ сильныхъ, простыхъ и ясныхъ выраженіяхъ Галятовскій подкапываетъ и разрушаетъ мнимо-историческія основанія уніи и, никого не браня, не дѣлая никому личныхъ оскорбленій, разскрываетъ предъ своими противниками всю гнусность ихъ гоненія на православныхъ и безчеловѣчность ихъ относительно простого народа.

„Фундаменты“ распадаются на двѣ части. Первая часть начинается картинкой, изображающей сошествіе св. Духа на апостоловъ и Богородицу. За картинкой слѣдуетъ краткое предисловіе, въ которомъ говорится, что вышедшее въ 1678 г. во Львовѣ сочиненіе о соглашеніи восточной и западной церквей дурно было принято православными потому, что въ основу соглашенія положено признаніе главенства папы и „Filioque“. Затѣмъ слѣдуетъ изложеніе и опроверженіе 30 фундаментовъ „едности“ Руси съ Римомъ. Фундаменты состоятъ въ томъ, что во время крещенія Руси (насчитывается 5 крещеній) греки находились будтобы въ единеніи съ римской церковью, что польскіе короли женились на русскихъ княжнахъ по единовѣрію, что князь галицкій Даніилъ принялъ титулъ короля отъ папы, что преподобные Антоній и Ѳеодосій, московскіе митрополиты Петръ и Алексѣй, кіевскіе митрополиты Михаилъ, Іона Глезна, Макарій, Іосифъ Солтанъ, позднѣе Михаилъ Рогоза, приняли унію и проч. Галятовскій говоритъ, что во время крещенія Руси греки не признавали главенства папы, что польскіе короли женились на русскихъ княжнахъ изъ политическихъ видовъ, а не по единовѣрію, что Даніилъ строго хранилъ православіе, что Антоній, Ѳеодосій, Петръ и Алексѣй никогда не были уніатами, что принявшихъ унію митрополитовъ: Исидора и Михаила Рагозу, русскіе не признавали владыками, считали ихъ измѣнниками и проч.

Вторая часть, заключающая въ себѣ объясненіе штурмовъ, которыми западная церковь насилуетъ восточную къ принятію уніи, начинается съ картинки, изображающей божественнаго Страдальца на колѣняхъ пресвятой Дѣвы Маріи, сидящей у подножія креста. Эта картинка немного ранѣе была приложена къ „Новой Мѣрѣ“ Барановича. Во второй части четыре главы, или штурма. *Первый штурмъ* со стороны духовныхъ лицъ римской церкви, на-

примѣръ, со стороны Ѳомы Брюсельскаго, обвиняющаго православныхъ въ потворствѣ и одобреніи воровства, разврата, въ отрицаніи милостыни и молитвы за умершихъ и т. п. Указавъ на неосновательность этихъ обвиненій, Галятовскій говоритъ о притѣсненіи православныхъ католическимъ духовенствомъ. Такъ, іезуиты не допускаютъ православныхъ въ философскій и богословскій классы своихъ коллегій, осмѣиваютъ православное богослуженіе и духовенство, переманиваютъ въ свою кіевскую коллегію студентовъ кіево-могилянской коллегіи. Студентъ, провинившійся въ буйствѣ, уходилъ во избѣжаніе наказанія въ іезуитскій коллегіумъ и здѣсь принималъ католичество. Католики смѣются надъ кіево-печерскими мощами и объясняютъ нетлѣніе тѣлъ особенными свойствами кіево-печерской почвы или тѣмъ, что монахи намазываютъ тѣла пахучими маслами. *Второй штурмъ* на православныхъ производятъ уніаты. Галятовскій вспоминаетъ фанатика Кунцевича и, пользуясь сообщеніями изъ разныхъ городовъ, говоритъ о современныхъ гоненіяхъ со стороны уніатовъ. Такъ, пинскій уніатскій епископъ Бѣлозоръ освобождаетъ находящихся въ его владѣніяхъ православныхъ крестьянъ отъ податей, при условіи, что они подъ Свѣтлое Воскресеніе будутъ ходить въ уніатскую церковь. Жоховскій перешедшимъ въ унію разрѣшаетъ употреблять въ посту мясо. Въ концѣ втораго штурма Галятовскій говоритъ о мученической кончинѣ брестскаго православнаго игумена Аѳанасія Филиповича. Разсказъ Галятовскаго немного разнится отъ превосходнаго по простотѣ и задушевности описанія кончины Филиповича, описанія, составленнаго неизвѣстными брестскими братчиками[1]). У Галятовскаго ошибочно показано, что Филиповичъ въ тюрьмѣ просидѣлъ недѣлю. По достовѣрному свидѣтельству братчиковъ, тюремное заключеніе Филиповича длилось два мѣсяца (съ 1 іюля по 4 сент. 1648). Братчики не подверждаютъ показанія Галятовскаго, что конь тащилъ Филиповича и что надъ его могилой горѣли свѣчи. *Третій штурмъ* производится хамелеонами, т. е. лицами, перешедшими изъ православія въ латинство, напримѣръ, Касьяномъ Саковичемъ. Галятовскій опровергаетъ мнѣніе Саковича, высказанное въ „Епанортозисѣ“ или „Перспективѣ“, что православные склонны съ соглашенію съ

[1]) Русск. истор. библ, IV. Описаніе это помѣщено здѣсь при „Діаріушѣ“ Филиповича.

кальвинистами. *Четвертый штурмъ* противъ православія производятъ паны католики. Галятовскій указываетъ на королевскіе универсалы, преграждавшіе православнымъ доступъ къ высшимъ государственнымъ должностямъ, и замѣчаетъ при этомъ, что Климентій Тризна не получилъ мѣста мстиславскаго епископа, которое получилъ уніатъ Жоховскій, не смотря на то, что за Тризну ходатайствовали и просили православные. Паны отняли маетности у волынскаго зименскаго монастыря, бучацкій монастырь отдали доминиканамъ, православную церковь въ Константиновѣ обратили въ кладовую съѣстныхъ припасовъ, въ Минскѣ отдали православную церковь татарамъ, которые обратили церковь въ мечеть; виленскую церковь св. Параскевы католики обратили въ корчму. Въ Брестѣ паны католики запрещаютъ православнымъ священникамъ ходить къ больнымъ съ св. Дарами, рвутъ на священникахъ ризы, выливаютъ на землю св. Дары. Паны католическаго вѣроисповѣданія обращаютъ своихъ слугъ православнаго вѣроисповѣданія въ католицизмъ и запрещаютъ своимъ крестьянамъ ходить въ Кіевъ на богомолье, православныхъ священниковъ заставляютъ отбывать въ полѣ панщину или посылаютъ ихъ съ подводами въ далекія мѣста. Паны принуждаютъ православныхъ священниковъ участвовать въ католическихъ процессіяхъ и за отказъ или ослушаніе штрафуютъ ихъ или изгоняютъ изъ прихода. Мало того: паны католики своихъ собакъ отдаютъ православнымъ священникамъ на прокормленіе, угрожая священнику отнятіемъ послѣдняго его имущества, если онъ будетъ дурно кормить собакъ. Однажды православные священники просили пана католика быть милосердымъ къ православнымъ и обѣщали молиться за него Богу. „Не нужно!“ отвѣтилъ панъ; „вашихъ схизматицкихъ молитвъ Богъ не слушаетъ Вообще „Фундаменты“ Галятовскаго восполняютъ многочисленныя свидѣтельства актовъ, гродскихъ книгъ, мемуаровъ и народныхъ пѣсенъ о притѣсненіи православныхъ латино-уніатами и указываютъ въ то же время, какъ къ этимъ притѣсненіямъ относился Галятовскій.

На послѣдней страницѣ „Фундаментовъ“ находится небольшое замѣчаніе о Зоилѣ, который осмѣивалъ Гомера и за то былъ повѣшенъ Птоломеемъ. Предвидя возраженія со стороны латинскихъ зоиловъ, Галятовскій утѣшаетъ себя тѣмъ, что и у апостола Павла были враги, зоилы. Заключительное замѣчаніе о Зоилѣ было до-

вольно обычно въ южно-русской литературѣ XVII в.; оно, напримѣръ, встрѣчается въ „Евхаристиріонѣ“ 1632 г. Сколько извѣстно, латино-уніаты не возражали противъ „Фундаментовъ“. Они навѣрно настрочили-бы цѣлый рядъ возраженій противъ Галятовскаго, если-бы онъ остановился на избитой и истоптанной почвѣ схоластическаго богословія; но Галятовскій зашелъ въ область современной ему бытовой жизни и выдвинулъ такіе вопіющіе факты латино-уніатской жестокости и несправедливости по отношенію къ православнымъ, что трудно было его подкопать и одолѣть. Невозможно было опровергнуть такіе факты, которые были у всѣхъ на глазахъ или въ памяти. Пришлось молчать, и латино-уніаты на этотъ разъ смолчали. Можетъ быть этимъ молчаніемъ прійдется объяснить малую извѣстность и малую распространенность „Фундаментовъ“. Повидимому, эту книжку потому мало читали, что ее мало ругали.

Въ теченіи многихъ вѣковъ магометанскій міръ посредствомъ крымскихъ татаръ опустошалъ Малороссію. Во второй половинѣ XVII в. на Украйну обрушился турецкій султанъ, воспользовавшійся слабостью польскаго государства. Въ августѣ 1672 г. турки овладѣли сильнѣйшей польской крѣпостью, Каменцомъ [1]). По Буджановскому миру 1672 г. поляки отдали туркамъ Подолію и обязались платить ежегодно дань въ 22,000 червонныхъ. Только военныя дарованія Яна Собѣсскаго дали Польшѣ возможность не выполнить унизительныя условія мирнаго договора и возвратить Подолію. Въ августѣ 1674 г. турки занимали Чигиринъ, и въ самомъ Кіевѣ со страхомъ ожидали турецкаго намѣстника. Еще въ іюлѣ 1674 г. печерскій архимандритъ И. Гизель просилъ у царя пушекъ, пороху и ядеръ для обороны монастыря изъ печерской крѣпости. Въ 1675 г. крымскій ханъ сдѣлалъ попытку уничтожить Запорожье. 15,000 янычаръ были введены въ Сѣчь ночью на праздникъ Рождества Христова, когда товарищество „завше звыкло гуляти и подпивати“ [2]). Запорожцы разбили янычаръ, и ханъ бѣжалъ. Въ 1675 году турки разорили часть Галиціи и Волыни [3]). Въ 1678 г. московскія войска въ защиту отъ татаръ „верхній городъ Кіевъ, идѣ-

[1]) Маркевичъ, Исторія Малороссіи, II. 211.
[2]) С. Величко, Лѣтоп. II. 357—364.
[3]) Ibid. II. 371.

же церковь св. Софіи и катедра митрополитовъ кіевскихъ, глубокими рвами и высокими валами обведоша и умоцниша, а войска козацкія за поводомъ гетманскимъ городъ Кіевъ печерскій рвами и крѣпкими валами обваровали и уфундовали" [1]). Зимой 1681 г. татаре подходили подъ Кіевъ и брали людей въ плѣнъ. Въ 1685 г. кіевляне исправляли городскіе валы для защиты отъ татаръ [2]). Въ 1687 г. „татары барзо великія шкоды коло Кіева починили, коло самого города, замкомъ (близъ Златыхъ Воротъ), людей побрали, постынали и усе лѣто не давали отпочитку, же зъ города за Лыбедь трудно было выйти, не дбаючи на тое, що наши войска на Крымъ пошли" [3]). Слободская Украйна въ XVII и XVIII ст. очень часто была опустошаема татарскими отрядами, и битвы съ татарами происходили подъ самимъ Харьковомъ [4]). Татарскія и турецкія нашествія сопровождались жестокимъ избіеніемъ малороссіянъ и издѣвательствомъ надъ православными святынями. Побѣдители брали украинскихъ дѣвушекъ въ плѣнъ, обращали церкви въ мечети, иконами мостили улицы [5]). Въ эту тяжолую для Малороссіи эпоху турецкихъ и татарскихъ нашествій и набѣговъ сложились невольницкія думы, составляющія одинъ изъ самыхъ прекрасныхъ отдѣловъ малорусской народной поэзіи. Въ пѣсняхъ и думахъ о борьбѣ съ татарами и турками вылилась многострадальная душа народа. Здѣсь народъ выплакалъ свое вѣковое горе; здѣсь онъ выразилъ чувство ненависти къ своимъ исконнымъ врагамъ магометанамъ; здѣсь прославлены народные герои, безстрашно пускавшіеся на утлыхъ чайкахъ въ Черное море и громившіе турокъ въ ихъ собственныхъ владѣніяхъ. Въ пѣсняхъ и думахъ народъ съ замѣчательной точностью передалъ исторію своихъ страданій: какъ татары жгли села, топтали конями дѣтей, какъ мучили плѣнныхъ, какъ „турки білу челядь забирали", какъ скрывались отъ татаръ въ водѣ, но боясь,

---

[1]) Ibid. II. 478.

[2]) Ригельманъ, Лѣтоп. повѣств. II. 173, 178.

[3]) Лѣтопись Самовидца. Въ 1687 г. былъ первый походъ кн. В. В. Голицына на Крымъ.

[4]) Филаретъ, Истор.-стат. Опис. Харьк. епархіи. I. 108, 109, 114, 117, 119—122; II 58—63, 198—206 и во многих. друг. мѣстахъ.

[5]) Маркевичъ, Исторія Малороссіи. II. 209.

чтобы тутъ не выдала чайка, пробирались въ лѣса съ маленькими дѣтьми [1]).

Общественныя бѣдствія, проистекавшія отъ татарскихъ набѣговъ, усиливали въ народѣ вѣру въ чудеса, порождали сказанія о необыкновенныхъ явленіяхъ въ природѣ, предвѣщавшихъ турецкое нашествіе. Такъ, въ 1675 г., во время нашествія турокъ на Галицію и Волынь, „въ монастырѣ елецкомъ черниговскомъ, за архимандритства о. І. Галятовскаго, чрезъ двохъ чеснихъ іеромонаховъ и иныхъ того монастыря законниковъ и людей свѣтскихъ мѣсяца августа, на отдане праздника Успенія пресвятой Дѣвы Богородицы, о полночи, близко того монастыря елецкаго на ясномъ небѣ два столпи зъ оболоку бѣлаго учиненіе, еденъ отъ сторони полуденной, а другій полунощной, видѣны бяху, которые зъ собою сшедшись вдарилися [2]), презъ которыи столпи Дѣва пресвятая Богородица тимъ законникамъ елецкимъ тое ознаймила, же войско христіанское съ магометанскимъ войскомъ турецкимъ въ Малой тогобочной Россіи того власне часу, якъ столпи были видѣнни, потикало и войну чинило“ [3]).

Выдающіяся южно-русскія духовныя лица второй половины XVII в. Галятовскій и Гизель, особенно Барановичъ, раздѣляли народную ненависть къ туркамъ и татарамъ и дѣйствовали противъ нихъ всѣми возможными для духовныхъ лицъ средствами: взывали къ московскому царю о помощи, отклоняли малороссіянъ отъ мысли покориться султану, поддерживали мужество козаковъ, издавали сочиненія противъ магометанской вѣры.

Во время турецкаго нашествія на правобережную Украйну въ 1677 г. Барановичъ, исполнявшій обязанности кіевскаго митрополита за смертью Діонисія Балабана, созвалъ въ Кіевъ на соборъ настоятелей главныхъ южно-русскихъ православныхъ монастырей: монастыря печерскаго—И. Гизеля, монастыря елецкаго—Іоанникія Галятовскаго, монастыря новгородъ-сѣверскаго—Михаила Лежайскаго

---

[1]) Въ водѣ прятались иногда съ головой, имѣя во рту пустую въ серединѣ камышину, черезъ которую дышали.

[2]) Нужно думать, что рѣчь идетъ о сѣверномъ сіяніи, которое изрѣдка бываетъ видно въ Малороссіи.

[3]) С. Величко Лѣтопись. II. 372.

и др. [1]). По соборному опредѣленію, Барановичемъ во всѣ мѣста Малороссіи были разосланы двѣ граматы, сходныя по содержанію: одна грамата отъ 4 мая 1677 г., другая въ 1678 г. Предпославъ духовенству и мірянамъ свое пастырское благословеніе и замѣтивъ, что нашествіе турокъ „грѣховъ ради нашихъ стается", Барановичъ предписываетъ духовнымъ лицамъ служить молебны о побѣдѣ надъ басурманами, а мірянамъ предписываетъ соблюдать постъ, воздерживаться отъ пѣнія, игръ и музыки [2]).

Въ 1679 г. изъ новгородъ-сѣверской типографіи Барановича вышло небольшое сочиненіе (въ 66 стр.) Галятовскаго подъ заглавіемъ „Лебедь" съ 5-ю перьями, или Христосъ съ 5-ю бож. дарами [3]).

Первое лебединое перо показываетъ причины продолжительнаго существованія магометанской вѣры. Богъ терпитъ магометанъ, потому что не наполнилась мѣра ихъ грѣховъ, терпитъ для испытанія христіанъ въ твердости вѣры, въ наказаніе христіанскихъ государей за ихъ раздоры и въ виду возможности обращенія магометанъ въ христіанство. Какъ-бы то ни было, магометанство должно погибнуть. По словамъ Баронія, Турція будетъ покорена французами; по словамъ Ѳомы Брюсельскаго—русскими.

Второе лебединое перо показываетъ причины, почему многіе народы приняли магометанство: повелѣніе Магомета распространять исламъ посредствомъ меча, разрѣшеніе разврата (многоженство), простота и общедоступность магометанскаго вѣроученія, обращеніе въ магометанство христіанскихъ дѣтей (янычары), пере-

---

[1]) Историко-статистическое описаніе черниговской епархіи. I. 43.

[2]) Акты Западной Россіи. V. 141—144.

[3]) Полное его заглавіе слѣдующее: «Łabędz z piorami swemi, z darami boskiemi Christus prawowiernemu narodowi chrześćiańskiemu łabędziowym piorem swej mądrości boskiey wypisuje przyczyny, dla ktorych długo trwa na swiecie secta mahometańska i dla ktorych wiele narodow przyęli zakon Mahometow i dla ktorych na wojnie mahometani szczęscie mają, chrzescian zwyciężają i miasta i panstwa chrzesciańskie posiadają. Ten ze Łabędz Chrystus łabędziowym piorem swej nauki boskiey wypisuje fortele wojenne, ktorymi na wojnie Machometanow swoich przeciw chrześćian Mahomet pobudza, i fortele wojenne, ktoremi chrzescianie Machometanow i każdego nieprzijciela swego na wojnie zwyciężyc mogą, albo się od nieprzyjciela obronic». Одинъ экземпляръ „Лебедя" находится въ библіотекѣ харьковской духовной семинаріи.

ходъ бѣглыхъ преступниковъ изъ христіанъ въ магометанство. Кромѣ того Галятовскій говоритъ, что въ аду, по Божьему произволенію, будетъ болѣе людей, чѣмъ въ раю, и вотъ для наполненія ада нужны магометане. Въ концѣ втораго „пера“ Голятовскій прибавляетъ еще два возможныхъ случая уничтоженія магометанъ: магометане погибнутъ въ междоусобной войнѣ или будутъ обращены въ столбы.

Третье лебединое перо показываетъ причины, почему магометане на войнѣ побѣждаютъ христіанъ: грѣхи христіанъ, ссоры ихъ царей, небрежность на войнѣ. Въ концѣ главы о третьемъ лебединомъ перѣ находится весьма замѣчательное мнѣніе Галятовскаго о возможности союза православныхъ народовъ, которые могли бы освободиться отъ турецкаго ига, дѣйствуя единодушно. „Такъ и теперь, говоритъ Галятовскій, греки, болгаре, сербы, боснійцы, молдаване, валахи и иные христіанскіе народы, которые служатъ туркамъ, когда Богъ захочетъ, могутъ согласиться и уговориться между собою, выбиться изъ турецкой неволи и турокъ сдѣлать своими рабами, возвратить гробъ Христовъ и святыя мѣста.“

Если принять во вниманіе это любопытное замѣчаніе Галятовскаго и тѣ мысли о необходимости союза поляковъ, малороссовъ и великороссовъ, которыя высказаны Барановичемъ въ „Лютнѣ“, то можно съ увѣренностью утвердить, что среди малорусскаго духовенства второй половины XVII в., вполнѣ созрѣла идея политическаго единенія народовъ православнаго вѣроисповѣданія и преимущественно славянскаго корня. Не исключались изъ этого союза даже поляки, непримиримые враги малороссовъ. Въ своей „Лютнѣ“, въ одной изъ виршъ Барановичъ говоритъ, что московскій и польскій орлы, соединившись, могли-бы повергнуть къ ногамъ своимъ магометанскую луну; другую виршу онъ посвятилъ на опроверженіе ходячаго мнѣнія (во времена Барановича), что „poki swiat swiatem nie będzie rusin polakowi bratem.“ Такія тенденціи Барановича и Галятовскаго представляютъ довольно сознательное выраженіе внутренней связи малорусскаго народа съ южными и западными славянами въ XV—XVII столѣтіяхъ. Разгромомъ прибрежныхъ турецкихъ городовъ козаки мстили не только за несчастія своей родины, но и за угнетеніе всего южнаго славянства. Югославяне надѣялись, что Богданъ Хмельницкій освободитъ ихъ отъ

турокъ, и Хмельницкій дѣйствительно приготовлялся „промышлять надъ турецкимъ царемъ.“ Есть основаніе думать, что Хмельницкій замышлялъ присоединеніе Молдавіи и Валахіи къ Украйнѣ, съумѣлъ даже склонить на свою сторону турецкаго султана; но тутъ подвернулись для Хмельницкаго крайне неблагопріятныя политическія обстоятельства, напоръ поляковъ, грабежи татаръ, опасность потерять въ московскомъ царѣ послѣднюю опору на случай крайности, и повернули мысли его въ другую сторону. Проблеснувшая мысль о союзѣ порабощенныхъ славянскихъ народовъ, о взаимной ихъ другъ другу помощи для общаго дѣла славянской свободы, которая могла-бы организоваться въ такую или иную политическую комбинацію, оставлена въ самомъ началѣ, хотя самая идея славянства была тогда живѣе, связь славянъ между собою и въ частности съ Малороссіею тѣснѣе и ближе и даже въ Румыніи славянскій элементъ былъ весьма значителенъ. Гораздо ранѣе Хмельницкаго еще въ XV в. малорусскіе козаки, подъ предводительствомъ князей Острожскихъ и Сигизмунда Корибута, ходили въ Чехію помогать чехамъ въ ихъ борьбѣ съ нѣмцами [1]).

Четвертое лебединое перо описываетъ военныя уловки или фортели, которыми Магометъ поднимаетъ въ Коранѣ мусульманъ противъ христіанъ: замѣчаніе о распространеніи ислама мечемъ, замѣчаніе о томъ, что магометанину принадлежитъ земля, гдѣ ступила нога его коня, обѣщаніе райскаго блаженства борцамъ за вѣру и др.

Пятое лебединое перо изображаетъ военныя мѣры, посредствомъ которыхъ христіане могутъ побѣдить магометанъ. Изъ ветхозавѣтныхъ книгъ, западно-европейскихъ и польскихъ историковъ Галятовскій выбралъ около 40 случаевъ, когда побѣда была одержана въ слѣдствіе хитрости, и онъ рекомендуетъ эти военныя хитрости христіанамъ. Тутъ встрѣчается разсказъ о деревянномъ конѣ, ввезенномъ въ Трою, о томъ, какъ турки завлекли въ ровъ Владислава III, какъ древляне убили великаго князя Игоря, какъ Владиміръ св. взялъ Херсонесъ, и друг.

Въ концѣ книги Галятовскій приводитъ нѣсколько примѣровъ наклонности магометанъ къ колдовству, при чемъ одинъ примѣръ

[1]) Первольфъ. Славянск. взаимность, 151, 277.

заимствованъ изъ польскаго перевода „Освобожденнаго Іерусалима“ Т. Тасса. Галятовскій серьёзно вѣрилъ, что Исменъ былъ колдунъ и что татаре насылаютъ на христіанъ болѣзни, колдуя на сердцахъ убитыхъ людей. Магометъ у Галятовскаго не болѣе, какъ бѣсноватый, магометане—слуги дьявола и магометанское ученіе — дѣло дьявола.

Въ концѣ XVII ст. „Лебедь“ былъ переведенъ на русскій языкъ [1]). Противъ „Лебедя“ издано было злое сатирическое стихотвореніе „List do Galatowskiego [2]).

Вскорѣ послѣ выхода „Лебедя“ вышло другое сочиненіе Галятовскаго противъ магометанъ: „Alkoran Mahometa od (koheleta) Chrystusa zniszczony i w niwec obrocony“. Мѣсто изданія—Черниговъ. Время изданія у разныхъ библіографовъ и историковъ показано различно: у Вишневскаго въ 1683 г., у Костомарова въ 1687 г., у архіеп. Филарета въ 1688 г. По словамъ Н. И. Костомарова, въ „Алкоранѣ“ говорится о жизни и ученіи Магомета и повторяется преданіе о томъ, что турки будутъ побѣждены христіанами. „Алкоранъ“ раздѣленъ на 12 частей и изложенъ въ формѣ диспута между алкораномъ и когелетомъ. Сочиненіе посвящено царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ [3]). Переводчикъ посольскаго приказа Годзеловскій перевелъ его на русскій языкъ [4]).

Наряду съ Барановичемъ и Галятовскимъ, какъ дѣятельный членъ литературнаго и политическаго кружка Барановича, И. Гизель также писалъ противъ турокъ. Въ 1667 г. И. Гизель умолялъ Дорошенка не мыслить о подданствѣ бусурманъ и покориться православному московскому царю [5]).

Въ XVI ст., въ золотое время польской свободы, въ Польшѣ и Литвѣ возникли разные расколы и ереси, проникшіе и въ южную Русь; въ особенности глубокіе корни пустило аріанство. Аріанство, отвергавшее божественность Христа, какъ извѣстно, возникло въ IV ст. и было осуждено на Никейскомъ соборѣ 325 г. Время отъ времени оно возрождалось въ разныхъ концахъ христіанскаго

---

[1]) Филаретъ, Обзоръ дух. литер., I. 288 (у Толстаго, II. 26).

[2]) Wisznewski, Hist. liter. polsk. VIII. 394.

[3]) Костомаровъ, Русск. Исторія въ жизнеоп. II. 370.

[4]) Филаретъ, Обзоръ, I. 288.

[5]) Соловьевъ, Исторія Россіи. XII. 15.

міра. Въ XVI ст. представителемъ аріанства на Западѣ былъ Серветъ, сожженный Кальвиномъ. Въ 1551 году послѣдователи Сервета, Лелій и Фаустъ Социны перенесли аріанство въ Польшу, гдѣ оно, по имени Социновъ, стало называться социніанствомъ. Въ короткое время возникло множество социніанскихъ толковъ. Фаустъ Социнъ примирилъ аріанскія партіи, утвердивъ между ними единство въ главныхъ вѣрованіяхъ. По изъясненію Фауста Социна, откровеніе есть главный источникъ и основаніе вѣры; но въ объясненіи словъ св. Писанія человѣческому разуму долженъ быть предоставленъ полный просторъ. Богъ Отецъ всесовершенъ, безначаленъ, несотворенъ, а самъ все сотворилъ. Іисусъ Христосъ, по ученію Социна, былъ смертный человѣкъ, но, зачатый во чревѣ св. Дѣвы безъ мужа наитіемъ св. Духа, онъ въ извѣстномъ смыслѣ сталъ сыномъ Божіимъ, присвоеннымъ или усыновленнымъ. Черезъ крестныя свои страданія и воскресеніе Іисусъ Христосъ сдѣлался Богомъ и потому Его нужно прославлять и призывать въ молитвахъ. Но Христосъ не есть Слово, черезъ которое все сотворено. Онъ всесовершеннѣйшій пророкъ, богодухновенный человѣкъ, человѣко-Богъ, но не Бого-человѣкъ. Своей крестной смертью Христосъ не искупилъ людей отъ грѣха и не ввелъ ихъ въ наслѣдіе вѣчной жизни, но лишь показалъ, какъ они могутъ умилостивить Бога. Св. Духъ есть даръ Божій, подаваемый вѣрующимъ и всей полнотой своей почивавшій во Христѣ. Социніане признавали только два таинства, причащеніе и крещеніе, не придавая однако имъ таинственнаго значенія. Нравственное ученіе социніанъ было строго. Въ церковныхъ учрежденіяхъ и богослужебныхъ обрядахъ социніане не отличались отъ протестантовъ. Время отъ объединенія социніанскихъ партій въ 1585 г. до открытія гоненія на нихъ со стороны польскаго правительства и народа въ 1638 г. было самымъ цвѣтущимъ періодомъ въ исторіи польскаго социніанства. Социніанскія общины были во многихъ городахъ Литвы и южной Россіи: въ Вильнѣ, Новогрудкѣ, Венгровѣ, Пинчовѣ, Кіевѣ. Гнѣздомъ польско-литовскаго социніанства былъ городъ Раковъ. Въ 1638 г., по случаю выхода въ свѣтъ одной богохульной книжки, въ Раковѣ была закрыта социніанская церковь, школа и типографія, и самый городъ вскорѣ былъ разрушенъ католиками. Въ 1644 г.

были закрыты соцініанскія церкви и школы на Волыни. По сеймовымъ постановленіямъ 1658, 1659, 1661 и 1662 годовъ соцініанскія общины были уничтожены, при чемъ одни соцініане вынуждены были принять католицизмъ, другіе были изгнаны, третьи казнены [1]).

Можно думать, что религіозное броженіе умовъ въ Литвѣ и южной Россіи, вызванное соцініанствомъ, не смотря на драконовскія относительно соцініанъ постановленія сейма 1662 г., не совсѣмъ улеглось. Въ образованномъ южно-русскомъ обществѣ, вѣроятно, встрѣчалось еще не мало людей съ соцініанскими убѣжденіями и вѣрованіями, скрываемыми подъ личиной польско-католическаго благочестія. Іезуиты съ свойственной имъ ловкостью воспользовались религіозно-общественнымъ настроеніемъ, вызваннымъ соцініанствомъ. Они обвиняли православныхъ въ наклонности къ кальвинизму и соцініанству. Сдѣлавъ имя аріанъ ненавистнымъ въ Рѣчи Посполитой, они охотно стали примѣнять это имя къ православнымъ, направляя такимъ образомъ противъ нихъ фанатическое польско-латинское духовенство и шляхетство. Кипріанъ Жоховскій печатно называлъ Барановича и Галятовскаго аріанами [2]).

Издавая сочиненія противъ аріанъ, призывая на ихъ голову всѣ кары небесныя и земныя, Галятовскій тѣмъ самымъ свидѣтельствовалъ о лживости взводимыхъ іезуитами на православныхъ обвиненій въ наклонности къ аріанству. Южно-русскій ученый не замѣтилъ однако того, что, обѣляя себя и своихъ единовѣрцевъ передъ глазами католиковъ рѣзкимъ осужденіемъ еретиковъ, онъ по духу слишкомъ приблизился къ своимъ гонителямъ іезуитамъ, слишкомъ проникся ихъ злобой, нетерпимостью, ихъ ненавистью къ человѣку.

Вообще противъ еретиковъ направлено сочиненіе Галятовскаго Алфавитъ („Alphabetum rozmaitym heretikom niewiernym dla ich nauczenia y nawrocenia do wiary katholickiey).“ Напечатано въ Черниговѣ, въ типографіи Барановича, 23 іюня 1681 г., съ обозначеніемъ имени автора.

---

[1]) Левицкій, О южнор. социн., въ „Кіевской Старинѣ,“ 1882 г.; Соколовъ, Отношеніе протестантовъ къ Россіи, стр. 259—262.

[2]) Fundamenta, Галятовскаго, стр. 83.

Противъ аріанъ Галятовскій издалъ въ Черниговѣ въ 1686 г. „Софія мудрость“ [1]).

„Алфавитъ“ посвященъ гетману Ивану Самойловичу въ знакъ благодарности за благодѣянія, оказанныя имъ автору книги и елецкому монастырю. За посвященіемъ слѣдуетъ краткая „Предмова до чительника,“ въ которой еретики сравниваются съ дымомъ, саранчой и прочимъ, упоминаемымъ въ 9 главѣ Апокалипсиса. За предмовой слѣдуетъ стихотвореніе въ 10 строкъ, обращенное къ еретику,—одна изъ рѣдкихъ виршей Галятовскаго.

Tę xięge przy kłopotach, z kosztom, z pracą, chory
Napisałem, abym wszedł w niebieskie żyć dwory,
Żadając niewiernych do wiary nawrocenia [2])... и проч.

Въ самомъ „Алфавитѣ“ перечисляются въ алфавитномъ порядкѣ имена еретиковъ; въ двухъ-трехъ строкахъ говорится объ ихъ заблужденіяхъ, и затѣмъ слѣдуетъ возраженіе Галятовскаго, иногда въ нѣсколько страницъ. Пространныя возраженія изложены въ формѣ діалоговъ между православнымъ и еретикомъ. Сравнительно большая обширность нѣкоторыхъ возраженій и опроверженій Галятовскаго происходитъ отъ того, что въ нихъ вставлены богословскіе трактаты о св. Тройцѣ, о божествѣ Христа (13—24), о пребываніи душъ на небѣ (43—57), о страшномъ судѣ (60—75), объ иконопочитаніи (97—102), о формѣ и значеніи таинствъ, о св. мощахъ и проч. Трактаты эти представляютъ повтореніе того, что говорилось уже въ „Ключѣ“ и „Мессіи“.

Галятовскій въ изложеніи еретическихъ мнѣній и въ опроверженіи ихъ обнаруживаетъ крайнее неумѣнье отличать важное отъ пустаго и большое смѣшеніе понятій. О Херинтѣ, Эолѣ, Флоринѣ говорится болѣе, чѣмъ о Лютерѣ и Кальвинѣ. Въ число ере-

---

[1]) „Sophia mądrość zbudowała sobie dom y wgruntowała siedm słupów y mieszkając w tym domu, rozmaite na świecie czyni cuda przeciw Arianow heretykow y już wczyniła y przez w. w. Bogu o. J. Galatowskiego, arch. czern. — jeleckiego, swiatu objawiła“. Въ фундамент. библіотекѣ харьковской духовной семинаріи находится „Alphabetum“ и „Sophia mądrość“, по одному экземпляру.

[2]) „Въ хлопотахъ, съ большими издержками и трудомъ, больной, написалъ я эту книгу, чтобы войти въ небесное жилище, желая, чтобы невѣрующіе обратились къ вѣрѣ“ и пр.

тиковъ попали китайцы, японцы, мексиканцы, Зороастръ, Ксеркъ, греческіе философы, Маккіавели. Китайцы попали въ еретики за ношеніе косы, японцы за ученіе о богѣ Амидѣ, будто бы пострадавшемъ за человѣчество, мексиканцы за поклоненіе идолу, сдѣланному изъ муки, меда и разныхъ кореньевъ. Зороастру приписано изобрѣтеніе чародѣйства. Демокритъ оказался въ числѣ еретиковъ на томъ основаніи, что училъ о происхожденіи міра изъ атомовъ, Діагоръ за ученіе о случайномъ происхожденіи міра и о господствѣ въ мірѣ случая, Зенонъ за ученіе, что душа человѣка состоитъ изъ четырехъ элементовъ, воздуха, воды, огня и земли, Гериллъ за то, что высшимъ благомъ человѣка считалъ мудрость, Платонъ за ученіе о существованіи душъ солнца, луны и звѣздъ, Ксенофонтъ за ученіе о вѣчности міра. Послѣдователи Маккіавели признаны еретиками за то, что ставятъ государство выше церкви. Галятовскій опровергаетъ древнихъ философовъ доводами изъ св. Писанія; наприм., Герилла халкедонскаго опровергаетъ словами ап. Павла, что земная мудрость—глупость передъ Богомъ. Магомету въ „Алфавитѣ“ отведено полъ-страницы; впрочемъ, сообщеніе о Магометѣ довольно вѣрно исторически и содержательно. Лютеру въ „Алфавитѣ“ посвящено еще менѣе мѣста, чѣмъ Магомету, причемъ обнаруживаются крайне скудныя свѣдѣнія Галятовскаго о протестантствѣ. Южнорусскій ученый могъ только замѣтить, что Лютеръ добрыя дѣла считалъ грѣхомъ и за это ночью былъ удавленъ чортомъ, который скрутилъ Лютеру шею. Повидимому, и наставникъ Галятовскаго Барановичъ весьма мало зналъ о протестантствѣ и лишь глумился надъ Лютеромъ. Въ „Лютнѣ“ находится вирша „Lutrowi—łotrowi“, въ которой Лютеръ названъ волкомъ, а жена его, бывшая монахиня, волчицей. По словамъ Галятовскаго, Кальвинъ называлъ себя краеугольнымъ камнемъ, о которомъ говорится въ евангеліи. „За это богохульство“, грубо и злобно замѣчаетъ Галятовскій на основаніи какого нибудь человѣконенавистнаго іезуитскаго свидѣтельства, „Кальвина съѣли вши, которыя выходили изъ его тѣла и сыпались; отъ этой вшивой болѣзни происходилъ въ его тѣлѣ столь сильный смрадъ, что люди убѣгали отъ него и самъ онъ задохся отъ собственнаго смраду“. На Гуса Галятовскій смотритъ съ точки зрѣнія средневѣковыхъ католиковъ, осудившихъ великаго чеха на сожженіе. Галятовскій признаетъ за

духовными лицами право проклинать мірянъ. Говоря о томъ, что самаритяне впадали въ идолопоклонство, Галятовскій замѣчаетъ, что и русскіе не отрѣшились вполнѣ отъ языческихъ вѣрованій въ Ладо, Купала, Леля-Полеля, Чура. „Наши христіане, говоритъ Галятовскій, „и теперь во время свадьбы или какого нибудь увеселенія упоминаютъ о Ладо; въ честь Купала надѣваютъ вѣнки на свою голову, опоясываются цвѣтами и травами, прыгаютъ чрезъ огонь и танцуютъ вокругъ него, взявшись за руки и распѣвая купальскія пѣсни; вспоминаютъ въ пѣсняхъ Леля-Полеля [1]); подъ праздникъ Рождества Христова вспоминаютъ Чура и распѣваютъ по дворамъ развратныя пѣсни". Подъ развратными пѣснями, очевидно, подразумѣваются колядки. Объ обычаѣ колядованія находится упоминаніе въ „Лиѳосѣ" 1644 года. Любопытно не столько перечисленіе нѣкоторыхъ остатковъ языческихъ вѣрованій въ Малороссіи въ XVII в., сколько заключительное замѣчаніе Галятовскаго. „Духовныя лица, замѣчаетъ Галятовскій, искореняютъ эти суевѣрія своими наставленіями, но ихъ не слушаютъ; потому свѣтскимъ лицамъ слѣдуетъ силой изгнать эти суевѣрія". Южнорусскій ученый, очевидно, желалъ приложенія къ малорусской народной жизни принудительныхъ и регламентирующихъ законодательныхъ мѣръ, подобныхъ тѣмъ правиламъ, которыя практиковались въ XVI—XVII ст. въ московскомъ государствѣ.

Заключительное обращеніе къ читателю состоитъ въ объясненіи того, что изъ Алфавита видно, т. е. что еретики хуже жидовъ и язычниковъ, по демонскому внушенію производятъ ложныя чудеса, хитры, развратны, вообще достойны смертной казни.

„Софія мудрость" посвящена кіевскому митрополиту Гедеону Святополку Четвертинскому (хиротонисанъ изъ луцк. еп. въ кіев. митр. 8 нояб. 1685 г., † 6 апр. 1690 г.). Въ предисловіи говорится о родѣ кн. Четвертинскихъ и приложено изображеніе Купятицкой иконы Богоматери. Въ книгѣ 25 листиковъ (50 стран.), на которыхъ изложены чудеса, свидѣтельствующія о преступности аріанъ. Всѣхъ чудесъ 51. Чудеса заимствованы преимущественно изъ Баронія. Отличительная особенность чудесъ въ „Софіи"—жестокость. И въ

[1]) Свидѣтельство это заимствовано изъ Кромера, который о Лелѣ и Палелѣ упомин. въ соч. „De origine et reb. gest. Polan." III. 30.—Прм. авт.

„Небѣ“ грѣшники терпятъ наказаніе отъ Богоматери; но иногда получаютъ прощеніе. Въ „Софіи“, этомъ жалкомъ исчадіи кіево-могилянской науки, Богъ является исключительно грознымъ и карающимъ. Для еретиковъ нѣтъ другаго наказанія, какъ искалѣченіе и смерть; напр. во 2 чудѣ аріанинъ убитъ громомъ, въ 4—облитъ въ банѣ кипяткомъ, въ 5—убитъ конемъ, въ 6—у аріанск. еписк. Зосимы вылѣзъ языкъ, въ 23—самъ Арій распухъ и умеръ скоропостижно мучительной смертью. Въ заключительномъ обращеніи къ „ядовитому Скорпіону зоилу“ Галятовскій говоритъ, что русскій народъ живетъ подъ небеснымъ зодіакомъ Скорпіона. „Неласковый и гнѣвный Скорпіонъ своимъ небеснымъ вліяніемъ побуждаетъ народъ русскій къ войнамъ“.

Въ 1686 г. Галятовскій издалъ въ Черниговѣ на русскомъ языкѣ сочиненіе „Боги поганскіе“. Эта небольшая книжка (12+34) нынѣ представляетъ большую библіографическую рѣдкость. Въ библіотекѣ Хлудова (въ Москвѣ) находится одинъ экземпляръ. Сочиненіе посвящено царицѣ Софьѣ Алексѣевнѣ. Содержаніе сочиненія видно изъ заглавія. „Боги поганскіе въ болванахъ мѣшкаючіе духове злыи, тутъ же посполу ихъ розмаитыи злости написани, жебы христіане правовѣрные могли отъ себя злыхъ духовъ отогнати и подоптати и поплевати и силу ихъ зламати и надъ ними тріумфовати“. Здѣсь говорится, что демоны, скрывающіеся въ статуяхъ языческихъ боговъ, обманываютъ христіанъ ложными чудесами; иногда демоны являются въ тѣлесномъ видѣ, сдѣлавъ себѣ тѣло изъ воздуха или облака. Демоны болѣе всего боятся Богородицы, костей святыхъ и молитвы.

Послѣднее сочиненіе Галятовскаго, изданное имъ за годъ до кончины, носитъ названіе: „Души людей умерлыхъ зъ тѣла выходячіи отходятъ на три мѣсця, иншіи до неба, иншіи до пекла, иншіи на мытарства“ [1]). Книжка небольшая, написана на русскомъ языкѣ, издана въ Черниговѣ въ 1687 г. Это такое-же сухое и безсодержательное порожденіе кіево-могилянской науки, какъ и два предъидущія сочиненія Галятовскаго. Въ „Душахъ“ много схоластическихъ пустяковъ; напр. въ концѣ предмовы въ формѣ прописныхъ буквъ показаны „оружія страстей Христовыхъ“: П—столбъ,

[1]) Одинъ экз. „Душъ“ находится въ библ. харьковск. духов. семинаріи.

у котораго бичевали Христа, Х—клещи, которыми извлекали гвозди изъ его рукъ и ногъ и т. д.; къ каждой фигурѣ приложено риѳмованное двустишіе. Въ „Душахъ“ перечисляются 11 небесъ, говорится о 9 ангельскихъ чинахъ, о томъ, съ кѣмъ святые ведутъ на небѣ дружбу, о раздѣленіи ада на отхлань и геенну, о разныхъ мукахъ грѣшниковъ, о мытарствахъ души и о борьбѣ святыхъ съ чертями за душу умершаго. „На повѣтрѣ, замѣчаетъ Галятовскій, полно есть злыхъ духовъ, которые съ нами войну точатъ, до грѣха насъ приводятъ и души людскія задерживаютъ“, — замѣчаніе, характерное для историка демонологіи, особенно при опредѣленіи темныхъ средневѣковыхъ вѣрованій и понятій, занесенныхъ въ южную Русь схоластической школой.

Іоанникій Галятовскій, „поживъ богоугодно, преставися въ старости въ 1688 году мѣсяца января 2 дня, положенъ есть въ храмѣ Успенія пр. Богородицы, подъ формою своею. Сія чтеши глаголи: сотвори ему, Господи, вѣчную память“. Слова эти находятся въ елецкомъ помянникѣ[1]). Кончина Галятовскаго не была замѣчена современниками. Объ ней не упоминаетъ Барановичъ въ своихъ письмахъ. Не упоминаетъ о смерти Галятовскаго и св. Димитрій Ростовскій, старательно отмѣчавшій въ своемъ Діаріушѣ время кончины южнорусскихъ духовныхъ лицъ, даже простыхъ монаховъ, чѣмъ либо отличавшихся, отмѣтившій, между прочимъ, время кончины одного благочестиваго постриженника Галятовскаго[2]).

Въ церковно-археологическомъ музеѣ при кіевской духовной академіи находится старинный портретъ Галятовскаго. Портретъ обгнилъ вокругъ, но лицо хорошо сохранилось, хотя нѣсколько закопчено.

Бросая послѣдній взглядъ на Галятовскаго, какъ человѣка и писателя, мы должны признать въ немъ человѣка благочестиваго, умнаго и образованнаго. Нельзя однако не замѣтить, что богатыя дарованія Галятовскаго были въ значительной степени искалѣчены школой. Кіево-могилянская схоластика внесла въ его ученую и литературную дѣятельность нѣчто такое, что помѣшало ему вполнѣ стать на народную точку зрѣнія и работать въ интересахъ народа.

---

[1]) Истор.-стат. Опис. черниг. епарх. III, 18.

[2]) Димитрій Ростовскій. Сочиненія, I. 10.

Южнорусскія народныя нужды и стремленія подсказывали ему темы для сочиненій и наводили его на мысль писать противъ католиковъ, магометанъ и евреевъ; но лишь только Галятовскій брался за перо, какъ вмѣсто живаго сочетанія современныхъ ему фактовъ въ огромномъ большинствѣ его сочиненій выступаетъ искусственное сопоставленіе книжныхъ свѣдѣній, безъ соотвѣтствія ихъ съ дѣйствительностью. Если позволительно объ ученикѣ судить по учителю, о Галятовскомъ по Барановичу (а между ними, несомнѣнно, существовала самая тѣсная духовная связь), то можно допустить, что Галятовскій въ своей частной жизни, въ общественной и политической дѣятельности стоялъ къ родной землѣ гораздо ближе, чѣмъ въ своихъ ученыхъ трудахъ. Вообще по сочиненіямъ южнорусскихъ писателей второй половины XVII в., преимущественно по сочиненіямъ Барановича и Галятовскаго, легко убѣдиться, что наука въ это время въ южной Россіи, при внѣшнемъ обманчивомъ богатствѣ, выражавшемся главнымъ образомъ толстотой книгъ и обиліемъ ссылокъ на пособія, была въ дѣйствительности явленіемъ почти вполнѣ мертворожденнымъ и крайне далеко отстояла отъ жизни. Исторія южнорусской науки и литературы второй половины XVII вѣка свидѣтельствуетъ, что научный прогрессъ не можетъ быть разсматриваемъ, какъ самое плодотворное проявленіе умственной дѣятельности, если онъ не основывается на національной почвѣ и не вытекаетъ изъ всеобщаго, общественнаго и народнаго, прогресса національнаго.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

12 декабря 1883 года.

ЧИСЛО И ПОРЯДОКЪ ЗАПОРОЖСКИХЪ СѢЧЕЙ.

Во всѣхъ изслѣдованіяхъ, касающихся исторіи запорожской Сѣчи, распространено то общее убѣжденіе, что Сѣчь постоянно и по мѣрѣ надобности переносилась съ одного мѣста на другое и что, стало быть, существовало Сѣчей нѣсколько, а не одна. И это совершенно вѣрно. Является лишь вопросъ: каковъ былъ порядокъ запорожскихъ Сѣчей и что было причиною перепесенія ихъ съ одного мѣста на другое?

На первый изъ поставленныхъ вопросовъ между другими историками и лѣтописцами раньше всѣхъ даетъ отвѣтъ князь Мышецкій, авторъ „Исторіи о казакахъ запорожскихъ“ [1]). Такъ какъ отвѣтъ Мышецкаго, не смотря на всю его неполноту, отличается все таки большою подробностію, то мы и воспользуемся его показаніями, присовокупивъ къ этому и собственныя соображенія [2]). Въ главѣ „о прежнемъ житіи казаковъ запорожскихъ, гдѣ оные свои главныя жилища, а по ихъ званію, сѣчи имѣли“, авторъ говоритъ, что запорожцы сидѣли сѣчами въ слѣдующихъ мѣстахъ: 1) въ мѣстечкѣ Седневѣ, отстоявшемъ въ 30 верстахъ отъ г. Чернигова; 2) въ г. Каневѣ, который стоитъ на правомъ берегу Днѣпра, ниже г. Кіева и считается однимъ изъ уѣздныхъ городовъ этого послѣдняго 3) въ мѣстечкѣ Переволочнѣ, которое находилось въ полтавской губерніи, па лѣвомъ берегу Днѣпра; 4) на островѣ Хортицѣ [3])

---

[1]) „Исторія о казакахъ запорожскихъ“ издана въ Одессѣ, въ 1852 году.

[2]) Къ указанію Мышецкаго мы добавляемъ и собственныя свѣдѣнія, добытыя лично во время поѣздки по запорожскимъ пепелищамъ.

[3]) Иначе островъ св. Григорія, Варяжскій, Хиртица, Хитрицкій, Хордецкой островъ.

который лежитъ противъ пристани г. Александровска екатеринославской губерніи, ниже послѣдняго днѣпровскаго порога Вильнаго или Гадючьяго, на восемь верстъ [1]); 5) на островѣ Томаковкѣ или Токомаковкѣ [2]), который принадлежитъ теперь жителямъ села Красно-Григорьевки или Чернышовки, екатеринославскаго уѣзда и именуется островомъ Городищемъ; 6) на Микитиномъ рогѣ или мысѣ, теперь смытомъ водой, но находившемся на 150 сажень ниже пристани теперешняго мѣстечка Никополя, екатеринославскаго уѣзда, противъ южнаго конца острова Орлова; 7) на рѣчкѣ Чортомлыкѣ, при самомъ устьѣ ея, тамъ гдѣ теперь деревня Капуливка или Капыловка, екатеринославскаго уѣзда; 8) на устьѣ рѣчки Каменки, гдѣ теперь деревня Консуловка или Разоровка, въ имѣніи землевладѣльца М. Ѳ. Огаркова, херсонскаго уѣзда; 9) въ урочищѣ Олешкахъ, по теперешнему въ г. Алешкахъ таврической губерніи, днѣпровскаго уѣзда, прямо на востокъ отъ г. Херсона; 10) наконецъ на рѣчкѣ Подпольной въ дугообразной лукѣ или извивѣ ея, на правомъ берегу, въ урочищѣ, называвшемся у козаковъ Краснымъ-Кутомъ, или Базавлуцкимъ полуостровомъ [3]), гдѣ теперь село Покровское екатеринославскаго уѣзда.

Таковъ порядокъ запорожскихъ Сѣчей, представленный княземъ Мышецкимъ. Но тутъ является прежде всего вопросъ: можно-ли три первыя, до-хортицкія Сѣчи, Сѣчь Седневскую, Каневскую и Переволочанскую считать запорожскими Сѣчами, въ собственномъ смыслѣ этого слова? Кажется, что на этотъ вопросъ нужно отвѣтить отрицательно. За это говоритъ прежде всего этимологія слова: *запорожецъ*. Запорожцами, запорожскими козаками въ собственномъ смыслѣ назывались только тѣ изъ днѣпровскихъ козаковъ, которые, оставивъ свою родину гдѣ-нибудь въ Малороссіи, Литвѣ, Польшѣ или за предѣлами ихъ, селились, основывали себѣ жилища, за *порогами* Днѣпра, начинавшимися, ровнымъ счетомъ, на восемь

---

[1]) Мышецкій ошибочно показываетъ 15 верстъ вмѣсто восьми.

[2]) По татарски Томаковка звучитъ „тумакъ“ что значитъ „шапка“; островъ по своей округлости дѣйствительно очень похожъ на шапку. Другія названія острова Днѣпровскій и Буцка. См. Памятн. кіевской комм. для разбора древ. актовъ, I, отдѣлъ III, стр. 18. Кіевъ, 1845 г.

[3]) Подпиленская Сѣчь отстояла отъ Базавлука прямо на востокъ, на разстояніи 12 верстъ.

верстъ ниже деревни Половицы, теперешняго губернскаго г. Екатеринослава. Вотъ какіе изъ днѣпровскихъ козаковъ назывались и должны называться запорожскими козаками; тѣже изъ нихъ, которые жили выше днѣпровскихъ пороговъ, въ такъ называемой Старой Малороссіи, въ теперешнихъ губерніяхъ кіевской, черниговской и полтавской, тѣ козаки носили названіе черкасскихъ (отъ г. Черкасъ, кіевской губерніи, бывшихъ одно время ядромъ этого козачества), малороссійскихъ, гетманскихъ, украинскихъ, городовыхъ, реестровыхъ, или семейныхъ козаковъ. Но такъ какъ и Седневъ, и Каневъ, и Переволочна находились выше днѣпровскихъ пороговъ, то и считать ихъ *запорожскими Сѣчами* едва ли возможно. Если же пребываніе запорожскихъ козаковъ въ означенныхъ мѣстахъ и несомнѣнно, то это интересно скорѣе въ томъ отношеніи, что показываетъ намъ мѣсто зарожденія запорожскаго козачества: запорожцы не выходцы изъ Польши и не переселенцы изъ прикавказскихъ областей, какъ думали недавніе историки, а истинные сыны Малороссіи, плоть отъ плоти и кость отъ костей ея. Впрочемъ пребываніе запорожцевъ въ названныхъ мѣстахъ, хотя бы то и не Сѣчами, могло относиться лишь къ тому моменту ихъ историческаго бытія, когда они не обособлялись еще отъ малорусскихъ козаковъ и, живя въ Старой Малороссіи, составляли съ ними одно цѣлое. Но затѣмъ, кромѣ этого общаго соображенія, не позволяющаго назвать Седневъ, Каневъ и Переволочну Запорожскими Сѣчами, мы не можемъ именовать ихъ такъ еще и потому, что не имѣемъ никакихъ документальныхъ подтвержденій о пребываніи въ нихъ запорожцевъ—сѣчами. Документально извѣстною, и то лишь въ смыслѣ временнаго укрѣпленія или замка, становится только Хортицкая Сѣчь, съ которой мы и ведемъ счетъ всѣмъ запорожскимъ Сѣчамъ.

Но, кромѣ указанной неточности, у Мышецкаго замѣчается еще отсутствіе хронологическихъ датъ на счетъ времени возникновенія и паденія каждой изъ названныхъ запорожскихъ Сѣчей; также точно Мышецкій не даетъ намека и на то, что нѣкоторыя изъ названныхъ Сѣчей, какъ напримѣръ Хортицкая, Чортомлыцкая и Каменская, возникали и прекращались не одинъ, а два раза. Впрочемъ, выставляя это на видъ, мы далеки отъ того, чтобы обвинять автора „Исторіи о казакахъ запорожскихъ“, писавшаго болѣе, чѣмъ

сто лѣтъ тому назадъ (между 1736 и 1740 гг.). Только въ наше время, и то все-таки далеко не вполнѣ, мы можемъ удовлетворить себя отвѣтомъ на заданный вопросъ. Такъ, что касается Хортицкой Сѣчи, то изъ лѣтописныхъ сказаній извѣстно, что начало ея положено въ 1557 году княземъ Д. И. Вишневецкимъ, человѣкомъ православной вѣры, родомъ изъ волынскихъ князей Гедиминовичей. „Тогожъ мѣсяца (сентября 1557 года) приѣхалъ ко царю и великому князю Івану Васильсвичу (Грозному) всеа Русиі, отъ Вишневецкого князя Дмитрея Ивановича, бити челомъ Михайло Есковичь, чтобъ его (т. е. князя) государь пожаловалъ, а велѣлъ себѣ служить, а отъ короля изъ Литвы от(ъ)ѣхалъ, и на Днепрѣ на Кортицкомъ острову городъ поставилъ, противъ Конскихъ водъ (рѣка), у крымскихъ кочевищъ“ [1]). Вотъ время перваго возникновенія Хортицкой Сѣчи. Но уже два года спустя Сѣчь Хортицкая окончила это первое свое существованіе, вслѣдствіе того, что самъ предводитель запорожскихъ козаковъ, князь Д. И. Вишневецкій, подавленный нападеніемъ крымскаго хана Девлетъ-Гирея, удалился сперва „за Черкасы и Каневъ“, а потомъ въ отдаленный г. Бѣлевъ съ его волостями и селами; козаки-же, предоставленные собственной судьбѣ, искали себѣ другаго мѣста для своего поселенія. Впрочемъ, навшая такъ безвременно Хортицкая Сѣчь снова возобновлялась, но это было уже въ началѣ XVII столѣтія при кошевомъ атаманѣ запорожскихъ и гетманѣ малорусскихъ козаковъ, Петрѣ Конашевичѣ-Сагайдачномъ. „Какъ поляки шли войною на Россію въ 1630 году [2]), тогда запорожскіе козаки были подъ Польшею, и одинъ запорожскій воинъ, прозываемый Сагайдачный, на ономъ островѣ (Хортицѣ) построилъ фортецію, а по ихъ званію окопъ“ [3]). „Хортица одинъ изъ большихъ Днѣпровскихъ острововъ... Первыми поселенцами здѣсь были запорожскіе козаки. Въ началѣ XVII с. гетманъ Сагайдачный приказалъ жилища ихъ обвести земляннымъ окопомъ и деревяннымъ тыномъ или *засѣкою*, отъ чего, мо-

---

[1]) По Максимовичу. См. Собр. сочин., т. I, стр. 284, Кіевъ, 1876 г.

[2]) Здѣсь явная ошибка: дѣло было въ 1618 году; ибо самъ Сагайдачный умеръ въ 1622 г. См. Антоновичъ и Бецъ. Истор. дѣят. юго-зап. Руси. 1883 г., стр. 1—5.

[3]) Мышецкій. Истор. о каз. запорож. Одесса, 1852 г., стр. 68.

жетъ быть, получило тогда это укрѣпленіе и названіе *Сѣчи*, сохранившееся и при переходѣ запорожцевъ въ другія мѣста, до самаго окончательнаго ихъ разсѣянія“ [1]). „Островъ сей (Хортица) извѣстенъ былъ у Константина Багрянороднаго подъ именемъ острова св. Григорія. Тамъ древніе Руссы, переплывъ благополучно пороги и отразивъ непріятелей, приносили жертвы; тамъ къ началѣ XVI столѣтія запорожцы имѣли Сѣчь свою, оставили ее, въ 1620 году возобновили и вскорѣ вновь покинули“ [2]).

За Хортицкой Сѣчью слѣдовала Томаковская; возникновеніе ея можно относить къ двумъ моментамъ: или къ тому времени, когда впервые основана была и Хортицкая Сѣчь, или-же ко времени немного позже этого. Въ первомъ мнѣніи утверждаетъ насъ авторъ „Исторіи Малой Россіи“, когда говоритъ о князѣ Д. И. Вишневецкомъ, укрѣпившемъ не одинъ только островъ Хортицу, но и островъ Томаковку [3]); второе предположеніе является само-собой, когда исключить первое: если Томаковская Сѣчь основана не одновременно съ Хортицкой и не раньше ея, то, стало быть, позже. Но когда-же именно? На этотъ вопросъ отвѣтить утвердительно мы не можемъ. Правда, г. Костомаровъ [4]) говоритъ, что Томаковская Сѣчь возникла въ 1568 году; но на чемъ онъ основываетъ свое утвержденіе? На такомъ актѣ, который рѣшительно ничего не говоритъ о Томаковской Сѣчи. Вотъ этотъ актъ, буква въ букву: „Подъданымъ нашимъ козакомъ тымъ, которые зъ замковъ и местъ нашихъ Украйныхъ, безъ росказаня и ведомости на тое господарское и старостъ нашихъ Украйныхъ, зъехавши, *на низу на Днепре, въ полю и на иныхъ входахъ* перемешкиваютъ: Маемъ того ведомость, ижъ вы на местцахъ помененныхъ, у входахъ розныхъ своволне живучи, подданнымъ цара Турецкого, чабаномъ и татаромъ цара Перекопского, на улусы и кочовища ихъ находечи, великие шкоды и лупезства имъ чините, а тымъ границы панствъ

---

[1]) Книга, глаголемая Большой чертежъ. Москва, 1846 г., стр. 259.

[2]) Бопланъ. Описаніе Украйны. Спб. 1832 г., стр. 150.

[3]) Бантышъ-Каменскій. Ист.-Мал. Рос., Москва. 1842 г., I., 113; тоже повторяетъ Маркевичъ въ своей „Исторіи Малороссіи“. Москва, 1842 г., I, 46.

[4]) Южная Русь и казачество. Отеч. Зап., т., CLXXXVIII, отд. I, стр. 39.

нашихъ отъ непріятеля въ небезпечество приводите“ [1]). Вотъ тотъ актъ, который, по словамъ г. Костомарова, указываетъ будто-бы годъ основанія томаковской Сѣчи. Но какое-же здѣсь указаніе на Томаковскую Сѣчь? Въ актѣ говорится только о томъ, что запорожскіе козаки „перемешкивають“ на Днѣпрѣ, на низу и на поляхъ; но Днѣпръ великъ, а низъ и поле еще больше того; на Днѣпрѣ, кромѣ Томаковки острова, есть еще и множество другихъ острововъ.

Такимъ образомъ актъ, приведенный г. Костомаровымъ, ничего не говоритъ намъ о Томаковской Сѣчи, и годъ основанія ея для насъ остается совершенно неизвѣстнымъ. Костомаровъ о Тамаковкѣ даетъ другаго рода свѣдѣнія; такъ, онъ говоритъ, что на этомъ островѣ произошло свиданіе Богдана Хмельницкаго, гетмана малороссійскихъ козаковъ, съ Иваномъ Хмелецкимъ, посломъ коронаго гетмана Польши, Потоцкаго; посолъ убѣждалъ гетмана не поднимать войны противъ поляковъ, оставить всѣ свои мятежные замыслы и возвратиться изъ Сѣчи на родину: „увѣряю васъ честнымъ словомъ, говорилъ Хмелецкій Хмельницкому, что и волосъ на спадетъ съ вашей головы“ [2]). Впрочемъ, что касается самыхъ козаковъ, бывшихъ на островѣ Томаковкѣ, то они приняли Хмельницкаго далеко не такъ дружелюбно, какъ можно было-бы предполагать. Это зависѣло отъ слѣдующихъ обстоятельствъ. „Нѣсколько лѣтъ ранѣе бѣгства Хмельницкаго на Запорожье, на Украйнѣ атаманомъ Ѳеодоромъ Линчаемъ былъ поднятъ довольно серьезный бунтъ противъ Барабаша и другихъ старшинъ реестроваго войска, какъ противъ сторонниковъ польскихъ пановъ и грабителей своихъ соотечественниковъ. Нѣсколько сотъ казаковъ подъ начальствомъ атамана Ѳеодора Линчая подняли мятежъ и требовали его (Барабаша) сверженія съ начальства. Пріятель полковника Барабаша, Богданъ Хмельницкій, какъ реестровый сотникъ, по долгу службы, очевидно долженъ былъ принять участіе въ потушеніи мятежа. Реестровые восторжествовали, а Ѳедоръ Линчай со своими сторонниками, которые получили прозваніе „линчаивцівъ“, принужденъ

---

[1]) Архивъ юго-зап. Россіи. Кіевъ, 1863. Т. I, III, стр. 4, Актъ помѣченъ 1568 годомъ, 20 числомъ ноября.

[2]) Богданъ Хмельницкій. Спб., 1870 г., т. I, стр. 84.

былъ спасаться бѣгствомъ на Запорожье, гдѣ онъ и поселился на островѣ Буцкѣ (Томаковкѣ). Теперь когда линчаевцы увидѣли на своемъ островѣ Хмельницкаго, ихъ прежняго противника, то, хотя по долгу козацкаго гостепріимства и дали ему убѣжище, однако относились къ нему съ подозрѣніемъ... Это недовѣріе заставило Хмельницкаго удалиться съ острова Буцка (Томаковки) на Никитинъ Рогъ" [1]).

Заговоривъ о Томаковской Сѣчи, мы не можемъ при этомъ не указать на тѣ неточности, которыя допущены при описаніи ея въ недавно вышедшемъ сочиненіи „О Богданѣ Хмельницкомъ" г. Буцинскаго [1]). Описывая островъ Томаковку, авторъ говоритъ, вопервыхъ, что островъ этотъ находится выше Микитина Рога на 25 верстъ;— это невѣрно: не на 25, а на 18 верстъ. Далѣе, авторъ говоритъ, что Томаковка—самый замѣчательный изъ всѣхъ днѣпровскихъ острововъ по своей величинѣ и недоступности;—и это невѣрно. Самый замѣчательный изъ всѣхъ днѣпровскихъ острововъ по своей величинѣ и недоступности есть островъ Хортицкій: онъ имѣетъ $24^1/_2$ версты въ окружности, а вся площадь его равняется 2547 десятинамъ и 325 сажнямъ; тогда какъ Томаковка въ окружности имѣетъ шесть верстъ, а площадь ея равняется 295 десятинамъ земли. Кромѣ того и самые берега острова Томаковки менѣе возвышены, нежели берега острова Хортицы: Томаковка доступна со всѣхъ сторонъ, кромѣ южной, гдѣ высота ея восходитъ до 7 саженъ; тогда какъ Хортица недоступна съ трехъ сторонъ, особенно же съ западной, гдѣ высота ея въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доходитъ до 30 саженъ и болѣе. Далѣе авторъ говоритъ, что Томаковка расположена въ томъ мѣстѣ Днѣпра, гдѣ онъ нѣсколькими (?) притоками соединяется съ рѣкою Базавлукомъ;—и это неправда: рѣка Базавлукъ находится болѣе, чѣмъ на 50 верстъ ниже Томаковки; она впадаетъ въ Днѣпръ у Краснаго-Кута, выселка села Грушевки херсонскаго уѣзда, и служитъ здѣсь раздѣльною чертою между екатеринославскимъ и херсонскимъ уѣздомъ. О Базавлукѣ при Томаковской Сѣчи не можетъ быть и рѣчи; у Томаковки сливаются другія рѣчки: съ юга ее охватываетъ рѣчка Рѣчище [2]), съ востока—Ревунъ и Ревунча; съ сѣвера—Ревугъ, а съ

[1]) Буцинскій. О Богданѣ Хмельницкомъ. Харьковъ. 1882 г., стр. 38.

[2]) Рѣчище есть притокъ Бугая, а Бугай есть притокъ Днѣпра съ правой стороны.

запада—Гнилая, а всѣ онѣ впадаютъ въ лиманъ, начинающійся ниже села Красно-Григорьевки или Чернышевки и деревни Нечаевой, екатеринославскаго уѣзда, имѣющій семь верстъ длины и впадающій въ Днѣпръ съ правой стороны. Кромѣ того, къ острову Томаковкѣ, прямо съ сѣвера бѣжитъ рѣчка Томаковка, которая, соединясь съ рѣчкою Ревуномъ, даетъ свое названіе и самому острову. Далѣе, авторъ говоритъ, что возлѣ Томаковки острова есть нѣсколько маленькихъ острововъ;—и это невѣрно: кромѣ самой Томаковки здѣсь нѣтъ никакихъ другихъ острововъ; есть лишь сплошная, отъ острова до Днѣпра, плавня, имѣющая ширины до 7 верстъ и покрытая непролазной лозой, высокимъ камышомъ, толстыми вербами, осокорами и шелковицами. Заключая свое описаніе острова Томаковки, авторъ сочиненія „О Богданѣ Хмельницкомъ", наконецъ, замѣчаетъ: „О *величинѣ* этого острова можно составить себѣ понятіе по донесенію одного польскаго начальника отъ 2 апрѣля 1648 года: „Хмельницкій сидитъ на островѣ Буцкѣ, называемомъ Днѣпровскимъ,—отъ берега, на которомъ мы стоимъ, двѣ мили, а съ той стороны, отъ Крыму, едва можно достать выстрѣломъ изъ доброй пушки". Здѣсь авторъ „Богдана Хмельницкаго" совсѣмъ не понялъ замѣчанія поляка: приведенныя слова говорятъ не о величинѣ острова, а о томъ, что островъ отъ праваго берега Днѣпра („на которомъ мы стоимъ"), стоитъ на двѣ мили, а отъ лѣваго („отъ Крыму") такъ далеко, что едва можно достать его изъ доброй пушки. Вотъ что хотѣлъ сказать полякъ [1]). И точно: островъ Томаковка стоитъ не среди самаго Днѣпра, а въ его низменности, удаленной отъ праваго берега рѣки на семь верстъ (но не на двѣ мили) вправо.

Еще меньшею опредѣленностію отличаются наши свѣдѣнія о Микитинской Сѣчи, находившейся съ правой стороны рѣки Днѣпра на такъ называемомъ Микитинѣ Рогѣ или мысѣ, теперь смытомъ водой; по неимѣнію документовъ, мы не можемъ сказать даже приблизительно о томъ, когда основана эта Сѣчь; въ этомъ отношеніи намъ ничего не даетъ и самое названіе Сѣчи, такъ какъ оно заимствовано отъ имени какого-то Микиты, вышедшаго изъ ста-

[1]) Слова эти взяты изъ письма пана Потоцкаго къ королю Владиславу IV, напечатаннаго въ Пам. кіевск. комм., т. I, отд. III, стр. 18.

рой Малороссіи, поселившагося на днѣпровскомъ рогѣ и давшаго свое имя сперва рогу, а потомъ уже и самой Сѣчи, возникшей здѣсь. „Нѣкто Микита, предпріимчивый малороссъ, плѣняясь разсказами своихъ собратьевъ, бывавшихъ въ походахъ противъ крымскихъ таѣаръ, о привольяхъ Днѣпра, изобилующаго рыбой и разнаго рода звѣрями, отъ оленя и дикой лошади до пугливаго зайца, плодившихся въ обширныхъ островахъ его, а можетъ быть и самъ участвовавшій въ походахъ противъ бусурманъ, съ которыми издревле Украйна вела войны,—этотъ Микита поселился на мысѣ у Днѣпра, который и получилъ названіе его именемъ „Микитинъ рогъ“ [1]). Вотъ то, что мы знаемъ относительно названія Сѣчи. Кромѣ того намъ извѣстно, что на Микитинской Сѣчи нашелъ пристанище гонимый поляками Зиновій Богданъ Хмельницкій; здѣсь, изъ устъ запорожскихъ козаковъ, Хмельницкій услышалъ первый откликъ на защиту всей Украйны; здѣсь онъ увидѣлъ искреннее желаніе со стороны „добрыхъ лыцарей“ сражаться за униженіе предковской вѣры и за осквернение православныхъ храмовъ; здѣсь-же Хмельницкій, выбранный на общей козацкой радѣ гетманомъ всего запорожскаго и малорусскаго войска, самъ еще не сознавая, полагалъ начало осуществившемуся въ послѣдствіи слитію въ одно политическое тѣло Малороссіи и Великороссіи.

О времени уничтоженія Микитинской Сѣчи мы можемъ сказать лишь то, что оно должно совпадать со временемъ основанія слѣдующей за ней Сѣчи Чортомлыцкой, т. е. съ 1652 годомъ. Это подтверждается между прочимъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ 1669 году, въ Андрусовскомъ договорѣ русскихъ съ поляками, Микитинъ рогъ оффиціально именуется уже не Сѣчью, а Микитинымъ перевозомъ, чрезъ который дозволено было малороссійскимъ козакамъ переходить въ Крымъ за солью [2]).

За Микитинскою Сѣчью слѣдовала Сѣчь Чортомлыцкая. Какъ и Хортицкая, Чортомлыцкая Сѣчь возникала не одинъ, а два раза, при чемъ моментъ перваго возникновенія ея предшествовалъ моменту возникновенія Сѣчи Микитинской, а моментъ втораго возникновенія ея слѣдовалъ за моментомъ паденія этой-же Сѣчи. Въ первомъ убѣждаютъ насъ слова Эриха Ляссоты, посланника германскаго

[1]) Карелинъ. Зап. одес. общ. ист. и древ., т. VI. стр. 523.

[2]) Карелинъ. Записки одесск. общ. ист. и древ., т. VI, стр. 525.

императора Рудольфа II; изъ „Путевыхъ записокъ“ Ляссоты мы узнаемъ, что Чортомлыцкая Сѣчь существовала уже въ 1594 году. Эрихъ Ляссота отправленъ былъ Рудольфомъ II-мъ къ запорожскимъ козакамъ съ тою цѣлію, чтобы привлечь ихъ къ задуманной императоромъ войнѣ противъ турокъ. Переправившись черезъ всѣ днѣпровскіе пороги, оставивъ за собою нѣсколько острововъ на Днѣпрѣ, Эрихъ Ляссота прибылъ наконецъ „до острова Базавлука [1]), при рукавѣ Днѣпра у Чортомлыка или, какъ они (запорожскіе козаки) выражаются, при Чортомлыцкомъ Днѣприщѣ [2]). Здѣсь находилась тогда Сѣчь козаковъ (*1594* года, іюня 9-го), которые послали намъ на встрѣчу нѣсколькихъ изъ главныхъ лицъ своего товарищества (Gesellschaft) и привѣтствовали наше прибытіе большимъ числомъ выстрѣловъ изъ орудій“ [3]). Но этимъ наши свѣдѣнія о Чортомлыцкой Сѣчи и времени ея перваго возникновенія и паденія и оканчиваются; за отсутствіемъ какихъ-бы то ни было указаній мы не можемъ ровно ничего сказать о томъ, когда оканчивается историческая роль Чортомлыцкой Сѣчи на первый разъ. Прошло много времени; уже померкла звѣзда Микитинской Сѣчи, и только тогда вторично взошла на историческомъ горизонтѣ Сѣчь Чортомлыцкая. Это было уже въ 1652 году; въ этомъ, по крайней мѣрѣ, убѣждаетъ насъ слѣдующій актъ: „Городъ Сѣча, земляной валъ, стоитъ въ устьяхъ у Чортомлика и Прогною надъ рѣкою Скарбною; въ вышину тотъ валъ 6 саженъ; съ поля, отъ Сумской стороны и отъ Базавлука, на валу строены пали и бойницы, а съ другой стороны, отъ устья Чортомлика и отъ рѣки Скарбной до валу, сдѣланы коши деревянные и насыпаны землею. А въ томъ городѣ башня съ поля,

[1]) Трудно съ точностію сказать, гдѣ находился названный Лассотою островъ Базавлукъ; въ настоящее время на Днѣпрѣ, противъ бывшей Сѣчи, есть два острова: Холодный и Андрушкинъ; но первый, имѣющій въ окружности три версты, какъ говорятъ старожилы, очень недавняго происхожденія. Другой островъ, Андрушкинъ, получившій свое названіе отъ какого-то Андрюшки, долгое время владѣвшаго имъ, существуетъ съ незапамятныхъ временъ; но онъ едва замѣтенъ для путешественника, потому что очень низкій и выходитъ только однимъ юго-восточнымъ угломъ на Днѣпръ, такъ какъ находится между двумя рукавами Днѣпра, Павлюкомъ и Чортомлыцкимъ Днѣприщемъ; въ окружности имѣетъ до 8 верстъ.

[2]) Чортомлыцкое Днѣприще существуетъ и до сихъ поръ; оно идетъ отъ Днѣпра къ мѣсту бывшей Сѣчи на разстояніи около $1^1/_2$ версты.

[3]) Путевыя записки. Одесса, 1852 г., стр. 30.

мѣрою кругомъ 20 саженъ, да въ той башнѣ построены бойницы, а передъ тою башнею за рвомъ сдѣланъ земляной городокъ, кругомъ его мѣрою 100 саженъ, а въ немъ окна для пушечной стрѣльбы. Да для ходу по воду сдѣлано на Чортомликъ и на Скарбную восемь фортокъ (пролазовъ), и надъ тѣми фортками бойницы; а шириною де тѣ фортки только одному человѣку пройти, съ водою. А мѣрою тотъ городокъ Сѣчи съ поля отъ рѣчки Прогною до рѣчки Чортомлика сто жъ саженъ; да съ правой стороны рѣчка Прогной, а съ лѣвой стороны рѣчка Чортомликъ, и впали тѣ рѣчки въ рѣку Скарбную, которая течетъ позади города, подлѣ самой ровъ. А мѣрою де весь Сѣча городъ будетъ кругомъ съ 900 саженъ. А строили этотъ городъ Сѣчю кошевой атаманъ Лутай съ козаками тому 20 лѣтъ. [1]) То де тому городу Сѣчѣ и укрѣпленіе, что стоитъ въ устьяхъ надъ рѣкою Скарбною и Прогною и Чортомликомъ; а кругомъ его ровъ" [2]).

Отъ Чортомлыцкой Сѣчи въ настоящее время остался очень небольшой островокъ, имѣющій всего лишь 2 десятины и 2250 кв. саженъ, песчаной формаціи, съ сѣверной стороны возвышенный (до трехъ саженъ высоты), съ южной отлогій, покрытый травой и деревьями. Съ разныхъ сторонъ островокъ охватывается разными рѣками: съ сѣвера рѣкою Чортомлыкомъ, съ востока рѣчкой Гнилой (старинный Прогной) и Скарбной, съ юга большой рѣкой, притокомъ Днѣпра, Павлюкомъ и небольшимъ протокомъ Бейкусомъ, съ запада—тѣмъ-же Павлюкомъ и рѣчкой Подпольной. Таковъ видъ Чортомлыцкой Сѣчи въ настоящее время, но не таковъ онъ былъ во времена господства на немъ козачества. „Чувъ я, якъ козакувавъ у Новій Січі (послѣдней по времени) отъ Ѳтоминича та отъ Білицького (кошевые атаманы), що того острова (Чортомлыцкаго) не було, а запорожци зробили рівъ и пропустили воду зъ Чортомлика, щобъ не датьця въ руки москалевіямъ (русскимъ солдатамъ). Бувъ тоді наказній отаманъ Богушъ Якимъ, гарный козакъ, на місто кошового Кости Гордіенка, що зъ Мазепою змінивъ руському цареви (Петру); вінъ *откопався* отъ берега, зробивъ на шпилі кріпость, поставивъ гармати и велівъ перенести туди

[1]) Актъ помѣченъ 1672 годомъ, вычитая отсюда 20 лѣтъ (1672—20), получимъ 1652 годъ, годъ возникновенія Сѣчи.

[2]) Акты Южн. и Зап. Рос., т. XI, стр. 12, № 5.

увесь козацкій скарбъ“ [1]). Такимъ образомъ, Сѣчь Чортомлыцкая представляла изъ себя въ старину не островъ, какъ можно было-бы заключить отъ настоящаго, а большой мысъ или по малорусски *рігъ*, находившійся на рѣкѣ Чортомлыкѣ, при самомъ устьѣ его; мысъ этотъ отдѣленъ былъ отъ материка рвомъ, ровъ наполненъ былъ водой и такимъ образомъ съ теченіемъ времени получился островъ. Дѣло происходило въ 1709 году, когда запорожцы, во главѣ съ кошевымъ атаманомъ Константиномъ Гордіенкомъ и въ союзѣ съ гетманомъ Иваномъ Мазепою, измѣнили русскому царю Петру первому и перешли на сторону шведскаго короля Карла XII. Тогда Петръ, для наказанія запорожцевъ, отправилъ противъ нихъ большой отрядъ солдатъ, подъ начальствомъ полковниковъ Яковлева и Галагана, которые, не смотря на сильное сопротивленіе со стороны запорожскихъ козаковъ и ихъ наказнаго атамана Якима Богуша, разорили до основанія всю Сѣчь, а самыхъ козаковъ заставили бѣжать за предѣлы Россіи, къ туркамъ. „Когда Россіяне шведское войско подъ городомъ Полтавою на главу поразили (въ 1709 году) и въ полонъ людей побрали, то помянутый малороссійскій гетманъ Мазепа, запорожскій кошевой Костя Гордіянковъ, съ малою дружиною, съ королемъ швецкимъ, бѣжали въ турецкую область, въ провинцію Бендеры. А Россіяне по той викторіи, послали войска, чтобы разорить запорожскую Сѣчь, за ихъ измѣну, гдѣ пришедъ, Россіяне атаковали запорожскихъ козаковъ, и хотя тѣ козаки имѣли отъ Россіянъ жестокое обороненіе, но не могли своей Сѣчи удержать; многихъ ихъ Россіяне порубили и многихъ въ полонъ взяли, за ихъ къ себѣ измѣну вѣшали на плотахъ, пущали внизъ рѣки Днѣпра, и имѣющуюся у нихъ артилерію болѣе 100 пушекъ, взявъ въ Россію, а запорожскую ихъ Сѣчь до основанія разорили. А оставшіеся изъ нихъ нѣсколько тысячъ человѣкъ бѣгствомъ животъ свой спасали, бѣжавъ отдались въ подданство крымскому хану, отъ котораго тамъ получили себѣ бунчукъ, булаву и прочее, и поселились при рѣкѣ *Каменкѣ*, гдѣ паки Россіяне, съ войски пошедъ, изогнали ихъ изъ онаго мѣста Каменки, то

[1]) Разсказъ жителя Никополя, Михаила Решетняки, имѣвшаго около 30 лѣтъ при уничтоженіи послѣдняго коша запорожскаго въ 1775 году. Зап. од. общ. ист. и древ., т. IX, стр. 441.

они ушедъ поселились при урочищѣ *Олешкахъ*, при рѣкѣ Днѣпрѣ, на крымской сторонѣ... А какъ запорожскіе козаки, подъ командою хана крымскаго, ходили въ Черкесы (т. е. на черкесовъ) въ нѣсколькихъ тысячахъ [1]), то запорожскіе козаки-жъ, которые живутъ при рѣкѣ Самарѣ, собравшись во многой силѣ, и пошли военною рукою на запорожскую Сѣчу, въ урочище Олешки, и оную всю разбили и разграбили, и людей множество перерубили и вѣшали, и потомъ оную всю выжгли; и за то они то чинили, что запорожцы подданными ихъ у себя имѣли, и многія имъ насильства и обиды чинили. И какъ кошевый, съ запорожскими козаками, изъ Черкесъ возвратился и увидѣлъ разореніе своей Сѣчи, собралъ всѣхъ запорожскихъ козаковъ и переселился изъ того урочища Олешекъ въ старую Сѣчу *Каменку*, о которой выше сего во многихъ пунктахъ упомянуто" [2]). Итакъ, послѣ Чортомлыцкой Сѣчи запорожцы сидѣли въ Сѣчахъ: Каменской, Алешковской и снова Каменской. Такъ, по крайней мѣрѣ, свидѣтельствуетъ князь Мышецкій. Изъ того же Мышецкаго (стран. 23—27) можно заключить, что запорожцы держались въ Каменкѣ до самаго того момента, когда, оставивъ крымско-турецкія владѣнія, вновь перешли въ предѣлы Россіи, что совершилось въ 1734 году, въ царствованіе императрицы Анны Ивановны [3]). Съ этимъ свидѣтельствомъ автора „Исторіи о козакахъ запорожскихъ" вполнѣ совпадаетъ и свидѣтельство автора „Записокъ о запорожскихъ обычаяхъ",—протоіерея Григорія Кремянскаго, бывшаго свидѣтеля послѣдней запорожской Сѣчи на р. Подпольной. „По разореніи Петромъ I Старой Сѣчи (на рѣкѣ Чортомлыкѣ, гдѣ теперь деревня Капуливка),—писалъ Кремянскій въ 1836 году, октября 17 дня,—запорожцы оставшіеся бѣжали на лодкахъ подъ турка, гдѣ турокъ принялъ и водворилъ ихъ въ Олешкахъ. А потомъ просились запорожцы у императрицы

---

[1]) „Во множественномъ числѣ". Ригельманъ. Лѣт. пов. о Мал. Рос. Москва, 1847, Ш, стр. 139.

[2]) Мышецкій. Ист. о коз. запорож. Одесса. 1852, 18—20. Тоже у Ригельмана: Лѣтоп. повѣств. о Мал. Рос. Москва. 1847 г., Ш, 96.

[3]) Ригельманъ по этому вопросу кривитъ душой: въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ, что запорожцы имѣли свою Сѣчь въ Алешкахъ безпрепятственно до 1733 году, а въ другомъ онъ держится указанія Мышецкаго. Лѣтоп. повѣств., ч. Ш, стр. 96 и 139.

Анны Ивановны о принятіи ихъ опять подъ Россійскую державу, коимъ и позволено. То запорожцы и поселились выше Кизикермена (теперь г. Бериславъ, херсонской губерніи) *въ Омиловомъ* и поживя тамъ, какъ говорятъ, семь годъ, переселились въ Красный-Кутъ, что нынѣ село Покровское, гдѣ устроя Сѣчь свою, жили до послѣдняго ихъ разоренія великою императрицею Екатериною II-ю" [1]). Названное здѣсь урочище Омилово есть не что иное, какъ теперешнее село Мѣловое, херсонскаго уѣзда, расположенное на балкѣ Мѣловой, на сѣверъ отъ балки и рѣчки Каменки, на разстояніи всего лишь четырехъ верстъ. Такимъ образомъ, повторяю, свидѣтельство князя Мышецкаго о пребываніи запорожскихъ козаковъ въ Каменкѣ до 1734 года совершенно совпадаетъ съ свидѣтельствомъ и протоіерея Кремянскаго, не смотря на то, что этотъ послѣдній вмѣсто Каменки называетъ Омилово, теперь степныя мѣста, въ ту пору, быть можетъ, едва различаемыя одно отъ другаго. Показанія достойны того, чтобы имъ скорѣе вѣрить, нежели Ригельману, Скальковскому [2]) и г. Морковину [3]). „Сочинитель Запорожской исторіи г. Скальковскій,—говоритъ Н. И. Вертильякъ,—полагаетъ, что въ Каменкѣ Сѣчь была только одинъ годъ; не раздѣлять его мнѣніе я имѣю много причинъ. Значительное пространство кладбища (запорожскаго) не могло никакъ составиться въ одинъ годъ [4]); большое количество надгробныхъ надписей, указывающихъ годы смерти до 1736 г. многихъ кошевыхъ, войсковыхъ писарей и войсковыхъ судей, не было дѣломъ случайности; наконецъ, многія изустныя преданія, и эти записки (князя Мышецкаго) утверждаютъ меня въ моемъ мнѣніи. Сила русскаго оружія, послѣ полтавской битвы, заставила трепетать измѣнниковъ запорожцевъ и вынудила переселиться на крымскую сторону, въ Олешки, но не-

---

[1]) Зап. одесс. общ. истор. и древн., т. VI, стр. 645.

[2]) Истор. новой Сѣчи. Одесса, 1846 г., II, 40—54.

[3]) Очеркъ истор. запорож. козач., Спб., 1878 г., стр. 68.

[4]) Н. П. Вертильякъ писалъ въ 1852 году, но тоже можно сказать и теперь. Кладбище запорожское и до сихъ поръ уцѣлѣло въ Каменкѣ; есть нѣсколько и намогильныхъ крестовъ, между коими кресты кошеваго атамана Константина Гордіенка и Василія Іероѳеева сохранились хорошо. Мѣсто самой Сѣчи сохранилось также превосходно, какъ ни въ какомъ другомъ мѣстѣ: можно пересчитать и число ямокъ отъ бывшихъ куреней, можно видѣть и площадь между куреней, и т. под.

счастный прутскій миръ, по которому вся страна между Днѣпромъ и Бугомъ была уступлена туркамъ, служилъ достаточнымъ ручательствомъ безопасности вторичнаго водворенія запорожцевъ въ Каменкѣ; это мѣсто они предпочитали и потому, что оно охраняло ихъ, по своей мѣстности, отъ внезапныхъ набѣговъ татаръ, которымъ они всегда не довѣряли“ [1]).

Съ 1734 года запорожцы снова на родныхъ пепелищахъ. Выведенные изъ-подъ власти турокъ кошевымъ атаманомъ Иваномъ Милашевичемъ [2]) въ предѣлы Россіи, они осѣлись Сѣчью въ урочищѣ Краснымъ-Кутѣ, надъ рѣкою Подпольной, въ томъ мѣстѣ ея праваго берега, гдѣ она извивается въ видѣ лука или залива, и между рр. Базавлукомъ, съ западной стороны, и Чортомлыкомъ съ восточной. Сѣчь эта получила названіе Новой [3]) и существовала до 1775 года, роковаго въ исторіи запорожскихъ козаковъ: съ этого момента запорожскіе козаки потеряли свою политическую самостоятельность въ Россіи и должны были бѣжать вторично въ предѣлы турецкой имперіи, на устья р. Дуная, къ „прибѣжищу свѣта“ (титулъ султана), въ „высокій порогъ, блистательныя врата“ (титулъ Турціи).

Послѣ всего этого естественно спросить: что же было причиною перенесенія запорожскихъ Сѣчей съ одного мѣста на другое? Понятно, что на этотъ вопросъ можно отвѣтить многими причинами. Но не вдаваясь въ различныя предположенія, мы отвѣтимъ на него однимъ изъ актовъ 1761 года (за № 1836), найденнымъ нами при разборкѣ архива Малороссійской Коллегіи, помѣщающагося при харьковскомъ университетѣ. Вотъ этотъ актъ.

---

[1]) Мышецкій. Истор. о коз. запорож., Одесса, 1852 г., стр. 22, примѣчаніе 35.

[2]) У Ригельмана Милашевичъ называется Иванцемъ. Лѣт. пов. о Мал. Рос., т. III, стр. 141.

[3]) Обращаемъ вниманіе на неточность выраженія въ учебникѣ Русской Исторіи г. Иловайскаго (Москва, 1883 г., стр. 166): „На одномъ изъ острововъ (Днѣпра), говоритъ онъ, обыкновенно располагался главный притонъ запорожцевъ или Сѣчь, особенно на островѣ Хортица“... Нужно: сказать особенно на р. Чортомлыкѣ или р. Подпольной, а не на островѣ Хортицѣ, такъ какъ только Старая и Новая Сѣчи были мѣстами, откуда „разливалась слава по всій Украіни“, Сѣчь же хортицкая предъ этими двумя блѣднѣетъ.

„Ясне вельможному.... Графу Кириллѣ Григорьевичу Его сиятельству Разумовскому

нижайшее доношеніе.

О перенесеніи сѣчи запорожской з нинѣшняго мѣста [1]) въ асигнованное мѣсто Никитино [2]), яко тутъ безъ води нужда и немалое по размножению и поселению утѣсненіе есть, и мертвими гробами ввесь городъ почти обнятъ, и проходовъ нетъ и проездовъ водянихъ свободнихъ часто не бываетъ, хотя къ вашей ясне вельможности доношениемъ отъ насъ, с прописанними въ немъ таковими резони, взнесенно и на то отъ вашея ясне вельможности, что представленно в правительствующій сенатъ, високий ордеръ в Кошѣ полученъ и тому асигнованному мѣсту планъ, по опредѣлению правительствующого сената, чрезъ нарочно отъ вашей ясне вельможности присланного сочиненъ и доставленъ въ правительствующий сенатъ; однакъ потому и донынѣ никакой височайшей резолюции не послѣдовало, войско жъ запорожское низовое, какъ в томъ къ вашей ясне вельможности доношеніи прописано, вишеозначенно поноситъ и терпитъ немалую нужду и разнообразние, по худому и нездоровому сему мѣсту, можетъ нести припадки и наглие смерти; того ради вашей ясневельможности, со всѣмъ войскомъ запорожскимъ низовимъ, нижайше просимъ о перенесении з нинѣшняго въ асигнованное мѣсто Никитино Сѣчи запорожской, зъ пожалованнемъ просимимъ, по докладу височайше дозволение и повелѣние чрезъ сего нарочно отъ Коша запорожского отправленного войскового писаря [3]) отчески исходатайствовать и резолюціею насъ снабдить и пожаловать и не оставить.

Атаманъ Кошевой Григорій Федоровъ.
Войсковой судья Петръ Калнишевскій.
Атамани куреней и все товариство.

1761 году июля 7 дня.

Просьба о перенесеніи Сѣчи подана запорожцами еще въ 1758 году, въ апрѣлѣ 27 числа, на имя императрицы Елизаветы Петровны, какъ это видно изъ слѣдующей „Выписки въ докладъ“,

[1]) На р. Подпольной, гдѣ теперь с. Покровское екатеринославскаго уѣзда.

[2]) Гдѣ теперь мѣстечко Никополь, екатеринославскаго уѣзда, выше Покровскаго на 25 верстъ.

[3]) Изъ послѣдующихъ словъ дѣла видно, что это былъ Иванъ Чугуевецъ.

приложенной при выписанномъ „нижайшемъ доношеніи“. „Прошлого 1758 году апреля 27 д. войска низового запорожского Атаманъ Кошевій Григорій Федоровъ со всѣмъ низовимъ войскомъ прислали къ вашей ясневельможности доношеніе съ представленіемъ о тѣснотѣ и крайней нужности мѣста того, гдѣ нынѣ Сѣчь запорожская положеніе свое имѣетъ, какъ то по недостатку тамо въ нынѣшніе времена противъ прежнихъ води, за умаленіемъ оной въ речки состоящей при ономъ мѣстѣ, и за неимѣніемъ притомъ нимало источниковъ криничныхъ, зачемъ де принуждено войско довольствоваться водою, въ ямахъ бываемою, неподвижною, зацвѣлою и ізъмешаною съ нужнимъ всемъ, отъчего приключаются болѣзненніе зарази и смерти безъвременніе. А и кромѣ де того по нынѣшнему приумноженію противъ прежняго оного Запорожского войска, тамо въ Сѣчи такъ тѣсно, что между куренями проходъ, а въ басарахъ проездъ съ трудностію имѣть можно и въ случае пожара оборони подать не свободно; и по тѣмъ и протчимъ нужностямъ, именно въ томъ доношеніи прописаннымъ, Запорожской Сѣчи быть на томъ мѣстѣ, на коемъ она нынѣ состоитъ, неудобно, и что де къ переселенію той Запорожской Сѣчи отъторле избрано другое, удобное и не тѣсное, пристойное мѣсто въ россійской границѣ, немного више над Днепромъ, при Никитинскомъ, гдѣ и застава отъ нынѣшней Сѣчи небольше, какъ въ двадцать верстъ въверхъ Днепра и въ равномъ почти пограничномъ состояніи, гдѣ положеніемъ какъ городу Сѣчи со всѣмъ посадомъ, такъ и крѣпости вмѣстится довольно обширно и весма хорошо при водѣ можно будетъ; и съ прошеніемъ къ ея императорскому величеству представленія о всевисочайшемъ дозволеніи въ переносѣ туда Коша запорожского и учрежденіи Сѣчи расположеніемъ и состроеніемъ тамо пространнѣйшей противъ нынѣшней церквы каменной, тако жъ въ пожалованіи на постройку оной денежной казны и желѣза зъ днѣпровскихъ постовъ самарскихъ, съ котораго его Атамана и Кошевого доношенія отъ вашей ясневельможности къ ея императорскому величеству въ правительствующій сенатъ на высочайшее благоразсмотрѣніе вѣрная копія при листѣ представлена тогдажъ. Іюня 18 тогожъ году прислана къ вашей ясневельможности высочайшая ея имп. величества изъ правит. сената грамота, которою велѣно: оное запорожского войска доношеніе разсмотря, прислать въ правит. сенатъ вашей ясневельможности свое

мнѣніе, подлинноль то ізбранное запорожскимъ войскомъ новое мѣсто къ поселенію ихъ способно, а найпаче въ разсужденіи пограничности удобно-ль, и представленніе от того войска резони справедливи-ль: И съ оной высочайшей ея имп. величества грамоти і изъ доношенія Кошевого атамана отъ вашей ясневельможности, при ордерѣ въ генеральную войсковую канцелярію справочніе копіи прислани, съ повелѣніемъ послать къ тому мѣсту нарочныхъ полковника миргородского Остроградского (?), сина его Павла Остроградского, да ізъ старшинъ полку полтавского надежного человѣка и велѣть имъ здѣлать планъ положенія мѣсту и притомъ вѣрно освидѣтельствовать, подлѣнно-ль то избранное запорожскимъ войскомъ новое мѣсто къ поселенію ихъ способно..... [1]). Для чего тотъ учиненный онимъ запорожскимъ мѣстамъ планъ 759 году марта къ вашей ясневельможности въ генеральной войсковой канцеляріи при доношеніи представленъ, съ таковимъ генеральной канцеляріи мнѣніемъ, что оному запорожскому войску переселиться для лучшей ихъ вигоди въ требуемомъ ими мѣстѣ при Никитиномъ способно, ибо нынѣшное посселеніе Сѣчи запорожской отъ граници турецкой состоить отдаленнѣйше отъ оного новоизбираемого ими къ поселенію Сѣчи запорожской при Никитиномъ мѣста... А на то въ присланной къ вашей ясневельможности прошлого 760 году генваря в височайшей ея имп. величества грамотѣ изображено, что въ правит. сенатъ при листѣ вашей ясневельможности представленъ планъ тѣмъ обоимъ мѣстамъ Коша запорожского, на которомъ оной нынѣ имѣется и на которое ево перенесть войско запорожское прòсить(ъ) о позволеніи, но притомъ де объявлено толко генеральной войсковой канцеляріи мнѣніе, что оному запорожскому войску переселится для лутшей их вигоди на требуемое мѣсто при Никитиномъ способно, а вашей ясневельможности свое мнѣніе... прислать... И по мнѣнію вашей ясневельможности, поселеніе свое по причинѣ неудобности мѣста того, гдѣ нынѣ Сѣчь запорожская имѣетъ, въ недостатке воды, за умаленіемъ оной въ рѣчке, имѣючейся въ томъ мѣстѣ, прозываемой Подполной, и что притомъ никакихъ криничнихъ источниковъ нѣтъ, и по протчимъ предъ симъ зъ доношенія отъ Сѣчи запорожской къ вашей ясневельможности присланныхъ донесеній резонамъ, для лутшей войску запорожскому вигоди

[1]) Дѣлаю пропускъ, потому что идетъ повтореніе одного и того же.

и отъ малороссійскихъ мѣстъ ближе переселится въ требуемомъ ими мѣстѣ при урочище Никитиномъ признается за способное. Итако какъ по прежнимъ представленіямъ, такъ и по оному вашей ясневельможности мнѣнію высочайшего ея имп. величест. разсмотренія и указу прошено. И на то съ правительствующаго сената и по нынѣ никакой резолюціи въ полученіи нѣтъ".

Резолюція на это доношеніе получена лишь въ 1764 году, 29 мая, уже отъ имени императрицы Екатерины II-й. Вотъ она буква въ букву [1]). „Секретная". „Божіею милостію мы Екатерина вторая, императрица и самодержица всероссійская... графу Кирилле Григорьевичу Разумовскому. Въ нашъ сенатъ генералъ фелдцеихмейстеръ и кавалеръ Вилбоа при репорте представилъ прожектированной посыланнымъ отъ него по указу изъ нашего сената въ Сечь запорожскую, для осмотру назначаемого мѣста при никитинскомъ перевозѣ и перенесенія сѣчеваго поселенія, инженеръ-полковникомъ Менцелиусомъ, крѣпости и цитадели съ должнымъ въ оныхъ быть строеніемъ и церквами, планъ, профили и сметы, съ объясненіемъ всехъ къ тому потребностей, с которыми онъ генералъ фелдцейхмейстеръ, кроме некоторыхъ небольшихъ въ плане и профиляхъ отменъ, въ разсужденіи предвидящей оттого полезности согласенъ, донеся притомъ, что и вы, нашъ малороссійскій гетманъ и кавалеръ, разсматривая обще с нимъ помянутой планъ, во всемъ согласились же, о чемъ от васъ особо въ нашъ сенатъ и листъ полученъ. И по всему тому въ нашемъ сенатѣ опредѣлено: какъ о вознамеренномъ, при перенесеніи Сечи запорожской на другое при никитинскомъ перевозе место, крепостномъ строеніи на подносимой намъ от коллегіи иностранныхъ делъ доклад по поводу учиненныхъ отъ Порты отоманской резиденту Обрескову отзывовъ и в разсужденіи, что, по нынѣшнему положенію политическихъ делъ в Полше, Порту весма менажировать надобно, воспослѣдовала высочайшая наша конфирмація, чтобъ то крѣпостное строеніе отложено было до удобного времяни, о чемъ изъ сената намъ нашему гетману и кавалеру, такъ же и генералу фелцеихмейстеру Вилбоа знать дано: при действительномъ же теперь перенесеніи Сечи на новое мѣсто отоманская Порта, надобно думать, въ новое безпокой-

[1]) Этотъ второй актъ доставленъ намъ П. С. Ефименкомъ.

ство придетъ и конечно не удовольствуется увѣреніемъ, что тамо крепости строено не будетъ: а при томъ когда нынѣ на то перенесеніе самымъ деломъ дозволить, то войско запорожское на долгое время въ томъ одномъ упражнено будетъ вместо того, что по нынѣшнимъ обстоятельствамъ высочайшей нашъ интересъ иногда потребуетъ употребить ихъ къ нужнымъ предпріятіямъ въ другомъ месте, къ тому-жъ какъ изъ писма кошеваго атамана к инженеръ-полковнику Мерцелиусу усмотрено, они немалого казенного вспоможенія на то требуютъ; того ради повелеваемъ вамъ нашему гетману и самое той Сечи запорожской на новое место перенесеніе до будущаго удобнаго времяни и пока настоящія польскія дѣла въ лутшее состояніе придутъ, отложить, о чемъ изъ нашего сената и колегіи иностранныхъ дѣлъ, равномѣрно-жъ и генералу фелдцеихмейстеру Вилбоа указами знать дано: в Санктъ-петербурге, мая 28 дня 764 года, по ея императорскаго величества указу".

Сенаторъ Иванъ Неплюевъ
Сенаторъ и кавалеръ Шаховскій
Оберъ-секретарь іванъ Ермолаевъ
Секретарь Иванъ Артемьевъ.

Д. И. Эварницкій.

ЗАПИСКИ
Петра Димитріевича Селецкаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1821—1846 годъ.

(Продолженіе) [1]).

VI. Поѣздка за границу.

Кратковременный переѣздъ изъ Петербурга въ Кронштадтъ моремъ на небольшомъ пароходѣ былъ очень непріятенъ, морская болѣзнь мгновенно свалила меня съ ногъ. Въ Кронштадтѣ мы переѣхали на большой пароходъ „Владиміръ", простояли часовъ пять въ гавани, и я нѣсколько было оправился отъ морской болѣзни.

Переѣздъ изъ Кронштадта до Любека совершался обыкновенно въ трое сутокъ, но по позднему времени года и бурному состоянію моря, мы употребили семь сутокъ на это путешествіе, самое непріятное въ моей жизни.

Отчалили; не успѣлъ я расположиться въ общей каютѣ 1-го класса, вмѣщавшей въ себѣ довольно много путешественниковъ и путешественницъ, какъ морская болѣзнь возобновилась и заставила меня искать убѣжища въ койкѣ. Мнѣ совѣтовали выпить рюмку рому, по-

[1]) См. „Кіевская Старина", 1884 г., март. кн., стр. 443—464.

больше ѣсть: ничто не помогало, я изнемогъ, не могъ равнодушно смотрѣть на съѣстное, и все время путешествія находился почти въ безчувственномъ состояніи. Пробовалъ выходить на палубу: грустный видъ сѣраго свинцоваго неба, порывистый холодный вѣтеръ, мокрый снѣгъ, смѣнявшійся проливнымъ дождемъ, невыносимая качка и постоянное сотрясеніе парохода отъ дѣйствія машины, заставляли меня вскорѣ возвращаться въ койку, гдѣ по крайней мѣрѣ было тепло. Прибавимъ къ этому безсонницу, двѣ сильныя бури во время нашего плаванія, какъ-бы сквозь сонъ слышавшіеся крики дѣтей, стоны и вопли матерей, отрывистую команду капитана, постоянную бѣготню матросовъ, весьма серьезную опасность крушенія, и картина тогдашняго моего положенія будетъ полна; она часто возобновляется въ моей памяти. Сколько разъ раскаявался я, что рѣшился ѣхать моремъ, сколько разъ въ ожиданіи неминуемой, казалось, гибели, предавалъ духъ мой Богу, и не рѣдко, сознавая всю неотвратимость угрожавшей опасности, становился равнодушнымъ ко всѣмъ случайностямъ; въ эти тяжкія минуты смутно представлялся мнѣ образъ матери моей, и изъ глубины души вызывалъ сожалѣніе, но иногда озарялъ и проблескомъ надежды.

На пятый день намъ объявили, что колеса повреждены и мы не можемъ идти скоро; къ счастью бури не возобновлялись и мы кое-какъ доѣхали на восьмой день до Травемюнде, небольшаго селенія на берегу недалеко отъ Любека.

Деревушка эта показалась мнѣ издали чѣмъ-то особенно привлекательнымъ: изумрудная зелень ея пастбищъ ласкала взоръ, своеобразная архитектура домиковъ и сельской колокольни нравились новизной, материкъ, къ которому стремились мы съ такимъ нетерпѣніемъ, казался мнѣ обѣтованною землею.

Причалили; и на твердой почвѣ я почувствовалъ себя совсѣмъ другимъ человѣкомъ: всѣ симптомы морской болѣзни исчезли, я поздоровѣлъ и какъ-бы обновился. Первымъ движеніемъ моего сердца было принести благодареніе Провидѣнію за счастливый исходъ путешествія.

Въ Любекѣ, куда мы отправились въ дилижансѣ черезъ часъ послѣ прибытія въ Травемюнде, я пробылъ три дня. Осмотрѣвъ всѣ достопримѣчательности города и отдохнувъ отъ непріятнаго переѣзда

моремъ, я направился въ Гамбургъ, куда и прибылъ въ первыхъ числахъ ноября, по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ пожара, опустошившаго большую часть города.

Не смотря на бѣдствіе, постигшее Гамбургъ въ недавнее время, тамъ веселились, жизнь кипѣла, торговля шла своимъ чередомъ и кромѣ обгорѣвшихъ развалинъ да временныхъ деревянныхъ балагановъ, устроенныхъ на улицахъ и площадяхъ, ничто не напоминало о страшномъ пожарѣ 1842 года. Необыкновенная для русскаго путешественника дешевизна, доступность развлеченій и удовольствій, полная свобода дѣйствій произвели на меня самое пріятное впечатлѣніе; я остался въ Гамбургѣ десять дней и провелъ ихъ очень весело.

Въ вечеру, наканунѣ отъѣзда въ Берлинъ, отправился я въ почтамтъ, чтобы взять билетъ на мѣсто въ почтовой каретѣ. Подходитъ ко мнѣ въ почтамтѣ какой-то господинъ, весьма пріятной наружности, прилично одѣтый, и спрашиваетъ: „вы ѣдете завтра утромъ въ Берлинъ?“ На утвердительный мой отвѣтъ, говоритъ: и я также. „Простите нескромный вопросъ: я иностранецъ, французъ, Алларъ, никого здѣсь не знаю, беру мѣсто до Берлина, но до отъѣзда, назначеннаго въ 9 часовъ,—въ 7 часовъ утра долженъ драться на дуэли съ однимъ англичаниномъ; ваша наружность внушаетъ мнѣ довѣріе и я покорнѣйше-бы васъ просилъ быть моимъ секундантомъ“.

Это предложеніе показалось мнѣ очень оригинальнымъ, симпатичная наружность незнакомца говорила въ его пользу. Не долго думая, я назвалъ себя, спросилъ о причинѣ дуэли, и узнавъ, что дѣло чести, изъ за женщины, согласился.

Взяли билеты и отправились въ гостинницу, гдѣ я квартировалъ; тамъ мы провели весь вечеръ и Алларъ разсказалъ мнѣ но нѣкоторые эпизоды изъ своей жизни, а также подробности дѣла о дуэли.

Аллару, на видъ, можно было дать лѣтъ сорокъ; ему было не болѣе тридцати трехъ; ростъ средній, сложеніе крѣпкое, мускулистое, худощавъ, тонкія черты лица, особенно красиваго въ профиль, темнорусые волосы и такая-же борода, подстриженная и тщательно разчесанная, небольшіе каріе глаза, выразительные, живые,—вотъ наружность моего новаго знакомаго. Онъ былъ роднымъ племянникомъ извѣстнаго

Наполеоновскаго генерала Аллара, поселившагося въ 1815 году въ Лагорѣ и командовавшаго тамъ войсками. Генералъ умеръ бездѣтнымъ въ 1838 году, оставивъ значительное состояніе племяннику, воспитывавшемуся у него и отданному съ ранняго дѣтства родителями въ полное распоряженіе дяди. Племянникъ былъ очень образованъ, говорилъ превосходно, зналъ хорошо англійскій, нѣмецкій, итальянскій, испанскій и нѣкоторые восточные языки, много путешествовалъ въ южной Азіи, Африкѣ и Америкѣ и послѣ смерти дяди переѣхалъ въ Европу. Объѣздивъ всѣ страны Европы, онъ послѣднее время поселился въ Англіи, познакомился въ окрестностяхъ Лондона съ однимъ значительнымъ фабрикантомъ, увезъ его жену въ Гамбургъ, и здѣсь, настигнутый мужемъ, долженъ былъ драться съ нимъ въ день нашего отъѣзда.

Алларъ былъ очень симпатиченъ, краткую исторію свою и знакомства съ англичанкой онъ мнѣ разсказалъ просто, безъ прикрасъ и увлеченій, свойственныхъ французамъ, и я нисколько не раскаявался въ данномъ ему согласіи быть его секундантомъ.

Мы разстались довольно поздно, условившись на другой день въ шесть часовъ утра сойтись въ отелѣ, гдѣ квартировалъ Алларъ, и оттуда отправиться за городъ на мѣсто, назначенное для дуэли.

Въ шесть часовъ я былъ уже у Аллара. Вещи его были уложены, онъ передалъ мнѣ письмо къ одному изъ своихъ друзей во Франціи и просилъ переслать его въ случаѣ несчастнаго для него исхода дуэли. Я предложилъ ему мои услуги, если будетъ раненъ; онъ съ благодарностію принялъ мое предложеніе.

Отправились въ крытомъ экипажѣ, и Алларъ дорогой сказалъ, что, по требованію оскорбленнаго мужа, онъ будетъ съ нимъ драться на шпагахъ до первой серьезной раны, и что англичанинъ привезетъ съ собой доктора.

Мы пріѣхали первые, но минутъ чрезъ десять явился англичанинъ съ секундантомъ и докторомъ.

Наружность оскорбленнаго мужа была въ высшей степени некрасива: высокій, полный, краснолицый и рыжій; звали его мистеръ Нормемби. Послѣ обычнаго другъ другу представленія, секундантъ англи-

чанина, весьма порядочный человѣкъ, принесъ двѣ шпаги и предложилъ выборъ Аллару.

Бойцы, снявъ верхнее платье, стали въ позицію. Англичанинъ наступалъ съ большой энергіей; съ перваго пріема можно было видѣть, что онъ мастерски владѣетъ шпагой, но раздраженіе, свойственное оскорбленному супругу, лишало его должной сдержанности; Алларъ защищался недурно и парировалъ удачно; сохранивъ все свое хладнокровіе и утомивъ англичанина, онъ перешелъ въ наступленіе и вскорѣ вонзилъ свою шпагу въ грудь противника. Мы всѣ бросились къ несчастному мужу и докторъ, осмотрѣвъ рану, объявилъ, что хотя она и не смертельна, но очень опасна. Англичанинъ лишился чувствъ, его бережно положили въ карету и повезли въ нанятый имъ домъ, недалеко отъ Гамбурга.

Я отправился къ нему съ Алларомъ. Тамъ мы нашли супругу мистера Нормемби. Она поразила меня своею красотою. Это былъ типъ блондинки чисто англійской крови. Узнавъ, что мужъ дерется съ Алларомъ, мистрисъ издали слѣдила за ходомъ дуэли и увидавъ, что мужа увезли раненаго, поспѣшила къ нему. Объявила Аллару, что между ними все кончено, и она остается ухаживать за мужемъ и постарается заслужить его прощеніе.

Все это произошло такъ быстро, что мы успѣли прибыть въ почтамтъ во время, сдать багажъ и занять свои мѣста. На третій день мы были уже въ Берлинѣ.

Дорогой я больше познакомился съ Алларомъ. Онъ мнѣ былъ очень благодаренъ за оказанную ему услугу; оба мы были нрава веселаго, скоро подружились и рѣшили поселиться въ Берлинѣ въ одной квартирѣ. Алларъ располагалъ пробыть тамъ зиму, а я до мая—университетскій семестръ. Онъ мнѣ говорилъ, что не очень сожалѣетъ о мистрисъ Нормемби, привязанность ея начинала его тяготить; что-же касается дуэли, то это была не первая и вѣроятно не послѣдняя въ его жизни; владѣлъ онъ шпагой хорошо и стрѣлялъ изъ пистолета еще лучше.

VII. Берлинъ.

Немедленно по пріѣздѣ пріискали очень удобную квартиру въ меблированныхъ комнатахъ госпожи Гриппентрокъ, на Фридрихштрассе, надалеко отъ Унтеръ-денъ-Линденъ. У насъ были во второмъ этажѣ общая гостинная, весьма прилично меблированная, и двѣ спальни. На другой день я записался слушателемъ въ университетѣ, взялъ на прокатъ рояль и условился съ извѣстнымъ Морксомъ на счетъ уроковъ гармоніи, а съ Таубертомъ переговорилъ объ урокахъ на фортепьяно.

Вскорѣ я убѣдился, что въ Берлинскомъ университетѣ по юридическому факультету я пріобрѣту немного новыхъ познаній. Знаменитыхъ профессоровъ Ганса и Савиньи не было въ университетѣ; первый скончался, а вторый съ назначеніемъ министромъ юстиціи не читалъ лекцій. Новые-же профессора, мало извѣстные, не могли по всей справедливости сравниться съ Неволинымъ и Богородскимъ. Но преслѣдуя предположенную цѣль, я постоянно посѣщалъ университетъ, бывалъ на лекціяхъ Неандера, знаменитаго теолога, Мишелэ, читавшаго исторію философіи, послѣдователя Гегеля и противника Шеллинга; изложеніе превосходное, но я не вполнѣ раздѣлялъ убѣжденія Мишелэ; несмотря на то, что лекціи Неволина и Богородскаго были также проникнуты гегелизмомъ, я склонялся скорѣе на сторону Шеллинга, примирителя философіи съ религіей; записался также на лекціи въ высшей степени занимательныя Риттера, извѣстнаго профессора географіи.

Морксъ тоже былъ мнѣ не по сердцу: его сухое изложеніе теоріи музыки, лишенное всякаго поэтическаго характера и артистическаго увлеченія, его холодная математичность цифръ и безпощадная послѣдовательность въ гармоніи часто выводила меня изъ терпѣнія. Еще студентомъ, и позже въ Одессѣ, я поверхностно занимался генералъ-басомъ, въ импровизаціяхъ модулировалъ довольно удачно, написалъ и напечаталъ нѣсколько піесъ для фортепьяно, что давало мнѣ право считать себя на столько свѣдущимъ, чтобы не начинать съ гармонической азбуки; не такъ смотрѣлъ Морксъ: началъ съ интерваллovъ, остановился на терціяхъ и квинтахъ и на пятой только урокъ перешелъ къ аккордамъ. На нихъ продержалъ меня два мѣсяца, и не позволилъ идти далѣе, пока я не постигъ всей премудрости квартъ-

сексты, уменьшенной септимы и увеличенной ноны, не изучилъ отчетливо аккордной цифровки и не сталъ читать по ней, какъ по нотамъ. Модуляція не заняла много времени: въ ней я былъ довольно опытенъ, но долженъ былъ подчиниться неуклонной систематичности Моркса, которая впрочемъ открыла мнѣ новый міръ сочетанія звуковъ и познакомила съ болѣе правильными способами перехода изъ тона въ тонъ.

Окончивъ въ теченіи трехъ мѣсяцевъ музыкальную грамматику (генералъ-басъ) и написавъ нѣсколько небольшихъ пьесъ для фортепьяно на бумагѣ, безъ помощи инструмента, я представилъ ихъ на судъ моего взыскательнаго профессора. Онъ остался доволенъ правильностью композиціи вообще, нашелъ двѣ ошибки въ нисходящихъ квинтахъ и замѣтилъ, что даю слишкомъ много значенія мелодіи и не разработываю ее, какъ слѣдуетъ.

Нужно было обратиться опять къ пособію науки и заняться контрапунктомъ.

Первые уроки доводили меня до отчаянія; мнѣ казалось, что никогда не преодолѣю трудностей контрапункта и не буду имѣть терпѣнія завершить мое музыкальное образованіе. И дѣйствительно съ Морксомъ далѣе фуги не пошелъ.

Таубертомъ я былъ очень доволенъ и подъ его руководствомъ значительно улучшилъ технику фортепьянной игры.

Обжившись нѣсколько въ Берлинѣ, я представился нашему посланнику Мейендорфу и вручилъ ему рекомендательное письмо князя Лобанова-Ростовскаго. Былъ принятъ очень любезно. Баронъ спросилъ меня о цѣли моего пребыванія въ Берлинѣ, и не желаю-ли я познакомиться съ тамошнимъ обществомъ. На отвѣтъ, что я пріѣхалъ слушать лекціи въ университетѣ и желалъ-бы познакомиться съ Берлинскимъ обществомъ, онъ сказалъ, что званіе студента не даетъ на это права, но что онъ готовъ представить меня въ нѣкоторые дома какъ русскаго путешественника. Вскорѣ я былъ представленъ супругѣ барона, урожденной О'геръ, приглашенъ на обѣдъ къ посланнику, на которомъ познакомился съ членами нашего посольства и нѣкоторыми особами высшаго круга въ Берлинѣ.

По случаю траура при прусскомъ дворѣ въ началѣ сезона не танцовали, давали рауты. Баронъ Мейендорфъ повезъ меня на раутъ къ министру иностранныхъ дѣлъ Бюлову и потомъ пригласилъ на раутъ же въ нашемъ посольствѣ 18-го декабря.

Разсчитанная сдержанность, отталкивающая холодность и натянутость Берлинскаго общества крайне мнѣ не понравились; я ограничилъ свои выѣзды одними необходимыми визитами вѣжливости, и очень радъ былъ, что избавилъ себя отъ невыносимой скуки, царствовавшей въ высшихъ сферахъ.

Мой новый другъ Алларъ посвящалъ большую часть своего времени ухаживанью за прекраснымъ поломъ въ скромной средѣ бюргеровъ, модистокъ и гувернантокъ разныхъ націй, посѣщенію театровъ, зимнихъ садовъ, публичныхъ баловъ, чтенію и взаимному обученію; онъ изучалъ со мною русскій языкъ, я занимался съ нимъ литературными упражненіями на французскомъ, которыя принесли мнѣ большую пользу, благодаря глубокимъ познаніямъ, необыкновенной правильности и легкости стиля Аллара.

Ловеласа, подобнаго Аллару, я не встрѣчалъ еще: въ короткое время онъ одержалъ нѣсколько блистательныхъ побѣдъ, и нисколько не дорожилъ ими, гоняясь безпрестанно за новизною, вслѣдствіе пресыщенія, не привязывался серьезно ни къ одной женщинѣ, бросалъ ихъ также скоро, какъ и привлекалъ.

По вечерамъ Алларъ никогда не сидѣлъ дома, я же по большей части занимался музыкой и добросовѣстно трудился надъ изученіемъ гармоніи, но это продолжалось недолго: мало по малу Алларъ вовлекалъ меня въ свои похожденія, сталъ приглашать къ намъ знакомыхъ ему женщинъ къ великому негодованію хозяйки г-жи Гриппентрокъ, и вскорѣ превратилъ нашу квартиру въ салонъ не слишкомъ разборчивыхъ дамъ. Неприхотливое угощеніе, моя музыка, болтовня Аллара, общая любезность и веселость привлекали многихъ посѣтительницъ.

Иногда Алларъ подъ конецъ вечера съ феской на головѣ танцовалъ съ одной изъ дамъ легонькій канканъ къ особенному удовольствію присутствовавшихъ. Къ намъ собирались раза два въ недѣлю, серіями

по національностямъ. Бывали нѣмки, которыя высоко цѣнили французскую любезность Аллара и мое русское гостепріимство, серія довольно скучная, хотя и очень красивая; потомъ слѣдовали швейцарки,—цѣлая плеяда гувернантокъ средней руки, довольно впрочемъ образованныхъ и недурныхъ собою; наконецъ француженки, по большей части изъ модныхъ магазиновъ, не очень красивыя, но въ высшей степени милыя и веселыя.

Изъ мужчинъ у насъ никто не бывалъ по вечерамъ, но я сошелся съ студентомъ юридическаго факультета Кранахомъ, который имѣлъ великолѣпный голосъ и пѣлъ теноромъ превосходно; въ свободное отъ занятій время, онъ часто приходилъ ко мнѣ передъ обѣдомъ. Другой пріятель мой изъ нѣмцевъ былъ Вальтеръ, недавно окончившій курсъ медицинскихъ наукъ и начинавшій заниматься практикой, которая впрочемъ не давалась ему въ Берлинѣ, и онъ вскорѣ переѣхалъ въ Дрезденъ.

Скромная жизнь моя въ Берлинѣ текла мирно и спокойно. Изъ полученныхъ денегъ на путешествіе въ теченіе перваго полугодія я много издержалъ въ Петербургѣ и на переѣзды, такъ что въ Берлинѣ у меня до марта оставалось немного средствъ; въ долги я не хотѣлъ входить, обѣщалъ не просить изъ дому болѣе положеннаго, и обходился ста талерами въ мѣсяцъ. Имѣя болѣе чѣмъ полный гардеробъ, большой запасъ гаванскихъ сигаръ, купленныхъ въ Гамбургѣ, и уплативъ за полугодіе впередъ за лекціи въ университетѣ, вотъ какъ я распорядился моими средствами: квартира 8 талеровъ, кофе 5 талеровъ, обѣдъ 5 талеровъ, прачка 4 талера, за чистку платья и уборку комнатъ штубемедхенъ 3 талера: итого 25 талеровъ въ мѣсяцъ необходимыхъ расходовъ. Сумма въ пять талеровъ на обѣдъ покажется очень малою, но въ Берлинѣ въ началѣ сороковыхъ годовъ все было очень дешево, и существовали рестораны для студентовъ и офицеровъ, гдѣ, платя за тридцать обѣденныхъ карточекъ пять талеровъ, т. е. по пяти зильбергрошей за каждую, потребитель имѣлъ право спросить ва $6\,^1/_2$ грошей кушанья по картѣ; обыкновенно на эти деньги съѣдали три блюда, весьма недурно приготовленныхъ, хлѣба сколько угодно, выпивали кружку пива и оставалось еще кое что въ пользу кельнера.

Изъ остальныхъ 75 талеровъ я платилъ Моркcу 15 за три урока въ недѣлю у него на квартирѣ, 10 Тауберту, а 50 оставалось на развлеченія и удовольствія; разъ въ недѣлю мы позволяли себѣ обѣдать или ужинать у Трюшо, французскаго ресторана подъ липками, ходить въ театръ и посѣщать публичныя собранія.

Алларъ также не тратилъ много: онъ сталъ довольно разсчетливъ; истративъ въ два—три года большую часть капитала, доставшагося отъ дяди, и предполагая ѣхать въ Россію, гдѣ, какъ я ему сказалъ, жизнь и путешествія обходятся дорого, собиралъ средства и экономничалъ.

Зиму 1842—43 года Мейербееръ проводилъ въ Берлинѣ; съ нимъ я познакомился и довольно часто бывалъ у него; онъ интересовался моими музыкальными занятіями и нерѣдко удостоивалъ просмотромъ мои композиціи. На счетъ мелодіи, онъ былъ мнѣнія совершенно противуположнаго Морксу; что-же касается обработки и развитія музыкальныхъ идей, то въ нихъ онъ находилъ недостатки, свойственные начинающему. Смѣлая и своеобразная модуляція Мейербеера, пѣвучесть и оригинальность его мелодій, высокій драматизмъ его музыки, сила и богатство инструментовки ставили его выше всѣхъ современныхъ композиторовъ. Я благоговѣлъ предъ его геніальностью и поклонялся ей. Достаточно развитый въ музыкальномъ дѣлѣ, чтобы умѣть цѣнить его, я съ увлеченіемъ фанатика говорилъ Мейербееру о его произведеніяхъ и пользовался большимъ расположеніемъ знаменитаго маестро. Два раза при мнѣ Мейербееръ дирижировалъ „Роберта“ въ Берлинѣ и опера эта, которую я такъ любилъ и часто слышалъ въ Петербургѣ, подъ волшебнымъ жезломъ композитора имѣла для меня особенную прелесть и поражала новыми достоинствами.

Я часто бывалъ на концертахъ, посѣщалъ квартетные вечера и не пропускалъ ни одного симфоническаго собранія. Въ декабрѣ, въ гарнизонкирхѣ давали ораторію Гайдена „Сотвореніе міра“. Это геніальное произведеніе было мнѣ знакомо по отрывкамъ и въ переложеніи на фортепіано; я хотѣлъ ближе съ нимъ познакомиться, болѣе въ него вслушаться, и досталъ билетъ на генеральную репетицію, запасшись заблаговременно мѣстомъ въ ложѣ на вечеръ исполненія ора-

торіи. Для репетиціи, церковь не была освѣщена, исключая мѣста занимаемаго хоромъ, пѣвцами и оркестромъ. Когда раздались величественные звуки ораторіи, я весь превратился въ слухъ и съ наслажденіемъ, котораго давно не испытывалъ, прослушалъ первый номеръ, безукоризненно исполненный. На второмъ хоры сбились и его нужно было повторить.

Въ то время, когда дирижеръ объяснялъ хористамъ, въ чемъ состояла ошибка, я услыхалъ говоръ въ ложѣ налѣво отъ моей. Въ полумракѣ я могъ различить двѣ женскія фигуры, и позади ихъ пожилаго господина. Дама, сидѣвшая съ правой стороны, взглянула на меня; взглядъ ея былъ блескомъ молніи. Вглядѣться въ черты ея лица я не могъ, она быстро повернулась къ своей собесѣдницѣ, мелькнулъ правильный овалъ брюнетки, не ясно обозначился стройный ея станъ, на темномъ фонѣ ложи обрисовался темный туалетъ. Загремѣлъ второй номеръ ораторіи и отвлекъ мое вниманіе отъ незнакомки.

Въ непродолжительныхъ антрактахъ я напрягалъ свое зрѣніе, чтобы разсмотрѣть сосѣдку, изощрялъ свой слухъ, чтобы услыхать ея голосъ и узнать, на какомъ языкѣ она объясняется. Тщетно. Почти ничего не видѣлъ и не слышалъ.

Бываютъ мгновенія, когда вещь, самая обыкновенная въ существѣ и не представляющая ничего особеннаго, тревожитъ или ласкаетъ неопредѣленной надеждой, когда внутреннее чувство инстинктивно говоритъ въ васъ, возбуждаетъ любопытство и напрягаетъ вниманіе. Такъ было со мною: не одно простое любопытство руководило мною, необъяснимое влеченіе заставляло всматриваться и вслушиваться въ сосѣднюю ложу.

Смолкли звуки ораторіи; я поспѣшилъ къ выходу, но въ толпѣ, въ едва освѣщенномъ корридорѣ, потерялъ изъ виду моихъ незнакомокъ.

Цѣлую ночь, проведенную почти безъ сна, звучали въ музыкальной памяти моей величественные аккорды ораторіи, представлялась воображенію стройная черная дама, мелькалъ ея жгучій взглядъ.

На другой день я мечталъ цѣлое утро и разъигрывалъ на фортепьяно „Сотвореніе міра“. Вечера ждалъ я съ нетерпѣніемъ: не столько влекла меня въ гарнизонную церковь ораторія, какъ желаніе встрѣтить незнакомку.

По счастливой случайности или предопредѣленію, на исполненіе ораторіи мнѣ досталась та-же ложа, въ которой я помѣщался на репетиціи. Въ ней было четыре мѣста, изъ коихъ три были заняты мною, Алларомъ и Кранахомъ, а четвертое неизвѣстнымъ господиномъ.

Когда мы вошли, ложа налѣво не была еще занята. Церковь была такъ наполнена, что не было ни одного пустаго мѣста и я былъ вполнѣ убѣжденъ, что и сосѣдняя ложа не останется безъ посѣтителей. И дѣйствительно незадолго до начала исполненія ораторіи, въ нее вошли три дамы и пожилой мужчина. Въ одной изъ дамъ, я тотчасъ узналъ мою вчерашнюю незнакомку, и долго не могъ отвести отъ нея глазъ моихъ.

Ростомъ она была выше средняго, стройна и граціозна; въ поступи и манерахъ проглядывала врожденная непринужденность, нелишенная достоинства; правильный овалъ ея лица, прямой носъ, маленькій ротъ съ коралловыми губками, большіе выразительные томные, бархатистые черные глаза въ формѣ миндалины, осѣненные длинными рѣсницами, и черные съ синимъ отблескомъ вороньего крыла роскошные волосы, матовая бѣлизна лица,—вотъ наружность незнакомки; на видъ ей было лѣтъ семнадцать.

Долго не могъ я отвести глазъ моихъ отъ чуднаго видѣнія. Непонятное чувство овладѣло мною, непреодолимая сила влекла меня, необузданное стремленіе воли сказалось во мнѣ твердою рѣшимостью во что бы ни стало сдѣлаться обладателемъ прелестной незнакомки, и какая то смутная надежда, какое-то убѣжденіе нашептывали мнѣ: она будетъ твоею.

Незнакомка замѣтила мой пристальный испытующій взглядъ и отвѣтила мимолетнымъ, какъ мнѣ показалось, сочувственнымъ взглядомъ.

Подлѣ нея помѣстилась молодая дама, очень похожая на интересовавшую меня незнакомку, но постарше; за ними красивая женщина лѣтъ сорока, и пожилой мужчина съ типической еврейской физіономіей.

Разсѣянно слушалъ я ораторію Гайдена, и часто, насколько позволяло приличіе, оборачивался къ сосѣдней ложѣ. При выходѣ я слѣдилъ за незнакомкой; она сѣла съ лицами, бывшими съ нею въ ложѣ, въ четырехмѣстную карету, дверцы затворилъ не ливрейный, но прилично

одѣтый лакей, и экипажъ быстро покатился. Нанять дрожки, обѣщать кучеру хорошее вознагражденіе, если не отстанетъ отъ кареты, было дѣломъ одной минуты. Ѣхали мы долго, наконецъ карета остановилась предъ небольшимъ, но очень красивымъ домомъ въ Моабитѣ, отдаленной части Берлина, которая тогда начинала отстроиваться. По звону лакея отворились ворота и экипажъ съ незнакомкой исчезъ во дворѣ, обнесенномъ высокимъ каменнымъ заборомъ, изъ за котораго выглядывали небольшія деревья обширнаго сада, покрытыя инеемъ.

Въ позднее время невозможно было узнать, кому принадлежитъ домъ и кто въ немъ живетъ; замѣтивъ хорошо мѣстность, я приказалъ кучеру ѣхать въ Вильгельмштрассе.

Аллара не было дома, я сѣлъ за фортепьяно и импровизировалъ часа два на темы изъ „Сотворенія міра“. Возбужденное чувство одушевило меня и вылилось во всей полнотѣ въ такія мелодичныя сочетанія звуковъ, въ такіе удачные аккорды, что я очень сожалѣлъ о невозможности воспроизвести ихъ на бумагѣ тогда-же.

Утро слѣдующаго дня я посвятилъ розыскамъ о моей незнакомкѣ и узналъ, что она дѣвица, дочь удалившагося отъ дѣлъ банкира еврея К.; похожая на нее дама—ея сестра, замужемъ за евреемъ негоціантомъ, живущимъ постоянно въ Малагѣ и пріѣхавшимъ погостить у тестя; четвертая особа сидѣвшая въ ложѣ—тетка этихъ дамъ, родная сестра покойной ихъ матери. Банкиръ К., былъ очень старъ, очень богатъ, почти никуда не выѣзжалъ и никого не принималъ; лѣтомъ проводилъ все время въ новомъ саду, устроенномъ при принадлежавшемъ ему домѣ, зимою въ огромной теплицѣ, въ которую былъ ходъ изъ его кабинета; имѣлъ страсть къ садоводству и очень любилъ музыку. Кромѣ двухъ дочерей у него былъ сынъ, занимавшійся торговыми дѣлами въ Алжирѣ. Дамы имѣли обыкновеніе ѣздить въ хорошую погоду въ Тиргартенъ, часто бывали въ оперѣ и посѣщали концерты; знакомыхъ у нихъ было очень мало.

Получивъ эти свѣдѣнія, я началъ каждый день ходить въ Тиргартенъ, и былъ такъ счастливъ, что вскорѣ встрѣтилъ тамъ дѣвицу К. съ сестрой. Мы обмѣнялись выразительными взглядами. Потомъ я видѣлъ ее въ оперѣ, и не сводилъ своего бинокля съ ея ложи. Меня замѣтили.

Изъ концертистовъ наиболѣе привлекалъ публику мало еще тогда извѣстный скрипачъ Базини. Трудности для него не существовали; но вмѣстѣ съ необыкновенною ловкостью, силою и звучнымъ тономъ, скрипка его пѣла превосходно. Эта пѣвучесть одной изъ лучшихъ Амати, въ сочиненіяхъ концертанта по большей части на темы изъ италіянскихъ оперъ, и составила славу Базини. Особенно полюбили берлинцы его Е. мольный концертъ, la ronde des lutins изъ бравурныхъ пьесъ, его фантазіи изъ Пуританъ, Сомнамбулы, Пирата и другихъ. Я познакомился съ Базини и вскорѣ мы подружились. Славная, артистическая его натура была мнѣ по сердцу и мы съ нимъ видѣлись каждый день.

На третьемъ концертѣ Базини, на мою долю выпалъ счастливый жребій сидѣть рядомъ съ дѣвицей К.; она вблизи еще болѣе поразила меня своей красотой; но природная застѣнчивость, увеличенная чувствомъ необъяснимой привязанности, восторженнаго поклоненія прелестной наружности незнакомой особы, долго не дозволяла мнѣ вступить съ нею въ разговоръ. Наконецъ я рѣшился и началъ похвалой игрѣ Базини. Мнѣ отвѣчали очень любезно, въ разговоръ вмѣшалась сестра К., я ободрился, говорилъ съ увлеченіемъ о музыкѣ и къ концу концерта вполнѣ познакомился съ моими милыми собесѣдницами. Ихъ вѣрный взглядъ на игру и сочиненія Базини, свѣдѣнія, высказанныя о музыкѣ вообще, показывали, что онѣ очень развиты въ этомъ отношеніи; меткія замѣчанія, находчивость въ отвѣтахъ, приличный тонъ, превосходный нѣмецкій языкъ, на которомъ онѣ говорили, правильное произношеніе техническихъ музыкальныхъ терминовъ по италіянски вскорѣ убѣдили меня, что имѣю дѣло съ женщинами вполнѣ образованными.

Съ ними не было кавалера; я предложилъ мои услуги, чтобы проводить до экипажа; предложеніе мое принято и, когда карета ихъ исчезла съ моихъ глазъ, долго стоялъ я въ раздумьи у подъѣзда.

— О чемъ задумался Signor Pietro? спросилъ меня подошедшій Базини. Я ему отвѣтилъ, что подъ впечатлѣніемъ его волшебнаго смычка и черныхъ глазъ сосѣдки я былъ на небесахъ.

— Спуститесь на землю, mio caro, и пойдемъ ужинать къ Трюшо. Отправились; къ намъ присоединилось нѣсколько артистовъ и мы провели время очень пріятно. Базини находился въ хорошемъ расположеніи,

пилъ много и подъ конецъ былъ навеселѣ. Я его просилъ написать мнѣ на память что нибудь въ мой музыкальный альбомъ, и онъ написалъ довольно нечетко первые такты его E мольнаго концерта, къ подписи прибавилъ besofen, voir le dictionnaire Allemand-francais. На другой день Базини уѣзжалъ въ Лейпцигъ, и мы съ нимъ простились. За ужиномъ я узналъ, что на дняхъ ждутъ въ Берлинъ Франца Листа.

Алларъ продолжалъ свои донжуановскія занятія и былъ въ то время въ связи съ одной нѣмкой изъ Вѣны, весьма видной и красивой женщиной, въ которую влюбился лордъ Вестморландъ, англійскій посланникъ при прусскомъ дворѣ. Алларъ порядочно его дурачилъ, писалъ отвѣты на адресованныя къ его любезной посланникомъ письма, назначалъ свиданія, и посылалъ на нихъ другихъ женщинъ, къ немалому удивленію Вестморланда; заставлялъ его присылать билеты на ложи въ театръ и садилъ въ нихъ безобразныхъ старухъ. Однимъ словомъ потѣшался надъ бѣднымъ англичаниномъ и выводилъ его изъ терпѣнія. Кончилось впрочемъ тѣмъ, что Аллару нѣмка надоѣла и перешла къ Вестморланду: охлажденіе Аллара и гинеи играли въ этомъ значительную роль.

Съ Вестморландомъ я познакомился у Мейербеера. Посланникъ очень любилъ музыку, сочинялъ кое-что, но остался навсегда плохимъ и бездарнымъ композиторомъ.

Я постепенно отставалъ отъ алларовскихъ похожденій и вскорѣ пересталъ принимать въ нихъ всякое участіе. Въ пріемные вечера Аллара я уходилъ изъ дому.

Серіозное чувство начинало овладѣвать мною: я любилъ, каждый день отправлялся въ Тиргартенъ, въ надеждѣ встрѣтить тамъ дѣвицу К., и на третій день послѣ прощальнаго концерта Базини надежда моя осуществилась.

Въ морозное январское утро знакомыя мнѣ сестры гуляли въ Тиргартенѣ, я подошелъ къ нимъ, и прогулка наша продолжалась часа полтора. Время прошло незамѣтно въ оживленныхъ разговорахъ; я просилъ позволенія пріѣхать къ нимъ, но замужняя сестра отвѣтила, что не смотря на все удовольствіе, которое доставилъ-бы имъ мой визитъ, онѣ не могутъ принять меня, потому что мужъ ея уѣхалъ въ Испанію, а

отецъ никого не принимаетъ и не любитъ, чтобы ѣздили къ нему въ домъ. Никого почти не видитъ изъ старыхъ знакомыхъ, а новыхъ знакомствъ по старости избѣгаетъ вовсе.

Мнѣ сочувственно пожали руку, выразительно на меня взглянули, какъ-бы извиняясь въ отказѣ, и уѣхали сказавъ ласково: au revoir.

Долго бродилъ я по широкимъ аллеямъ Тиргартена. Сначала уклончивый отвѣтъ безпокоилъ меня, тревожное сомнѣніе запало мнѣ въ душу, но ласковый тонъ при прощаніи, выразительный, симпатическій взглядъ, и любезное: au revoir вскорѣ изгладили непріятное впечатлѣніе; мысленно занялся я изысканіемъ возможности осуществить слова: „до свиданья“, которыя успокоительно звучали въ памяти моей.

Мокрый снѣгъ началъ падать большими хлопьями; я поспѣшилъ домой и засталъ тамъ Кранаха. Кранахъ сообщилъ мнѣ о пріѣздѣ Листа и просилъ меня представить его знаменитому виртуозу, когда познакомлюсь съ нимъ.

Сестры К. были очень дружны между собою, превосходно говорили по французски, по испански и по италіянски, держали себя безупречно, и въ нихъ рѣшительно не было ничего, что обличало-бы ихъ происхожденіе, къ которому привыкли болѣе или менѣе относиться, если не враждебно, то недовѣрчиво.

Совершенное презрѣніе къ евреямъ, вошедшее въ нравы большинства жителей южнаго края Россіи, предубѣжденія и предразсудки ставили это племя у насъ въ весьма невыгодное положеніе; къ нему никто, никогда не питалъ довѣрія и долго евреи считались народомъ отверженнымъ. Проживая иногда въ деревнѣ и сознавая пользу приносимую ими въ сбытѣ хозяйственныхъ произведеній и торговыхъ оборотахъ, я привыкъ смотрѣть на евреевъ довольно снисходительно. Въ Одессѣ, городѣ по преимуществу коммерческомъ, богатство играло значительную роль; большой капиталъ давалъ право на извѣстный почетъ и евреи въ массѣ другихъ разноплеменныхъ жителей занимали положеніе весьма сносное. На нихъ смотрѣли даже благосклонно, какъ на полезныхъ дѣятелей въ торговомъ мірѣ; нѣкоторые изъ почетнѣйшихъ евреевъ съ семействами были приняты и въ высшемъ обществѣ. Но замкнутость ихъ религіознаго, нравственнаго и политическаго быта, обособленность, въ которую

они поставлены нашимъ законодательствомъ и укоренившимися обычаями, сохраняли за ними исключительное положеніе общества въ обществѣ, государства въ государствѣ.

За границей, въ Германіи, евреи пользовались въ полномъ объемѣ всѣми гражданскими правами, особенность ихъ заключалась единственно въ религіи; въ общественномъ-же положеніи, равно какъ и во внѣшнемъ видѣ, между евреемъ и нѣмцемъ не было никакой разницы.

Пріятнѣе было-бы, быть можетъ, думалось мнѣ, если-бы особа, которою увлекся, принадлежала къ другой народности, легче можно-бы было избѣжать затрудненій и достигнуть своей цѣли, обыкновеннымъ путемъ; но еврейское происхожденіе дѣвицы К. нисколько впрочемъ меня не смущало. Напротивъ: таинственная обстановка, романтическое направленіе тогдашняго времени, непреодолимыя препятствія, предстоявшія въ дальнѣйшемъ знакомствѣ, необыкновенная красота первобытнаго еврейскаго типа, вѣрованіе въ предопредѣленіе, въ неизбѣжность судьбы, еще болѣе увлекали и возбуждали меня.

Дѣвица К. носила имя Ноэмини, Ноэми; сестру звали Ліей. Эти библейскія имена были замѣняемы болѣе употребительными въ разговорѣ Наимы и Леи.

Леи я сказалъ, что звучное ея имя нисколько къ ней не идетъ, представляя рѣзкую противоположность между нею и первою некрасивою женою Іакова, а Наимѣ, что симпатичная личность ея библейской соименницы, вдовы Евимелеха, отражается въ ея характерѣ, но болѣе чѣмъ вѣроятно, что Наима не осталась-бы долго вдовою, поставленною въ необходимость посылать сноху, подобно Руѳи, подбирать колосья на чужихъ поляхъ, и, хотя по мѣсту жительства Ноэми и можетъ считать себя моавитянкой, врядъ-ли ей придется возвратиться въ Виѳлеемъ и называть себя Марою (горькою). Шутка моя была принята благосклонно съ замѣчаніемъ, что я изучилъ библію.

Лея была уже пять лѣтъ замужемъ, но не имѣла дѣтей; мужа она очень любила, проживала постоянно съ нимъ въ Малагѣ, пріѣзжала впрочемъ каждый годъ погостить у отца мѣсяца два—три, и когда дѣла мужа позволяли, путешествовала много.

Четырнадцати лѣтъ, Наима, по смерти матери, была взята сестрою изъ родительскаго дома, сопровождала ее въ ея путешествіяхъ; получила превосходное воспитаніе и въ зиму 1842 года возвратилась въ Берлинъ.

Обѣ сестры были большими любительницами музыки: Лея играла на фортепьяно и на арфѣ, Наима на фортепьяно и на цитрѣ. Пѣли также обѣ: у Леи былъ контръ-альтъ, у Наимы mezzo soprano.

Хотя разговоры наши по большей части были кратковременны и ограничивались областью музыки, тѣмъ не менѣе свѣдѣнія эти успѣла мнѣ сообщить Лея. Она была очень разговорчива и любезна, Наима говорила меньше, конфузилась, краснѣла, потупляла взоры, замѣтно было что она застѣнчива, но когда удавалось уловить ея робкій взглядъ, онъ приводилъ меня въ восхищеніе; такого задушевнаго, сочувственнаго взгляда, такого магнетическаго притяженія въ глазахъ я не встрѣчалъ никогда.

Я имъ мало говорилъ о себѣ, но скоро мы познакомились на столько, что знали главныя условія нашего общественнаго положенія, занятія, вкусы и привычки. Каждый почти день встрѣчались въ Тиргартенѣ, сговаривались, когда быть въ концертѣ или театрѣ, освоились. Нельзя было не замѣтить моей привязанности къ Наимѣ; я былъ почти увѣренъ, что и она раздѣляетъ мои чувства.

Но какъ проникнуть въ заколдованный домъ? Склонить старика на знакомство со мною не представлялось возможности; посѣщать домъ, не будучи знакомымъ съ отцемъ, было неприлично, да вѣроятно, послѣ перваго визита, дошедшаго до свѣдѣнія старика, двери его дома навсегда-бы затворились для меня. Положеніе было затруднительное. Чувство начинало говорить во мнѣ смѣлѣе и сильнѣе; я не могъ ограничиваться свиданіями въ Тиргартенѣ, въ концертахъ и театрахъ.

Судьба свела меня съ Листомъ и, по странному стеченію обстоятельствъ, онъ имѣлъ роковое вліяніе на два главныхъ момента моей жизни.

Узнавъ отъ Кранаха о пріѣздѣ знаменитаго піяниста, я вскорѣ отправился къ нему, засталъ дома въ гостинницѣ Мейнгардта и былъ принятъ. Листъ всегда обходился очень любезно съ молодыми людьми,

занимающимися музыкой. Когда я объяснилъ ему, что я дилетантъ и прошу позволенія приходить иногда къ нему, чтобы пользоваться его совѣтами, онъ отвѣтилъ, что уроковъ никому не даетъ, но очень радъ со мною познакомиться и, когда время позволитъ, быть мнѣ полезнымъ.

Чрезъ день назначенъ былъ его первый концертъ. Я, конечно, запасся заблаговременно мѣстомъ и былъ пораженъ необыкновеннымъ механизмомъ игры Листа. Сила, звучность, отчетливость, бѣглость дѣлали фортепьяно подъ его руками совершенно другимъ инструментомъ. Пѣвучесть и рельефность мелодіи, выдѣлявшіяся постоянно въ его сочиненіяхъ изъ самыхъ затѣйливыхъ и ученыхъ комбинацій гармоніи, испещренной необыкновенными техническими трудностями, привели меня въ совершенный восторгъ. Восторгъ публики превзошелъ всякое ожиданіе; вызовамъ и овацiямъ не было конца.

Ноэми и Лея не были въ первомъ концертѣ; я имъ досталъ билетъ на второй, и онѣ не знали, какъ благодарить меня за наслажденіе, доставленное имъ игрою Листа.

Первые дни пребыванія Листа въ Берлинѣ я мало съ нимъ видѣлся, но послѣ втораго концерта онъ пригласилъ меня обѣдать. Мы сошлись, и я каждый день бывалъ у него по утрамъ. Вечера Листа были всѣ разобраны: его безпрестанно приглашали, и энтузіазмъ, который онъ производилъ въ Берлинѣ, превосходитъ всякое вѣроятіе. Первому пріѣзду его въ Берлинъ въ 1841 году предшествовала громкая извѣстность виртуоза и фантастическая, легендарная молва о его личности, похожденіяхъ и успѣхахъ.

Достаточно сказать, что Листъ въ одинъ сезонъ (1841 года) далъ въ Берлинѣ двадцать два концерта, на которыхъ никогда не было ни одного незанятаго мѣста, не смотря на высокую ихъ цѣну, что берлинскія дамы, обыкновенно сдержанныя и холодныя до нельзя, приходили въ такой восторгъ, что послѣ концерта цѣлой толпой осаждали Листа, стараясь одна передъ другой обратить на себя его вниманіе, разрывали на клочки его платки и перчатки и уносили обрывки, какъ святыню. Серенады и факель-цуги повторялись безпрестанно. Подобнаго увлеченія не бывало еще въ Берлинѣ.

Листъ родился 22 октября 1811 года и былъ венгерецъ, изъ

Рединга близь Эденбурга, но всю свою молодость провелъ въ Парижѣ, гдѣ занимался музыкой и науками. Въ Парижѣ поселилась и мать Листа и вела его денежныя дѣла.

Независимо отъ геніальнаго таланта, Листъ былъ человѣкомъ въ высшей степени замѣчательнымъ и въ другихъ отношеніяхъ. Прекрасная наружность его обращала на себя вниманіе: лѣтъ тридцати съ небольшимъ, высокій, худой, мускулистый; живые каріе глаза, свѣтящіеся умомъ и священнымъ пламенемъ искусства, длинный носъ, небольшой ротъ съ тонкими губами и саркастической улыбкой, высокій лобъ, густые каштановые волосы, зачесанные вверхъ и ниспадавшіе почти до плечъ, безукоризненный туалетъ, множество маленькихъ орденовъ на цѣпочкѣ въ петлицѣ чернаго фрака—вотъ наружность моего новаго пріятеля. Обширный умъ, стоящій выше обыкновеннаго уровня, отличное образованіе, ученость, начитанность, легкость краснорѣчиво объясняться и писать на всѣхъ европейскихъ языкахъ, сила характера, твердость убѣжденій, послѣдовательная логичность въ самомъ обыкновенномъ разговорѣ—вотъ интеллектуальныя качества Листа. При этомъ богатый, щедрый до расточительности, откровенный и прямодушный, но разборчивый въ выборѣ своихъ друзей, онъ съ прошлаго года сдѣлался идоломъ берлинцевъ. Да и не могло быть иначе. Все существо Листа было проникнуто какимъ-то невыразимымъ очарованіемъ. Геній его таланта воплощался, олицетворялся во всей его особѣ. Игра его служила откровеніемъ какого-то невѣдомаго, непередаваемаго словами міра и мистическая прелесть этого откровенія дѣйствовала съ неотразимымъ обаяніемъ на душу человѣка, доступнаго возвышеннымъ впечатлѣніямъ. Изъ множества молодыхъ людей, окружавшихъ въ то время Листа, онъ особенно благоволилъ ко мнѣ. И говорить нечего, что я привязался къ нему искренно и полюбилъ всей душой. Началось съ откровеннаго объясненія на счетъ моей игры на фортепьяно. Листъ заставилъ меня сыграть нѣкоторыя изъ моихъ сочиненій, потомъ патетическую сонату Бетховена, и въ заключеніе его фантазію изъ „Гугенотовъ“.

Техника у васъ не дурна, сказалъ онъ, игра довольно чиста, и въ особенности пріятна, но по складу вашихъ маленькихъ и слишкомъ бѣлыхъ рукъ, по недостатку силы мускуловъ и бѣглости въ пальцахъ

вы никогда не сдѣлаетесь пьянистомъ виртуозомъ; въ вашей игрѣ слишкомъ много женственности и сентиментальности; если хотите, она не лишена поэзіи и пріятно ласкаетъ слухъ; но въ ней нѣтъ увлеченія, энергіи, драматизма. Ваши сочиненія весьма не дурны, довольно оригинальны и правильно написаны, но извините, если я вамъ откровенно скажу, что музыка ваша походитъ на нѣжное воркованіе голубковъ, производитъ на слушателя дѣйствіе успокоительное въ родѣ лавровишневыхъ капель, и лишена способности возбуждать, волновать, потрясать и вызывать страстные порывы, сильныя ощущенія.

— Не будьте въ претензіи, если отъ музыки перейду къ вашему характеру, продолжалъ Листъ. Быть можетъ, я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что въ музыкѣ всегда проглядываютъ нѣкоторыя черты характера. Я полагаю, что вы спокойны, сдержанны, хладнокровны, что у васъ темпераментъ скорѣе меланхолическій, чѣмъ холерическій. Впрочемъ вы такъ еще молоды, что вашъ характеръ не вполнѣ сформировался; вы вѣроятно такъ мало еще жили и чувствовали, что душевныя ваши силы не имѣли времени и случая окрѣпнуть. Не такъ-ли?

— Не совсѣмъ такъ; я началъ жить и чувствовать довольно рано, испыталъ разныя невзгоды и огорченія, не всегда былъ счастливъ.

— Но все это скользнуло и не оставило глубокихъ слѣдовъ. Я вѣрю въ возможность увлеченій въ ранніе годы, въ нѣкотораго рода разочарованье, которое въ большомъ ходу въ настоящее время у молодыхъ людей, въ маленькія неудачи и противудѣйствія. Имъ вы обязаны оттѣнкомъ грусти, который слышится въ вашихъ мелодіяхъ. Я впрочемъ твердо убѣжденъ, что судьба вамъ улыбалась и вы были ея баловнемъ, судя по вашему положенію, цвѣтущему здоровью и въ особенности по жизненной силѣ, которая едва сдерживается мягкостью характера. Разскажите мнѣ главныя черты вашей жизни и тогда мы убѣдимся, кто правъ.

Я не заставилъ долго ждать; бѣгло очертилъ мое прошедшее и долженъ былъ сознаться, что замѣчаніе Листа въ концѣ концовъ было совершенно вѣрно.

Поживете, сказалъ онъ, познакомитесь ближе съ треволненіями, окрѣпнетъ вашъ характеръ, и въ музыкѣ вашей вмѣстѣ съ розовой водой появится бурный потокъ страсти; драмматизмъ необходимъ какъ въ

жизни человѣка, такъ и въ его литературныхъ и музыкальныхъ произведеніяхъ.

За мою откровенность Листъ заплатилъ мнѣ тѣмъ-же и посвятилъ въ тайны многочисленныхъ своихъ интригъ въ Берлинѣ.

Очень скоро мы подружились; когда Листъ не имѣлъ приглашеній на обѣды, почти всегда обѣдали вмѣстѣ и сдѣлались неразлучны; не сопровождалъ я только Листа въ скучное Берлинское общество.

О привязанности моей къ Наимѣ я сообщилъ Листу, и онъ просилъ меня при случаѣ представить его сестрамъ К.

Листъ велъ жизнь невоздержную: его связи съ берлинскими дамами были безчисленны; любилъ хорошій столъ и въ особенности много пилъ. Зачастую даже въ дни своихъ концертовъ онъ бывалъ подъ хмѣлькомъ, но по утрамъ, часа три, четыре всегда серьозно занимался дѣломъ. Пьянистъ, какихъ не бывало, Листъ получилъ вдругъ убѣжденіе, что онъ призванъ быть знаменитымъ композиторомъ и началъ писать; испишетъ бывало нѣсколько большихъ листовъ нотной бумаги, попробуетъ на фортепьяно свое произведеніе, поморщится, изорветъ въ клочки и броситъ въ каминъ. Его транскрипціи и фантазіи на извѣстные мотивы были превосходны, хотя и мало доступны большинству пьянистовъ по чрезмѣрной ихъ трудности; но оригинальнаго Листъ не могъ написать ничего; сколько ни бился, не могъ сочинить ни одной сносной мелодіи. Въ этомъ отношеніи онъ отличался совершенною бездарностью въ то время, сознавалъ это, сердился и говорилъ, что терпѣніемъ и трудомъ достигнетъ своей цѣли.

Въ исполненіи Листъ былъ неподражаемъ; всѣ восхищались его концертами, но по моему убѣжденію, онъ въ публикѣ никогда не игрывалъ такъ хорошо, какъ дома, въ особенности когда былъ расположенъ. Въ концертахъ онъ игралъ для эффекта, для публики; дома — для себя и очень немногочисленныхъ слушателей, удостоенныхъ его дружбы. Особенно хорошо было исполненіе имъ музыки Бетховена; Бетховеновскія увертюры, сонаты и симфоніи игралъ Листъ въ совершенствѣ. Онъ читалъ оркестровыя партитуры, какъ книгу, и à prima vista передавалъ на фортепьяно самыя многосложныя сочиненія для оркестра.

Однажды въ вечеру сидѣли мы вдвоемъ въ нумерѣ Листа; Листъ былъ въ ударѣ, игралъ много, игралъ превосходно, между прочимъ исполнилъ B-дурную сонату Бетховена op. 106; уставъ отъ продолжительной игры, закурилъ сигару и съ стаканомъ абсента съ водою покойно расположился въ креслахъ у камина. Завязался оживленный разговоръ, который былъ прерванъ внезапнымъ появленіемъ камердинера Листа, принесшаго ему письмо. Листъ, пробѣжавъ письмо, передалъ мнѣ, прибавивъ съ неудовольствіемъ: опять приглашеніе, и приглашеніе играть, отъ совершенно незнакомаго мнѣ человѣка, еще съ вознагражденіемъ по моему усмотрѣнію; какъ это вамъ нравится? Скажите посланному, обратился Листъ къ камердинеру, что я ни у кого не играю, если угодно меня слышать, пусть ѣдутъ въ концертъ.

Погодите, погодите любезный другъ, возразилъ я, прикажите посланному подождать, я тотчасъ вамъ объясню почему и для чего.

Листъ отдалъ соотвѣтствующее приказаніе и когда камердинеръ вышелъ, я ему объяснилъ, что письмо было отъ старика К., отца Наимы, и что если Листъ питаетъ ко мнѣ хоть нѣсколько дружбы, то не откажетъ принять на завтра приглашеніе бывшаго банкира, возьметъ меня съ собою и дастъ возможность познакомиться въ домѣ Наимы.

Охотно для васъ сдѣлаю это, мой другъ, отвѣтилъ Листъ, располагайте мною; вы знаете, я всегда къ вашимъ услугамъ, а въ настоящемъ случаѣ мой долгъ повиноваться вамъ. Сію минуту напишу отвѣтъ.

Хотя и не имѣю чести быть знакомымъ съ г. К., написалъ Листъ, но услыхавъ, что онъ по нездоровью никуда не выѣзжаетъ, я съ благодарностью принимаю любезное приглашеніе на завтрашній вечеръ въ 8 часовъ, съ условіемъ, что возьму смѣлость привезти съ собою неразлучнаго моего друга С., молодаго русскаго путешественника, отличнаго музыканта. Что касается вознагражденія, то нахожу болѣе чѣмъ достаточнымъ — удовольствіе провести вечеръ въ кругу милыхъ и любезныхъ дамъ семейства К.

Благодарю, отъ всей души благодарю за чисто дружеское одолженіе, сказалъ я Листу, принимая отъ него письмо, которое поспѣшилъ передать посланному Б.

Едва успѣлъ я передать Листу подробности моего знакомства съ Наимой и переговорить о моей привязанности къ ней, о счастливой случайности, представлявшей возможность проложить путь въ неприступный домъ К., какъ явился вновь камердинеръ Листа, и съ таинственнымъ видомъ началъ ему говорить что-то шопотомъ.

Скажите, отвѣтилъ ему громко Листъ, что я не могу принять.

Не стѣсняю-ли васъ? сказалъ я Листу. Сдѣлайте одолженіе, будьто откровенны, я тотчасъ уйду.

— Не уходите. Какая-то незнакомая женщина желаетъ меня видѣть, но я не расположенъ принять ее; вѣроятно какая нибудь попрошайка или авантюристка.

Камердинеръ возвратился и доложилъ, что женщина не хочетъ уходить и желаетъ непремѣнно видѣть Листа.

Молода-ли она и хороша-ли собою, по крайней мѣрѣ? спросилъ Листъ.

Не могу сказать, отвѣтилъ камердинеръ, дама подъ вуалемъ.

— Рѣшительно не принимаю.

Камердинеръ появляется вновь и говоритъ, что дама подъ вуалемъ объявила, что не уйдетъ, не увидѣвшись наединѣ съ Листомъ. Скажи твоему господину, добавила она, что когда Листъ меня увидитъ, не будетъ раскаеваться въ снисхожденіи меня принять.

— Право скучно, не хотятъ меня оставить въ покоѣ; какъ вы думаете?

— Я думаю, что вамъ слѣдуетъ принять назойливую незнакомку, а мнѣ пора домой; до завтра, въ половинѣ осьмого я зайду къ вамъ.

— Дѣлать нечего; если вы меня оставляете, долженъ подчиниться капризу этой дамы.

Я взялъ шляпу, пожалъ Листу руку, пожелалъ ему успѣха и вышелъ.

Проходя черезъ переднюю, увидѣлъ даму средняго роста, закутанную въ большую мантилью съ густымъ вуалемъ на головѣ.

Остальную часть вечера я провелъ дома, въ раздумьи о предстоявшемъ наслажденіи увидѣть Наиму въ домѣ ея отца. Мнѣ что-то нашептывало, что наступаетъ въ жизни моей важная, рѣшительная ми-

нута, и сколько разсудокъ ни представлялъ препятствій, затрудненій и сомнѣній, вѣрованье въ счастливую будущность ласкало меня; непреодолимая, безсознательная сила воли влекла меня къ Наимѣ. Наима не произнесла ни одного слова, которое могло-бы поощрить, обнадежить меня; привѣтливая вѣжливость,—вотъ все, что замѣчалось въ ея обращеніи со мною. Но краснорѣчивѣе, убѣдительнѣе всякихъ словъ былъ ея взглядъ; и внутреннее чувство неясной, смутной, но тѣмъ не менѣе твердой надежды такъ сильно заговорило во мнѣ, что я былъ почти убѣжденъ въ успѣхѣ.

Я заснулъ подъ впечатленіемъ грезъ, навѣянныхъ Наимой. И снится мнѣ храмъ старинной архитектуры, освѣщенный множествомъ свѣчей желтаго воска въ золоченныхъ люстрахъ; раздается въ храмѣ громкое, величественное пѣніе, сопровождаемое звуками органа, духовыхъ и металлическихъ струнныхъ инструментовъ; посреди храма у большаго стола, покрытаго бѣлою атласною скатертью съ золотою бахрамою, стоялъ я, а направо подлѣ меня женщина въ бѣлой шерстяной одеждѣ съ густымъ покрываломъ на головѣ, ниспадавшимъ до колѣнъ; предъ нами жрецъ весь въ бѣломъ, въ плоской, съ двухъ сторонъ оканчивавшейся остроконечными закругленіями внутрь митрѣ; за поясомъ, на которомъ вышиты клиньями золотыя буквы, небольшой серпообразный ножъ; жрецъ, не смотря на длинные совершенно бѣлые волосы и такую-же окладистую бороду, былъ необыкновенно похожъ лицемъ на Листа. Смолкло пѣніе; жрецъ соединилъ мою руку съ рукой стоявшей около меня женщины и началъ что-то говорить на непонятномъ мнѣ языкѣ. Рѣчь его продолжалась недолго, въ храмѣ появились другіе жрецы безъ митръ съ длинными покрывалами, точь въ точь друиды въ „Нормѣ“ и начали трубить въ длинныя рогообразныя трубы. Трубный звукъ составлялъ такіе негармоническіе аккорды, отзывался такими сильными диссонансами, что я невольно вздрогнулъ. Изъ подъ земли выросъ предо мною уродливый старикъ въ одеждѣ, употребляемой евреями при совершеніи молитвъ, съ длиннымъ ножемъ въ рукѣ, которымъ онъ замахнулся на меня. Грянулъ нестройный хоръ съ аккомпаниментомъ бряцавшихъ треугольниковъ и кимваловъ; дикая музыка эта оглушила меня. Мгновенно исчезли жрецы, исчезла женщина,

по храму вихремъ пронесся холодный, леденившій вѣтеръ, погасли свѣчи, въ глазахъ потемнѣло, безъ чувствъ упалъ я на мраморный полъ. Очнувшись, я чувствовалъ, какъ могильный холодъ проникалъ въ члены мои; оглядѣвшись, я увидѣлъ, что нахожусь на кладбищѣ, и колѣнопреклоненный на мраморной плитѣ у могилы усѣянной цвѣтами и молюсь, вознося взоры на чудное изваяніе Мадонны, поставленное въ нишѣ и освѣщенное тускло горѣвшей лампадой. Ликъ Мадонны напоминалъ черты моей матери. Послышалось тихое, гармоническое, стройное пѣніе и съ послѣдними звуками, возносившимися къ небесамъ, я проснулся.

Бываютъ сны болѣе страшные, болѣе знаменательные, но не остаются долго въ памяти; сна же, видѣннаго мною наканунѣ вступленія въ домъ Наимы, я не могъ забыть: онъ такъ врѣзался въ мою память, что я помнилъ малѣйшія подробности; хоральное пѣніе и трубные звуки такъ часто повторялись въ моихъ ушахъ, что я безъ труда передалъ бумагѣ величественные аккорды хора, слышаннаго въ началѣ сна, но никакъ не могъ воспроизвесть ни на бумагѣ, ни на фортепьяно звуковъ трубъ и послѣдовавшаго за ними дикаго, потрясавшаго хора. Сколько ни трудился, какъ ни призывалъ на помощь самые крайніе диссонансы нонъ и ундецимъ, ничто не помогало. Мелодію же тихаго и нѣжнаго пѣнія у могилы я безъ всякаго усилія сыгралъ на фортепьяно и написалъ.

Все утро провелъ я въ музыкальныхъ занятіяхъ и мечтахъ.

Предъ обѣдомъ влетѣлъ въ комнату Алларъ, блѣдный, разстроенный.

Что съ вами? спросилъ я.

— Что? несчастье, и одно изъ самыхъ большихъ. Вообразите, я встрѣтилъ подъ Липами мистрисъ Нормемби, англичанку, изъ-за которой имѣлъ дуэль въ Гамбургѣ. Ея мужъ выздоровѣлъ, она его опять бросила и пріѣхала въ Берлинъ, чтобы розыскать меня. Двѣ недѣли прошли въ тщетныхъ поискахъ, и къ величайшей досадѣ, мы столкнулись сегодня. Слезамъ и упрекамъ, что не писалъ ей, не было конца; все еще любитъ меня, а я сталъ къ ней совершенно равнодушенъ. Прійдется сопрометью бѣжать изъ Берлина.

— Успокойтесь, несчастіе еще не такъ велико, какъ думаете; притомъ англичанка право очень хороша и гораздо лучше всѣхъ вашихъ Берлинскихъ пріятельницъ.

— Правда, правда, да вѣдь надоѣла и такая страстная, что возобновивъ мои къ ней отношенія, невозможно будетъ отъ нея отдѣлаться.

— Признаюсь, я не мало удивляюсь, какъ вы не умѣете цѣнить искреннюю ея привязанность. Вторично оставить мужа, отказаться отъ извѣстнаго, недурнаго положенія для того, чтобы быть съ вами, это пожертвованія, которыя должны-бы возбудить въ васъ, если не прежнее увлеченіе, то глубокое сочувствіе и благодарность.

— Давно не слыхалъ я такой морали, впрочемъ вы правы; неприлично оставить ее на произволъ судьбы.

— Не только неприлично, но было-бы жестоко, скажу больше, не совсѣмъ благородно.

— Позвольте обнять васъ за откровенность; вы затронули слабую струну, и то, чего я не сдѣлалъ-бы изъ сентиментальнаго сожалѣнія, я сдѣлаю по долгу чести.

Мы отправились къ мистрисъ Нормемби, которая была въ восторгѣ отъ любезности Аллара; въ этотъ день втроемъ обѣдали у Трюшо.

Въ половинѣ восьмаго я былъ у Листа и засталъ его въ отличномъ расположеніи. Разговоръ начался объясненіемъ вчерашняго таинственнаго визита.

Когда вы ушли, говорилъ Листъ, я попросилъ незнакомку войти ко мнѣ и тутъ произошла сцена, которую трудно было предвидѣть; много приключеній бывало со мною въ разныхъ странахъ Европы, но подобнаго еще не случалось. Вообразите мое изумленіе, когда незнакомка, не подымая вуали, сказала мнѣ: ваша музыка произвела на меня такое глубокое впечатлѣніе, ваша наружность такъ мнѣ понравилась, что я пріѣхала просить васъ провести ночь со мною. Полагаю, не откажете. Приподняла вуаль, и я былъ пораженъ, я остолбенѣлъ отъ удовольствія: предо мною стояла красавица въ полномъ смыслѣ этого слова.

Я Лола Монтесъ, танцовщица изъ Испаніи, надѣюсь, вы согласны, добавила она.

Безъ всякаго сомнѣнія, я согласился. Прелестная женщина, еще очень молодая, весьма не глупая, но кажется своенравная. Одно мнѣ въ ней не нравится: это чрезмѣрная увѣренность въ себѣ, или скорѣе въ могущество своей красоты, оттуда излишняя развязность, даже наглость. Я что-то слышалъ о ней въ Парижѣ, но не помню хорошо, кажется она тамъ дебютировала въ балетѣ и не совсѣмъ удачно. Во всякомъ случаѣ это пріятное знакомство и я намѣренъ его поддержать.

Мы отправились въ Моабитъ. Дорогой я много говорилъ Листу о Наимѣ, и онъ къ удовольствію своему замѣтилъ, что я выходилъ изъ свойственной мнѣ сдержанности и сосредоточенности.

Домъ К. довольно помѣстительный, былъ содержанъ превосходно и отдѣланъ не роскошно, но съ большимъ вкусомъ. Насъ ожидали съ нетерпѣніемъ, дамы встрѣтили въ залѣ, я представилъ Листа, Листъ отрекомендовалъ меня хозяину, сидѣвшему въ гостинной съ теткой Наимы. Вглядѣвшись въ лице К., я былъ непріятно пораженъ необыкновеннымъ сходствомъ съ снившимся старикомъ, который замахнулся на меня ножемъ. К. былъ очень старъ, едва двигался, страдая ревматизмомъ въ ногахъ, его типическое чисто еврейское некрасиваго склада лице, покрытое морщинами, было очень непривлекательно; бѣлые волосы съ желтоватымъ отливомъ, красноватые потухшіе глаза, изъ подъ черныхъ, нависшихъ бровей тупо глядѣвшіе во всѣ стороны, огромный носъ—вотъ особенности его наружности, имѣвшей въ себѣ что-то отталкивающее. Гнусливый голосъ, непривѣтливыя манеры, сухость и какая-то разсчетливость въ обращеніи произвели на меня еще болѣе непріятное впечатлѣніе.

Тетка Наимы была пожилая, красивая, милая, разговорчивая женщина и съ перваго раза обворожила меня своею любезностью. Какъ она, такъ и сестра ея, мать Наимы, были уроженками Кадикса, гдѣ отецъ ихъ имѣлъ банкирскую контору и нажилъ большое состояніе, доставшееся по его смерти двумъ дочерямъ. Сыновей онъ не имѣлъ. Старшая вышла за мужъ за К., младшая осталась дѣвицей.

Съ трудомъ передвигая ноги, старикъ повелъ насъ въ свой ка-

бинетъ, не представлявшій ничего особеннаго, а оттуда въ оранжерею. Это былъ большой зимній садъ, наполненный самыми роскошными экзотическими растеніями, сгрупированными и раэставленными со вкусомъ.— Я не былъ тогда любителемъ и знатокомъ въ этомъ дѣлѣ, но долженъ былъ отдать полную справедливость искусству, съ какимъ былъ устроенъ зимній садъ К.

Поговоривъ, мы занялись музыкой.

Листъ пригласилъ меня сыграть что нибудь для начала, чтобы испробовать фортепьяно. Инструментъ оказался превосходнымъ брудвудомъ изъ Лондона; я исполнилъ на немъ одну изъ небольшихъ пьесъ, сочиненную мною подъ вдохновеніемъ мечтаній о Наимѣ. Пьеса эта, носившая названіе: rêverie, просмотрѣнная и исправленная Листомъ, очень понравилась. Дамы наговорили мнѣ много любезностей, К. также сочувственно отнесся къ моему таланту. Потомъ игралъ Листъ; онъ игралъ много и игралъ превосходно. Слушатели были въ восхищеніи; старикъ такъ оживился и съ такимъ увлеченіемъ сталъ говорить объ игрѣ Листа и о музыкѣ вообще, что даже непріятное выраженіе его физіономіи исчезло совершенно, и онъ казался симпатичнымъ. Листъ обратился къ Наимѣ съ просьбой спѣть и она звучнымъ, чистымъ, необыкновенно пріятнымъ голосомъ исполнила „Путешественника“ Шуберта. Ей аккомпанировала Лея. Лея въ свою очередь съ аккомпаниментомъ Наимы пропѣла арію изъ Донъ-Жуана. Въ заключеніе онѣ исполнили извѣстный дуэтъ изъ Нормы, и исполнили его такъ хорошо, что привели насъ въ восторгъ; имъ аккомпанировала ихъ тетка.

Музыкальный вечеръ у К. кончился ужиномъ, сервированнымъ въ зимнемъ саду. Старикъ предложилъ тостъ за здоровье Листа, и обратился къ нему съ просьбой дать нѣсколько уроковъ Наимѣ. Листъ очень вѣжливо отклонилъ это предложеніе и сказалъ, что не можетъ рекомендовать лучшаго учителя музыки для его дочери, какъ я,—что онъ очень уважаетъ мои познанія, даетъ часто совѣты и вполнѣ ручается за успѣхъ, но предоставитъ себѣ удовольствіе заѣхать когда нибудь, чтобы провѣрить успѣхи моей ученицы. Все это было сказано такъ любезно и убѣдительно, что предложеніе Листа не могло не быть принято, и я

получилъ приглашеніе пожаловать завтра, чтобы условиться объ урокахъ. Наима не сказала ни слова, но взглядъ полный благодарности служилъ отвѣтомъ геніальной находчивости Листа.

Надѣюсь вы мною довольны, другъ мой,—говорилъ мнѣ Листъ, возвращаясь изъ Моабита; я сдѣлалъ все, что отъ меня зависѣло, чтобы быть вамъ пріятнымъ.

— Больше чѣмъ ожидалъ; вы такъ хорошо устроили мои дѣла, что не знаю, какъ васъ благодарить.

— Впрочемъ и я провелъ вечеръ очень пріятно: дамы очень милы, любезны, образованы и замѣчательно красивы; въ особенности ваша Наима какая великолѣпная представительница библейской красоты! я питаю глубокое уваженіе къ вашему вкусу.

— Да, она хороша, и, если не ошибаюсь, ея душевныя качества вполнѣ соотвѣтствуютъ замѣчательной ея наружности. Я былъ-бы вполнѣ счастливъ, если-бы могъ заслужить ея благосклонность.

— Повѣрьте, она не совсѣмъ къ вамъ равнодушна, судя по тѣмъ взглядамъ, которые мнѣ удалось подмѣтить; начало положено, остальное нужно предоставить времени. Вы теперь имѣете возможность часто ее видѣть, и исполняя осторожно роль Альмавивы, пріобрѣтете сердце новой Разины.

— Ваша выдумка не дурна, но я встрѣчаю маленькое затрудненіе. Завтра мнѣ предстоитъ условиться со старикомъ объ урокахъ: не могу-же я принять платы за мои уроки, —не смотря на то, что буду исполнять вполнѣ добросовѣстно мое дѣло.

— Напротивъ, чтобы не возбудить никакого подозрѣнія въ Бартоло, вамъ слѣдуетъ согласиться на всѣ условія, которыя онъ вамъ предложитъ; если-же онъ спроситъ о вашихъ условіяхъ, то не обинуясь назначьте приличное вознагражденіе за ваши труды. Это будетъ и справедливо: вы по всей вѣроятности принесете большую пользу музыкальному развитію вашей ученицы,—и благоразумно: отказомъ въ вознагражденіи не поставите въ затрудненіе старика и не возбудите въ немъ никакого сомнѣнія на счетъ вашихъ отношеній къ его дочери.

— Вы правы, нельзя поступить иначе.

Мы разстались молча, пожавъ крѣпко руку другъ другу.

Утромъ на другой день я отправился къ К., былъ принятъ старикомъ благосклонно; онъ показался мнѣ днемъ еще невзрачнѣе и безобразнѣе, чѣмъ въ вечеру. Условіе было сдѣлано: я обязался давать Наимѣ три урока въ недѣлю, по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ въ полтора часа каждый, и въ вознагражденіе мнѣ предложено было по талеру за урокъ. Я просилъ Наиму сыграть что-нибудь, и она исполнила капризъ Мендельсона такъ хорошо, такъ отчетливо, что только для приданія себѣ большей важности въ присутствіи старика, я нашелъ нужнымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній.

Музыкальныя занятія наши шли весьма успѣшно; изрѣдка старикъ приходилъ послушать Наиму, иногда тетка ея присутствовала при началѣ урока, но чаще мы оставались одни, и никто намъ не мѣшалъ. Довольно скучныесеансы фортепьянной игры мы разнообразили пѣніемъ; я аккомпанировалъ Наимѣ на фортепьяно и на віолончели, нерѣдко Лея присоединялась къ намъ и полуторачасовые уроки вскорѣ превратились въ музыкальныя утра. Потомъ отправлялись гулять. Вечера также стали проводить по большей части вмѣстѣ въ театрахъ или на концертахъ. Натуры Наимы и Леи были чисто артистическія; онѣ пѣли и играли превосходно, имѣли тонкій, вѣрный слухъ и большія способности къ музыкѣ. Въ короткое время я такъ къ нимъ привязался, такъ полюбилъ Наиму, что сталъ ей посвящать все свое время.

Университетскія занятія мои отъ этого сильно пострадали: совсѣмъ почти пересталъ я посѣщать лекціи. Музыкальное образованіе мое также не двигалось: съ Марксомъ и Таубертомъ я разошелся, и на столько занимался музыкой дома, на сколько это могло быть пріятно и полезно Наимѣ. Но я пріобрѣлъ нѣкоторыя свѣдѣнія въ ботаникѣ, выучилъ названія растеній тепличныхъ и комнатной культуры, чтобы имѣть возможность говорить о нихъ съ К. и снискать его расположеніе.

Все шло какъ нельзя лучше; я сдѣлался въ домѣ К. домашнимъ человѣкомъ, и получилъ даже приглашеніе приходить иногда по вечерамъ, которые впрочемъ недолго продолжались: старикъ ложился въ

10-ть часовъ, и передъ отходомъ его ко сну всѣ должны были расходиться.

Съ каждымъ днемъ я болѣе и болѣе любилъ Наиму; съ ея стороны пользовался всегда большимъ сочувствіемъ. Вскорѣ сочувствіе обратилось въ сильную, глубокую привязанность, и мы полюбили другъ друга, какъ любятъ въ молодые годы: мнѣ наступилъ двадцать второй, ей было восемнадцать. Мы такъ увлеклись своимъ чувствомъ, что никогда не думали о препятствіяхъ, а къ несчастію препятствія были велики, непреодолимы.

Во всѣхъ отношеніяхъ Наима была-бы для меня хорошею партіей: въ глубокой взаимной привязанности мы вполнѣ убѣдились, сочувствіе, которымъ я пользовался въ семействѣ Наимы, не подлежало сомнѣнію, образованіе, полученное Наимой, ея прелестная наружность, высокія душевныя качества не оставляли желать ничего лучшаго, въ матеріальномъ отношеніи она была также совершенно обезпечена; независимо отъ части, причитавшейся ей отъ отца, у нея былъ значительный капиталъ, оставленный матерью; у бездѣтной тетки было сверхъ того хорошее состояніе. Мое положеніе было также вполнѣ удовлетворительно. Казалось, всѣ условія были въ высшей степени благопріятны для осуществленія нашихъ желаній принадлежать другъ другу. Но Наима была еврейка; въ этомъ заключался весь вопросъ.

Нашими законами бракъ православнаго съ нехристіанкою абсолютно воспрещался. Убѣдить Наиму перемѣнить религію не было возможности. Однажды я заговорилъ объ этомъ. Наима отвѣтила, что она готова принести въ жертву своей ко мнѣ привязанности все, и узы, связывающія ее съ семействомъ, и положеніе, и состояніе, но никогда не измѣнитъ Моисееву закону. „Я родилась еврейкой, еврейкой и умру“,—прибавила она съ твердостью, которой я не ожидалъ, потому что никогда не замѣчалъ въ ней и тѣни религіозной нетерпимости и свойственнаго евреямъ фанатизма.

Какъ ни было грустно убѣжденіе въ невозможности поколебать рѣшимость Наимы, я не могъ не отдать полной справедливости возвышенности ея чувствъ. Сомнѣніямъ въ ея глубокой привязанности ко

мнѣ не было мѣста; не разъ повторялось чистосердечное признаніе; ничѣмъ неудержимая радость при моихъ посѣщеніяхъ, избытокъ счастья, одушевлявшій ее въ нашихъ интимныхъ объясненіяхъ, служили вѣрнымъ залогомъ искренности Наимы. И не смотря на горячую ко мнѣ любовь, на полную увѣренность, что я сдѣлаю ее счастливою, Наима не соглашалась на послѣдній, необходимый шагъ, не изъ религіознаго фанатизма, а по сознанію долга, по инстинктивному чувству достоинства.

Любя Наиму отъ всей глубины моего сердца, я питалъ къ ней и высокое уваженіе; весьма обыкновенное въ мои лѣта увлеченіе рѣдкой ея красотой перешло въ чувство болѣе возвышенное; я вполнѣ умѣлъ оцѣнить ея душевныя качества и привязался къ ней всѣми силами моей души. Чувство чести громко заговорило во мнѣ.

Получивъ убѣжденіе, что ничто не въ силахъ измѣнить рѣшенія Наимы на счетъ религіознаго вопроса, и сознавая неодолимость этого препятствія къ женитьбѣ, я рѣшился уѣхать изъ Берлина. Какъ ни тяжело, какъ ни грустно было принять такое рѣшеніе, я не могъ поступить иначе въ виду невозможности, оставаясь въ одномъ городѣ съ Наимой, отказаться отъ счастья ее видѣть и прервать мои къ ней отношенія. Я чувствовалъ, что не имѣлъ для этого достаточной силы воли.

Листъ уѣхалъ изъ Берлина въ Петербургъ, не задолго до принятія мною этого рѣшенія. Онъ разстался съ Лоллой Монтесъ не совсѣмъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Началось съ того, что она выпросила у него довольно значительную сумму денегъ для уплаты своихъ долговъ; потомъ потребовала еще столько-же, Листъ заплатилъ; наконецъ требованія стали увеличиваться въ такомъ размѣрѣ и такъ часто, что Листъ поставленъ былъ въ необходимость отказывать, не смотря на всю неразсчетливость въ денежныхъ своихъ дѣлахъ. Лолла разсердилась; тѣмъ дѣло и кончилось.

Алларъ также оставилъ Берлинъ раньше предположеннаго срока.

Мистрисъ Нормемби такъ ему надоѣла своими нѣжностями, что бѣдный французъ, отличавшійся необыкновеннымъ непостоянствомъ, долженъ былъ бѣжать въ Россію. Я ему далъ нѣсколско рекомендательныхъ писемъ, въ Петербургъ, Москву, Полтаву, Кіевъ и Одессу къ

моимъ знакомымъ и роднымъ, заставилъ изучить географію имперіи и успѣлъ выучить его по русски нѣсколькимъ фразамъ, необходимымъ въ путешествіи. Жаль мнѣ было разставаться съ Алларомъ; вѣтренный и легонькій французикъ часто развлекалъ и смѣшилъ меня, а иногда бывалъ и очень полезенъ любезною готовностью служить, чѣмъ могъ.

Къ этому времени относится мое знакомство въ Берлинѣ съ Степаномъ Степановичемъ Джунковскимъ. Братъ его Петръ Степановичъ былъ женатъ на двоюродной сестрѣ моего отца, носившей нашу фамилію, и Степанъ Степановичъ, пріѣхавъ въ Берлинъ, счелъ долгомъ со мною познакомиться. Онъ кончилъ курсъ кандидатомъ въ петербургскомъ университетѣ и пріѣхалъ въ Берлинъ слушать лекціи.

Религіозныя православныя его убѣжденія были такъ сильны, что въ Берлинѣ онъ соблюдалъ всѣ посты, постился по средамъ и пятницамъ, посѣщалъ постоянно православную церковь и велъ жизнь чисто монашескую.

Весьма неглупый, съ очень добрымъ сердцемъ, онъ слылъ большимъ чудакомъ, вслѣдствіе религіознаго настроенія чуждался общества товарищей и ненавидѣлъ женщинъ. Тогда только что появилось въ продажѣ извѣстное сочиненіе Штрауса: „Жизнь Іисуса“. Джунковскій закупилъ всѣ экземпляры бывшіе въ двухъ книжныхъ магазинахъ подъ Липками, сжегъ ихъ и требовалъ отъ книгопродавцевъ, чтобы не выставляли этой книги въ своихъ окнахъ. Проходя мимо, нѣсколько дней спустя, онъ опять видитъ на выставкѣ ненавистнаго ему Штрауса, входитъ въ магазинъ, говоритъ множество непріятностей приказчикамъ и выбрасываетъ на улицу новые экземпляры „Жизни Іисуса“. Большой скандалъ, потомъ процессъ, наконецъ Джунковскій, уплативъ значительный штрафъ, долженъ былъ уѣхать въ Геттингенъ изъ негостепріимнаго ему Берлина.

И скучно и грустно мнѣ было въ Берлинѣ въ послѣдніе дни моего тамъ пребыванія. Я остался безъ друзей и безъ всякой надежды на перемѣну обстоятельствъ къ лучшему, но не падалъ духомъ: мысль, что приношу себя въ жертву Наимѣ, ободряла меня; я такъ искренно

и глубоко любилъ, что самоотверженіе въ этомъ случаѣ считалъ непреложнымъ долгомъ совѣсти и не придавалъ ему значенія героизма.

Я не считалъ возможнымъ объявить о моемъ рѣшеніи Наимѣ изъ боязни огорчить ее и вызвать, быть можетъ, какой-нибудь необдуманный, неосторожный поступокъ, тѣмъ болѣе, что мы тщательно скрывали отъ отца Наимы наши отношенія и онъ видѣлъ во мнѣ только усерднаго учителя музыки и любезнаго собесѣдника.

Написавъ къ Наимѣ письмо, я предположилъ отдать его Кранаху для доставленія на другой день послѣ моего отъѣзда. Въ письмѣ я выразилъ чувства руководившія мною, борьбу долга чести съ страстнымъ увлеченіемъ и твердою рѣшимостью проститься съ завѣтной мечтой счастья навсегда.

Наканунѣ моего отъѣзда я провелъ вечеръ у К.; много говорили, пѣли и играли, я старался казаться веселымъ и, возбужденный идеей самопожертвованія, я находился подъ вліяніемъ какого-то неестественнаго одушевленія. Въ концѣ вечера я просилъ Наиму спѣть мнѣ еще что-нибудь. Она пропѣла „Adieu“ и исполнила мою любимую мелодію Шуберта съ такимъ чувствомъ, такъ меня растрогала, что я расплакался, какъ дитя, не помню, какъ простился, и уѣхалъ домой.

На другой день, передавъ письмо къ Наимѣ Кранаху, я сидѣлъ уже въ вагонѣ по дорогѣ въ Лейпцигъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ ПИСЕМЪ МАКСИМОВИЧА КЪ ШЕВЧЕНКУ.

Изъ переписки Максимовича съ Шевченкомъ уцѣлѣло только *девять* писемъ, относящихся къ 1857—1860 гг. *Шесть* изъ нихъ уже были напечатаны въ книгѣ М. К. Чалаго „Жизнь и произведенія Шевченка“ (Кіевъ 1882), съ нѣкоторыми пропусками и грубыми опечатками [1]). Помѣщаемъ остальныя три письма съ соблюденіемъ правописанія подлинниковъ. Письма Максимовича, во всей полнотѣ своей, важны особенно для уясненія отношеній его къ Шевченку, по поводу которыхъ наброшена въ печати тѣнь на свѣтлое нравственное достоинство Максимовича. Біографъ Шевченка, г. Чалый опирается на „частныя бесѣды съ Максимовичемъ“... Но мало-ли чего не говорится въ „интимныхъ“ бесѣдахъ? Неужели всякое лыко въ строку? И вѣрно ли переданы самыя бесѣды, ихъ основанія? Намъ при этомъ вспоминаются слова Шевченка: „Чому не писать, колы руки сверблять, а дрюковать не годилось“. Между Максимовичемъ и Шевченкомъ дѣйствительно было подъ конецъ нѣкоторое охлажденіе во взаимныхъ отношеніяхъ; можно пожалѣть объ этомъ, но не бросать осужденія полною горстью. Максимовичъ человѣкъ скромный, мягкій, уступчивый, былъ такимъ въ своихъ отношеніяхъ даже къ литературнымъ противникамъ, напр. къ г. Кулишу, и даже въ заочныхъ сужденіяхъ о немъ, а въ Шевченкѣ онъ всегда признавалъ и талантъ по-

[1]) На стр. 137—138 книги г. Чалаго напечатано »догледивъ« вмѣсто *догадливъ*; напечатано »милость«, нужно—*мысочку*; »нахаивъ«—вм. *накоивъ*; никчемнои вм. *несмачнои*; »новая« вм. *твоя*. Есть и пропуски, которые характерны для Максимовича, какъ человѣка, напримѣръ: »Поглянь-же незлымъ своимъ окомъ на тую добру людину и посмѣйся той кумедіи... Така поворотка на добру стать стоить того, щобъ пересердіе змѣниты на милосердіе«... и пр.

эта, и способность художника, и яркое дарованіе пѣвца: онъ возставалъ только противъ слѣпаго поклоненія ему, какъ поэту и какъ человѣку; но и подобныя замѣчанія Максимовичъ позволялъ себѣ только въ дружеской бесѣдѣ, смягчая ихъ добродушною шуткою. А если случалось касаться дѣйствительно темныхъ сторонъ въ жизни Шевченка, Максимовичъ говорилъ о нихъ съ глубокою грустью, сѣтуя и о своемъ другѣ и о слабости человѣческой природы вообще. Въ печати-же, сколько намъ помнится, Максимовичъ сказалъ про Шевченка одно лишь, что онъ свободнѣе относился къ исторіи, чѣмъ напр. Пушкинъ въ своей „Полтавѣ“.

Но обратимся къ письмамъ Максимовича.

Письмо I.

1857 г. 20 дек. Москва.

Привѣтъ и поклонъ тобѣ, нашъ любый, нашъ славный Тарасе, одъ щирого сердця и повности душевной! Радѣвъ и туживъ я, чуючи про тебе, читаючи твои вирши красномовныи и крѣпкодумныи, и на останку—и твои листы до Щепкина, сего дивно-милого чоловѣка, що и надзаходы вѣку свѣтить и грѣе душею своею, якъ вранцѣ свѣтить и грѣе яснее сонце. Полетивъ-бы и я отце изъ нимъ до Нижнего—да ба! Нужда не пуска зъ Москвы... живи небоже, роби небоже, то й Богъ поможе!—якъ кажуть на нашôй Украинѣ. Такъ хочъ словцемъ сказаться, коли не въ воли повидаться!

Прійми отъ-си книжици моей праци! Бачъ, и я на старости ставъ виршовникъ, и зъ письменного книжного Игоря зробивъ спѣваку—Украинця. На половину здается таки гарненькій; дещо вже й самъ полагодивъ; а що тобѣ не сподобается, будь ласковъ, напиши менѣ, коли буде досужно! Да ще отъ яка прозьба до тебе, нашъ вѣщій Бояне! Мы тутъ дуже бажаемъ твоихъ пѣсень и виршей, не тôлько про себе, да щобъ и въ свѣтъ ихъ пустить черезъ *Молву* да *Руську Бесѣду:* такъ чи не можно одолжить ими и мене, и выдавцевъ помяненыхъ журналовъ, и всѣхъ земляковъ... якъ-то рады будуть, побачивши ихъ друковаными! Знаю те по сличной *Наймичцѣ*! Бувай же здоровенькій и ясненькій, любый земляче! милый соловейку!... Помагай Богъ тобѣ, щобъ таки справдѣ побачила тебе Украина на своемъ роскошномъ лонѣ... бо вже вона все жде-не дожде тебе изъ дальнои чужины, и якъ въ тôй пѣснѣ спѣваеться:

„Лети лети сокилу,
Я жду тебя зъ тоскою,

Личко зъ пылу умыю
И обôйму за шію!“

Обнимаю жъ и я тебе, коханый земляче, мыслями моими и сердцемъ.

М. Максимовичъ

Кланяється тобѣ и моя жôнка Маруся!

Поклонися отъ мене Вл. Ив. Далеви, коли вбачишься зъ нимъ. То ще добра людина на свѣтѣ!

Письмо это было послано Максимовичемъ чрезъ М. С. Щепкина (1788—1863), который ѣздилъ тогда въ Нижній Новгородъ, какъ для спектаклей на тамошнемъ театрѣ, такъ и для свиданія съ Шевченкомъ. Къ письму была приложена „Пѣснь о полку Игоря, переведенная Максимовичемъ на украинское нарѣчіе“ (Кіевъ 1857 г.); впослѣдствіи Максимовичъ исправилъ свой переводъ и напечаталъ его въ Украинцѣ 1859 года. Просьбу Максимовича „прислать пѣсень и виршей“ Шевченко исполнилъ въ Москвѣ, оставивъ ему нѣсколько своихъ стихотвореній, которыя и были напечатаны въ Русской Бесѣдѣ. Вл. Ив. Даль (1801—1872 гг.) служилъ тогда въ Нижнемъ управляющимъ палатою государственныхъ имуществъ.

Письмо II.

Шевченкови одъ Максимовича привѣтъ и поклонъ!

Якъ ся себе маешъ, любый земляче, и якъ здравствуе твое розумне чоло и видюще око?... Сегодня на врядъ чи побачимось; коли выѣду къ вечору, то все таки не трапиться тебе одвѣдати. Тымъ часомъ посылаю тобѣ *Жабомышодраковку*, тыи гекзаметры Думитрашкови, що я казавъ тобѣ; да ще й мои *псалмы*... будь ласковъ, подивись на си псалмы пильненько, и що въ ихъ не доладу, одмѣть менѣ все до послѣдняго словця: зъ твоеи порады може и зможеться менѣ ихъ справити такъ, щобъ и въ люде зъ ними не соромъ було показаться коли небуть.

Бувай-же здоровъ и свѣтлоясенъ!

Твой *М. Максимовичъ*.

15 марта, 1858 г. М.

Это письмо Максимовича относится къ пребыванію Шевченка въ Москвѣ, гдѣ оба писателя встрѣчались другъ съ другомъ почти ежедневно. „Жабомышодракивка“—переложеніе войны мышей съ лягушнами на малороссійскіе гекзаметры, чуть-ли не первые и весьма удачные. „Псалмы“, переложенные Максимовичемъ на украинское нарѣчіе, тогда еще приготовлялись къ печати и вышли черезъ годъ (1859 г.),

не встрѣтивъ, къ сожалѣнію, того успѣха, котораго они вполнѣ заслуживаютъ. Черезъ 10 дней послѣ этого письма Максимовичъ устроилъ у себя почетный обѣдъ Шевченку (во вторникъ на святой), пригласилъ нѣкоторыхъ писателей и привѣтствовалъ поэта теплымъ стихотвореніемъ на малороссійскомъ языкѣ [1]).

Приводимъ любопытный *постскриптумъ* письма восьмаго и цѣликомъ все девятое письмо,—послѣднее если не вообще, то въ ряду уцѣлѣвшихъ и въ нашихъ рукахъ находящихся писемъ Максимовича къ Шевченку.

Постскриптумъ VIII письма.

Нашъ любый и благонадежный панъ Костомаровъ заѣвся зо мною за *Яська*, и выводитъ противъ мене цѣлу громаду за его, запрохавши до неи и вашу мосць; выбачайтежъ, що скажу вамъ: панове громада, чудна ваша рада! Якъ же вы *Яська* Яковомъ чи-то Йосипомъ назвали, а про *Ясона* и не згадали? (У васъ у Петербурзѣ бувъ и профессоръ *Ясонъ Василевичъ Петровъ*, звѣстный своею ботаникою и анекдотомъ, что, читаючи по книзѣ лекцію спервa о тростникѣ, перевернувши два листка вмѣсто одного, продолжавъ: зъ ёго строются корабли... отъ, каже, яка натура у жаркихъ климатахъ, що й тростникъ якъ дерево выростае! А далѣ дивиться, что написано про дубови жолуди, перевернувъ назадъ одинъ листъ—да й поправився: „сказанное о тростникѣ надо разумѣть о дубѣ!“ Таки-то були колись профессори).

Прошу перецать мой поклонъ Марку Вовчку и его подружію, а также панамъ Соколову и Трутовскому.

Письмо IX.

1860 г. 14 дек. Мих. Гора.

Вы зовсѣмъ забули на насъ, коханый земляче, Тарасъ Григорьевичъ! Вы не откликнулись даже и на мой мартовскій листикъ, которымъ извѣщалъ я васъ о рожденіи у меня сына Олексы. Что за немилость такая? А мы съ Марусею моею не мало тужимъ объ тимъ всякій разъ, какъ вспоминаемъ васъ, а это случается нерѣдко. Изъ нѣсколькихъ писемъ, полученныхъ мною въ послѣднее время отъ нѣкоторыхъ знакомыхъ, я съ грустію и досадою вижу, что завелась какая-то мара, которая перехватываетъ, и чуть-ли не въ нашей Золотоношѣ, если не

[1]) См. въ „Основѣ“ 1861 г., № 6; въ книгѣ г. Чалаго оно перепечатано съ пропускомъ двухъ стиховъ (стр. 126); равно и другое съ пропускомъ (стр. 199).

въ Петербургѣ и Борзнѣ, наши письма—и мои къ нимъ, и ихъ ко мнѣ, особенно послѣднія, почему и подозрѣваю больше на Золотоношу... Грустное утѣшеніе себѣ сочиняю, что и ваше молчаніе къ намъ подходитъ подъ эту категорію. Озовитесь пожалуста къ намъ, и дайте о себѣ намъ знать: какъ вы поживаете и сподѣваться-ли намъ на Украйну въ слѣдующее лѣто?...

Наше житье-бытье такое-же, какъ видѣли, кромѣ радостной прибавки въ хлопяткѣ нашемъ, которымъ Господь взвеселилъ Михайлову Гору. Вы полюбовались-бы этимъ прекраснымъ младенцемъ. Въ немъ весь міръ мой теперь. Съ того дня, какъ мы разстались въ Мошнахъ, я совершенный отшельникъ и домосѣдъ, такъ что и Золотоноши даже не вижу, цуръ ей! Ничего не писалъ—даже до сего мѣсяца; ничего почти и не читалъ нового, не выписывая ни книгъ, ни журналовъ, ни газетъ, кромѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, изрѣдка и не вполнѣ присылаемыхъ отъ сосѣда моего, вамъ извѣстнаго брата жены моей. Вотъ какъ живу я, малограмотно! Радъ душевно, что Бѣлозерскій успѣлъ устроить *Основу*: исполать ему! и помогай ему Богъ!

Нынѣшній годъ унесъ съ сего свѣта многихъ для меня дорогихъ людей. Къ числу отшедшихъ принадлежитъ и нашъ Золотоношскій Лукашъ, котораго называли вы придурковатымъ, бо й справдѣ такій бувъ и передъ смертью, что завѣщалъ библіотеку свою, въ томъ числѣ и Маркевичевъ архивъ,—въ раздѣлъ между наслѣдницами, четырмя дочками малолѣтными! Не стало и Маркевича: хорошо-бы извѣстить о немъ въ Основѣ, да при томъ случаѣ припечатать ваше посланіе къ нему, не вошедшее въ „Кобзаря“:

Бандуристе, сизый орле...

Не забудьте и не оставьте безъ исполненія моей просьбы: собрать для меня всѣ ваши гравюры новыя; вы намъ дали только двѣ, а мнѣ хочется имѣть всѣ ихъ.

За тѣмъ бывайте здоровеньки и вдохновенны! Кланяемось вамъ всѣ трое

М. Максимовичъ, Марья Максимовичева. Алексѣй.

С. Пономаревъ.

Библіографія.

Географическій словарь западно-славянскихъ и юго-славянскихъ земель и прилежащихъ странъ, составленный Яковомъ Головацкимъ. Съ приложеніемъ географической карты. Вильна. 1884 г. (XXXII+ 271 стр.). Ц. 2 р. 50 к.

Это новый трудъ плодовитаго писатели, около полувѣка съ честію подвизающагося на поприщѣ исторіи, литературы, лингвистики, этнографіи и публицистики. Большая часть его учено-литературной дѣятельности принадлежитъ времени пребыванія его въ Галиціи, но и по переходѣ къ намъ онъ не перестаетъ обогащать русскую науку все новыми солидными трудами. Настоящій трудъ по замыслу, спеціальности и сложности выполненія не уступаетъ многимъ другимъ.

Цѣль онаго—привести въ извѣстность и, по возможности, ввести въ употребленіе всѣ сохранившіяся доселѣ славянскія названія географическихъ мѣстностей въ земляхъ западныхъ и южныхъ славянъ, которыя безпощадно въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ извращались иноземными ихъ обладателями, замѣняясь въ иностранныхъ книгахъ и картахъ названіями иноязычными, и въ такомъ видѣ переходя и къ намъ.

Немногимъ извѣстенъ весь вредъ, проистекающій отъ такихъ перемѣнъ въ славянской географической номенклатурѣ. Глядя на карту, испещренную нѣмецкими, венгерскими или турецкими названіями, мы и не подозрѣваемъ, что имѣемъ дѣло съ славянскими мѣстностями. Насъ поражаетъ ограниченность славянской территоріи; на самомъ дѣлѣ она гораздо шире. Авторъ »Словаря« приводитъ примѣры иноязычныхъ названій географическихъ, которыя не имѣютъ въ дѣйствительности соотвѣтствующихъ имъ мѣстностей, и на оборотъ мѣстности съ славянскими названіями, которыхъ нѣтъ на картахъ.

Въ обширномъ, живо и интересно написанномъ предисловіи многоученый изслѣдователь славянщины выясняетъ всю необходимость воз-

становленія и сохраненія славянскихъ географическихъ названій и пользу этого дѣла въ самыхъ различныхъ примѣненіяхъ.

Историкамъ и археологамъ, говоритъ онъ, крайне затруднительно открывать славянскія историческія мѣстности подъ новыми иноземными названіями,—и приводитъ такіе примѣры. »Въ XII и XIII вв., сочинители Лаврентьевской и Ипатьевской лѣтописей знали, гдѣ города *Глогова, Опава, Глубиччичи, Особлага, Козлій, Бордуевъ, Пожга, Изволень*, гдѣ рѣка *Солона*, гдѣ *Чешскій Лѣсъ*, а теперь ученые никакъ не могутъ открыть ихъ на нѣмецкихъ и мадьярскихъ картахъ подъ исковерканными названіями: Glogau, Troppau, Leobschutz, Hotzenplatz, Kosel, Bartfeld или Bartfalva, Pressburg или Pozsony, Altzohl или Zolyom, Sajo, Böhmerwald, не зная, что народъ до сихъ поръ употребляетъ первобытныя названія. Даже издатели Ипатской лѣтописи впали въ невольную ошибку при указаніи города *Середы*, укрывшагося отъ нихъ подъ нѣмецкимъ названіемъ Neumarkt.

Возстановленіе славянской географической номенклатуры, по мнѣнію почтеннаго автора, имѣло-бы немаловажное значеніе для лингвистики, помогая объясненію законовъ фонетики и словопроизводства и наглядным образомъ выясняя взаимныя отношенія племенъ въ самой глубокой древности.

Самое достоинство географической науки, по его словамъ, требуетъ, чтобы были возстановлены чистыя, первоначальныя формы славянскихъ географическихъ именъ. Наши карты, въ большинствѣ составляемыя по нѣмецкимъ оригиналамъ, повторяютъ исковерканныя уже нѣмцами названія, но очень часто наши картографы и сами искажаютъ ихъ вслѣдствіе незнакомства напримѣръ съ мадьярскимъ или румынскимъ языками, имѣющими свои особенности въ орѳографіи и произношеніи, и незнанія, какими правилами произношенія руководствоваться въ томъ или другомъ названіи и и къ какому изъ нихъ, смотря по мѣстности, примѣнить нѣмецкое, къ какому мадьярское, чешское, хорватское, польское, или итальянское произношеніе... Географическіе учебники наши не менѣе картъ страдаютъ невѣжествомъ относительно славянщины, ибо составляются опять таки по иностраннымъ образцамъ: *Львовъ* въ нихъ неизвѣстенъ, а есть *Лемберіъ*, *Бескиды* называются *Бескиденами*, *Лужицкія* горы—*Лязицерскими* горами и проч. Наиболѣе употребительные въ настоящее время время учебники географіи—это Смирнова и Семенова: учебникъ перваго ходитъ теперь въ 22-мъ, втораго въ 9-мъ изданіи, но ни въ томъ, ни въ другомъ вы нигдѣ не найдете не только какого-нибудь Оломуца, Дубровника, Новаго Сада, но даже Львова и Загреба. „Изъ школы за-

ученныя ошибки входятъ въ общественную жизнь и въ сочиненія даже самыхъ почтенныхъ авторовъ. Въ русскихъ газетахъ и книгахъ не рѣдкость встрѣтить поразительное невѣдѣніе по части географіи, отъ чего выходятъ иногда уморительные пассажи. *Современныя Извѣстія* 1872 году № 133 напечатали слѣдующую телеграмму: »Въ *Цолькиверѣ*... явились аграрныя безпокойства« и проч. Мѣстности подъ названіемъ *Цолькиверъ* въ Галиціи вовсе нѣтъ, а есть городъ Жолковь, польскій Żółkiew, который Нѣмцы по своему зовутъ Zolkiew; русскій переводчикъ, не зная этого, скопировалъ нѣмецкое: Im Zolkiewer (Gebiethe)—въ *Цолькиверѣ*, и вышелъ абсурдъ". Переводчикъ книги *о Черногоріи* называетъ крѣпость *Спужъ*—Спуцомъ, *Зету*—Цетой, вм. *Жабляк* (Žabljak) пишетъ Цабльжахъ (!!)...".

Мы опускаемъ болѣе мелкія подробности аргументаціи автора, полагая, что и приведеннаго вполнѣ достаточно для убѣжденія публики въ важности и полезности его труда.

Позволимъ себѣ однако замѣтить, что этотъ кропотливый и весьма цѣнный трудъ г. Головацкаго не имѣетъ всей желательной полноты, не смотря на то, что авторъ пользовался источниками на нѣмецкомъ, латинскомъ и французскомъ языкахъ и нѣсколькихъ славянскихъ нарѣчіяхъ. Наиболѣе обработанъ имъ отдѣлъ географическихъ названій въ Галиціи и вообще въ славянскихъ земляхъ Австро-Венгріи,—здѣсь списаны не только города, мѣстечки, но и села; въ южной-же славянщинѣ приведены въ извѣстность славянскія названія только важнѣйшихъ городовъ и мѣстечекъ. Не надо впрочемъ забывать, что авторъ работалъ надъ предметомъ, если не совершенно не початымъ, то во всякомъ случаѣ очень мало обслѣдованнымъ.

Данныя, приводимыя авторомъ въ словарѣ, слѣдующія: при названіяхъ населенныхъ мѣстъ — число жителей, мѣстоположеніе и иногда ссылка на историческіе источники, гдѣ находится упоминаніе о данномъ мѣстѣ; при названіяхъ горъ и рѣкъ—высота первыхъ и истоки и устья вторыхъ. Собранный матеріалъ расположенъ въ книгѣ такимъ образомъ: крупнымъ шрифтомъ напечатаны названія славянскія, въ русскомъ произношеніи; рядомъ съ ними тѣ-же славянскія названія, но по мѣстному или сосѣднему славянскому выговору; затѣмъ тутъ-же термины, искаженные или окончательно замѣненные иностранцами; между названіями, напечатанными крупнымъ шрифтомъ, вставлены въ алфавитномъ порядкѣ мелкимъ шрифтомъ иностранные синонимы, съ ссылками на однозначущія русскія названія. Наконецъ къ книгѣ приложена карта, въ масштабѣ 1:2,000,000, напечатанная въ нѣсколько тоновъ, довольно отчетливо. На картѣ, при разныхъ геогрѣфи-

ческихъ единицахъ, напечатаны только славянскія названія въ русской транскрипціи. Если принять во вниманіе, что иностранные синонимы, поставленные тутъ-же, только излишне испещрили-бы карту и что каждое иностранное названіе въ „Словарѣ“ непремѣнно сопровождаетъ русское, напечатанное на картѣ, то надо согласиться, что способъ, принятый авторомъ, найболѣе удобенъ.

Словарь достоуважаемаго Я. Ѳ. Головацкаго—дѣло многолѣтняго, кропотливаго труда и многосторонней эрудиціи автора. Предисловіе помѣчено 1877 г., самый Словарь, какъ намъ передавали, былъ отпечатанъ еще въ 1880 г., но появленіе его замедлилось въ слѣдствіе затрудненій при изготовленіи карты. Желая самаго широкаго распространенія этому въ высокой степени цѣнному и полезному изданію, не можемъ не пожелать, чтобы основная его идея была примѣнена и къ нашей мѣстной географіи. Кто имѣлъ дѣло съ географіей и исторіей юго-западной Россіи, тотъ не знаетъ, чѣму болѣе удивляться: невѣжеству-ли лицъ, заносившихъ мѣстныя географическія имена на карты, или отсутствію патріотизма и полнѣйшему пренебреженію къ мѣстной исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, откройте ходячую карту напримѣръ подольской губерніи: русскій народъ, живущій тамъ, не знаетъ этихъ Юзефполей, Юліамполей и проч.! Кого-же мы обманываемъ? Кстати сказать, у насъ и для производства прилагательныхъ отъ собственныхъ именъ законы не писаны.

Ѳ. Ни—къ.

Кубанскій Сборникъ. Труды Кубанскаго Областнаго Статистическаго Комитета, издаваемые подъ редакціею Е. Д. Фелицына, дѣйств. члена К. О. С. Ком. Т. I, съ картою Кубанской Области. Екатеринодаръ. 1883 г.

Оффиціальной статистикѣ не безъ основанія дѣлается упрекъ въ томъ, что рутина и формальность весьма часто замѣняютъ для нея самое существо дѣла. Происходитъ это главнымъ образомъ отъ двухъ причинъ: отъ способа собиранія статистическихъ матеріаловъ, при посредствѣ низшихъ полицейскихъ инстанцій, а затѣмъ отъ недостатка обработки этихъ матеріаловъ и критической ихъ провѣрки. Притомъ наши статистическіе комитеты въ своихъ работахъ рѣдко выступаютъ изъ узкихъ рамокъ, начерченныхъ Положеніемъ о нихъ 1834 г., дополненнымъ отчасти въ 1860 г., и имѣя дѣло съ современнымъ состояніемъ населенія данной мѣстности, для уясненія онаго не обращаются къ изученію его этнографическихъ и историческихъ особенностей. Отъ этихъ

недостатковъ свободенъ, кажется, названный нами трудъ. Кубанскій областной статистическій комитетъ существуетъ весьма недавно; онъ основанъ лишь въ 1879 г. и теперь выпускаетъ первый томъ своихъ трудовъ. Тѣмъ болѣе дѣлаетъ ему чести, что онъ сразу понялъ свою задачу и старался избѣжать общей многимъ другимъ его собратамъ рутины и пустаго формализма. Имѣя дѣло съ краемъ вовсе не изслѣдованнымъ, онъ, поставилъ своею ближайшею задачею постепенную подготовку матеріаловъ для всесторонняго его изученія въ будущемъ, начиная съ отдѣльныхъ мѣстностей. Не располагая ни ознакомленными съ дѣломъ статистики сотрудниками, ни подготовленными для того матеріалами, не имѣя даже списковъ населенныхъ мѣстъ, Комитетъ не отступилъ предъ первыми трудностями предстоящей ему работы и на первый уже разъ далъ какъ описанія отдѣльныхъ нѣкоторыхъ мѣстностей, такъ и гораздо болѣе цѣнные матеріалы для ознакомленія съ Кубанскою Областью въ различныхъ отношеніяхъ.

Въ составъ „Кубанскаго Сборника", весьма объемистаго (свыше тысячи страницъ), вошло 11 статей: одна изъ нихъ, могущая сама по себѣ составить отдѣльную книгу, спеціально научная (это статья проф. Линдемана: „Вредныя насѣкомыя Куб. Обл."), восемь статистическаго и статистико-этнографическаго содержанія и двѣ характера историческаго. Статья проф. Линдемана, трактуя о вредныхъ насѣкомыхъ Кубанской Области, какъ на одну изъ причинъ ихъ распространенія указываетъ на традиціонную земледѣльческую культуру малорусскаго ея населенія. Въ этомъ отношеніи она, вмѣстѣ съ другими статистико-этнограф. статьями, рисуетъ намъ знакомую по мѣстнымъ наблюденіямъ картину, показывающую, какъ цѣпко держится малороссъ своихъ звычаевъ и тамъ на далекой окраинѣ среди множества разноплеменныхъ вліяній и другихъ факторовъ бытовой жизни. Говорить объ этой статьѣ намъ не приходится; разборъ и оцѣнка оной дѣло спеціалистовъ; болѣе близкое отношеніе къ задачамъ нашего изданія имѣютъ другія статьи: статистико-этнографическія и особенно историческія. Объ нихъ мы и скажемъ нѣсколько словъ.

Въ объемистыхъ и старательно составленныхъ статьяхъ: г. Ейскъ, Ейскій уѣздъ, Николаевская, Новоминская, Воронежская и Троицкая станицы, заключается немало цѣннаго статистическаго, этнографическаго и отчасти историческаго матеріала, распредѣленнаго по широкой программѣ Комитета; но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, особливо первой, третьей, пятой и шестой, разработка статистическаго матеріала не вполнѣ удовлетворительна и, говоря словами редакціи Сборника, „новость дѣла и неподготовленность авторовъ къ самостоятельнымъ статистическимъ ра-

ботамъ" обнаруживается сама собою. Мы, однако, не считаемъ себя въ правѣ дѣлать за это какой-либо упрекъ авторамъ, а тѣмъ болѣе редакціи Сборника, и обращаемъ лишь вниманіе на слѣдующее: изъ указанныхъ статей, между прочимъ, видно, что нѣкоторые вопросы программы выполнялись какъ-бы потому, чтобы не вышли пробѣлы (напр. стр. 264); въ иныхъ мѣстахъ (стр. 572) замѣтна условная сдержанность, благодаря которой мы привыкли проходить мимо многихъ явленій, заслуживающихъ серьезнаго вниманія [1]); наконецъ, въ основаніе нѣкоторыхъ статей (напр. „Ейскій уѣздъ") уже теперь положены свѣдѣнія и данныя, добытыя не надежнымъ офиціальнымъ путемъ. Мы понимаемъ трудность инаго собиранія такихъ свѣдѣній; но было-бы вознагражденіе за трудъ, а работники найдутся. Нужны, конечно, денежныя средства, а ихъ должно дать областное начальство, если не желаетъ, чтобы работа статистическая стала фантастическою. Необходимо заручиться сотрудничествомъ лицъ, близко стоящихъ къ изучаемымъ мѣстностямъ, каковы священники и сельскіе учители. Къ послѣднимъ Комитетъ обращался съ приглашеніемъ, и если, по замѣчанію редакціи Сборника, на это приглашеніе отозвались весьма немногіе, то, конечно, всего болѣе потому, что предстоялъ трудъ безплатный. Вполнѣ сочувствуемъ редакціи въ ея сожалѣніи объ этомъ.

---

[1]) Авторъ описанія Николаевской ст., говоря о „кадушникахъ" (шалопутахъ), замѣчаетъ, что послѣдніе, для вовлеченія въ свою секту, употребляютъ деньги, которыя, по заявленію шалопутовъ, будто-бы получаютъ свыше. На это редакція Сборника ставитъ въ выноскѣ такое nota bene: „фактъ, конечно, говорящій самъ за себя не въ пользу своей достовѣрности". Такимъ образомъ и авторъ и редакція оставляютъ фактъ въ невѣрномъ освѣщеніи. А дѣло вотъ въ чемъ: у шалопутовъ существуетъ въ широкихъ размѣрахъ взаимопомощь деньгами и трудомъ. Это одна изъ первостепенныхъ причинъ, почему секта быстро распространяется; всякому хочется лучше жить въ достаткѣ, нежели нужду терпѣть. Поэтому прозелиты шалопутизма оказываются прежде всего среди бѣдноты. Вступая въ секту, новый членъ тотчасъ-же получаетъ денежное пособіе. Со стороны этотъ фактъ объясняютъ подкупомъ, вовлеченіемъ въ секту при помощи денежныхъ подачекъ,—тогда какъ подобныя пособія обязательны у шалопутовъ въ силу самого строя общины, основанной на нравственной солидарности и имущественной или хозяйственной взаимопомощи. Шалопуты, какъ и всѣ сектанты отличаются скрытностію и крайне неохотно даютъ какіе либо отвѣты на вопросы любопытствующихъ объ ихъ сектѣ; отсюда и такой, ничего не говорящій отвѣтъ, что деньги они получаютъ свыше. Авторъ не воспользовался готовыми свѣдѣніями объ этой сектѣ, а ихъ не мало: въ „Кавказскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ" 1873 г., въ видѣ матеріаловъ, въ газетѣ „Кавказъ" 1876 г. въ нашей статьѣ, „Кавказскіе шалопуты", въ „Отечеств. Зап". 1882 г., №№ 9 и 10, въ обстоятельной статьѣ г. Абрамова и въ „Недѣлѣ" № 2, въ статьѣ г. Щербины.

По личному опыту намъ извѣстно, что къ оффиціальнымъ собирателямъ статистическихъ свѣдѣній народъ нашъ относится крайне недовѣрчиво, видя въ нихъ чиновниковъ—развѣдчиковъ съ задними мыслями, въ родѣ возвышенія налоговъ; поэтому такимъ собирателямъ обыкновенно трудно бываетъ добиться вѣрныхъ свѣдѣній. Между тѣмъ знакомое лицо, какъ сельскій учитель, не встрѣтитъ подобнаго отношенія, притомъ-же ему болѣе или менѣе извѣстно уже хозяйственное положеніе, если не всѣхъ, то большинства односельчанъ. Вотъ почему мы считаемъ статистическое описаніе Новоминской станицы г. Кириллова (учителя, стр. 817) заслуживающимъ довѣрія и вниманія. Составленное на основаніи данныхъ, собранныхъ при подворной переписи (стр. 630) самимъ авторомъ, оно въ сжатомъ видѣ даетъ хорошіе матеріалы и такого характера матеріаловъ дай Богъ побольше Комитету. Впрочемъ, мы не считаемъ удобнымъ знакомить съ ними, такъ какъ не знаемъ, можетъ-ли быть ст. Новоминская признана типомъ кубанскихъ станицъ и какимъ именно: среднимъ, низшимъ или высшимъ по экономическому положенію.

Въ числѣ восьми статей значится ст. (на 92 страницахъ) д—ра Ланда: «Движеніе населенія въ г. Темрюкѣ». Сама по себѣ она хотя и хороша, но по нашему мнѣнію слѣдовало-бы повременить съ пріемомъ подобныхъ статей и оставить мѣсто работамъ, наиболѣе необходимымъ въ данное время. Комитетъ прежде всего долженъ заняться изученіемъ мелкихъ населенныхъ единицъ, такъ какъ тамъ, по свидѣтельству самой-же редакціи Сборника, совершается что-то такое, окончательныя формы чего теперь трудно даже предъугадать. Подъ наплывомъ новыхъ факторовъ, обусловливающихъ экономическія отношенія, жизнь указанныхъ единицъ находится въ переходномъ состояніи;—въ сферу ея врываются такіе элементы, которые могутъ надѣлать не мало вреда впослѣдствіи. Чтобы помочь тутъ населенію, нужно знать его положеніе, нужно теперь-же, немедленно заняться изученіемъ его быта: вѣдь не для того-же учрежденъ Комитетъ, чтобы отъ времени до времени печатать свои труды. Надо полагать, что работы его должны имѣть значеніе въ глазахъ людей, власть имущихъ.

Комитетъ уже теперь далъ одну статью („Исторія земельной собственности у кубанскихъ козаковъ“) высоко-поучительнаго характера, которую положительно нельзя оставить безъ вниманія. Принадлежитъ она перу г. Щербины, лучшаго знатока Кубанской Области, основательно изучившаго и прошлыя судьбы ея и современное положеніе.

Борьба обычныхъ понятій народа въ области общинно-земельнаго устройства съ эксплуататорскими поползновеніями отдѣльныхъ лицъ, желающихъ насадить, въ виду личныхъ своихъ интересовъ, форму част-

наго землевладѣнія и всѣми правдами и неправдами захватить общинныя земли, а затѣмъ оформить это закономъ—вотъ чего касается названная статья. Серьезные изслѣдователи, какъ напр. кн. Васильчиковъ («Землевл. и Земледѣл.», т. I, стр. XI, изд. 1881 г.), настаиваютъ на необходимости немедленно приступить къ урегулированію поземельныхъ отношеній, чтобы не впасть въ ту же ошибку, какъ другіе народы, которые принялись писать и разсуждать о соціально-аграрныхъ устройствахъ, когда уже всѣ земли были разобраны, всѣ общественныя отношенія установлены; указываютъ также на необходимость такой земельной организаціи, которая предотвращала-бы чрезмѣрное развитіе крупнаго землевладѣнія, а мы, наоборотъ, насаждаемъ крупное частное землевладѣніе въ экономической жизни козачества (стр. 118 сборника), т. е. такую форму, которая вовсе не находитъ оправданія въ обычаѣ козака и притомъ идетъ въ разрѣзъ съ основными, законными правами на владѣнье его областною землею.

Статья г. Щербины представляетъ и другой интересъ.

Такъ какъ козачество Запорожской Сѣчи перешло въ кубанскую область, то, такъ сказать, послѣднія страницы исторіи внутренняго быта и земельнаго устройства ея, изслѣдованіе причинъ и путей, которыми шло видоизмѣненіе старыхъ формъ жизни, нужно искать въ исторіи теперешнихъ черноморскихъ козаковъ.

Авторъ говоритъ, что тѣ формы земельныхъ отношеній, которыя выработаны были въ Запорожьи, оказались непригодными въ Черноморьи. «Запорожскій Кошъ, какъ однородная, нераздѣльная община, состоявшая изъ 38 куреней или подъобщинъ, сразу-же распался на свои составныя части при поселеніи черноморцевъ на новомъ мѣстожительствѣ. Для занятія этими частями общей войсковой территоріи были заранѣе намѣчены разные пункты, а жребій указалъ потомъ, гдѣ и какому куреню или подъобщинѣ слѣдовало селиться. Такимъ образомъ, благодаря такому возникновенію отдѣльныхъ поселеній, рано или поздно, но непремѣнно должно было произойдти извѣстное обособленіе этихъ поселеній въ земельномъ отношеніи. Такъ оно въ дѣйствительности и было» (стр. 119). Но рядомъ съ этимъ, вслѣдствіе измѣнившихся внутреннихъ распорядковъ, привитыхъ извнѣ, и внутри этихъ поселеній также постепенно зарождались, росли и видоизмѣнялись новыя экономическія теченія. Властные козачьи старшины, уже не общиною избиравшіеся, какъ прежде, а назначавшіеся начальствомъ, и вообще весь козачій чиновный людъ захватывали въ исключительное владѣнье лучшія общинныя земли и угодья и вмѣстѣ съ тѣмъ, обособляясь отъ рядоваго козачества, стремились выдѣлиться въ особый, своего рода помѣстный классъ. Съ нимъ и поднесь козачество ведетъ земельную борьбу, полагая даже, что при-

надлежащія этому классу земли, права на которыя установлены закономъ, по существу есть ничто иное, какъ пай козачій и часть земель общинныхъ (стр. 122). Идетъ такая-же борьба у козака съ козакомъ хуторяниномъ, который пытается давность владѣнія обширными хуторскими угодьями превратить въ право (стр. 379 и далѣе).

Не можемъ не остановиться также на ст. г. Бентковскаго, помѣщенной въ Сборникѣ на первомъ планѣ: «Заселеніе западныхъ предгорій главнаго кавказскаго хребта» (матеріалы для исторіи колонизаціи западнаго Кавказа).

При колонизаціи Кавказа всегда имѣлись въ виду военно-стратегическія соображенія,—поэтому заботы объ экономическомъ положеніи колонистовъ (военнаго или гражданскаго вѣдомства) отступали на задній планъ, а то и вовсе не входили въ расчетъ. Мѣста для заселенія, по необходимости, выбирались только такія, которыя нужно было сдѣлать опорными пунктами военныхъ дѣйствій, не разбирая: годны-ли они подъ поселенія или нѣтъ, есть-ли тамъ какія-либо земледѣльческія угодья и т. п. Мало этого: поселенные въ одной мѣстности колонисты не могли разсчитывать, что останутся здѣсь навсегда; нерѣдко ихъ передвигали съ одного мѣста на другое. При подобныхъ передвиженіяхъ колонисты несли громадные убытки, хозяйства ихъ разстраивались и приходили въ упадокъ. Но военныя требованія были строги, хотя нельзя сказать, чтобы колонисты всегда безропотно подчинялись этимъ требованіямъ. Примѣръ этого и представленъ въ матеріалахъ г. Бентковскаго въ проэктѣ князя Барятинскаго 1860 г.—заселить горное и подгорное пространство западнаго Кавказа вооруженнымъ козачьимъ поселеніемъ по обѣимъ сторонамъ хребта (стр. 4), выселивъ горцевъ западной части на богатыя равнины, лежащія на лѣвомъ берегу Кубани.

Въ заключеніе остается еще упомянуть о картѣ кубанской области, приложенной къ сборнику. Составлена она самимъ редакторомъ Сборника г. Фелицынымъ; труда на нее потрачено, вѣроятно, не мало; но зато выполненіе превосходно и новая карта вышла гораздо полнѣе старыхъ.

А. А. Потебня. Объясненія малорусских и сродных народных пьсень. Варшава 1883. (отдѣльный оттиск из „Русскаго Филологическаго Вѣстника“).—8-го стр. 268+VIII.

Прежде чѣмъ приступить къ разбору содержанія книги г. Потебни, прошу позволенія у читателя сдѣлать маленькую замѣтку о той отличительной особенности его изложенія, которая способна поразить чита-

теля непривычнаго, если-бы онъ захотѣлъ ознакомиться ближе съ замѣчательнымъ трудомъ г. Потебни. Дѣло въ томъ, что этотъ трудъ, подобно другимъ его трудамъ, неудобочитаемъ; да, просто неудобочитаемъ, и не въ переносномъ какомъ-либо, а въ прямомъ смыслѣ этого слова. Замѣчательный польскій историкъ Лелевель очень плохо владѣлъ перомъ; стиль его былъ до того тяжелый, построеніе предложеній, нанизанныхъ при помощи разныхъ союзовъ въ громадные періоды, было до того странно, что читатель тщетно искалъ въ нихъ общей связи и частенько не доискивался либо подлежащаго, либо сказуемаго, и надъ каждой фразой приходилось ему задумываться и догадываться, что авторъ хотѣлъ сказать. Но онъ былъ словоохотливъ, и хотя именно эта словоохотливость и была главною причиною запутанности его рѣчи, но она-же и помогала читателю уразумѣть мысль автора. Г. Потебня представляетъ въ способѣ изложенія своихъ мыслей совершенно противуположную крайность. Онъ до того скупъ на слова, что выражается иногда чуть не знаками, формулами. Я не говорю уже о томъ, что онъ не признаетъ твердыхъ знаковъ въ концѣ словъ и дѣлаетъ массу необычныхъ сокращеній,—что тоже затрудняетъ чтеніе,—но онъ излагаетъ свои мысли такъ сжато, что весь его трудъ похожъ скорѣе на рядъ замѣтокъ автора, которыя онъ дѣлалъ про себя, съ массою ссылокъ и цитатъ, изъ которыхъ читателю приходится съ трудомъ отгадывать значеніе всего прочитаннаго и самому связывать одну мысль съ другою.

Хотя эстетическій стиль и не важенъ въ серіозномъ научномъ изслѣдованіи, но манера изложенія г. Потебни много мѣшаетъ ознакомленію съ его научными наблюденіями и выводами, дѣлаетъ его труды не привлекательными, недоступными для большинства читателей и понятными только для тѣхъ, кто упорно, съ напряженными усиліями будетъ добиваться въ нихъ намѣченныхъ авторомъ заключеній. Зависитъ-ли это отъ склада его ума, тонкости анализа, глубины соображеній и выводовъ, или вмѣстѣ отъ невниманія къ читателю и пренебреженія къ требованіямъ правильно построенной и ясной рѣчи,—положеніе дѣла отъ того не измѣняется. А жаль, потому что всѣ работы г. Потебни отличаются большою содержательностію, мѣткостію сопоставленій, оригинальностію выводовъ. Я не знаю другаго автора, который-бы въ такой степени соединялъ въ себѣ и замѣчательную эрудицію и удивительную память, сохраняющую неуловимыя почти мелочи, и способность такъ умѣло владѣть весьма богатымъ и разнообразнымъ матеріаломъ.

Но перейдемъ къ содержанію книжки г. Потебни.

Состоитъ она изъ четырехъ статей. Первыя двѣ небольшія: 1) Малорусскія пѣсенныя выраженія мыслей: «что къ чему идетъ», «что

къ чему пристало» и 2) «Лелю-полелю, диди-ладо», вызваны ошибочными взглядами Н. Ѳ. Сумцова въ его сочиненіи «о свадебныхъ обрядахъ». Остальныя двѣ: 3) Веснянки размѣра (4+3+3) и (5+3) и 4) Веснянки размѣра (5+4) составляютъ, преимущественно первая, самостоятельныя цѣнныя и главныя въ этой книгѣ изслѣдованія.

Первая статья написана въ разъясненіе символическаго выраженія пѣсни: «Сосновое відеречко, дубовое денечко», въ сопоставленіи съ словами: «ходимъ, повінчаймось, мое сердечко». Приведенныя слова навели г. Сумцова на мысль, что здѣсь проглядываетъ древній обычай совершать бракосочетаніе при водѣ.—Г. Потебня, указавъ на ошибку г. Сумцова, выясняетъ, что «сосновое відеречко, дубовое денечко» есть символическій образъ любви дѣвицы къ парню *ровнь*, и затѣмъ приводитъ цѣлый рядъ подобныхъ-же образовъ (нить свивается съ чѣмъ нибудь, паутина повилась по «тыну», виноградъ вьется по дереву). Затѣмъ авторъ довольно удачно выясняетъ разные символы взаимности любви; такъ: невѣста уподобляется бочкѣ или чашѣ меду, и при этомъ пить означаетъ любить. Въ этомъ-же смыслѣ онъ выясняетъ символическія выраженія: koła i rozwora, сопилка и денце, скрипка и струны. Всѣ выясненія автора основаны на массѣ весьма удачныхъ сближеній пѣсеннаго матеріала разныхъ славянскихъ и даже не славянскихъ народовъ.—Такимъ образомъ мы видимъ, что авторъ по поводу ошибочнаго толкованія Сумцовымъ одного пѣсеннаго образа, выясняетъ намъ цѣлый рядъ похожихъ на него образовъ, выражающихъ любовь къ подходящему парню или дѣвицѣ, словомъ къ *ровнь* и озаглавилъ вслѣдствіе этого свой этюдъ: Пѣсенныя выраженія мысли: „что къ чему идетъ“.

Въ слѣдующей, полной эрудиціи, статьѣ, опровергается мнѣніе г. Сумцова, который въ пѣсенныхъ словахъ: „Lelum-Polelum“ усматриваетъ указаніе на существованіе этихъ божествъ въ славянской миѳологіи. Массой подобраннаго и выясняемаго матеріала, относящагося къ этому вопросу, г. Потебня убѣждаетъ читателя, что «Лель и Лада», въ смыслѣ именъ божествъ, остаются не болѣе, какъ пустой, очень шаткой и ни на чемъ не основанной догадкой. Выраженія-же „Лелю-полелю и диди ладо“, давшія поводъ къ фантастическимъ выводамъ въ области миѳологіи, являясь въ настоящее время въ видѣ припѣва, были когда-то обыкновенными словами, утратившими нынѣ прежнее свое значеніе.

Изслѣдованія г. Потебни о «веснянкахъ» вносятъ очень много новаго въ науку.—Я не буду останавливаться на подробностяхъ, такъ какъ это было-бы пересказомъ содержанія статей, а обращу вниманіе читателя на основную мысль автора и методъ изслѣдованія.—Авторъ, исходя изъ прежде высказанной имъ мысли, «что распредѣленіемъ пѣсенъ по раз-

мѣрамъ опредѣлились-бы самые широкіе потоки пѣсеннаго преданія» (стр. 45), старается выяснить тѣ древніе образы, быть можетъ миѳы, которые выразились въ пѣсняхъ размѣра (4+3+3), (5+3) и (5+4) и находитъ, что размѣры эти пріурочены только къ миѳическимъ образамъ культа весенняго и лѣтняго (Весняныя игры, веснянки, петровочныя и купальскія). Что въ извѣстныхъ разрядахъ пѣсенъ, даже при выраженіи извѣстныхъ образовъ и представленій, замѣчается присутствіе извѣстныхъ опредѣленныхъ пѣсенныхъ размѣровъ, это отчасти вѣрно, но я не думаю, чтобы размѣръ самъ по себѣ могъ быть принятъ за основаніе для распредѣленія пѣсенъ и служилъ пригоднымъ признакомъ для сведенія матеріала съ цѣлью раскрыть всѣ подробности и значеніе древнихъ миѳическихъ образовъ.—Дѣло въ томъ, что размѣръ самъ по себѣ не составляетъ существенной черты пѣсенныхъ формъ; онъ есть не болѣе, какъ результатъ построенія словъ въ извѣстной мелодіи и находится въ полнѣйшей отъ нея зависимости. Авторъ самъ признаетъ, что многія пѣсни въ разныхъ варіантахъ одного и многихъ племенъ представляютъ такъ называемое *стяженіе* и *растяженіе* размѣра, такъ что пѣсни съ размѣромъ, положимъ, (5+4) могутъ въ другихъ варіантахъ являться съ размѣромъ (4+4), или (5+5) и даже (5+6) и т. п. (стр. 244, 245); тѣмъ болѣе странно, что только на основаніи сходства содержанія пѣсень онъ признаетъ одинъ размѣръ ихъ генетически развившимся изъ другаго (ibidem). Это легко быть можетъ, но можетъ быть и то, что содержаніе совершенно тождественное могло быть парафразировано подъ вліяніемъ совершенно другаго мотива и для другой пѣсни въ размѣръ совершенно самостоятельный, что видно изъ примѣровъ, приведенныхъ самимъ авторомъ.

Я думаю, что далеко болѣе существенной чертой пѣсенной формы, признакомъ далеко болѣе вѣрнымъ, можетъ служить напѣвъ. Вѣдь прототипъ пѣсни, положимъ солнечнаго культа, заключавшій въ себѣ въ оное время опредѣленный миѳъ, разложившійся нынѣ въ осколки символическихъ и миѳическихъ образовъ народной поэзіи, не слагался по извѣстному размѣру, а выливался въ опредѣленной мелодіи, послѣдствіемъ которой уже и явился размѣръ. Но такой-же самый размѣръ могъ вполнѣ случайно явиться результатомъ совершенно другаго по характеру и жанру напѣва. Обрядныхъ мотивовъ очень немного и они весьма оригинальны, причемъ они замѣчательно сильно пріурочены къ извѣстнымъ обрядамъ; во всякомъ случаѣ далеко сильнѣе пріурочены они, чѣмъ размѣры, такъ что на мотивъ веснянки никогда не будутъ пѣть щедрівки, хотя-бы эти пѣсни и сложились по одному размѣру (4+4).

Говоря о купальныхъ пѣсняхъ размѣра (5+4), г. Потебня замѣ-

чаетъ: «До чего этотъ размѣръ принадлежитъ весеннимъ и лѣтнимъ пѣснямъ, видно и изъ того, до какой степени онъ необыченъ въ пѣсняхъ другаго содержанія, непріуроченныхъ къ веснѣ и лѣту» (стр. 234). Онъ находитъ въ V т. Сборника Чубинскаго только около десятка пѣсенъ этого размѣра, «притомъ исключительно такихъ, которыя суть веснянки, петривочныя и проч., или ведутъ отъ нихъ свое начало» (ibidem). Все это случайно почти вѣрно; я говорю «случайно» потому, что древній купальскій напѣвъ, создавшій этотъ размѣръ, весьма оригиналенъ и среди другихъ мотивовъ, болѣе новыхъ, мало нашлось такихъ, которые требовали отъ стиха такого-же склада; но они есть однако не только среди новыхъ, но даже и среди обрядныхъ древнихъ. Укажу на пѣсню «Маланка» изъ древняго обряда, не имѣющаго ничего общаго съ весеннимъ и лѣтнимъ культомъ.

Наша Маланка не линива,
На ополонци ложки мыла и т. д.

Напѣвъ этой пѣсни, со многими варіантами мелодіи, въ существѣ одинъ и тотъ-же повсемѣстно (См. Kolb. Pokucie I.), хотя ничего общаго не имѣетъ съ характеромъ мелодій купальныхъ пѣсенъ размѣра (5+4); онъ даже другаго музыкальнаго лада.

Вопросъ *стяженія* и *растяженія* размѣра (сокращенія и распространенія частей стиха), по моему, тоже не можетъ быть опредѣленъ, какъ я выше замѣтилъ, по сходству содержанія пѣсни, но онъ могъ-бы быть опредѣленъ стяженіемъ и растяженіемъ самого мотива. Для изслѣдованія этого вопроса до сихъ поръ нѣтъ достаточнаго количества музыкальнаго матеріала. Мнѣ удалось между прочимъ сдѣлать слѣдующее наблюденіе въ извѣстной купальской пѣснѣ:

Три мисяци ясни,
Три зироньки красни!
Ой яворе, яворонько, зелененькій!

третій стихъ составляетъ припѣвъ, повторяющійся послѣ каждаго куплета, и имѣетъ оригинальный напѣвъ. Но тотъ-же самый напѣвъ распространяется на припѣвъ двустишный, при чемъ первый стихъ оканчивается въ доминантѣ, второй въ тоникѣ. Это мы находимъ въ припѣвѣ слѣдующей купальской пѣсни:

Поставлю сторожу,
Тай посію рожу!
(Припѣвъ) Стороною дощи йдуть, стороною
Надъ моею рожою повною.

Далѣе тотъ-же самый мотивъ, въ новомъ варіантѣ, составляетъ *часть* напѣва третьей купальской пѣсни:

Ой, на городи катранъ, катранъ,
Стоить Захарко, якъ панъ, якъ панъ.
Ой, на городи петрушечка,
Стоить Оксана, якъ душечка.
Катранъ петрушку покрывае,
Захаръ Оксану обіймае.

Изъ этихъ примѣровъ мы видимъ, что одна и таже мелодія, вслѣдствіе стяженія и распространенія, а также и сочетанія съ другою, вылилась въ пѣсняхъ въ трехъ разныхъ размѣрахъ: (4+4+4), ^{1}(4+3+4) и ^{2}(5+4).

Итакъ одинъ и тотъ же размѣръ можетъ служить самымъ разнороднымъ пѣснямъ и напѣвамъ, а одинъ и тотъ-же напѣвъ можетъ требовать разнородныхъ размѣровъ, оставаясь пріуроченнымъ къ одному содержанію. Этого, мнѣ кажется, вполнѣ достаточно для убѣжденія, что надежды г. Потебни на размѣръ, какъ мѣрило при классификаціи пѣсенъ, легко могутъ не оправдаться.

Съ мыслію, что размѣръ пѣсенъ пріуроченъ къ опредѣленному содержанію, я мирюсь до тѣхъ поръ, пока дѣло идетъ о пѣсняхъ обрядныхъ, такъ какъ во всей этой группѣ своеобразные древніе мотивы создали весьма характерные размѣры, мало повторяющіеся въ другихъ родахъ пѣсенъ съ новою мелодіею.—Въ виду именно этого обстоятельства положеніе, высказанное г. Потебнею въ обоихъ его очеркахъ, а въ особенности въ послѣднемъ, повидимому оправдывается. Но если примѣнить это положеніе къ пѣснямъ бытовымъ и распредѣлить ихъ по размѣрамъ, то увидимъ, что оно совсѣмъ не вѣрно, такъ какъ новая музыка, при всемъ своемъ разнообразіи, дала куплетные размѣры общіе для самыхъ разнохарактерныхъ типовъ.

Вся цѣнность работы г. Потебни заключается главнымъ образомъ въ самомъ разъясненіи символики веснянокъ, которое какъ-то странно идетъ параллельно съ выше разсмотрѣннымъ положеніемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно самостоятельно, такъ что вопросъ о размѣрѣ повидимому совсѣмъ не связанъ съ главнымъ содержаніемъ работы, а вводится на каждомъ шагу эпизодично. Разъясненія основаны на весьма тонкихъ и удачныхъ сближеніяхъ разныхъ символическихъ выраженій въ громадномъ количествѣ собраннаго матеріала. Авторъ весьма удачно въ частностяхъ освѣщаетъ символическіе запѣвы и выраженія, смыслъ которыхъ, на первый взглядъ, совершенно не вяжется съ содержаніемъ пѣсни; въ дѣйствительности-же оказывается, что символика обрядовыхъ пѣсенъ до сихъ поръ остается вѣрною, такою-же, какою она была издревле, и пѣснь удержала ее понынѣ, не разложивъ и не исказивъ.

Авторъ дѣлаетъ всевозможныя усилія, чтобы съ помощію самого

тщательнаго собранія всѣхъ обломковъ, напоминающихъ о культѣ, посредствомъ сближеній и предположеній возстановить представленіе о культѣ весны и лѣта, давшемъ начало этимъ обряднымъ пѣснямъ. Средства для этого у автора значительныя, какъ въ обиліи матеріала, такъ и въ замѣчательной его способности къ комбинаціямъ.

Но какъ ни поразительны его сближенія, какъ ни полны составляемые имъ изъ мелкихъ осколковъ образы, похожіе на мозаики изъ разноцвѣтныхъ камней, собранныхъ съ разныхъ розсыпей славянскихъ преданій, какъ ни убѣдительно все это, но, скрѣпя сердце, приходится сказать словами самого-же автора, высказанными имъ по поводу догадокъ о богинѣ Ладо: „*все бы это ничего, еслибы только добраться, что дѣйствительно былъ такой культъ солнца* (стр. 38).

Еще одно замѣчаніе по поводу матеріаловъ, разсматриваемыхъ авторомъ. Какъ я выше замѣтилъ, богатство его просто поражаетъ. Кажется нѣтъ такихъ славянскихъ сборниковъ, которыми-бы авторъ не пользовался, и то весьма щедро; кромѣ того на каждомъ шагу вы встрѣтите скандинавскія, латышскія, итальянскія, индійскія и т. п. цитаты. Сближеніе этихъ матеріаловъ хотя и подходящее, но не всегда убѣдительно; подъчасъ волей неволей закрадывается сомнѣніе: такъ ли это? Не случайное ли это подобіе однихъ только выраженій и есть ли дѣйствительно между сближаемыми матеріалами связь внутренняя?

Къ такимъ сближеніямъ, ровно ничего не доказывающимъ, можно отнести напр. латышскій заговоръ отъ таракановъ и великороссійскій по рукописи XVII в. отъ болѣзни (умолвити червь въ человѣцѣ) (стр. 28). Въ нихъ авторъ видитъ соотвѣтствіе съ отсыланіемъ болѣзней за море на свободу, съ оставшимся будто обломкомъ миѳическаго представленія о закатѣ солнца, отправляющагося на свадьбу. Рядъ сближеній, употребленный авторомъ для выясненія этого соотвѣтствія, положительно не убѣждаетъ меня въ томъ, чтобы эти заговоры имѣли внутреннюю генетическую связь съ солнечнымъ миѳомъ.

Можетъ быть я и ошибаюсь, можетъ быть я не съумѣлъ уловить связывающую эти цитаты нить,—но въ такомъ случаѣ вина не моя, если у меня не достаточно остроумія для отгадыванія загадокъ, которыхъ исполненъ трудъ г. Потебни.

Во всякомъ случаѣ книга эта составляетъ очень цѣнный вкладъ въ науку уже по одному богатому сопоставленію матеріаловъ, выясняющихъ связь символическихъ образовъ съ содержаніемъ пѣсни, во многихъ пѣсняхъ неуловимую и непонятную для обыкновеннаго взгляда.

Ц. Нейманъ.

Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія.—Н. И. Петрова. Кіевъ 1884 г.

Почтенный трудъ профессора Петрова заслуживаетъ особеннаго вниманія уже какъ первое самостоятельное изслѣдованіе, посвященное судьбамъ малорусской литературы. Полнота и обстоятельность его,—плодъ нѣсколькихъ лѣтъ работы,—дѣлаютъ его однимъ изъ самыхъ выдающихся явленій провинціальной печати послѣдняго времени. Въ отдѣльномъ изданіи устранены тѣ натянутыя сближенія, которыя промелькнули въ работѣ, когда она печаталась по частямъ въ журналѣ. Спокойное, объективное изученіе украинской словесности, само собою разумѣется, не допускало никакой тенденціозности и какъ истина, такъ и историческая точка зрѣнія, принятая авторомъ, отъ отсутствія этого элемента, безъ сомнѣнія, только выиграли.

Эту точку зрѣнія г. Петровъ справедливо считалъ необходимой. „Историческое изученіе украинской литературы, говоритъ онъ, показало бы истинное происхожденіе ея и характеръ, изслѣдовало-бы ту почву, на которой она произбаетъ и опредѣлило-бы, насколько устойчива и питательна эта почва, и потому имѣетъ-ли свою будущность украинская литература или не имѣетъ ея“. Руководясь этимъ, онъ предпринялъ обзоръ дѣятельности украинскихъ писателей XIX вѣка, не исключая и второстепенныхъ и незначительныхъ, чтобъ анализомъ этой дѣятельности уяснить сущность украинскаго литературнаго движенія, его пріемовъ, задачъ и теченій.

Въ какой же мѣрѣ примѣненъ составителемъ историческій методъ къ его труду? Изслѣдованы-ли всѣ факторы, вліявшіе на образованіе и развитіе письменной украинской литературы, прослѣжена-ли ея двойственная роль:—помощницы литературы обще-русской и создательницы самостоятельнаго литературно-національнаго типа?

Едва-ли возможно изученіе творчества какого либо народа безъ уясненія его національно-духовныхъ особенностей, какъ онѣ выразились въ его исторіи, во всемъ его нравственномъ типѣ и болѣе всего въ народной поэзіи. Такого изученія не было, нѣтъ его и въ книгѣ г. Петрова. Поэтому малорусская литература является у него чѣмъ-то оторваннымъ отъ почвы, дѣломъ нѣсколькихъ человѣкъ писателей. При такомъ взглядѣ упускаются изъ виду тѣ внутреннія силы, которыя ее порождаютъ, та, не проявляющаяся внѣшнимъ образомъ, жизнь народности, которая есть и существуетъ, пока эта народность не утратила особенностей своего духа, и показателемъ которой служитъ литература. На цѣлой литературѣ не могутъ отражаться, какъ на безформенной массѣ, только постороннія

вліянія. Такая литература не заслуживала-бы ни малѣйшаго вниманія наблюдателя и ея творческая производительность не имѣла-бы никакой жизненной силы. То, къ чему фатально клонится человѣчество, отражается, конечно и на ней, такъ какъ ей не чуждо ничто человѣческое. Но у нея свои звуки, объявляющіеся своимъ организмомъ, своей духовной природой. На малорусской литературѣ не могло не отразиться вліяніе общерусской. Общая политическая жизнь обѣихъ народностей, совмѣстное созданіе общерусской словесности, въ которую привнесены многія южно-русскія черты, все это дѣлало такія вліянія необходимыми и неизбѣжными. Но эти вліянія были взаимны и анализъ ихъ требуетъ особенной тщательности. Прошла-ли безслѣдно для русской литературы дѣятельность украинцевъ Хераскова, Богдановича, Капниста, Гнѣдича, Нарѣжнаго—цѣлой плеяды писателей до Гоголя включительно, повернувшаго силою великаго и глубоко національнаго генія всю литературу на иной путь? Какія стороны внесены одною народностью, какія другою? Какія превозобладали, оставили слѣдъ, создали новое направленіе? Можно-ли назвать „вліяніемъ“ черты, вынесенныя съ юга и вернувшіеся опять въ его литературу? Все это важно рѣшить не въ смыслѣ вопроса о какомъ нибудь первенствѣ или розни, но въ смыслѣ культурно-историческомъ. Какимъ „вліяніемъ“ объяснить тѣ или иныя особенности народной лирики, эпоса, глубокій политическій смыслъ историческихъ пѣсень, своеобразность народныхъ разсказовъ, представленій? Наконецъ что за двигатели, что за мотивы заставляли писателей большого таланта идти въ своей дѣятельности своимъ самостоятельно-народнымъ путемъ?

Безъ анализа этихъ національныхъ чертъ, безъ изслѣдованія того, какъ, при всѣхъ вліяніяхъ и воздѣйствіяхъ, выражался въ развитіи литературы этотъ процессъ самовыраженія и самоуясненія какой-то своеобразной духовной особи, въ чемъ онъ выразился и къ чему привелъ, не уяснится ни вопросъ »о свойствѣ почвы украинской литературы«, ни вопросъ о ея жизненности“.

Объяснивши всѣ стадіи развитія украинской литературы параллельнымъ вліяніемъ общерусской, г. Петровъ раздѣлилъ весь ея ходъ въ XIX вѣкѣ на шесть періодовъ, къ которымъ и пріурочиваетъ тѣхъ или иныхъ писателей. Это общая точка зрѣнія постоянно опровергается самыми монографіями дѣятельности писателей, составленными съ большою тщательностью и добросовѣстностью. Бѣглый обзоръ содержанія книги покажетъ намъ произвольность каждаго изъ такихъ дѣленій.

Первый періодъ называется: „псевдоклассическая литература нынѣшняго вѣка и реакція псевдо-классицизму“ и открывается Котляревъ-

скимъ. Гдѣ въ украинской литературѣ эти псевдо-классическія произведенія? Украинская муза, съ первыхъ словъ, сказанныхъ на родномъ языкѣ устами полтавскаго поэта, начала со сдергиванья псевдоклассической ветоши въ изображеніи жизни, осмѣяла фальшь этого рода литературнаго творчества, господствовавшаго въ литературѣ сосѣдней, напомнила о живой жизни, о дѣйствительности, которая должна служить матеріаломъ для искуства. По признанію г. Петрова, это сдѣлано было Котляревскимъ гораздо болѣе жизненно и умѣло, чѣмъ одновременно появившимися съ нимъ въ великорусской литературѣ Котельницкимъ и Осиповымъ. Въ своихъ драматическихъ попыткахъ Котляревскій не свободенъ отъ вліянія сентиментализма и резонерства, но въ нихъ обѣихъ, въ особенности въ „Наталкѣ", есть типы вполнѣ реальные, живые (Выборный, Терпелиха, Микола), что и сообщаетъ такую жизненность его пьесамъ, не устарѣвающимъ до сихъ поръ. Громадность задачи помѣшала Котляревскому, обладавшему большимъ талантомъ, ставши творцомъ письменной украинской литературы, сдѣлаться въ ней и насадителемъ реализма, присущаго народному украинскому творчеству.

Вслѣдъ за Котляревскимъ въ этой группѣ поставленъ Белецкій-Носенко и ему отведено почти столько же мѣста, какъ первому. Вѣроятно неизданные источники, которыми пользовался составитель „Очерковъ", невольно подкупили его къ такому, далеко превосходящему заслуги писателя развитію этой монографіи. Въ общей картинѣ литературнаго украинскаго развитія Белецкій-Носенко необходимо долженъ стушеваться совсѣмъ. Это типъ литератора-обывателя. О »знаніи« его говорить едвали стоитъ и дѣятельностью его нельзя характеризовать литературный періодъ, прежде всего потому, что это писатель, не издававшійся при жизни, слѣдовательно не имѣвшій публики и не читавшійся никѣмъ изъ своего поколѣнія. Онъ литературный диллетантъ. Его опыты въ стихахъ—подражанія, поддѣлки, этнографическіе и историческіе труды не выдерживаютъ даже снисходительной научной критики, разсужденія на общественныя тэмы обличаютъ неустойчивость мысли, а иногда и нѣчто худшее. Часть сочиненій его потеряна, а »Горпинида«, блѣдное подражаніе »Энеидѣ«, и »Гостинецъ землякамъ« отводятъ ему въ литературной исторіи совсѣмъ дальнее мѣсто. Гулакъ-Артемовскій отнесенъ сюда-же за два-три стихотворенія, пріемъ или первая форма которыхъ взята изъ Горація. Анализомъ этихъ стиховъ самъ г. Петровъ убѣждается, что Артемовскій былъ не пародистъ, а сатирикъ. Онъ ищетъ слѣды сближенія поэзіи Артемовскаго съ произведеніями польскаго поэта Красицкаго и, основываясь на единственномъ переводѣ изъ Гете пьесы Der Fischer, заставляетъ Гулака примыкать къ романтикамъ. Ко-

роче, разсмотрѣвъ произведенія Гулака, авторъ самъ видитъ невозможность причислить этого образованнаго, расширившаго сферу украинскаго литературнаго творчества, писателя къ какому-бы то ни было опредѣленному циклу, но не сознается въ этомъ и присоединяетъ его къ псевдоклассикамъ, въ угоду принятой раньше системѣ. Точно также »подаетъ руку романтическому направленію въ украинской литературѣ« и Думитрашковъ, по одному переводу изъ Гете, напечатанному въ первый разъ въ книгѣ г. Петрова. Его передѣлка гомеровской »Войны мышей съ лягушками« толкуется иносказательно, въ видѣ изображенія прошедшей судьбы Малороссіи. Не думаемъ, чтобъ такое толкованіе прибавило цѣны этой попыткѣ малорусскаго гекзаметра, которая, скажемъ кстати, по преданію, нравилась Шевченку. Въ концѣ отдѣла совсѣмъ бѣлыми нитками пришиты Гоголь-отецъ и Кухаренко. Особенно странно въ періодѣ »псевдоклассицизма и реакціи ему« встрѣтить послѣдняго. »Чорноморскій Побитъ«—вещь совсѣмъ реалистическая, болѣе того, почти »натуралистическая" въ новѣйшемъ значеніи этого слова. Она имѣетъ цѣну по вѣрной рисовкѣ чертъ промежуточной, колонизаціонной эпохи въ Черноморіи и по сохраненію для исторіи, въ рельефныхъ обликахъ, живыхъ людей того времени. Остальныя работы Кухаренка—чистѣйшая этнографія. И по характеру, и по времени появленія все это нимало не относится къ тому періоду, къ какому присоединено составителемъ »Очерковъ«.

Вторымъ періодомъ является сентиментальная литература, а родоначальникомъ и главнымъ представителемъ ея—Квитка. Нужды нѣтъ, что значительная часть его произведеній принадлежитъ къ юмористическому роду, плохо уживающемуся съ представленіемъ о сентиментализмѣ во вкусѣ повѣстей Карамзина и первыхъ произведеній Жуковскаго, къ которымъ пріурочиваются свойства квитковскаго дарованія. »Украинская литература въ своемъ развитіи шла бокъ о бокъ съ сосѣдними литературами польскою и русскою и отражала въ себѣ всѣ ихъ направленія, въ томъ числѣ и сентиментальное«,—вотъ тезисъ, поставленный во главѣ отдѣла, и въ угоду ему разсматривается и дѣятельность харьковскаго беллетриста. Сентиментальныя нотки »Щирой любви«, »Добре роби, добре и буде«—подчеркиваются, а перлъ квитковскаго творчества »Маруся« подвергается перекрестному огню разнообразныхъ критическихъ отзывовъ. Эта поэма любви, гдѣ въ правдѣ изображенія характеровъ Квитка поднялся до эпическаго ве-

личія, одна выкупаетъ сентиментальныя слабости нѣкоторыхъ квитковскихъ вещей и глубоко справедливы слова Костомарова, что тотъ, кто не чувствуетъ правды этого произведенія, не знаетъ народной жизни. »Сердешна Оксана« сходна по сюжету съ »Катериной« Шевченка, а потому почти свободна отъ упрековъ въ сентиментальности; иначе къ этому періоду пришлось-бы присоединить и Шевченка. Но сближенія и параллели заманчивы, а потому »Салдацький Патретъ« ставится въ родственныя отношенія къ дѣятельности Артемовскаго-Гулака. Разсказъ основанъ будто-бы »на латинскихъ источникахъ«. Догадки объ этихъ источникахъ мало вѣрны. Эта вещица написана въ отвѣтъ сѣверянамъ критикамъ, учившимъ Квитку вѣрности въ изображеніи украинской жизни. Исходной чертой завязки взятъ школьный разсказъ объ Апеллесѣ и сапожникѣ. Вотъ все классическое вліяніе. По свойству-же живаго таланта Квитки, вмѣсто сухой дидактики, получилась яркая картинка, полная юмору и красокъ. Фантастическія произведенія Квитки взяты изъ народныхъ преданій, а потому совсѣмъ напрасно ставятся ему въ счетъ, съ упрекомъ въ подражательности тѣмъ же сентиментальнымъ образцамъ. Къ школѣ Квитки причислены братья Писаревскіе, С. Александровъ, Макаровскій и Тополя. Первые три, приставленныя къ имени Квитка, несомнѣнной единицы, не измѣняютъ чрезъ то своего значенія нулей. Симпатичная поэма Макаровскаго »Наталя«— вещь очень правдивая, а »Чари«-Тополи—слишкомъ отрывочное и безформенное произведеніе, съ трудомъ укладывающееся въ какія бы то ни было рамки.

Собраніе именъ А. и С. Метлинскихъ, Корсуна, Л. Боровиковскаго, Забѣлы, Думитрашка-Рапча, Петренка и Афанасьева-Чужбинскаго— создаетъ »романтико-художественную« украинскую литературу. Всѣ помянутые писатели, кромѣ Амвросія Метлинскаго,—силы слабыя, подражательныя, гнувшіяся во всевозможныя направленія, и изъ шеренги, въ которую они поставлены г. Петровымъ, они выдвигаются постоянно то въ ту, то въ другую сторону. Кореницкій, Петренко и въ особенности Думитрашко-Раичъ, съ его »Бандурой«, едва ли заслуживали особыхъ этюдовъ, а для характеристики Забѣлы составитель не воспользовался мастерскимъ, хотя, можетъ быть, одностороннимъ портретомъ этого писателя, набросаннымъ Кулишомъ, въ вступленіи къ »Хуторной Поэзіи«. Отмѣтимъ тутъ нѣсколько маленькихъ погрѣшностей. Подтвержденіемъ подражанія Корсуна Пушкину и Лермонтову, приводится стихотвореніе его:

» Видчого«. Пьеса эта оказывается переводомъ стиховъ Марлинскаго: *Скажите мнѣ, зачѣмъ пылаютъ розы...* Сходное по темѣ съ одной изъ пьесъ Боровиковскаго извѣстное стихотвореніе Некрасова: „Внимая ужасамъ войны“ озаглавлено вмѣсто перваго вторымъ стихомъ, къ тому же искаженнымъ. Афанасьевъ — Чужбинскій, по г. Петрову, родившійся въ лебединскомъ уѣздѣ *полтавской губерніи*, конечно не Гомеръ и мѣсто его рожденія не возбудитъ спора, но полтавская губернія и такъ велика и можетъ обойдтись безъ разширенія на счетъ харьковской.

Въ тотъ періодъ, который названъ г. Петровымъ смутнымъ именемъ »украинскаго націонализма«, совмѣщены такія имена, какъ Максимовичъ, Бодянскій, Гоголь, Гребенка, Стороженко и... Петръ Раевскій. Первые два—дѣятели чистой науки, принесшіе огромную пользу украинскому самосознанію кабинетными, учеными трудами и чрезъ то дѣйствительно ставшіе живыми народными людьми. Дѣятельность Гоголя по отношенію къ южной Руси была лишена такой научной основы и потому его геній позволилъ ему только уловить общій поэтическій тонъ Украйны. И Гребенка и въ особенности Стороженко, съ его цвѣтистою фантазіей и неяснымъ міросозерцаніемъ, могли-бы съ такимъ-же удобствомъ быть причислены къ романтикамъ, какъ къ націоналамъ, а Петръ Раевскій, болѣе чѣмъ посредственный разсказчикъ и дешевый балагуръ, могъ-бы смѣло быть опущенъ не только въ этомъ періодѣ, но вообще въ литературной украинской исторіи, въ которую его имени попасть не суждено. Глава, озаглавленная »Украинское славянофильство«, посвящена дѣятельности Костомарова, Кулиша и Шевченка. Въ краткой общей характеристикѣ этого періода не достаточно ясно опредѣлена генетическая связь, которую предполагаетъ авторъ между украинскимъ славянофильствомъ и славянофильствомъ московскимъ. Такой связи ему, безъ сомнѣнія, и невозможно было бы установить. Какъ южное, такъ и сѣверное направленіе возникли параллельно, въ періодъ возникновенія общей идеи славянскаго возрожденія, обозначившейся въ австрійскихъ земляхъ реальными фактами. И отразились и развились эти идеи на югѣ и сѣверѣ—своеобразно. По признанію самого г. Петрова, южно-русское славянофильство никогда не замыкалось въ исключительность московскаго и никогда не вдавалось въ его крайности. Первые проблески его,—благородные идеалы кіевскаго кружка конца 40-хъ годовъ,—были шире идеаловъ московскихъ. Въ дальнѣйшемъ развитіи оно шло своими пу-

тями. Отстаивая свою самостоятельность, индивидуальность духа, творчество, языкъ своего народа, украинскіе писатели стояли всегда на почвѣ широкаго просвѣщенія и никогда не думали изъ своихъ народныхъ особенностей, изъ своихъ историческихъ »завѣтовъ« создавать китайскія стѣны, въ которыхъ задыхались-бы жизнь и духъ родного племени. Европейская цивилизація не представлялась имъ чѣмъ-то ненавистнымъ, какъ для московскихъ славянофиловъ, которые объявили западъ гнилымъ и изобрѣли какое-то русское возрѣніе на науку и искусство. Все, что выработано другими обществами и народностями, должно было, по ихъ мнѣнію, изучаться дружески; но блага для своего народа они ждали отъ своеобразнаго развитія его собственныхъ силъ и отъ увеличенія средствъ къ жизни на его собственной почвѣ. Литературная дѣятельность трехъ названныхъ великихъ представителей украинскаго славянофильства выходила далеко за предѣлы нанславизма и обняла такія стороны жизни, такіе вопросы исторіи и соціологіи, въ примѣненіи къ Украйнѣ, которые какъ дали работу слѣдующему литературному поколѣнію, такъ и ждутъ еще разрѣшенія. Историческое значеніе этой группы писателей, въ особенности Шевченка, не выступаетъ въ книгѣ Петрова въ надлежащемъ значеніи. За этими оговорками слѣдуетъ признать обширныя о нихъ монографіи составленными со всей возможной обстоятельностью и съ полнымъ знаніемъ источниковъ. Къ мелкимъ промахамъ надо причислить сближеніе поэмы Шевченка »Наймичка« съ однимъ слабѣйшимъ изъ стихотвореній Пушкина. Въ прозаическомъ этюдѣ этой піесы, который намъ довелось прочесть, означенная бытовая драма обставлена житейскими подробностями, списанными съ натуры, да и самая фабула поэмы такъ несложна, содержаніе ея настолько общечеловѣческое, что въ заимствованіи у Пушкина, котораго, безъ сомнѣнія, Шевченко зналъ и цѣнилъ чрезвычайно высоко, не было никакой надобности. Ошибочнопоявленіе этой-же поэмыо тнесено къ 1840 г. (стр. 308). Не иначе, какъ ошибкой, и еще болѣе, можно назвать также включеніе въ этотъ отдѣлъ А. Навроцкаго, подобно Белецкому-Носенку, извѣстнаго скорѣе автору »Очерковъ«, чѣмъ публикѣ. Эти писатели, произведенія которыхъ остались въ портфеляхъ и не вошли въ общее литературное теченіе не что иное, какъ растенія, выросшія гдѣ то въ воздухѣ, и келейная дѣятельность ихъ, ихъ взгляды, симпатіи и антипатіи не доказываютъ и не объясняютъ ровно ничего.

Послѣдній періодъ охарактеризованъ у г. Петрова слишкомъ общимъ названіемъ „новѣйшей украинской литературы“. Ея теченія намѣчены только въ самыхъ общихъ чертахъ. Кромѣ того здѣсь сведены писатели двухъ литературныхъ поколѣній—шестидесятыхъ годовъ, какъ Марко Вовчокъ, Глѣбовъ и Руданскій, закончившіе свою литературную дѣятельность, и современные—Левицкій, Мирный и Кропивницкій, появившіеся въ эпоху иныхъ требованій, иныхъ общественныхъ теченій и задачъ. Дѣятельность ихъ, подверженная всякимъ случайностямъ, правда, не опредѣлилась еще съ достаточной полнотой и менѣе доступна для изученія, чѣмъ закончившаяся литературная карьера писателей прежнихъ лѣтъ. Внѣшнія условія этой дѣятельности менѣе благопріятны, чѣмъ въ 60-хъ годахъ, когда существовалъ южно-русскій журналъ или въ 40-хъ, когда малорусская литературная производительность проявлялась безпрепятственно. Нельзя поэтому ставить въ вину составителю „Очерковъ“ отрывочность характеристики писателей этого періода [1]).

Мы видѣли изъ предъидущаго, что искуственныя рамки, принятыя г. Петровымъ для изложенія историческаго хода развитія украинской литературы, вносятъ противорѣчія въ оцѣнку явленій, изслѣдованныхъ имъ

---

[1]) Нѣсколько мелкихъ поправокъ къ этому періоду мы вносимъ, только принимая въ соображеніе педантическую точность составителя »Очерковъ«. Кромѣ указаннаго уже пропуска Номиса, нельзя не отмѣтить отсутствія замѣтки о дѣятельности Мордовцева. Издатель сборника, первый переводчикъ повѣстей Гоголя, авторъ разсказовъ и брошюръ, онъ заслуживалъ особой характеристики, пикакъ не меньше, чѣмъ Кореницкій или Думитрашко-Раичъ. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о Чубинскомъ. Въ то время, какъ ничтожная пьеса Шерепери «Купало на Ивана» подвергнута обстоятельному разбору, а выдающееся произведеніе новаго малорусскаго театра, замѣчательная по реализму драма Стеценка »Доля« осталась въ тѣни. Не обращено вниманія на пьесы Цися. Не упомянуты, въ числѣ драматическихъ писателей Дмитренко и Велесовскій, авторы популярныхъ водевилей. Пропущенъ послѣдній литературный трудъ Марка Вовчка, относящійся къ южной Россіи, повѣсть »Маруся«, переведенная и на французскій языкъ. Псевдонимъ Митрофана Александровича—Митро Олельковичъ—приписанъ его брату, а одинъ изъ многочисленныхъ псевдонимовъ Кулиша—Забоцень сочтенъ особымъ писателемъ. Кропивницкій показанъ уроженцемъ екатеринославской губерніи, вмѣсто херсонской, а Свидницкій писателемъ исключительно русскимъ, хотя малорусскіе этнографическіе очерки его, напр. »Великдень у подолянъ«, принадлежатъ къ числу самыхъ замѣтныхъ работъ, какія появились въ »Основѣ«.

съ добросовѣстной полнотой. Эту сбивчивость представленій могло-бы устранить разсмотрѣніе украинской литературной исторіи, какъ проявленія, роста и видоизмѣненій культурно-національнаго типа въ историческомъ его развитіи. Въ настоящемъ видѣ книга г. Петрова не болѣе, какъ очень полный и точный сводъ литературныхъ фактовъ и въ этомъ смыслѣ она принесетъ существенную пользу и долго не утратитъ своего значенія.

Г.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

ГРЕКИ ВЪ ЕЛИСАВЕТГРАДѢ.

(*Отрывокъ изъ исторіи колонизаціи*)[1]).

1754—1777 гг.

На территоріи нынѣшняго Елисаветграда греки начали селиться одновременно съ появленіемъ крѣпости св. Елисаветы; слухи о льготахъ, даруемыхъ переселенцамъ въ Новой Сербіи, молва о построеніи крѣпости и послужили приманкою для подвижныхъ и промышленныхъ потомковъ Улиса. Въ царствованіе Екатерины, особенно ласкавшей грековъ, греческая колонизація усилилась и въ Елисаветградѣ; въ это время они сооружаютъ здѣсь свою церковь, получаютъ автономію какъ въ церковныхъ, такъ и въ гражданскихъ дѣлахъ. Впрочемъ численность колоніи никогда не была

[1]) Въ такъ называемой греческой церкви гор. Елисаветграда хранится связка документовъ, помѣченныхъ разными годами второй половины прошлаго столѣтія (ранній 1754 года); почти всѣ они писаны порусски, за исключеніемъ немногихъ на ново-греческомъ языкѣ; послѣдніе не представляютъ интереса (какое-то витіеватое, безсодержательное письмо, счетъ бакалейныхъ товаровъ и т. п.); русская половина коллекціи важнѣе, рисуя намъ бытъ греческой колоніи въ старомъ Елисаветградѣ. Правда, немного слѣда оставили по себѣ здѣсь греки и скорѣе исчезли, чѣмъ пришли, но для характеристики иностранной колонизаціи нашъ матеріалъ не лишенъ, думаемъ, интереса и мы рѣшаемся познакомить съ нимъ любителей старины. Дѣла греческой общины уцѣлѣли не всѣ, чѣмъ объясняется неполнота и нашего очерка.—В. Я.

велика: въ послѣдніе годы царствованія Елисаветы грековъ считалось немного болѣе 50 душъ, съ женами и дѣтьми, а въ концѣ столѣтія, кажется, не болѣе 100 чел. [1]). Но большая часть ихъ имѣла свои дома и лавки, нѣкоторые—по двѣ лавки. Значительнѣйшее число грековъ переселилось изъ Македоніи, другіе явились изъ Константинополя и съ острововъ, двое вышли изъ Сѣчи запорожской, были выходцы изъ Австро-Венгріи, Бессарабіи, изъ Нѣжина и наконецъ одинъ прибылъ изъ Венеціи.

Получивъ мѣста для построекъ, обзаведясь и устроившись на новомъ мѣстѣ, почти всѣ переселенцы греки занялись торговлей и весьма немногіе ремесломъ. Изъ разныхъ отраслей коммерческой дѣятельности предпочтеніе осталось за бакалейной; слѣдующее по числу представителей мѣсто принадлежитъ торговлѣ „горячимъ виномъ", т. е. водкой и волошскимъ (бессарабскимъ) виномъ; послѣднія мѣста заняты табакомъ и хлѣбомъ. Промышленныя операціи елисаветградскихъ грековъ не ограничивались райономъ Новой Сербіи: изъ паспортовъ ихъ видно, что по торговымъ дѣламъ они отлучались въ Малороссію, Сѣчь, Польшу и Великороссію, но всего чаще навѣдывались въ Турцію. Замѣтно, что греки-колонисты не желали оставлять національныхъ своихъ особенностей и не всегда прочно сидѣли на почвѣ, хотя она была, или, по меньшей мѣрѣ, могла быть для нихъ благодатною во многихъ отношеніяхъ: значительное число паспортовъ выдано на годичный срокъ, многіе на 6 и на 4 мѣс.

Тѣмъ не менѣе на первыхъ-же порахъ проявляется у новопоселившихся грековъ стремленіе зажить своимъ міркомъ, какъ дома. Въ 1760 году, подъ предводительствомъ венеціанскаго выходца Ефима Темелея, они выступаютъ съ ходатайствомъ о сооруженіи своей особой церкви и просятъ разрѣшенія совершать богослуженіе на греческомъ языкѣ; въ просьбѣ о содѣйствіи по этому дѣлу, поданной коменданту крѣпости св. Елисаветы Толстому, указавъ на свою ревность къ русскому престолу и греко-россійской церкви и сославшись на существованіе греческихъ церквей въ Москвѣ, Кіевѣ и Нѣжинѣ, они утверждаютъ, что переселеніе грековъ въ Елисаветградъ усилится, если у нихъ будетъ здѣсь своя церковь; при

[1]) Въ этотъ счетъ однако не входятъ работники.

этомъ заранѣе указываютъ и кандидата на священническое мѣсто—отставного нѣжинскаго іеромонаха Игнатія Папазовлу. Въ прошеніи къ преосвященному Гервасію, епископу переяславскому, въ епархію котораго входила также и Новая Сербія, греки просятъ кромѣ того разрѣшить открытіе при церкви „странноприимнаго дома“ для „убогихъ и безъязычныхъ“ изъ ихъ братіи [1]). Ходатайство грековъ уважено, и въ началѣ 1761 года они приступили къ заготовленію матеріала для постройки храма и къ подысканію мастеровъ для работъ живописныхъ и рѣзныхъ. Мастера выписаны изъ Нѣжина, конечно греки-же [2]).

Въ 1765 г., когда постройка приходила уже къ концу, преосвященный Гервасій разрѣшилъ іеромонаху Папазовлу совершать въ новомъ храмѣ часы, панихиды и т. п. службы, не требующія освященнаго престола, а 25 сентября 1766 года далъ благословеніе освятить средній престолъ во имя Владимірской Божіей Маріи; придѣлы не были еще окончены и въ это время [3]). Іеромонахъ Папазовлу, прослуживъ годъ въ неосвященной еще церкви, оставилъ мѣсто по болѣзни,—вѣроятно отъ старости, и грекамъ пришлось искать новаго священника, а найти хорошаго священнослужителя—грека было не легко. Здѣсь заслуживаетъ упоминанія одинъ документъ, помѣченный 9 числомъ января 1766 г. и заключающій условіе вышедшаго изъ Константинополя іеродіакона Ѳеоны съ Ефимомъ Темелеемъ и греческимъ братствомъ при крѣпости св. Елисаветы: оно рисуетъ намъ церковно-общественные порядки и отношенія общества. Ѳеона обязывается, получивъ посвященіе и заручившись утвержденіемъ епархіальнаго начальства, священствовать въ греческой церкви 6 лѣтъ, получаетъ на содержаніе $1^1/_2$ части церковныхъ доходовъ, а 2 части отдаетъ ктитору „для всякихъ потребностей“; на содержаніе остальныхъ членовъ клира шла, вѣроятно, половинная доля.

---

[1]) Устройство его, кажется, не состоялось.

[2]) Почтенный изслѣдователь мѣстной старины, покойный архіепископъ Гавріилъ ошибся, отнеся начало греческой церкви въ Елисаветградѣ къ 1757 году. См. его ст. »Хрон.-истор. описаніе церквей губерніи херсонской.« въ Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др., т. II, 1848 г., стр. 146.

[3]) Въ бумагахъ греческой церкви сохранилось условіе съ жителемъ слободы Злынки, Алексѣемъ Гурьевымъ, обязавшимся нарубить въ казенномъ Черномъ лѣсу и доставить 600 деревьевъ за 27 р.

По неизвѣстной причинѣ Ѳеона не получилъ прихода и послѣдній достался въ 1767 г. вышедшему „изъ за границы“ Видалиду. Однако, проживъ всего нѣсколько мѣсяцевъ при елисаветинской крѣпости, Видалидъ этотъ стосковался по родинѣ и тайно бѣжалъ, при помощи подкупленнаго имъ отставного солдата, за что тотъ былъ наказанъ плетьми.

Тогда греки заключили временное условіе съ бѣжавшимъ „отъ уніатскаго гоненія“ изъ польскаго мѣстечка Медвѣдовки священникомъ Аѳанасіемъ Борисовымъ, до пріисканія священника—грека[1]). Условіе заключено на 3 года, по 40 р. въ годъ, выплачиваемыхъ по третямъ; священникъ обязывался брать за обряды, „по силѣ указа Его Преосвященства“, безъ вымогательства; обязывался доставлять на собственный счетъ просфоры для обыкновенныхъ литургій, на сорокоусты же самъ заказчикъ расходуется на просфоры, вино, свѣчи и ладонъ. Таково условіе, заключенное греками съ Борисовымъ. Но епископъ Гервасій не утвердилъ его на приходѣ и на основаніи указовъ синода велѣлъ препроводить, какъ бѣглаго, на прежній приходъ, а грекамъ предложилъ поискать себѣ другого пастыря. Тѣмъ не менѣе, короткое время Борисовъ служилъ въ греческой церкви; служили также и священники русскихъ церквей при елисаветинской крѣпости, и грекамъ все не удавалось найти себѣ настоящаго священника.

Къ этому времени, когда духовное стадо елисаветградскихъ грековъ оставалось безъ пастыря, относится одинъ эпизодъ, представляющій особенный интересъ. Въ началѣ 1769 года елисаветградская провинція подверглась нападенію крымскихъ татаръ, подъ предводительствомъ хана Керимъ-Гирея. Въ числѣ многихъ поселеній, сожженыхъ непріятелями, такая участь постигла и многолюдное село Аджамку[2]), съ церковью. Населеніе Аджамки разбре-

---

[1]) Въ архивѣ греческой церкви сохранилось еще одно свидѣтельство о православномъ священникѣ, бѣжавшемъ отъ преслѣдованій изъ польскихъ владѣній (просьба о мѣстѣ свящ. Іоанна Дитанскаго). Оно напечатано въ »Херсонск. Епарх. Вѣд.« 1883 г. № 15.

[2]) Теперь село александровскаго уѣзда, на рѣкѣ того-же имени, впадающей въ Ингулъ. Баронъ Тоттъ полагаетъ въ ней 800—900 домовъ. См. переводъ его мемуаровъ объ этомъ нашествіи въ »Кіевской Старинѣ« т. VII, 1883 г.

лось, куда кто могъ: священникъ-же, Василій Логовикъ съ семействомъ поселился въ недальней отъ Аджамки крѣпости св. Елисаветы. Лишившись прихода и средствъ къ существованію съ семьей, онъ обратился къ старостѣ греческой церкви Темелею съ предложеніемъ исправлять должность священника и съ просьбою пріютить себя до мая мѣсяца въ церковномъ домѣ. Темелей и греки приняли Логовика и отвели ему временную квартиру въ церковной хатѣ, служившей помѣщеніемъ дьячку, пономарю и сторожамъ. Пришелъ май мѣсяцъ, а Логовикъ не оставлялъ церковной квартиры и не искалъ другаго мѣста; съ своей стороны и греки не успѣли еще найти иного священника: такъ, по взаимному соглашенію, вѣроятно болѣе или менѣе молчаливому, священствованіе бывшаго аджамскаго батюшки затянулось. Но одно не нравилось ему у грековъ: это то, что всѣми матеріальными дѣлами церкви распоряжаются у нихъ ктиторы, а священникъ не только не имѣетъ доступа къ нимъ, но и служитъ наемникомъ. И вотъ, протянувъ свое замѣстительство до осени, онъ рѣшается произвести общественно-церковный переворотъ. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ подаетъ Логовикъ прошеніе епископу Гервасію объ утвержденіи его, Логовика, въ должности священника греческой церкви и о дозволеніи остаться жить въ церковномъ домѣ. Предшествовало-ли подачѣ прошенія какое либо условіе Логовика съ греками, и если было заключено условіе, то какое именно,—не знаемъ; вѣроятнѣе, что такого условія не было: иначе зачѣмъ-бы было просить у преосвященнаго разрѣшенія жить въ церковномъ домѣ? Какъ-бы то ни было, епископъ Гервасій изъявилъ согласіе на оба пункта просьбы Логовика. Заручившись архипастырскимъ утвержденіемъ въ должности и водвореніемъ въ церковномъ домѣ, Логовикъ черезъ мѣсяцъ подаетъ въ переяславскую консисторію „доношеніе“ слѣдующаго содержанія: бывшій у грековъ священникомъ и потомъ сбѣжавшій Видалидъ „нанятой всегда находился и ни къ какому тоя церквы церковному добру дела не имелъ, но они сами отъ себя вино, ладанъ, свѣчи и просфиры отпускали, почему и свечи церковные, а не поповскіе въ продажу отпускаются, такожъ и ключъ церковный у себя содержатъ“. Логовикъ признаетъ такіе порядки неудобными и противными русскимъ церковнымъ преданіямъ; онъ объясняетъ свою мысль слѣдующимъ образомъ: „1-е, просфиры они (греки) отпуска-

ютъ развѣ въ праздничные и воскресные дни, а въ рядовые хотя бы и желалъ священникъ литургисать, но просфоръ и другихъ потребностей не отпускаютъ; 2-е, чрезъ содержаніе ключовъ церковныхъ у себе (у ктитора) часто бываютъ священнику въ преподаяніи требъ препятствія и остановки; 3-е, по таковымъ отъ нихъ слѣдуемымъ происходствамъ и по малому тамо (въ Елисаветградѣ) ихъ числу дячка при той церкве содержать не съ чего, а онъ де..... отъ ныхъ грековъ найму не требуетъ (sic) и просфиры съ виномъ отпускать з своего кошту, такожъ и дячка на собственномъ препитаніи содержать одолжается". Вслѣдствіе изложеннаго, Логовикъ проситъ: „не поволеноль будетъ отъ духовной консисторіи въ оной греческой церкви свечи ему правителю[1]) въ продажу производить, какъ де оные греки и уговорились было з священникомъ Аѳанасіемъ (Борисовымъ[2]), и ключи церковныя содержать у себя....".

Должно полагать, Логовику хорошо извѣстны были ходы въ въ переяславской консисторіи, не даромъ онъ занималъ должность правителя; иначе трудно объяснить, при наличныхъ условіяхъ, опредѣленіе консисторіи, положенное вслѣдствіе его „доношенія". Резолюція была такова: „въ согласіе учиненнаго на просителевомъ доношеніи..... Его Преосвященства опредѣленія о бытіи при греческой прописанной церкве и о поступаніи такъ, какъ надлежитъ приходскому священнику по здѣшнимъ порядкамъ за силу правилъ святыхъ отецъ, въ коихъ изображено: души поручены въ наблюденіе, кольми паче церковное добро поручиты надлежитъ". Объ этомъ рѣшеніи сообщено елисаветградскому духовному правленію, т. е. тому-же Логовику, и предложено „вѣдать и чинить по сему".

Греческое общество протестовало. Оно ссылалось на нѣжинскую и кіевскую греческія церкви, гдѣ церковное добро находилось въ вѣдѣніи ктиторовъ; указывало на то, что и въ Елисаветградѣ доселѣ преосвященнымъ разрѣшалось тоже, по примѣру тѣхъ церквей; наконецъ утверждало, что никогда никакихъ неудобствъ отъ этого не выходило: просфоры и вино выдавались безпрепятственно, по требованію священника, ключи—также; ктиторъ жи-

[1]) Логовикъ занммалъ должность правителя елисаветградскаго духовнаго правленія еще съ того времени, когда служилъ въ Аджамкѣ. Документъ за его подписью, съ датой 1764 г., см. въ »Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др.«, т. VI, стр. 602.

[2]) Мы видѣли, что объ этомъ договора заключено не было.

ветъ въ церковной оградѣ... На этомъ, къ сожалѣнію, обрывается это дѣло и мы не знаемъ: кто побѣдилъ въ борьбѣ? Правдоподобно,—Логовикъ.

Выше мы видѣли, что половина церковныхъ доходовъ, по условію съ іеродіакономъ Ѳеоною, долженствовала поступать къ церковному старостѣ „на всякія потребности". Но Ѳеонѣ не удалось занять прихода, и условіе, заключенное съ нимъ, не получило дѣйствія. Однако, изъ доброхотныхъ-ли даяній, или изъ другихъ источниковъ, не знаемъ, — при греческой церкви составился капиталъ; неизвѣстно также, великъ-ли былъ онъ, но несомнѣнно то, что онъ пускался въ оборотъ. Сохранилось „доношеніе" купца Михаила Николаева, помѣченное 1766 годомъ (слѣдовательно годомъ освященія средняго престола церкви),. съ просьбою выдать ему изъ церковной суммы на годъ 300 р., такъ какъ ему, Николаеву, „небезъизвѣстно", что „желающимъ" выдаются деньги изъ церковной суммы на проценты; на оборотѣ „доношенія" набросано вчернѣ „одобреніе" купеческаго правленія (о купеческомъ правленіи будетъ сказано ниже). Кромѣ этого, есть еще два указанія на такіе займы, одинъ 230 р., другой—200 р., причемъ въ послѣднемъ случаѣ деньги выданы изъ „казны" какого-то капитана Кочаргана, находящейся при церковной суммѣ (вкладъ?); за просрочку 21 дня должникъ уплатилъ 70 к.

Итакъ, елисаветградскіе греки имѣютъ свою церковь, завѣдуютъ черезъ ктиторовъ матеріальными ея дѣлами, увеличиваютъ церковную казну отдачей на проценты, имѣютъ выбраннаго и договореннаго священника, совершающаго богослуженіе на греческомъ языкѣ. Но еще ранѣе освященія церкви они дѣлаютъ другой, еще болѣе важный шагъ къ устройству своей самостоятельности. Въ началѣ 1764 г. знакомый намъ венеціанецъ Ефимъ Темелей „съ товарищи" подали новороссійскому военному губернатору Мельгунову слѣдующаго содержанія „всенижайшее доношеніе". „Намъ нижайшимъ—писали греки—по бытности въ Нѣжинѣ извѣстно, что на основаніи Всевысочайшихъ жалованныхъ грамотъ, находящіеся въ Нѣжинѣ греки купеческое братство имѣютъ и между собою по купечеству судъ и расправу чинятъ, то и мы нижайшіе (продолжаютъ просители—греки), смѣлость возымѣли чрезъ сіе Вашего Высокопревосходительства, яко главнаго здѣсь командира и ко всѣмъ

ищущимъ милостиваго патрона рабски просить, дабы поданную отъ насъ нижайшихъ на Всевысочайшее Ея Императорскаго Величества имя челобитную представить, куда Ваше Высокопревосходительство заблагоразсудить изволите, чтобы мы нижайшіе Вашею неизреченною милостію въ семъ прошеніи оставлены не были, и за то подвергаемъ себя вѣчно имя Вашего Высокопревосходительства прославлять, а чтобы намъ нижайшимъ подъ магистрацкой старшиною въ командѣ не быть, понеже отъ оной старшины всегдашнее гоненіе и безчестіе претерпѣваемъ, и въ томъ, яко иностранныхъ людей, защитить и повелительнымъ Вашего Высокопревосходительства ордеромъ снабдить, чтобы до пріѣзда Вашего Высокопревосходительства моглибъ по купеческому промыслу судъ и расправу межъ собой имѣть и для лучшаго порядку быть при томъ находящемуся здѣсь переводчику Константину Юрьеву, понеже и напередъ сего былъ въ таковыхъ распорядкахъ переводчикъ".

Ходатайство грековъ уважено и на этотъ разъ. Съ слѣдующаго 1765 года они выбираютъ изъ своей среды двухъ старшинъ, которые служатъ исполнительнымъ органомъ самоуправленія общины. Для характеристики выборовъ любопытенъ рапортъ командиру крѣпостнаго магистрата, поданный въ 1769 г. бывшими старшинами Юріемъ Фундуклеемъ [1]) и Павломъ Дмитріевымъ о сдачѣ ими должности вновь выбраннымъ Савѣ Петрову и Николаю Иванову; изъ рапорта видно, что сдавались не только письменныя дѣла по описи, но и сами греки—купцы и цеховые, по списку; любопытно также, что новымъ старшинамъ переданы ружья и патроны съ пулями. Видно, должность старшины не отличалась спокойствіемъ, а сами греки не могли считаться вполнѣ осѣдлыми.

Кромѣ старшинъ, часто упоминается въ дѣлахъ „купеческое правленіе", но по всему судя, такое названіе присвоено было никому иному, какъ тѣмъ же старшинамъ, и въ документахъ замѣтнаго различія между ними не полагается.

Разсмотримъ же кругъ дѣятельности купеческаго правленія, насколько позволяютъ это матеріалы.

Во первыхъ, оно даетъ одобреніе на пріемъ въ свою общину новыхъ пришельцевъ; предварительно посылается человѣка 2—4

[1]) Выходецъ изъ мѣстечка Патина (?) на Бѣломъ морѣ (Архипелагѣ).

изъ купцовъ для осмотра товара будущаго братчика и повѣрки объявленнаго имъ капитала; послы, освидѣтельствовавъ его имущество, подаютъ правленію рапортъ, въ коемъ указывается, какой товаръ и въ какой суммѣ капиталъ имѣется у новоприбывшаго; затѣмъ уже купеческое правленіе подаетъ „одобреніе“ командиру крѣпостного магистрата для распоряженія.

Далѣе, купеческое правленіе выдаетъ членамъ общины увольнительныя свидѣтельства на отъѣздъ изъ крѣпости въ разныя мѣста, но дѣлаетъ это не иначе, какъ за поручительствомъ остающихся нѣсколькихъ грековъ (иногда одного), которые даютъ правленію подписку въ томъ, что отлучающійся вернется къ сроку.

Старшины собираютъ съ грековъ—купцовъ и цеховыхъ окладныя деньги, взыскиваютъ недоимки и собранное доставляютъ командиру крѣпостного магистрата.

Наконецъ, правленіе чинитъ грекамъ судъ. Немногочисленные слѣды этого суда, сохранившіеся въ дѣлахъ, интересны для характеристики нравовъ елисаветградскихъ грековъ.

1765 г. сентября 15 дня купецъ Яковъ Петровъ даетъ купеческому правленію подписку: въ пьяномъ видѣ, находясь „въ азартѣ“, какъ онъ выражается, онъ „назвалъ“ купца Леонтьева и жену его „безчестными словами“, которыя признаетъ теперь напраслиной, и обѣщается никогда впередъ не порочить его, уплачиваетъ 5 р. пени „на братскіе расходы“, а въ случаѣ повторенія проступка обязуется уплатить въ правленіе 50 р. и получить 100 ударовъ плети.

Другое дѣло. Жилъ при крѣпости одинъ грекъ Павелъ Дмитріевъ; его выбрали однажды старшиною, какъ мы видѣли выше, но онъ отличался нравомъ чрезвычайно горячимъ и, какъ говорится, вреднымъ. Вотъ, для примѣра, образчикъ его поведенія. Беретъ онъ въ долгъ у купца Фундуклея бессарабскаго вина и принимается торговать имъ во дворѣ, нанятомъ тѣмъ-же Фундуклеемъ; по окончаніи срока уплачиваетъ, вмѣсто полной суммы долга, часть ея; и всего-то оставалось доплатить 8 р. 50 к., но Павелъ Дмитріевъ не только отказался отъ уплаты, но въ собственномъ-же дворѣ Фундуклея въ рѣзкихъ и неприличныхъ выраженіяхъ коснулся интимныхъ дѣлъ своего благодѣтеля и потомъ вызывалъ даже его на поединокъ, показывая изъ подъ плаща саблю. Обиженный жа-

ловался командиру крѣпостного магистрата и просилъ удовлетворенія [1]).

А вотъ другая жалоба на того-же Дмитріева, поданная въ правленіе какой-то молдованкой вдовой Марьей Григорьевой. Суть дѣла слѣдующая. Прослышавъ отъ кого-то, что Григорьева—знахарка, Дмитріевъ призвалъ ее къ себѣ на домъ и спросилъ, „не знаетъ-ли какихъ волхованій, чтобы греческимъ старшинамъ Ефиму Темелею и Константину Бургазлію, да купцу Юрію Фундуклею такимъ образомъ учинить, чтобы они несмысленны и совсѣмъ въ разумѣ помѣшательны были"; такое желаніе онъ объяснилъ разсчетомъ получить наслѣдство умершаго тогда купца Яна Мураита, на дорогѣ къ чему стояли названныя лица; въ вознагражденіе за трудъ онъ предложилъ Григорьевой купить сподницу и кафтанъ. Но она отвѣчала, что не можетъ исполнить просьбы и что волхованій не знаетъ. Оставивъ домъ его, Григорьева въ тотъ-же день явилась къ Фундуклею, на котораго передъ тѣмъ злоумышлялъ Павелъ Дмитріевъ, и разсказала о разговорѣ. Узнавъ объ этомъ, Дмитріевъ начинаетъ преслѣдовать бабу: гдѣ ни увидитъ, бранитъ разными „непотребными и укорительными словами" и наконецъ прибилъ „кулачьемъ и сапогами до угодности", по документальному выраженію,—при чемъ показывалъ изъ подъ плаща шпагу и стращалъ, что голову ей отрубитъ. Однако услыхавъ, что оскорбленная сторона подала жалобу на него, Дмитріевъ бѣжалъ. Спустя четыре мѣсяца, явился онъ снова въ крѣпости, пришелъ въ домъ своего противника, старшины Темелея, бранилъ его разными „скверными словами" и при томъ, „произнося похвалки, искалъ случая его, Темелея, умертвить, на что и ножа просилъ у грека Павла Кушнера"; Темелей крикнулъ о помощи и приказалъ взять Дмитріева подъ стражу; тотъ схватилъ старшину за волосы и „далъ довольно", такъ что едва розняли. Заковали буяна, но онъ снова бѣжалъ, „и съ цѣпью". Тогда Темелею не оставалось ничего больше, какъ обратиться за помощью и удовлетвореніемъ къ крѣпостному начальству, что онъ и сдѣлалъ; разузнавъ, что преступникъ скрывается въ Новомиргородѣ, онъ просилъ водворить его на мѣсто по-

[1]) Фундуклей занималъ должность старшины и поэтому дѣло не было направлено въ правленіе, а въ крѣпостной магистратъ.

стоянной осѣдлости, указывая на то между прочимъ, что Дмитріевъ долженъ многимъ. Дальнѣйшій ходъ дѣла и финалъ его не извѣстенъ намъ.

Изложеннымъ выше исчерпываются свѣдѣнія о купеческомъ правленіи. Оканчивая наше повѣствованіе, передадимъ еще для полноты содержаніе одной росписки о покупкѣ съ торговъ дома съ дворомъ извѣстнымъ намъ Темелеемъ: она знакомитъ насъ съ матеріальной обстановкой и цѣнностью жизни въ крѣпости св. Елисаветы середины прошлаго столѣтія (1757 г.). Темелею достались: „изба рубленая съ печью, сѣни съ чуланомъ, оставленни (обставленные) тыномъ, ледникъ съ погребицею рубленые, погребъ выходний, въ срединѣ оставленна половина досками; близь онаго погреба чуланъ, оставленний досками; другой погребъ выходной, противъ ево комора, оставленна досками, дворъ и все строеніе(?)". Цѣна всему этому 20 рублей.

Свѣдѣнія о купеческомъ греческомъ правленіи въ Елисаветградѣ заключаются 1777 годомъ. Въ настоящее время въ приходѣ елисаветградской греческой церкви грековъ уже нѣтъ, и едва сохранилась память о нихъ: говорятъ, они переселились въ Маріуполь; въ ревизской сказкѣ 1811 г. показаны только двѣ семьи, уцѣлѣвшія отъ греческой колоніи прошлаго вѣка: Фундуклеи и Петровы[1]). Въ настоящее время единственнымъ напоминаніемъ о грекахъ въ Елисаветградѣ служитъ т. н. греческая церковь, находящаяся на правомъ берегу Ингула, на базарной площади, на подолѣ остатковъ крѣпости. Но это не та церковь, которая выстроена греками въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Старая церковь была деревянная, двуглавая, выкрашенная снаружи, выбѣленная внутри. По описи 1793 г. иконостасы въ ней были гладкіе, посеребренные, съ рѣзными, вызолоченными на двухъ, посеребренными на одномъ, рамами для иконъ; тогда въ церкви довольно было, серебряныхъ сосудовъ и лампадъ, парчевыхъ, бархатныхъ и иныхъ ризъ, серебряная рака для плащаницы и т. п.

Въ 1784 г. въ приходѣ считалось 208 дворовъ и 1040 душъ

---

[1]) Изъ этой семьи Петровыхъ происходитъ знаменитый впослѣдствіи пѣвецъ-артистъ Ос. Аѳ. Петровъ (род. 1805 г.).

прихожанъ; въ 1793 г. 144 двора и 815 прихожанъ,—меньше, можетъ быть, вслѣдствіе бывшей въ этотъ промежутокъ чумы.

Нынѣшняя каменная Греческая церковь выстроена близь того мѣста, гдѣ стояла старая, обветшавшая; новая сооружена на доброхотныя пожертвованія прихожанъ и освящена въ 1812 г. Немного позже пристроена каменная-же колокольна.

В. Ястребовъ.

Елисаветградъ,
10 марта 1884 года.

МАЛОИЗВѢСТНЫЕ И НЕИЗВѢСТНЫЕ ИСТОЧНИКИ СВѢДѢНІЙ О МИНУВШЕЙ ЖИЗНИ ПОЛТАВЩИНЫ.

Богатѣйшимъ, неисчерпаемымъ такъ сказать источникомъ свѣдѣній для исторіи Полтавщины XVIII ст. могла-бы служить такъ называемая Румянцевская Опись Малороссіи. Къ сожалѣнію, доселѣ не розыскана та именно половина оной, которая относится къ мѣстностямъ нынѣшней полтавской губерніи. Гдѣ-то было заявлено, что профессоръ Лучицкій нашелъ въ Полтавѣ недостающія части и между прочимъ ту часть оной, въ которой описана перво-пирятинская сотня Лубенскаго полка; но до сихъ поръ объ этомъ открытіи мы не имѣемъ ничего, кромѣ одного голаго извѣстія, и мы лишены возможности составить себѣ представленіе о прошломъ этого уголка лѣвобережной Украины.

Недостатокъ данныхъ Румянцевской Описи въ одномъ отношеніи и въ нѣкоторой степени могутъ замѣнить намъ, кромѣ архивовъ частныхъ, церковные архивы. Въ нихъ можемъ найти исповѣдныя росписи, приходо-расходныя книги, брачные обыски, клировыя вѣдомости, описи церковнаго имущества, копіи съ Высочайшихъ манифестовъ, консисторскихъ указовъ, бумаги изъ канцелярій полковыхъ и сотенныхъ; въ нѣкоторыхъ церковныхъ архивахъ попадаются замѣтки священно-служителей, нѣчто въ родѣ мѣстныхъ лѣтописей. Намъ извѣстно по крайней мѣрѣ, что такого рода матеріалы находятся въ церковныхъ архивахъ тѣхъ селъ, которыя входили въ составъ перво-пирятинской сотни [1]); но изъ этихъ ар-

[1]) По вычисленію Н. А. Маркевича всѣхъ селъ и деревень въ этой сотнѣ было 29, хуторовъ 72. Ист. Малор. Т. 5 стр. 118.

хивовъ пока разобраны только бумаги, хранившіяся при Іоанно-Богословской церкви въ с. Великой Кручѣ (Пирятинскаго уѣзда), и на основаніи ихъ составлена статья А. Стороженка, помѣщенная въ № 9 Полтавскихъ Епарх. Вѣд. за 1883 г., подъ заглавіемъ: „Село Великая Круча и его церковь". Намъ пришлось случайно въ томъ-же архивѣ наткнуться на двѣ публикаціи второй половины XVIII ст. о разысканіи и поимкѣ бѣглыхъ преступниковъ. Такими публикаціями переполнены архивы наши, особливо же за послѣднюю четверть прошлаго столѣтія и далѣе, когда надвигавшееся и потомъ налегшее на сельское населеніе крѣпостное право побуждало оное брести, куда попало, ища вольныхъ мѣстъ и вольной жизни. Въ изобиліи находимъ такія публикаціи и въ церковныхъ архивахъ.

Въ прежнее время, при слабости административной власти и отсутствіи въ ней правильной организаціи, церковь во многихъ отношеніяхъ служила ея цѣлямъ и между прочимъ цѣлямъ правосудія. Въ случаѣ побѣга колодниковъ, гродскіе суды и полковыя канцеляріи посылали приказы о поимкѣ скрывшихся сотникамъ, какъ низшимъ представителямъ уряда, совмѣщавшимъ въ своемъ лицѣ всю нынѣшнюю уѣздную администрацію. Въ сотенныхъ канцеляріяхъ писались „публѣкаціи" въ сельскія церкви съ обозначеніемъ примѣтъ преступниковъ и приказаніемъ прибить эти „публѣкаціи" къ церковнымъ стѣнамъ „къ общему всехъ навсегда знанію", а атаманамъ, приказчикамъ, войтамъ снять съ нихъ копіи, стараться о возможно-скорѣйшей поимкѣ бѣжавшихъ и доносить въ канцелярію о принятыхъ для этого мѣрахъ и ихъ результатахъ.

При всей мелочности и однообразіи такого рода бумагъ, въ нихъ разбросаны подъ часъ такія мелкія черты, которыя въ общей группировкѣ могутъ представлять немаловажный интересъ для мѣстной бытовой исторіи. Обѣ упомянутыя нами публикаціи выпущены изъ перво-пирятинской сотенной канцеляріи, первая 16 мая 1767 г., вторая 18 ноября 1768 года. Первою розыскивались „злодѣи, причинившіеся къ напоенію нѣякимсь вредительнымъ зѣллямъ жителей с. Костобобра Василя Килимонова и Ефима Лицерова, посполитыхъ, бунчукового товарища Павла Максимовскаго, жители с. Демьянокъ Халимонъ и Грицко Билоножки", давалась предосторожность населенію отъ таковыхъ зелій и за поимку виновныхъ обѣщалась награда въ 20 р.; второю преслѣдовался бѣ-

жавшій изъ подъ караула колодникъ Петро Курѣлный съ такими примѣтами: „росту средняго, волосовъ темнорусихъ, голится по чуприну, глазовъ карихъ, носа довгого, лица сухощавого, вусы толко що начали висипатися, лѣтъ отъ роду двадцати двохъ, одежи на немъ: свита сѣра стара, шита по донску, юпка с китайки гранатовои стара, чересъ полотняной старой, шапка круглая, околиця черна смушева, з вершкомъ, сукна вишневого стара...“.

Мимоходомъ указываемъ на самыя ничтожныя въ ряду архивныхъ бумагъ; найдутся, конечно, гораздо важнѣе и интереснѣе, а сводя все, можно, хотя по мелкимъ частямъ, достигнуть въ послѣдствіи цѣльнаго воспроизведенія минувшаго быта нашей Украины.

Не можемъ не указать при этомъ на нѣкоторыя готовыя, добытыя и разработанныя свѣдѣнія и матеріалы, которые могутъ быть весьма пригодны для занимающихся исторіею Полтавщины, но нашли себѣ мѣсто въ изданіи, принадлежащемъ къ числу наименѣе извѣстныхъ даже записнымъ исторіографамъ, именно въ Полтавскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ.

Сколько намъ извѣстно, въ предѣлахъ нынѣшней полтавской епархіи болѣе или менѣе разработаны архивы слѣдующихъ церквей. Перечислимъ по уѣздамъ, съ полными заглавіями статей, тѣ приходы и церкви, о которыхъ на страницахъ названнаго изданія даны иногда очень обстоятельныя свѣдѣнія на основаніи мѣстныхъ церковныхъ архивовъ.

Полтавскій уѣздъ.—Историко-статистическія церковныя свѣдѣнія о с. Чутово, Полт. Епарх. Вѣд. 1871. №№ 23, 24 (св. Григ. Коломенскаго).—Срѣтенская приходская церковь въ г. Полтавѣ, П. Е. В. 1875. №№ 10, 11.—Приходъ села Локощины, П. Е. В. 1876. № 10.—Церковь св. Василія Великаго въ селѣ Камянкѣ, П. Е. В. 1877. № 4; и статья, составленная на основаніи бумагъ, взятыхъ изъ архивовъ разныхъ церквей: Начало духовно-учебнаго дѣла въ Полтавѣ. П. Е. В. 1876. № 16 (Павловскаго).

Константиноградскій уѣздъ.—Церковь святыхъ Захаріи и Елисаветы въ д. Шляховой, П. Е, В. 1876. № 6 (Павловскаго).—Приходъ села Циглеровки, П. Е. В. 1877. № 6 (Павловскаго) и очеркъ изъ Константиноградской старины: „Киченіе“ при богослуженіи.

Кременчугскій уѣздъ.—М. Глобино и его церкви, П. Е. В. 1871. №№ 4, 5 и 6 (Зеньковскаго). — Бывшій Пивогорскій мона-

стырь и нынѣшняя кладбищенская Николаевская церковь въ г. Градижскѣ, П. Е. В. 1877. № 1 (Матченка).

Зѣньковскій уѣздъ. — С. Малыя Будищи, П. Е. В. 1873. № 24.—Свято-Троицкая церковь въ мѣстечкѣ Великихъ Будищахъ, П. Е. В. 1881. № 9.

Хорольскій уѣздъ—Мѣстечко Бѣлоцерковка и его приходъ, П. Е. В. 1881. № 8.

Лохвицкій уѣздъ.—С. Козловка, П. Е. В. 1880. № 11.

Прилуцкій уѣздъ.—С. Сорочинцы, П. Е. В. 1874. № 23, 24. (Яковлева).

Переяславскій уѣздъ—Похвала Барышевкѣ, П. Е. В. 1881. № 23. Городъ Переяславъ—Переяславская Варваринская церковь, П. Е. В. 1874. № 18.—Описаніе Петро-Павловской церкви, П. Е. В. 1875. №№ 15, 16 (Крамаренка).—Къ свѣдѣніямъ о Покровской церкви, П. Е. В. 1879. № 11.—Успенская церковь, П. Е. В. 1879. № 19.—Судьба царскаго дара въ Успенскую церковь, П. Е. В. 1880. № 24.—Село Студеники, П. Е. В. 1874. № 23.

Кобелякскій уѣздъ.—Мѣстечко Голтва, П. Е. В. 1871. №№ 16, 17. (Яснопольскаго).

Миргородскій уѣздъ.—Мѣстечко Погачка, П. Е. В. 1871. №№ 8 и 9 (Соколовскаго).

Пирятинскій уѣздъ. — Село Великая Круча и его церковь, П. Е. В. 1883. № 9 (Стороженка).

Весьма важно для исторіи культуры лѣвобережной Украйны изученіе съ большими подробностями переяславской старины и въ частности прошлаго переяславской бурсы; пока посвящено этому не такъ много статей. Сдѣлаемъ перечень извѣстныхъ намъ:

а) Архіереи.—Арсеній Берло, Б. М. православный епископъ переяславскій и бориспольскій, П. Е. В. 1880. № 5.

б) Бытъ духовенства.—Остатки братствъ въ приходахъ переяславскаго уѣзда, П. Е. В. 1876. № 15 (Павловскаго).—Изъ хроники переяславскаго дьяконства, П. Е. В. 1880. № 12.—Конское тягло со священства, П. Е. В. 1880. № 21.—Пребываніе преосвящ. Іереміи въ Переяславѣ, П. Е. В. 1881. № 5.

в) Семинарскій бытъ.—Кое-что изъ переяславскаго семинарскаго быта послѣдней четверти прошлаго вѣка, П. Е. В. 1876. № 11 (по воспоминаніямъ И. Ѳ. Тимковскаго сост. Демидовскій).—

Нѣчто изъ переяславскаго семинарскаго быта первой четверти текущаго столѣтія, П. Е. В. 1777. № 3 (Крамаренка).—Изъ воспоминаній объ учителяхъ, бывшихъ въ полтав.-переясл. семинаріи въ первой четверти текущаго столѣтія, П. Е. В. 1880. № 9. (Крамаренка).

Мы считали не безполезнымъ сдѣлать перечень извѣстныхъ намъ статей, составленныхъ по матеріаламъ, хранящимся въ церковныхъ сельскихъ архивахъ, помѣщенныхъ въ Полт. Епарх. Вѣдомостяхъ въ виду отсутствія указателя къ этому изданію. Думаемъ, что предварительное ознакомленіе съ указанными статьями значительно облегчитъ будущимъ изслѣдователямъ полтавской церковной старины ихъ трудъ.

Н. С.

КІЕВСКІЯ ЛѢТОПИСНЫЯ ЗАМѢТКИ XVIII И XIX СТ.

1) Изъ приписокъ къ подлиннику путешествія Василія Григоровича Барскаго.

Въ библіотекѣ графа Уварова есть подлинная рукопись путешествія Василія Григоровича Барскаго; къ ней приложено много рисунковъ не упомянутыхъ Рубаномъ. Изъ нихъ особенно замѣчательны портреты и разные этюды, которые по работѣ сдѣлали-бы честь и не Барскому, видимо рисовавшему ихъ въ свободные минуты своего долгаго странничества. Въ концѣ рукописи нѣсколько замѣтокъ о братѣ нашего паломника Иванѣ Барскомъ, кіевскомъ строителѣ прошлаго столѣтія, а также другія приписки, календарнаго такъ сказать характера. Приводимъ ихъ по давней случайной выпискѣ. Сначала идетъ или черновая эпитафія, или списокъ съ гея.

„Зде положено тѣло кіевского мѣщанина, райци, Івана Григоровича Барского, брата родного монаха Василія Григоровича Барского, странствовавшаго по различнимъ землямъ и святимъ мѣстамъ и описавшаго въ книгу все видѣнное. Сей-же братъ его, трудившейся въ разнихъ строеніяхъ, воду привелъ въ различные мѣста въ городѣ семъ (Кіевѣ) отъ различныхъ источниковъ съ подъ горъ, а потомъ строилъ каменния церкви, колоколнѣ и покои. Первую церковъ здѣлавъ у Кириловскомъ монастырѣ, съ звоницею и брамою и погребами, церковъ

покровскую и набрежно-никольскую; у Козельцѣ церковъ штукатурнею украшалъ и тинковалъ, и колоколню вновъ построилъ, у золотоношскомъ красногорскомъ монастырѣ церковъ, колоколню у петропавловскомъ монастырѣ, у соборноуспенскомъ соборѣ съ церквою. Еще магазинъ городской и гостинной домъ, жилие покои греческому монастирю и Юрию Дранчеву, реперовавъ церкви воскресенскую и успенскую, у Межигорскомъ монастырѣ келіи. А сего 1785 г. и зде погребенъ мая числа. Которому да будетъ вѣчное упокоеніе.

Послѣ этого по годамъ заносятся разнаго рода замѣтки, начинающіяся свѣдѣніями о городской службѣ строителя Барскаго.

1749 г. былъ Иванъ Барскій урядникомъ до полгода, а отъ полгода до окончения на инстигаторскомъ званіи за бурмистерства Герасима Холявки и раецтва Михаила Воронковича и п. Василія Жука. Тогожъ року хлѣбъ билъ дорогъ; до полтора рубля била дойниця, за сушею.

1750. Хлибъ дешевый, по 20 к. дойниця жита и овса по 13 к.

1751. Вода превелика была у Днѣпрѣ и у рѣкахъ средѣ лѣта; прибивало до іюля 12 числа; того-жъ года хлѣбъ дешевъ билъ: жита дойниця по 18 к., овса по 13 к., пшоно по 50 к. Того-жъ года представился панъ войтъ Павелъ Войничъ октября числа.

1753. Хлѣбъ по 25 к. жито, а по 20 гречка, а овесъ по 15 к.

1754. Весма било сухое лѣто и вода въ рѣкахъ весма била малая. Тогожъ года жито по 55 к. и 60; овесъ по 32 к. и више.

1755. Вначалѣ нового года тарифъ и пошлина великороссійская переведена на новороссійскіе границы.

1756. Приехалъ у Киевъ войтомъ Іванъ Стефановичъ Сичевскій, февр. 3 ч. Въ тотъ-же годъ зима била мало снѣжна и легка. Жито продавалося по 32 к., а овесъ по 26 к., пшениця по 50 к. и мало више, киевской мѣри.

1757. Зима била весьма люта морозами. Пашня: жито по 28 к., овесъ по 15 и 16 к., пшениця 55 к.

1758. Зима била также люта. Пашня била до новини дорога: жито 1 р. 20 к. четверть; пшениця 1 р. 60 к. четверть; овесъ по 50 к. четверть, пшоно до двохъ рублей. Лѣто было мокрое и холод-

ное; на хлѣбъ и овощи урожай. Въ началѣ тогожъ года отдано тарифъ на откупъ.

За тѣмъ замѣтки домашнія о дняхъ рожденія дѣтей и пр.

---

2) Изъ записной книжки кіевскаго гражданина Мирославскаго.

1808 года, 21 ноября, по полудни въ 8 часовъ, сдѣлался на Подолѣ пожаръ, который превратилъ въ пепелъ всѣ лавки деревяныя торговыя; вмѣстѣ съ ними сгорѣла и церковь Успенская съ колокольней, только иконостасъ остался цѣлъ, безъ поврежденія.

1811 года, 9 іюля случился въ Кіевѣ столь ужасный пожаръ по полудни, въ первомъ часу, и въ 9 или 10 часовъ превращено въ пепелъ болѣе двухъ тысячъ домовъ каменныхъ и магистратъ, церквей каменныхъ 8, деревянныхъ 4, монастырей 3—братскій, петропавловскій и флоровскій, съ множествомъ имущества какъ церковнаго, такъ и обывательскаго. Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ въ Кіевѣ было всѣхъ вообще зажигательствъ около 20.

1811 г. въ августѣ началась ревизская перепись.

1812 г. 30 января было открытіе гимназіи публичное. Съ церемоніальними цеховыми и регистровыми пушечными выстрѣлами препровождали грамоту отъ дворца въ Лавру и по окончаніи молебствія въ кловскій дворецъ.

1816 года 7-го сентября, въ 7 часовъ по полудни, прибылъ въ Кіевъ императоръ Александръ I-й безъ всякихъ встрѣчъ, заѣхалъ въ Лавру, гдѣ привѣтствованъ былъ рѣчью митрополита Серапіона; оттуда поѣхалъ въ назначенный для его пребыванія домъ *Оболонскаго*. Въ пятницу, 8 сентября слушалъ литургію въ софійскомъ соборѣ, гдѣ по осмотрѣ ризницы былъ въ покояхъ митрополита; въ субботу былъ въ пещерахъ и осматривалъ арсеналъ и прочія казенныя мѣста, и въ вечеру былъ во дворцѣ у корпуснаго генерала Раевскаго на балу, причемъ садъ былъ илюминованъ и въ саду играла музыка. Въ недѣлю былъ смотръ двумъ полкамъ за Золотыми воротами, и послѣ оного императоръ слушалъ литургію въ соборѣ; послѣ того былъ въ Андреевской церкви и въ Михайловскомъ монастырѣ, и. ввечеру посѣтилъ балъ, данный дворянствомъ въ домѣ дворянской коммисіи. Въ понедѣльникъ

государь посѣтилъ кіевскую духовную академію, а во вторникъ, въ 9 часовъ выѣхалъ изъ Кіева на Бѣлую Церковь. Во всѣ дни пребыванія государя была великолѣпная иллюминація, въ особенности были иллюминованы лаврская колокольня, михайловская и другія.

1817 г. въ іюнѣ государь императоръ Александръ I-й прислалъ въ михайловскій монастырь драгоцѣнный образъ Архистратига Михаила, осыпанный брилліантами, и несенъ этотъ образъ изъ софійскаго собора въ михайловскій монастырь митрополитомъ Серафіономъ со всѣмъ духовнымъ соборомъ.

1817 года, 6 сентября, въ 7 часовъ вечера прибылъ въ Кіевъ императоръ Александръ I-й, заѣхалъ въ Лавру, и оттуда во дворецъ, гдѣ 7 числа былъ обѣденный столъ. 8 числа слушалъ литургію въ софіевскомъ соборѣ, и послѣ обѣденнаго стола въ 3 часа выѣхалъ въ Бѣлую Церковь, откуда на обратномъ пути, по пріѣздѣ въ Кіевъ 11-го числа, въ 12 часу былъ обѣденный столъ во дворцѣ, а во 2 часу выѣхалъ изъ Кіева въ Кременчугъ.

1824 года, 16 февраля сгорѣли на Печерскомъ деревянныя лавки всѣ въ гостиномъ дворѣ.

1824 г. 14 сентября скончался митрополитъ Серафіонъ.

1825 г. 19 ноября преставился государь императоръ Александръ I-й въ Таганрогѣ.

— 6 декабря приведены въ Кіевѣ всѣ сословія къ присягѣ на вѣрноподданство императору Константину Павловичу.

— 25 декабря, въ день Рождества Христова дали присягу вѣрноподданническую императору Николаю Павловичу всѣ военные и гражданскіе чины Кіева. При чемъ читаны были всѣ акты отреченія Константина Павловича отъ престола.

1826 г. 23 февраля преставился войтъ Михайло Григоренко. Сильныя наводненія отъ разлитія р. Днѣпра были въ 1820 [1]), 1826 и 1845 годахъ.

1829 года, 23 іюня въ воскресенье, въ 8 ч. прибылъ въ Кіевъ императоръ Николай Павловичъ, а на другой день великій князь Михаилъ Павловичъ.

---

[1]) Подобнаго наводненія не помнили за 32 года предъ тѣмъ.

— 25 іюня, въ день рожденія императора, получено извѣстіе о взятіи крѣпости Силистріи; по сему случаю въ 2 часа по полудни было въ софійскомъ соборѣ молебствіе съ пушечною пальбою, и изъ числа взятыхъ трофеевъ Государь, въ память сего извѣстія, пожаловалъ городу Кіеву 3 знамени и ключь отъ крѣпости Силистріи, которыя 6 августа, въ день Преображенія, церемоніально были возимы по всему городу городскою реестровою гвардіею, взявши оныя изъ крѣпости, и доставлены въ соборъ, гдѣ послѣ молебствія, совершеннаго предъ началомъ литургіи съ пушечною и ружейною пальбою отъ войскъ разставленныхъ по валамъ, оставлены въ соборѣ.

1830 г. 31 мая послѣдовалъ пріѣздъ въ Кіевъ государя императора Николая Павловича изъ Варшавы чрезъ Козелецъ; прибылъ въ 5 часу по полудни; 1-го іюня слушалъ обѣдню въ софійскомъ соборѣ, вечеромъ посѣтилъ балъ, данный дворянствомъ и гражданами въ контрактовомъ домѣ; на другой день 2 іюня государь выѣхалъ. Въ этотъ пріѣздъ государь повелѣлъ гражданамъ перемѣнить польскіе мундиры на обыкновенные статскіе гражданскіе, присвоенные дворянскимъ чиновникамъ.

1833 года 14 іюня кіевскій лавникъ Мирославскій съ Иваномъ Ивановичемъ Ходуновымъ выѣхали въ С.-Петербургъ отъ имени кіевскаго общества ходатайствовать предъ высшимъ начальствомъ о недозволеніи евреямъ селиться въ г. Кіевѣ на жительство по силѣ указа. Прибыли 22 іюня, выѣхали 4-го, а прибыли 14 августа съ пріятнымъ окончаніемъ въ пользу общества.

1834 г. 15 іюля открытъ университетъ св. Владиміра.

1837 г. 10 апрѣля, въ вербную субботу, происходило погребеніе фельдмаршала Сакена.

1853 г. 28 сентября посвященіе, а 28 октября открытіе цѣпнаго моста въ Кіевѣ черезъ Днѣпръ.

— Въ тоже время поставленъ памятникъ св. Владиміру на уступѣ Михайловой горы.

1857 г. 21 декабря скончался въ лаврѣ митрополитъ кіевскій Филаретъ, погребенъ 29 декабря.

1858 г. 10 іюня произошелъ пожаръ въ Липкахъ, во время котораго сгорѣло зданіе бывшей кіевской гимназіи и до 10 сосѣднихъ съ нею домовъ.

1861 г. 10 марта происходило въ Кіевѣ обнародованіе манифеста объ освобожденіи крестьянъ.

— 15 іюля совершенъ торжественный ходъ на крещатицкій источникъ и послѣ онаго происходила закладка владимірскаго собора.

МОГИЛА ГЕТМАНЦЕВЪ ВЪ Г. ЛЕБЕДИНѢ.

Въ исторіи Руссовъ, приписываемой архіепископу Георгію Конисскому, передается, что въ концѣ 1708 г. во время пребыванія Петра I въ мѣстечкѣ Лебединѣ въ Слободской Украйнѣ, Меншиковъ творилъ судъ и расправу надъ тѣми изъ малороссіянъ, которые заподозрѣны были въ усердіи къ Мазепѣ, потому что они не явились въ общее собраніе для выбора новаго гетмана. Сознанія заподозрѣнныхъ добивались пытками, при помощи батожья, кнутовъ и раскаленнаго желѣза; кто не выдерживалъ положеннаго числа пытокъ, того казнили, смотря по винѣ, повѣшеніемъ, отсѣченіемъ головы, колесованіемъ, четвертованіемъ или-же сажаніемъ на колъ. Погибло такимъ образомъ до 900 человѣкъ. „Число сіе можетъ быть увеличено (преувеличено), но судя по кладбищу, отлученному отъ христіанскаго и извѣстному подъ именемъ *Гетманцовъ*, должно заключать, что зарыто ихъ здѣсь очень не мало“ (Истор. Рус. стр. 212).

По поводу приведеннаго извѣстія, Н. И. Костомаровъ въ своей статьѣ: „Мазепинцы“, помѣщенной въ 1-й книжкѣ „Русской Мысли“ за настоящій годъ, говоритъ, что это извѣстіе принадлежитъ къ разряду такихъ, о которыхъ можно сказать, что хотя они вѣроятны, но невѣрны. Сомнительно-же оно потому, что встрѣчается въ одномъ только источникѣ, не современномъ и чрезвычайно мутномъ (разумѣется исторія Руссовъ), и не подтверждается никакими другими, болѣе достовѣрными источниками.

Что судъ съ пытками и казнями дѣйствительно совершился въ Лебединѣ надъ лицами, сочувствовавшими Мазепѣ, подтверждается самой статьей Н. И. Костомарова, составленной, между прочимъ, на основаніи отрывковъ изъ дѣлъ, производившихся въ Лебединѣ

и сохранившихся въ дѣлахъ московскаго архива министерства юстиціи и въ дѣлахъ архива иностранныхъ дѣлъ. „Къ большому сожалѣнію, говоритъ Н. И., мы не имѣемъ всѣхъ дѣлъ, производившихся въ Лебединѣ; можетъ быть они гдѣ нибудь и сохранились, но ожидаютъ счастливца, которому суждено будетъ открыть этотъ кладъ". Изъ статьи многоуважаемаго историка видно, что онъ нисколько не отвергаетъ производства суда и расправы въ Лебединѣ надъ сторонниками Мазепы, а лишь ограничиваетъ размѣръ казней. Умаляя число жертвъ суда, Н. И. отрицаетъ существованіе особаго кладбища, гдѣ погребены казненные. „Если-бы тутъ была какая-нибудь правда, продолжаетъ онъ, и если-бы въ народной памяти мѣстность, гдѣ погребены были казненные, носила такое названіе, то оно-бы удержалось въ 30-хъ годахъ текущаго столѣтія, между тѣмъ въ этихъ именно годахъ мы встрѣчали старожиловъ лебединскихъ и спрашивали о томъ, что начитали въ знакомой намъ тогда еще по рукописи исторіи Руссовъ. Если старики 30-хъ годовъ XIX столѣтія, проведшіе юность свою въ концѣ XVIII, не слыхали о томъ, что выдается намъ за народное преданіе о событіяхъ, совершившихся не ранѣе начала XVIII вѣка, то какъ не усомниться въ существованіи когда-либо такого воспоминанія у народа".

Мы не знаемъ, почему старики лебединскіе ничего не сообщили Н. И. о казни гетманцевъ, хотя она несомнѣнно и производилась, по крайней мѣрѣ, надъ нѣкоторыми лицами,—и о мѣстѣ погребенія казненныхъ. Но въ другомъ источникѣ находимъ свѣдѣнія о существованіи подобнаго преданія. Преосвященный Филаретъ въ своемъ Историко-статистическомъ описаніи харьковской епархіи сообщаетъ „*по мѣстнымъ свѣдѣніямъ*", что дѣйствительно въ Лебединѣ существуетъ особая могила гетманцевъ; она, по его словамъ, находится въ саду одного изъ прихожанъ Вознесенской церкви въ 300 саженяхъ отъ бывшаго городскаго вала; возвышенная насыпь простирается болѣе, чѣмъ на 10 саженей въ длину и ширину; мѣстами на этой насыпи оказываются провалины и по временамъ, во время построекъ, выкапывались человѣческія кости. Общимъ кладбищемъ эта могила не могла быть потому, что она по прежнему стоитъ вдали отъ храма. А какъ извѣстно, въ прежнее время умершихъ естественною смертью хоронили въ церковныхъ оградахъ. Отдѣль-

ное-же кладбище въ Лебединѣ заведено лишь съ 1771 года (Отдѣл. III, стр. 463).

Зная, что преосвященный Филаретъ при составленіи своего замѣчательнаго труда пользовался главнымъ образомъ свѣдѣніями, добытыми на мѣстѣ, т. е. доставленными мѣстнымъ духовенствомъ, нельзя сомнѣваться въ дѣйствительности сообщаемаго имъ. Да мы и сами слышали здѣсь, въ Харьковѣ, о существованіи упомянутой могилы. Теперешніе мѣстные жители передаютъ, что въ указанной могилѣ погребены люди, казненные за поддѣлку фальшивой монеты. Для того, кто знаетъ, какъ народъ забываетъ прошлое своего края, нисколько не удивительна замѣна гетманцевъ, память о которыхъ вообще стушевалась въ здѣшнемъ населеніи, фальшивыми монетчиками.

Итакъ, надобно полагать, что исторія Руссовъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ передаваемому событію, не въ той мѣрѣ невѣрна, въ какой предполагаетъ Н. И. Костомаровъ.

П. Ефименко.

ДВА СООБЩЕНІЯ ПО ЧАСТИ НАРОДНЫХЪ ВѢРОВАНІЙ.

1) Криница—богиня плодородія у сѣверянъ.

Слово *криница*, или по подольскому говору „кирныця“, означающее обыкновенно обрамленный источникъ ключевой воды, не глубокій колодезь, въ вѣрованіяхъ малорусскаго племени, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ мѣстностей, имѣетъ особое значеніе—божества, или особаго рода духовъ, сходныхъ съ русалками, но и отличающихся отъ нихъ.

Авторъ „Исторіи Сѣверской Земли до половины XIV вѣка“, въ главѣ III „Внутренній бытъ Сѣверской Земли“ (стр. 89—90), въ подтвержденіе вѣрованія Сѣверянъ въ подземную жизнь умершихъ, приводитъ повѣрье, сохранившееся въ черниговской губерніи—центрѣ Сѣверянской области, о „существованіи *Криницъ*“. „Въ Новгородъ-Сѣверскѣ, говоритъ онъ, и теперь еще есть *родникъ* [1]), носящій названіе *Заручайской криницы*, на срубѣ

[1]) Слово родникъ тождественно съ употребляющимися и доселѣ въ Черниговщинѣ словами: *рудникъ, руда, рудка*, означающими вообще потокъ, почему

котораго по народному повѣрью сидятъ *криницы*, прекрасныя дѣвы съ русыми волосами"... и т. д.

Въ виду недостаточныхъ свѣдѣній объ этнографическомъ распространеніи *вѣрованій* и легендъ, немудрено смѣшать *русалокъ* съ *криницами*. Но достаточно знать главнѣйшіе признаки этихъ двухъ родовъ *духовъ*, чтобы съумѣть отличить *русалку* отъ *криницы*. О *русалкахъ* мы имѣемъ болѣе свѣдѣній и прямо имѣемъ возможность причислить ихъ къ разряду *нимфъ*, какъ нѣмецкія *Ундины*. Волоса они имѣютъ *зеленоватые*, живутъ въ *водѣ*—рѣкѣ, прудѣ, даже болотѣ, однимъ словомъ вездѣ, откуда возможно проникнуть въ подземное царство, гдѣ онѣ имѣютъ великолѣпные чертоги и куда заманиваютъ людей. Для соблазна этихъ послѣднихъ онѣ выходятъ, въ извѣстные дни года, въ лѣсъ и прячутся между вѣтвями на деревьяхъ. Происхожденіе ихъ едва-ли не исключительно изъ *утопленницъ*.

Совсѣмъ иное мы должны видѣть въ *криницахъ*: жилища ихъ исключительно только въ самыхъ водяныхъ *ключахъ*, будь они въ колодцахъ или въ рѣкѣ. Гдѣ нѣтъ ключей, тамъ нѣтъ и *криницъ*, хотя могутъ быть *русалки*. Происхожденіе криницъ мнѣ не случилось до сихъ поръ узнать, хотя я слыхала одну легенду, объ одной криницѣ, но врядъ-ли ее можно приспособить къ криницамъ вообще. Вотъ эта легенда: „Гуляли дѣвчата по берегу болота и подъ берегомъ увидѣли блестящей бѣлизны цвѣтокъ[1]), которымъ залюбовались. Одна изъ нихъ залюбовавшись сорвала цвѣтокъ и въ тотъ-же мигъ обратилась *въ криницу* и потекла *рудою* (потокомъ). Съ той поры ежегодно въ тотъ-же день и часъ въ той криницѣ разцвѣтаетъ тотъ-же бѣлоснѣжный цвѣтокъ и рѣдко кто его видитъ, потому что онъ цвѣтетъ одно мгновеніе и сорвать не дается. А если-бы кто тотъ цвѣтокъ сорвалъ, то и криница-ключъ закрылась-бы въ тотъ мигъ".

небольшія рѣчки и до сихъ поръ носятъ безъимянное названіе *рудъ и рудокъ*. Г. Багалѣй, описывая лѣтописный *Носовъ на Рудѣ* (Истор. Сѣв. Земли, стр. 150), не хочетъ признать его въ *Носовкѣ* нѣжинскаго уѣзда, потому что рѣчка при ней называется Носовкой, а ищетъ такого мѣста гдѣ-нибудь на Рудѣ или Руднѣ, но нигдѣ другого *Носова* не находитъ. Другая *Носовка* возлѣ *Рудни* на старинныхъ картахъ показана близъ р. Сновки, городнянскаго уѣзда, невдалекѣ отъ Бѣлоуса и др. мѣстъ, упоминавшихся въ лѣтописяхъ сраженій.

[1]) Кринъ сельный.

Назначеніе *криницы* совсѣмъ иное, чѣмъ назначеніе русалокъ. *Криница*—это славянская, *сьверянская* богиня плодородія, обилія. Криничная вода считается благотворной во всевозможныхъ критическихъ случаяхъ. Слѣдующій *наговоръ* даетъ понятіе о той роли, какую играетъ *Криница* въ числѣ *сьверянскихъ божествъ*.

„Добрывечоръ *Криниче*,
Красная дьвице!
Вода—дочко Ульяно,
Земле—мати Тетяно,
Камне—брате Петро [1]),
Поздоровляю васъ изъ понедилкомъ
Пріймайте хлибъ-силь,
Давайте намъ водици на добро,
Давайте (скотини, птици и т. п.) плидъ, спиръ".

Въ этомъ наговорѣ криница олицетворяется въ образѣ *красной дьвицей*, дочь ея—вода, мать—земля, братъ—камень.

Я не берусь дѣлать изъ этого наговора какіе либо выводы; укажу только, въ какихъ случаяхъ прибѣгаютъ въ народѣ къ *криницѣ*, какъ *богинѣ плодородія*. Если желаютъ, чтобы корова давала больше молока (спиръ), то хозяйка, отрѣзавъ кусокъ хлѣба, несетъ его *вечерней зарей* къ криницѣ, чтобы никто не видѣлъ, кланяется *криницѣ* и опустивъ въ ея ключъ „окраецъ", произноситъ вышенаписанный *наговоръ*, и оставивъ хлѣбъ на ночь въ водѣ, возвращается домой. На утро на зарѣ хозяйка снова идетъ къ *криницѣ*, стараясь, чтобы никто ее не увидалъ, кланяется ей, повторяетъ свой наговоръ, вынимаетъ опущенный съ вечера въ воду хлѣбъ и вмѣстѣ съ зачерпнутою *криничной водою* несетъ домой. На порогѣ хаты кладетъ вверхъ дномъ ведро, на ведро вѣко (крышку) изъ хлѣбной дѣжи, а на вѣко хлѣбъ бывшій въ *криницѣ* и припускаетъ скотину съѣсть его, а затѣмъ выпить и воду, зачерпнутую хозяйкою изъ криницы. Народъ вѣритъ, что послѣ этого скотина получитъ приплодъ и будетъ давать больше молока. Здѣсь прямо указывается на зависимость плодородія, обилія отъ *криницы*, какъ божества.

Сообщ. **П. Литвинова.**

---

[1]) Ульяна съ греческаго значитъ волнистая, Тетяна—повелительница, а Петръ—камень.

2) Полъ неодушевленныхъ предметовъ.

Кто-бы могъ подумать, что народная фантазія не только дѣлитъ неодушевленные предметы по родамъ или поламъ, но сообразно ихъ полу усвояетъ имъ тѣ или иныя свойства? — Такое повѣрье случилось мнѣ встрѣтить въ той-же Черниговщинѣ, центрѣ Сѣверской области, въ примѣненіи къ деревянной посудѣ, употребляемой для заквашиванія тѣста, а также капусты, буряковъ и пр. Народъ здѣсь строго отличаетъ „дѣжку“ отъ „дѣжуна“ не только по грамматическому ихъ роду и устройству, но и по нѣкоторымъ особымъ ихъ свойствамъ. Бураки, капусты, огурцы требуютъ, чтобы ихъ заготовляли въ прокъ непремѣнно въ „дѣжкѣ“; если-же положить ихъ въ дѣжунѣ“, то они этимъ оскорбляются и отъ того неудаются. Въ „дѣжкѣ“ и хлѣбъ удается хорошій, а въ „дѣжунѣ“ никогда. Разсказывала баба изъ с. Переходова (нѣжинскаго уѣзда): „поихавъ чоловикъ у ярмарокъ и купивъ дѣжку, я й поклала въ ію капусты. Неудалась моя капуста! Я й на другій годъ—поклала—неудалась! Роздивились, ажъ то „дѣжунъ“.

Этотъ-же самый „дѣжунъ“ былъ проданъ за такую „не хозяйливость“ въ руки одной барышни и сдѣлался „дѣжкою“ въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова. Между тѣмъ повѣрье, приписывающее особыя свойства „дѣжкѣ“ и „дѣжуну“, заставляетъ не только продавать „дѣжуна“, за меньшую конечно цѣну, но и передѣлывать его на „дѣжку“, вставляя или выбрасывая одну клепку.

„Дѣжка“ имѣетъ четное число клепокъ, „дѣжунъ“ не четное. На этомъ основана народная примѣта и связанное съ нею повѣрье.

Доселѣ ни въ одномъ этнографическомъ сборникѣ мнѣ не случалось встрѣчать такого повѣрья. Любопытно знать, существуетъ-ли оно въ другихъ мѣстностяхъ.

Сообщ. М. Г—овъ.

ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ О КАРМЕЛЮКѢ.

Секретарь Кармелюка—поповичъ. Въ м. Деражнѣ жилъ старикъ—священникъ; одинъ изъ его сыновей учился въ духовной школѣ, въ м. Шаргородѣ; въ одни изъ каникулъ онъ увидѣлъ у отца старый шелковый платъ и забралъ съ собой въ Шаргородъ. Великовозрастный школяръ не могъ придумать лучшаго ему наз-

наченія, какъ сшить жилетъ. Одинъ изъ учителей присмотрѣлся случайно къ оригинальному жилету и нашелъ, что онъ сшитъ изъ стараго уніатскаго антиминса. Школяра немедленно исключили съ надлежащей аттестаціей и отправили къ отцу. Такое несчастье глубоко поразило старика-отца и онъ выгналъ изъ дому постылаго сына. Дѣло было весной; школяръ шатался по окрестностямъ и только тайкомъ отъ отца кормила иногда заходившее злосчастное чадушко его мать-попадья. Пришла Пасха и не примирила отца съ сыномъ. Послѣдній брелъ однажды лѣсомъ, голодный и утомленный, и набрелъ на группу людей, спокойно подкрѣплявшихся „свяченымъ“. Послѣ обмѣна привѣтствій пригласили и его покушать. За нежданной трапезой школяръ на распросы незнакомцевъ откровенно разсказалъ имъ свою исторію. „Знаешь что?“ предложилъ ему человѣкъ, съ которымъ почтительно обращались прочіе: „Оставайся при мнѣ, письменнаго человѣка мнѣ нужно. Ты уже, должно быть, слышалъ достаточно обо мнѣ: я Кармелюкъ!“ Безвыходное положеніе школяра, а можетъ быть и молва о странныхъ подвигахъ Кармелюка, палочно примирявшаго богача съ бѣднымъ, расположили скитальца принять неожиданное предложеніе. Прошло довольно времени. Безпріютный школяръ освоился съ товариществомъ Кармелюка. И, когда однажды потребовалась Кармелюку бричка, чтобы въѣхать въ городъ (?) офицеромъ, для освобожденія товарищей, попавшихъ въ острогъ, новый секретарь посовѣтовалъ отправиться къ его отцу и взять бричку съ лошадьми. Явились ночью, разбудили хозяевъ и объяснили, что требуется. Заплакали отецъ и мать, увидѣвъ сына въ такой компаніи; компанія между тѣмъ распорядилась ужиномъ,—натаскала изъ коморы колбасъ, сала, огурцевъ и принялась уплетать. День былъ постный. Набожный священникъ, увидѣвъ сына съ колбасой въ рукѣ, горько упрекнулъ его, напоминая ему о постѣ.—„То жъ нічого, батюшка, замѣтилъ Кармелюкъ: онъ закусываетъ колбасу огурцомъ“! Поѣхалъ въ городъ переряженный Кармелюкъ, разставилъ переряженный караулъ на мѣсто споенныхъ инвалидовъ и освободилъ своихъ сподвижниковъ. Отцу секретаря тотчасъ же была возвращена бричка съ лошадьми.

Добродушная шутка. Въ каменецкомъ уѣздѣ въ селѣ Мукшѣ священствовалъ старикъ—іерей Стопнѣвичъ. Ѣхалъ онъ съ мельницы. Въ лѣсу останавливаетъ его неизвѣстный человѣкъ.

— Что везешь, отче?—Муку.—Гм! муку. Славные у тебя конята. А знаешь, кто я?—смѣется незнакомецъ. Старикъ выражаетъ полнѣйшее изумленіе. — Я—Кармелюкъ. Безпомощный пастырь затрясся и молитъ о пощадѣ;—заливается, хохочетъ Кармелюкъ. „Старъ ты, отче, да неразуменъ, на кой чортъ мнѣ твои клячи? На, да молись обо мнѣ грѣшномъ“, сказалъ Кармелюкъ, и далъ ему нѣсколько червонцевъ.

Самозащита. У Кармелюка гдѣ-то около села Бершади летичевскаго уѣзда была фаворитка. Тамъ Кармелюкъ любилъ отдыхать отъ своихъ странствованій. Разъ въ лѣтній жаркій день плотный Кармелюкъ, чтобы лучше всхрапнуть, раздѣлся до нага и забрался на сѣновалъ. Одинъ изъ сосѣднихъ пановъ шляхтичей напалъ на его слѣдъ и отрядилъ экономa съ дворней схватить его. Не съумѣли подойти тихо, разбудили Кармелюка; во время спохватился онъ, мигомъ вырвалъ бревно изъ стѣнки сарая и, голый, металъ имъ направо и налѣво удары, пока назойливые гости не разбѣжались.

Въ бѣгахъ. Публиковали розыскъ Кармелюка, а онъ пустился бѣжать въ Бессарабію, хотя и не очень, видно, боялся поимки: не сбросилъ своего обычнаго синяго кафтана и синихъ широкихъ шароваръ. На самомъ рубежѣ Бессарабіи, въ какомъ-то тамъ селѣ, зашелъ онъ въ хату къ мужику воды напиться, а тамъ крестины: сидитъ батюшка, и кумовья, и много гостей. Ну, извѣстное дѣло: на крестинахъ, какъ и на свадьбѣ, всякому рады. Усадили Кармелюка, пошла вновь попойка и бесѣда, а притомъ распросы. Кармелюкъ назвался не то прикащикомъ, не то экономомъ какого-то богатаго пана, рѣшившимся оставить службу и обзавестись собственнымъ хозяйствомъ, для чего подъискиваетъ подходящій уголокъ. Судилъ онъ о хозяйственныхъ дѣлахъ съ видомъ рѣдкаго знатока и несомнѣнно умнаго и бывалаго человѣка, проговаривался какъ-бы невзначай, что располагаетъ завести пасѣку, виноградникъ, а если Богъ поможетъ, то и *шпанку.* Его смѣлыя, толковыя рѣчи о хозяйствѣ удивили простыхъ и забитыхъ селянъ. Особенно былъ удивленъ батюшка и пригласилъ къ себѣ Кармелюка. Ему хотѣлось заранѣе расположить къ себѣ будущаго своего прихожанина, а ссли возможно, то принять участіе въ его необычныхъ хозяйственно-промышленныхъ предпріятіяхъ. Кармелюкъ радъ былъ, что

нашелъ безопасный уголь и пріятнаго собесѣдника. Дѣло было осенью, дни свободные, толковали долго и рѣшили кое-что изъ хозяйства вести по-поламъ. Въ одно утро батюшка пошелъ въ приходъ; сотскій на улицѣ вручилъ ему бумагу—публикацію о Кармелюкѣ. Прочиталъ батюшка и идетъ домой отвѣтить: не слыхали молъ и не видали. Приходитъ, перечитываетъ примѣты и Кармелюкъ тутъ въ горенкѣ; прочиталъ, подумалъ, да и ахнулъ. Ахнулъ и Кармелюкъ, передразнивая его: »Спасибо, батюшка, за хлѣбъ-за соль, за тихій отдыхъ; примите на память«, сказалъ онъ, подавая ему горсть червонцевъ.

Е. Маковскій.

ХУДОЖНИКЪ В. Л. БОРОВИКОВСКІЙ.

1758 (?)—1825 г.

О жизни Боровиковскаго въ печати можно найдти лишь самыя отрывочныя свѣдѣнія. Правда, что книги по исторіи искуства въ Россіи можно сосчитать по пальцамъ. Но нѣкоторые художники прежняго времени удостоились монографій (Брюловъ, Ивановъ). О другихъ говоритъ литература мемуаровъ. Боровиковскому посвящены три замѣтки въ справочныхъ книгахъ и одна неоконченная статья [1]) Немудрено, что большая часть изъ тѣхъ, кто останавливается въ музеяхъ и церквяхъ передъ удивительными холстами Боровиковскаго, ничего не знаетъ о немъ самомъ.

Владиміръ Лукичъ Боровиковскій—самый крупный талантъ, какой дала Малороссія русской школѣ живописи. Явясь, подобно пѣвчему Лосенку, глуховскому уроженцу, на зарѣ развитія этой школы, онъ долженъ считаться однимъ изъ ея создателей. Работы его высоко цѣнятся и теперь. Но достойная слава ждетъ его въ будущемъ, когда, съ поднятіемъ просвѣщенія и развитіемъ художественнаго вкуса, найдутъ справедливую оцѣнку таланты, работавшіе въ дальнюю пору. Тогда картины стараго украинскаго

---

[1]) »Каталогъ произведеній русской живописи« Сомова, »Живопись и живописцы«—Андреева, »Школа рисованія« 1861 г., № 4 и »Художественный Сборникъ, изданный московскимъ обществомъ любителей художествъ« подъ редакціей гр. Уварова. М. 1866. Выпускъ I. (Больше не выходило). Здѣсь неоконченная статья о Боровиковскомъ П. Н. Петрова.

мастера будутъ оспариваться музеями другъ у друга и цѣниться на вѣсъ золота.

Небогатый дворянинъ [1]), прослуживъ въ войскѣ до чина поручика, онъ почувствовалъ утомленіе и поселился въ родномъ Миргородѣ. Онъ рисовалъ самоучкой и, какъ видно, пользовался уже нѣкоторой репутаціей, такъ какъ, во время столь извѣстнаго путешествія Екатерины II въ Тавриду (1787 года), кіевскій губернскій предводитель дворянства Капнистъ заказалъ ему написать нѣсколько картинъ для одного изъ домовъ, гдѣ должна была остановиться царица. Требовались аллегоріи во вкусѣ того времени, съ примѣсью лести. Заказъ былъ исполненъ и въ аллегоріяхъ оказалось достаточно ѳиміаму. Екатерина объясняла тутъ свой наказъ семи греческимъ мудрецамъ. Петръ I вспахивалъ землю, на которой Екатерина сѣяла сѣмена и всходы посѣвовъ виднѣлись ужь вдали... Картины понравились и судьба художника была рѣшена. Онъ мѣняетъ скромный Миргородъ на сѣверную столицу, отправляясь учиться живописи на казенный счетъ. Кто былъ его первымъ учителемъ? По однимъ свѣдѣніямъ — „Ламній старшій". Но г. Петровъ, въ своей замѣткѣ, не принимаетъ этого — прежде всего потому, что оба Лампи, отецъ и сынъ пріѣхали въ Петербургъ только въ 1791 г., а въ 1789 г. Лампи—отецъ только вызванъ былъ королемъ Станиславомъ-Августомъ Понятовскимъ изъ Вѣны въ Варшаву. Первымъ учителемъ Боровиковскаго Петровъ считаетъ поэтому Левицкаго, написавшаго еще въ 1782 г. очаровательный портретъ государыни, послужившій поводомъ оды Державина „Видѣніе Мирзы". Достовѣрно то, что даровитый лѣвша (Боровиковскій рисовалъ лѣвою рукою) учился у обоихъ художниковъ и усвоилъ себѣ вполнѣ техническую ловкость и утонченную изысканность своихъ учителей, этихъ истинныхъ дѣтей XVIII вѣка.

---

[1]) По справкѣ въ генеалогіи дворянскихъ родовъ полтавской губерніи, хранящейся у полтавскаго предводителя дворянства, оказалось, что потомственное дворянство получено Боровиковскими только въ 1845 г. Ранѣе 1845 г. не записанъ ни одинъ Боровиковскій. Впрочемъ въ бумагахъ упоминается, что Левъ Ивановичъ (писатель) былъ уже ранѣе дворяниномъ, личнымъ, хорольскаго уѣзда. Владиміръ Лукичъ былъ братомъ отца писателя—Ивана Лукича. Онъ умеръ бездѣтнымъ.

Оставаясь оригинальнымъ, онъ взялъ у Левицкаго легкость и силу и строгость и обдуманность рисунка у Лампи.

Неподражаемый портретистъ онъ въ тоже время—вдохновенный религіозный живописецъ. Его картины на библейскіе сюжеты дышатъ глубокой и наивной вѣрой, переходящей, къ концу его его жизни, въ мистическій восторгъ. Въ обоихъ родахъ, религіозномъ и портретномъ, благодаря замѣчательному трудолюбію, онъ произвелъ много. Небольшая часть его работъ сдѣлалась пока достояніемъ музеевъ. Остальное, напр. портреты, хранится въ частныхъ домахъ, какъ фамильная драгоцѣнность или украшаетъ стѣны храмовъ. Изъ религіозныхъ вещей картонъ „Богъ Саваоѳъ, созерцающій Спасителя въ страдальческой его кончинѣ", находится въ Румянцевскомъ музеѣ. Передъ Богомъ-отцомъ, на облакахъ, лежитъ безжизненное тѣло Христа, на которое онъ смотритъ съ глубокой скорбью. Въ заброшенномъ Густынскомъ монастырѣ мнѣ случилось видѣть, наивную по живописи, подобную же фреску въ куполѣ храма. Можетъ быть художникъ вспомнилъ что нибудь подобное, видѣнное на родинѣ? Изъ работъ, находящихся въ церквяхъ Петербурга, „Благовѣщеніе"—два медальона на царскихъ вратахъ Казанскаго собора—справедливо считается однимъ изъ лучшихъ вдохновеній миргородскаго мастера. Отличительныя черты этой композиціи—красота и грація. Послѣднее качество у русскихъ художниковъ особенно рѣдко.

Непорочная Дѣва, сложивъ руки на груди, склонилась надъ книгой, внимая словамъ небесной воли. Снѣжно-бѣлая ткань окутала ея плечи. Вѣнецъ изъ блѣдныхъ звѣздъ мерцаетъ надъ головой. Фигура Архангела—вся движеніе и свѣтъ. За плечомъ его дрожитъ крыло. Легкій, какъ видѣнье, предсталъ онъ предъ нею и, повѣдавъ благую вѣсть, утонетъ опять въ волнахъ свѣта. Все дышетъ здѣсь инымъ, чудеснымъ міромъ и о землѣ говоритъ только покрытый цвѣтами, гибкій стебель лиліи въ рукѣ Гавріила.

Горельефъ изъ литаго серебра, съ головками ангеловъ по сторонамъ, окаймляетъ эти дивную живопись. Когда царскіе врата открываются и косой лучъ свѣта падаетъ на ихъ колеблющіеся стѣнки, въ синеватой дымкѣ ладана, и Дѣва и Ангелъ кажутся по истинѣ небеснымъ видѣніемъ.

Въ петербургскомъ Эрмитажѣ выставленъ только одинъ холстъ Боровиковскаго, это—портретъ Мурзы-Кули-Хана, брата персидскаго шаха, пріѣзжавшаго посломъ ко двору Екатерины. Портретъ писанъ по заказу царицы. Онъ виситъ въ той залѣ, гдѣ скучныя полотна Угрюмова, противъ „Париса“ Кановы.

Принцъ писанъ во весь ростъ, въ высокой шапкѣ, обвитой пестрою шалью, въ темнозеленомъ халатѣ и парчевой шубѣ на собольемъ мѣху. Матово-блѣдное лицо красиваго типа носитъ характеръ восточной нѣги. Узкая, чорная, холенная борода спускается до пояса. Правая рука лежитъ на кушакѣ, а лѣвая на рукояткѣ сабли. Это восточный властитель и воинъ.

Въ золотисто-голубоватой дымкѣ задняго плана художникъ, помѣстилъ купы кустовъ, палатки военнаго лагеря и дальше, совсѣмъ вдали, дворецъ у подножія горъ. Желанье-ли принца или капризъ художника,—эта обворожительная ложь вскрываетъ предъ нами тайникъ изящнаго воображенія артиста и своими едва уловимыми контурами дорисовываетъ характерный обликъ изображеннаго лица, гдѣ въ гармоническомъ сочетаніи слились двѣ коренныя черты: мужество и изнѣженность.

Нѣжная плотность шелка, мягкіе отливы бархата, игра и блескъ самоцвѣтныхъ камней, иглистый пухъ соболя—все это покорно кисти мастера и является какъ бы естественнымъ дополненіемъ у того, кто съ такимъ высокимъ искусствомъ умѣетъ изображать *человѣка*. А великихъ портретистовъ и характеризуетъ именно *это* умѣнье. Такіе портреты, какъ портретъ Екатерины II въ царско-сельскомъ паркѣ, въ пожиломъ возрастѣ и съ собачкой на рукахъ, или Павла I, во весь ростъ, въ далматикѣ и коронѣ, болѣе чѣмъ хорошая живопись. Это запечатлѣнный художникомъ живой образъ, который говоритъ больше, чѣмъ иной кропотливый историческій трудъ.

Счастливый случай соединилъ однажды значительное число портретныхъ работъ Боровиковскаго: болѣе двадцати. Это было на исторической выставкѣ портретовъ лицъ XVI—XVII вѣковъ, въ Петербургѣ. Оцѣнить его, какъ портретиста, можно было только тамъ, предъ этой галлереей типовъ минувшаго, гдѣ каждое лицо выходило вновь изъ прошлаго мрака, во всей своей индивидуальности, схваченной художникомъ.

Эти сановники былыхъ временъ, красавицы, блиставшія нѣкогда, чопорные аристократы и церковные іерархи, проходили вереницей передъ воображеніемъ, оживая вновь подъ кистью несравненнаго мастера. Уста, шептавшія слова любви и уста, произносившія проклятія крѣпостного вѣка, очи, за которыя жертвовали жизнію, и грозныя очи, предъ которыми трепетали подвластные люди,—все было здѣсь живое. Какъ портретистъ, Боровиковскій имѣетъ немного равныхъ. Рисуетъ-ли онъ задумчиваго старца („Зима“.въ Румянцевскомъ музеѣ) или пышнаго „Экзарха Грузіи .(въ собраньи Третьякова), молодую красавицу или умудреннаго опытомъ мужа,—вездѣ, подъ внѣшнимъ обликомъ, силою таланта, раскрываетъ онъ обликъ нравственный, духовный, внутреннюю жизнь человѣка и даетъ не только внѣшне-схожій портретъ, но художественно-постигнутый, глубокій образъ.

О петербургской жизни Боровиковскаго извѣстно не много. Старый Лампи, умирая, оставилъ ему свою мастерскую, на Мильонной улицѣ, гдѣ художникъ и работалъ впослѣдствіи. Оставлять ему свою „практику“ Лампи не было надобности, такъ какъ въ то время Боровиковскій и безъ того имѣлъ массу заказовъ. Повидимому однако онъ не былъ богатъ. Неискательный, преданный одному своему искусству, заключившись въ стѣнахъ мастерской, онъ ничего не просилъ у своихъ современниковъ и рѣдко показывался даже въ публику.

Мистическое увлеченіе, охватившее общество во вторую половину царствованія Александра I, нашло въ настроеніи Боровиковскаго вполнѣ подготовленную почву. Съ мечтательной натурой, съ умомъ старавшимся проникнуть въ таинственныя области неизвѣстнаго, онъ примкнулъ къ духовному союзу Татариновой и сталъ однимъ изъ ревностныхъ его членовъ. Сохранились листки изъ его записной книжки, относящейся къ этому времени [1]). Въ нихъ, на ряду съ откликами страстныхъ религіозныхъ порывовъ, проглядываетъ и тяжелое и скорбное чувство неудовлетворенности. Этотъ „союзъ“, состоявшій изъ людей родовитыхъ, повидимому смотрѣлъ свысока на скромнаго и искренняго художника, хотя и эксплуатировалъ его талантъ для своихъ цѣлей. Общество Татариновой существо-

[1]) Напечатаны въ изданіи Бартенева »Девятнадцатый вѣкъ«. М. 1871 г.

вало до 1837 г. Боровиковскій умеръ въ апрѣлѣ 1825 г. Въ одной изъ послѣднихъ своихъ аллегорій („Зима“ въ румянцевскомъ музеѣ) онъ, кажется, изобразилъ самого себя. Среди безжизненнаго пейзажа старый крестьяникъ въ зипунѣ грѣетъ руки надъ горящими угольями. Взглядъ этого одинокаго, стараго человѣка полонъ глубокой тоски.

Чрезвычайно желательно было-бы опубликованіе біографическаго матеріала, касающагося славнаго миргородскаго уроженца. Мы слышали, что собираніемъ такого матеріала занятъ одинъ изъ потомковъ художника по линіи его брата. Интересно было-бы видѣть добытые имъ данныя въ печати; что касается списка произведеній Боровиковскаго, то быть можетъ онъ не будетъ лишнимъ для поклонниковъ художника, такъ какъ произведенія эти разбросаны по разнымъ мѣстамъ и свѣдѣнія о нихъ не всѣмъ доступны. Отъ тѣхъ-же цѣнителей зависитъ сдѣлать прилагаемый ниже списокъ обстоятельнѣе и полнѣе.

В. Горленко.

Списокъ извѣстныхъ работъ Боровиковскаго.

Въ Эрмитажѣ.

Портретъ персидскаго принца Мурзы-Кули-Хана.

Въ Академіи Художествъ.

1. Портретъ Торсуковой (поясной).
2. Повтореніе портрета персидскаго принца, въ маленькомъ видѣ.

Въ Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ.

1. Портретъ президента академіи художествъ А. Ѳ. Лабзина (маленькаго размѣра).
2. Святое Семейство (копія съ эрмитажной картины Корреджіо).
3. Зима (аллегорія).
4. Портретъ Амвросія, митрополита новгородскаго и петербургскаго. Въ митрѣ, епископскомъ облаченіи и съ посохомъ (Даръ Третьякова).
5. Богъ Саваоѳъ (маленькій картонъ).
6. Портретъ Михаила Десницкаго, впослѣдствіи митрополита петербургскаго, въ бытность его епископомъ старорусскимъ.

Въ Петербургскомъ Казанскомъ соборѣ.

1. Благовѣщеніе (два медальона на Царскихъ вратахъ).
2. Евангелисты (id).
3. Образъ преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія печерскихъ, въ иконостасѣ лѣваго придѣла (вышина $2^1/_2$ аршина, ширина 1 арш. $5^1/_4$ вершка. Покрытъ серебряной ризой, видны одни лица).

4 и 5. Тамъ-же: два образа равноапостольныхъ Константина и Елены (изображены въ далматикахъ, въ ростъ. Св. Константинъ держитъ осьмиконечный

крестъ. Надъ нимъ, на небѣ, знаменіе креста, слившееся изъ звѣздъ. Св Елена съ обрѣтеннымъ на Голгофѣ крестомъ. Вышина 2½ арш., ширина 1 арш. 3 вершка).

Въ церкви Троицы, на смоленскомъ кладбищѣ въ Петербургѣ, гдѣ погребенъ Боровиковскій.

Иконостасъ верхней церкви.

Въ церкви села Романовки, мглинскаго уѣзда, черниговской губерніи.

Иконостасъ (свѣдѣніе о немъ въ письмѣ Чижова къ Максимовичу, „Кіевская Старина, 1883 г., апр., стр. 851).

Въ галлереѣ Третьякова (Москва, Замоскворѣчье, Большая Ордынка, Лаврушенскій переулокъ).

1. Портретъ экзарха Грузіи (изъ петербургскаго собранія Н. Д. Быкова). Въ полномъ облаченіи, съ посохомъ и регаліями, въ клобукѣ. На клобукѣ алмазный крестъ жемчужные ангелы на оплечіяхъ. Подписано: писалъ В. Боровиковскій, 1811 г.
2. Портретъ стараго сановника, въ лиловомъ бархатномъ кафтанѣ, красной лентѣ и звѣздѣ.
3. Поясной портретъ молодой дѣвушки, въ кисейномъ бѣломъ платьи, съ пейзажемъ сада позади.
4. Портретъ пожилаго человѣка въ военномъ сюртукѣ.
5. Повтореніе маленькаго портрета персидскаго принца безъ пейзажа.
6. Портретъ дамы среднихъ лѣтъ, восточнаго типа, въ желтой шали (Каталога третьяковской галлереи не существуетъ, а потому имена оригиналовъ неизвѣстны).

Портреты, бывшіе на »Исторической выставкѣ портретовъ лицъ XVI—XVIII вѣковъ« въ Петербургѣ въ 1870 году (Номера означены по каталогу выставки, изд. подъ редакціей П. Н. Петрова).

1. Екатерина II въ царскосельскомъ саду, № 351 (принадлежитъ П. И. Кузнецову).
2. Графъ Самойловъ (съ оригинала Лампи, приписывается Боровиковскому) № 454 (прин. А. Яблочкину).
3. Лачинова (овальный, маленькаго размѣра) № 606 (Охочинскаго).
4. Великая княгиня Анна Ѳедоровна, № 623 (музея Эрмитажа, № 1280. Взятъ изъ Гатчинскаго дворца).
5. Вел. кн. Екатерина Павловна, № 637 (И. Л. Кузьмина).
6. Вел. кн. Елена Павловна (поясной портретъ 1796 г. Музея Эрмитажа № 1272. Взятъ изъ Гатчинскаго дворца).
7. Павелъ I въ натуральный ростъ, № 640 (Департамента удѣловъ).
8. Великій князь Александръ Павловичъ (ниже пояса. 1796 г. № 644. Муз. Эрит. № 1273 изъ Гатчинскаго дворца).
9. Державинъ, № 653.
10. Графъ Васильевъ, № 654.
11. Дмитр. Прокоф. Трощинскій, № 738 (Шлихтинга. Была копія подъ № 678).
12. Графиня Мусина-Пушкина (маленьк. портр.) № 687 (князя А. И. Шаховскаго).
13. Графъ Андрей Ильичъ Безбородко, № 697 (граф. Е. Д. Кушелевой).
14. Ардал. Алекс. Торсуковъ (Портр. по колѣни) № 700 (кн. Волконскаго).
15. Граф. Анна Иван. Безбородко, № 720 (гр. Е. Д. Кушелевой).

16. Дарья Алекс. Валуева, № 703 (графа П. А. Валуева).
17. Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ (поясной) № 723. С. А. Гедеонова).
18. Екатер. Алекс. Архарова (поясной портр. въ чепцѣ) № 750 (А. А. Васильчикова).
19. Ольга Кузьм. Филиппова (поясное изображ. 1790 г.) № 759 (А. Н. Филиппова)
20. Павелъ Степ. Филипповъ (старшій архитекторъ при сооруженіи казанскаго собора. Поясной портр. 1790 г.) id.
21. Княжна Ал. Ник. Волконская (дочь фельдмаршала Репнина, держитъ медальонъ съ изображеніемъ своего отца) № 762.
22. Княгиня Наст. Ив. Куракина (поясной портр. 1790 г.) № 754 (кн. А. Б. Куракина).
23. Вѣра Ив. Арсеньева, № 763 (В. И. Ламанскаго).

Въ »*Указатель собранія картинъ и рѣдкихъ художественныхъ произведеній, принадлежащихъ членамъ Императорскаго дома и частнымъ лицамъ въ Петербургѣ* (Спб. 1861 г.) указаны *слѣдующія работы Боровиковскаго:*

1. Портретъ митрополита Михаила. Принадлежитъ Прянишникову. Безъ сомнѣнія это портретъ Мих. Десницкаго, находящійся въ румянцевскомъ музеѣ. Большая часть галлереи Прянишникова перешла туда.
2. Портретъ гр. Кутайсова (принадл. И. М. Смирнову).
3—5. Три семейныхъ портрета (принадлежатъ Ѳ. О. Львову); одинъ изъ нихъ (портретъ молодой, улыбающейся женщины, въ красномъ платьи) весною 1883 г. продавался въ Петербургѣ въ художественномъ магазинѣ Семенова (Гороховая д. 56).

Извѣстны еще у частныхъ лицъ.

1. Портретъ А. Лопухина (гдѣ-то на югѣ).
2. Портретъ Д. П. Трощинскаго, поясной въ креслѣ, съ видомъ въ окно на с. Кагарлыкъ кіевской губерніи, купленъ былъ въ м. Кагарлыкѣ, на аукціонѣ, покойнымъ кіевскимъ коллекціонеромъ И. П. Нововымъ. Нынѣ находится въ Одессѣ у г. Далькевичъ.
3. Нерукотворенный образъ, писанный по заказу Трощинскаго въ 1823 г. Купленъ, при распродажѣ галлереи послѣдняго, И. П. Нововымъ.
4. Святое Семейство. Картина эта найдена извѣстнымъ писателемъ Н. С. Лѣсковымъ въ Малороссіи, заброшенною въ какомъ-то помѣщичьемъ домѣ. О своей находкѣ г. Лѣсковъ тогда сообщалъ въ газетахъ.

Гравюры съ Боровиковскаго мнѣ извѣстны двѣ: »Екатерина II въ царскосельскомъ саду« Уткина и »Поясной портретъ Трощинскаго« работы Ухтомскаго.

Портретъ самого художника хранится въ Румянцевскомъ музеѣ, въ такъ называемомъ Дашковскомъ собраніи.

ГРЕЧЕСКІЯ МУЗЫ ВЪ МАЛОРУССКОМЪ ИЗОБРАЖЕНІИ.

(Рисунокъ и объясненіе къ нему).

Въ богатомъ собраніи рѣдкихъ книгъ и рукописей Н. М. Бѣлозерскаго нашлась давно сообщенная намъ рукописная книга первой половины XVIII ст., изъ которой и заимствовано прилагаемое къ настоящей книжкѣ изображеніе девяти греческихъ музъ въ малорусскомъ такъ сказать перекладѣ.

Чтобы яснѣе представить всѣ особенности этого рисунка и его внутренній смыслъ, изложимъ прежде его историческое происхожденіе.

Въ 1700 г., въ Черниговѣ, архіепископомъ черниговскимъ Іоанномъ Максимовичемъ учреждено было училище подъ названіемъ „Колегіумъ", иначе „Олимпъ", тоже, что впослѣдствіи „Школа славянско-латинскаго языка", а нынѣ черниговская духовная семинарія. Коллегіумъ устроенъ былъ по образцу кіевской академіи, подобно ей открытъ былъ для лицъ всякаго званія, а содержался преимущественно на средства разныхъ ревнителей просвѣщенія. Въ числѣ ихъ былъ родственникъ основателя „Олимпа", Тимофей Максимовичъ, съ 1727—1749 г. занимавшій почетный постъ архимандрита богатаго и древняго черниговскаго елецкаго монастыря [1]). До поступленія на это мѣсто, онъ три года пребывалъ на „Олимпѣ", просвѣщая юношество реторикою, піитикою и прочими науками; но и перейдя съ Олимпа на „Болдины горы", не оставлялъ помогать его питомцамъ и нѣкоторыхъ изъ нихъ содержалъ на свой счетъ. Эти-то, по тогдашнему названію, кліенты его, а можетъ быть и прочіе питомцы „Олимпа", движимые чувствами признательности къ своему патрону и меценату, 1730 г., въ день его именинъ вздумали поднести ему, по обычаю того времени, *панегирикъ*. Панегирикъ этотъ представляетъ собою рукописную книгу изъ 20-ти листовъ писчей бумаги, мелко исписанной отъ начала до конца похвальными рѣчами имениннику отъ преданныхъ емъ „спудеевъ". Всѣхъ рѣчей четыре: двѣ на латинскомъ языкѣ,—одна въ прозѣ, другая въ стихахъ, и двѣ на польскомъ, обѣ въ стихахъ. Каждая рѣчь имѣетъ

[1]) Историко-стат. Опис. черн. еп. архіеп. Филарета, т. III, стр. 24.

длинное, во всю страницу, вычурнаго письма и еще болѣе вычурнаго слога заглавіе или посвященіе. Сущность всѣхъ заглавій можетъ быть передана въ переводѣ слѣдующими главными словами перваго изъ нихъ: „сокровищница неисчислимыхъ добродѣтелей.... архимандрита.... Тимоѳея Максимовича... открытая предъ нимъ... инфимистомъ Андреемъ Максимовичемъ". Авторы другихъ рѣчей своихъ фамилій не выставили. Годъ поднесенія панегирика обозначенъ съ свойственною старинѣ замысловатостію: въ двухъ латинскихъ стихахъ, заканчивающихъ первое посвященіе, тѣ буквы, которыми можно обозначить число 1730, поставлены въ видѣ заглавныхъ и притомъ курсивомъ; только съ приведеніемъ ихъ въ порядокъ по величинѣ означаемыхъ ими чиселъ и сложеніемъ сихъ послѣднихъ получился годъ посвященія. Рисунокъ, въ которомъ составители панегирика полагали, конечно, все достоинство именинnаго подарка, помѣщенъ между рѣчами польскими и снабженъ особыми польскими-же стихами въ полторы страницы, смутно поясняющими искуственную композицію рисунка. Самый рисунокъ занимаетъ полъстраницы; онъ начерченъ съ помощью пера—чернилами и тушью и представляетъ собою Олимпъ съ его божествами, далеко не въ полномъ сборѣ, а только тѣми, которыя имѣли отношеніе къ наукамъ и искуствамъ. У подошвы горы расположены музы—всѣ девять. Одна изъ нихъ, занимающая середину, играетъ на *цымбалахъ* и по роду инструмента находится въ положеніи сидячемъ; стоящія справа двѣ держатъ въ рукахъ военныя казачія трубы и какъ-бы оспариваютъ что-то другъ у друга; стоящія съ лѣвой стороны играютъ—первыя на сопилкѣ, замѣняющей флейту, вторая на скрипкѣ, третья на кобзѣ, четвертая на басѣ и только двѣ при двухъ послѣднихъ, вѣроятно предназначенныя восхвалять одну и ту-же добродѣтель мецената, не имѣютъ особыхъ инструментовъ. По приводимому здѣсь въ подстрочномъ примѣчаніи переводу сопровождающихъ рисунокъ польскихъ стиховъ [1]), досужій и любопытный читатель можетъ опредѣлить не только роли музъ съ ихъ названіями, но и мѣсто каждой, т. е. на какомъ инстру-

[1]) » Кого такъ славано воспѣвгете, музы? Кому до самаго неба гремите: *виватъ?* Тому-ли, что въ блестящей коронѣ вѣнчаетъ главу свою кипарисомъ? Или тому, что на Парнассѣ, въ прекрасномъ Геликонѣ играетъ на цитрѣ? Тому-ли, который нѣкогда съ дочерьми Орфея распивалъ кастальскіе ликеры? Знаю

ментѣ какая муза играетъ и какую добродѣтель патрона восхваляетъ. Кромѣ малорусскихъ инструментовъ, данныхъ въ руки греческимъ богинямъ, и одѣты онѣ несомнѣнно по малорусски, хотя по несовершенству рисунка и поблеклости чернилъ трудно съ точностію опредѣлить родъ и названія одежи, какая дана музамъ. Въ рисункѣ допущены нѣкоторыя отступленія онъ національныхъ костюмовъ того времени, но нѣкоторымъ мелкимъ чертамъ фигуръ и едва примѣтнымъ тѣнямъ волосъ на головахъ нельзя не признать и фигуры и костюмы женскими: верхняя одежда—кунтуши, а широкія на нихъ полосы спереди означаютъ передники, какіе видимъ на рисункахъ женскихъ нарядовъ, приложенныхъ къ Лѣтописи Ригельмана. На двухъ классическихъ холмахъ Олимпа помѣщены два высшія божества: справа, на Парнасѣ, Аѳина, богиня мудрости, слѣва на Геликонѣ Аполлонъ, покровитель просвѣщенія. Одѣяніе Аѳины фантастическое—сорочка, приподнятая выше колѣнъ, и какое-то покрывало, перекинутое чрезъ плечи; богиня играетъ на лютнѣ или лирѣ. Аполлонъ представленъ просто хлопцемъ въ сорочкѣ, съ сильно подкатанными штанами и шапкой, какую видимъ на изображеніи козака на картѣ у Боплана; играетъ онъ на бандурѣ, какъ прямо сказано въ текстѣ одной изъ приложенныхъ рѣчей. Надъ Олимпомъ въ облакахъ самъ Юпитеръ съ приподнятой лѣвой, опущенной правой рукой и распростертымъ свиткомъ отъ головы, а на свиткѣ обращенныя къ играющимъ слѣд. слова: *Ludite virtutem carae et pulchrae soboles*, т. е. восхваляйте добродѣтель (разумѣется Максимовича), дорогое и прекрасное товарищество. Надъ головами музъ справа надпись: *Ludimus mirando virtutem* (восхваляемъ въ изумленіи добродѣтель), а слѣва: *Hic probitatis honos* (здѣсь, т. е. въ славѣ, награда добродѣтели).

Такова композиція рисунка и составъ всего панегирика. Прибавимъ къ этому, что края листовъ украшены тщательно сдѣлан-

---

хорошо, что это тебѣ, честный архимандритъ, приносятъ онѣ дань хвалы—прекрасно играя на лютнѣ Калліопа, воспѣвая твою доброту Тельксіопа, Кліо между тѣмъ славу, — она давно научилась восхвалять истинно добродѣтельныхъ,—Эрато всегда и каждому охотно указываетъ истинную любовь къ ближнему, Мельпомена и Талія щедроты, Полигимнія съ Терпсихиpою цноты (добродѣтели), а прекрасная Уранія, восхваляя тебя, пронизываетъ голосомъ своимъ самый Олимпъ«.

ными перомъ виньетками, а мѣста между рѣчей—цвѣтами; на обложкѣ книги изъ плотной (альбомной) бумаги краснаго цвѣта вытиснуты на лицевой сторонѣ священныя изображенія, въ числѣ 8-ми, а на задней какія-то аллегорическія картины въ числѣ 12-ти. Тѣ и другія очень тонкой работы; но, къ сожалѣнію, рельефъ обложки значительно сгладился отъ времени, а потому невозможно разгадать содержанія и значенія изображеній, кромѣ явственно видимой картины Благовѣщенія.

Панегирики, подобные настоящему, въ печатномъ видѣ встрѣчаются еще въ XVI ст.; ими въ особенности богатъ былъ вѣкъ XVII; въ XVIII вѣкѣ мода на нихъ постепенно исчезаетъ и они замѣняются отдѣльными одами и похвальными рѣчами, изустно произносимыми. Панегирики, посвящавшіеся знатнымъ лицамъ, тѣмъ болѣе великимъ историческимъ дѣятелямъ, напр. Петру Могилѣ, на смерть Сагайдачнаго и пр., имѣютъ значеніе историческихъ памятниковъ: въ нихъ разбросаны біографическія, генеалогическія и вообще историческія свѣдѣнія, встрѣчаются гербы и другія изображенія, да и сами они служатъ отголоскомъ понятій, обычаевъ и вкуса даннаго времени. Но что, спроситъ читатель, можетъ представить и какое историческое значеніе имѣть панегирикъ лицу, ничѣмъ себя не заявившему въ исторіи, какъ въ настоящемъ случаѣ?—Въ сферѣ жизни прежней, какъ и современной, нѣтъ столь малаго лица и факта, которые не служили-бы отображеніемъ даннаго времени. Такъ и въ этомъ случаѣ. Любопытно это изображеніе Олимпа, съ его обитателями, на малорусскій ладъ, это низведеніе божествъ въ среду будничной жизни, въ которомъ черниговскіе спудеи опередили оригинальнаго перелицовщика Энеиды—Котляревскаго,—даже самая мысль ихъ поставить древнихъ боговъ въ положеніе служащихъ ихъ цѣли — прославленію своего патрона и мецената. А путь къ этой мысли для составителей панегирика былъ самый простой и естественный: ихъ коллегіумъ носилъ названіе Олимпа,—какъ представить этотъ Олимпъ, если не въ видѣ древняго? Но съ другой стороны какъ представить его миѳическихъ обитателей, если не въ современныхъ близкихъ образахъ? И вотъ передъ нами богини въ сорочкахъ и жупанахъ „рѣжутъ“ на кобзахъ и цымбалахъ, трубятъ въ козачія трубы, и самъ

Аполлонъ, *закачавши холоши*, отдираетъ на бандурѣ. Музы и музыки—одно созвучіе давало поводъ къ такому сопоставленію и перелицовкѣ греческаго на свое родное. И это былъ единственный моментъ, когда составители панегирика сходили съ высоты одурящей схоластики на свою родную почву, оживали и отдыхали на ней. Все остальное въ панегирикѣ,—длиннѣйшія рѣчи въ прозѣ и стихахъ, на латинскомъ и польскомъ языкахъ, не что иное, какъ непроходимая дебрь и невообразимая гиль, которыя показываютъ, какъ далеко отъ жизни стояло тогдашнее образованіе и какъ мало общаго имѣло оно съ нею. Пройдя лишь такъ сказать по верхамъ эти 20 листовъ убійственной латыни и польщизны, не вынесешь изъ нихъ ни одной живой мысли, никакого представленія о чествуемомъ лицѣ, его качествахъ и дѣлахъ, ни о самихъ панегиристахъ, ни о заведеніи, къ которому пріурочено торжество и ни малѣйшаго указанія на тогдашнюю жизнь и ея обстановку. Рѣчи панегиристовъ держатся на отвлеченной мысли о добродѣтеляхъ и славѣ ихъ патрона, которымъ удивляются якобы всѣ боги, но каковы эти добродѣтели и въ чемъ они проявлялись, объ этомъ ни слова. Мысль и воображеніе поздравителей ни на минуту не выступаютъ изъ заколдованнаго классическаго міра, оттуда черпаютъ свои вдохновенія, самыя представленія, образы, сравненія, постоянно переходя отъ Юпитера къ Посидону, изъ Колхиды на Циприду, отъ Тезея и Менелая къ Ксерксу, Александру Македонскому и т. д Для насъ—людей иного склада мысли не понятно даже, какъ люди, не потерявъ здраваго разсудка, могли отдаваться такой безплодной и бездушной работѣ. И если нѣтъ въ ней ни одного родного, жизненнаго образа, то нѣтъ и ни одного родного слова или звука. Насъ не удивляетъ господство латыни на черниговскомъ „Олимпѣ“,—она царила тогда во всѣхъ школахъ Европы; но насъ поражаетъ господство здѣсь польской рѣчи. Малороссія, потоками крови смывшая слѣды польскаго панованья, находясь около ста лѣтъ подъ русскимъ владычествомъ, не могла сбросить съ себя ярма польской культуры. И это по ту сторону Днѣпра, въ центрѣ Сѣверской земли, въ стѣнахъ новооткрытаго вдали отъ Польши учебнаго заведенія! Шло третье, нарождалось четвертое поколѣніе, а духъ жизни удерживался прежній. Свидѣтелемъ живучести этого

духа тамъ, гдѣ, казалось, онъ давно долженъ былъ испариться, памятникомъ вообще нашего тогдашняго образованія, нашей замершей среди политическихъ невзгодъ жизни и служитъ очерченный нами панегирикъ съ его оригинальнымъ рисункомъ, приближающимъ парящія въ отдаленномъ полумракѣ существа и низводящимъ въ служебную роль то, что царило въ древнемъ классическомъ мірѣ.

LUDIMUS MIRANDO VIRTUTEM
HIC PROBITATIS MONES

пуздерковая круглая, чтобъ такихъ еще три придѣлано. Послано колесо до пана Василя Борозни въ Курпановичи, при писмѣ чрезъ войта хороминского, которому и о оставленномъ конѣ приказъ отданъ. Врученъ листъ Марку для пересылки въ Глуховъ, до брата Андрея Ханенка [66]).

23. Данъ молитвенникъ пану Мануилу Зѣневичу, дозорци роиском у. Розышлось копѣекъ 8. По обѣдѣ зъ Роиска виехали и ездучи чрезъ Плавню, видѣли тамъ камень нашъ оставленный. Ночовали сами въ Курозновѣ, а возки въ Нижніомъ.

24. Прибылисмо рано въ Нижнее, гдѣ снѣдали; и писаны два листи, еденъ до атамана городового погарского о висилцѣ въ Стародубъ Мойсея швеця зъ 10 белками или зъ двома черными козлами; другій до старосты перегонского о присилцѣ въ дворъ стародубовскій овса осмачокъ двохъ, чоботы сафяновыя, которіе шилъ Мойсей швець, юоовую одну шкуру, которая меншая, індиковъ 2 старихъ, гусей 2, курей 6, утокъ 4, каплуновъ тогорочныхъ 6, оцту, варива, которое вкисло, а именно сѣченой капусти и бураковъ по дежцѣ.—Прибылъ въ Стародубъ передъ вечеромъ.

25. Обѣдали у пана Андрея Миклашевского купно зъ капитаномъ Яковомъ Гавриловичемъ Лебедевымъ, зъ Глухова присланнымъ зъ грамотою милостивою о одставцѣ нѣкоторыхъ сборовъ.

26. Таяжъ грамота церемоніално публикована и благодарственный былъ молебень съ пушечною стрелбою, а потомъ гуляли у пана наказного (полковника) до ночи. Сего жъ числа, въ время обѣда, поданъ указъ отъ ясневелможного, чтобъ прислать старшину полковую и сотниковъ въ Глуховъ для вислушанія грамоты, присланной чрезъ новоопредѣленного въ стародубскій полкъ г. Александра Ивановича Дурова. Да сего жъ числа прибыла и панѣя Турковская зъ Мглина въ Стародубъ.

27. Обѣдали и гуляли весь день у пана Федора Ширая [67]) ради приезду панѣи Турковской [68]). Качановскому на чоботы дано 20 копѣекъ.

---

[66]) Андрей Федоровичъ Ханенко.

[67]) Федоръ Степановичъ Ширай, внукъ извѣстнаго войта стародубскаго Спиридона Ширая, основавшаго своею пеньковою торговлею богатство Ширасвъ.

[68]) Жена Михаила Турковскаго, впослѣдствіи генеральнаго писаря.

28. Обѣдали и весь день гуляли у пана наказного.

29. Пошло на желѣзо 20 конѣекъ, ковалю 15 конѣекъ. Примовала паню Турковскую съ прочими у себе пани Скорупина [69]).

30. Писанъ листъ зъ инстанціею за парохіанами пикольскими о состроеніи имъ каплицы, до отца писаря катедры чернѣговской. Публикованы указы о невзиманю впредь полушокъ и малыхъ конѣекъ съ 1728 году дѣланныхъ. Данъ 1 рубль полушками панее— 1 рубль полушками прошалъ. Алексію на рукавици 15 кон.

31. Вручены 67 конѣекъ полушками Павлику для росходу. Виехали зъ Стародуба къ Глухову и на дорозѣ встрѣтились зъ паномъ Маркомъ Андріевичомъ Марковичомъ, подскарбія енералнаго синомъ, которій того дня виездилъ до Стародуба для отправленія веселья зъ дочерью панеи Березовской Марооо. Мы прибыли на ночъ до Кистра; тутъ за направу колеса ковалеви даны 4 конѣйки и ночовали у отца Климентія Боярского, бывшого погарского протопопа, священника свято-троецкого кистерского.

Декабръ.

7. Въ Погарѣ Алексію данъ 1 рубль, да ему-жъ на рукавици 15 кон. и за сто-жъ заплачено 20 кон.; за его жъ переняться заплатилъ Оедору, Козми Іакимовича служѣ, 5 рублей; и заплачено 1731 августа 4 дня, въ Глуховѣ, 6 рублей 35 кон. У Александра Левицкого 4 червонїи куфа горѣлки. На провозъ оной за подводу 3 рубля, на пошлину 1 рубль. Два червоныхъ на позолоту шаблѣ; на желѣзо 2 рубли. Мнѣ онъ же для жены дѣлалъ шапку зъ пудломъ.

Журналъ 1731 году.

Генваръ.

1. Виехалъ рано зъ Перегону, обѣдалъ въ Чаусахъ, ночовалъ въ Мехедовцѣ; одселя въ вечеру писаны писма..... о посилцѣ тушъ свиныхъ къ Николаю Павловичу и до Линского о разныхъ господарскихъ дѣлахъ; розшлось 2 кон.

---

[69]) Жена стародубскаго полковаго писаря Григорія Скорупы—Настасья Степановна, рожденная Ширай.

2. Прибылъ на обѣдъ въ Шатрищи; одтоль пріехалъ позно въ Глуховъ и тутъ сталъ квартерою въ дворѣ его милости пана Андрія Миклашевского.

3. За сѣно 28 коп., за овесъ 16 коп., барабанщикамъ 10 коп. Ясневелможному клапялся зъ хлѣбомъ; по обѣдѣ былъ у доктора Бока и у Александра Левицкого. Цилюрниковѣ 5 коп.

Май.

19. Подана супплика ясневелможному на пана Івана Гамалѣю, що въ Шѣскахъ, о 26 руб., да на Алексія Михайловича, пѣжинского полку, о 20-ти рубляхъ.

Іюнь.

18. Панъ Константинъ Романовскій, въ Яремичѣ меншаючій, обѣщалъ пять осмачокъ жита стародубской мѣры визичити, и далъ.

23. Посланы 5 руб. денегъ Козмѣ Іакимовичу въ Глуховъ, чрезъ сотника новгородского пана Христичевского.

Взялъ коня бѣлого, торгомъ, до пробы, въ 8 рублей, у войта новгородского Доморки.

25. Мойсею Шевцю, комісару погарскому, данъ конь гнѣдій въ семи копахъ.

28. Взялъ у пана господара двору рейментарского присланнаго Денниса Морозенка пару коников гнѣденкихъ ad interim въ 14 руб. и о томъ до пана господара писалемъ. Алексію дано 1 р., да за шапку его-жъ доплачено 15 коп. Цѣвцѣ.

Іюля.

9. Взято въ позику жита 5 осмачокъ у урядниковъ майстратовихъ стародубскихъ и одослано въ Перегонъ 4½ и въ Стародубѣ на росходъ змолото ½ осмачки.

15. Д. Pilatovich [70]) promiscit брусовъ дубовыхъ 60.

23. За полотна 21 локоть взятого будто—по 2 осмачки. Тарасу Довлѣтову, насипку жителя стародубского, дано ad interim 10 к.

---

[70]) Леонъ Пилатовичъ, выходецъ «изъ заграницы», женился на дочери Спиридона Ширая, получилъ отъ Мазепы въ 1708 г. универсалъ на увольненіе его «отъ войсковыхъ походовъ и всякихъ посполитыхъ повинностей и подачекъ». Обозрѣніе Румянцевской Описи, 518.

25. Подрядилъ маляра погарского Оникія змаліовать коляску для дитины, да въ большой избѣ подмаліовать подъ шпалерами, также коло окопъ и дверей и въ противной маліованой издебцѣ попоправлять, где попортилось, и за тее все давать ему 1 рубль денегъ да чвертку жита.

27. Зоставленъ Стефану въ Перегонѣ 1 рубль, для росходу пани.

При писмѣ до сотника шептаковского послано 14 фляшокъ и 5½ шрубки, да золотий грошей, чтобъ приправлено въ машевской гутѣ шрубки.

29. Прибылъ въ Глуховъ и кланялся ясневелможному, где засталъ въ домѣ реймантарскомъ чрезвичайного посланника, до солтана турецкого отправленного, князя Івана Андріевича Щербатова, мѣнѣстерскихъ дѣлъ канцеляріи правителя, полковника Романа Семеновича Тургенева.

30. Пополдни привезъ подъ карауломъ зъ Москви Василія Танского, полковника переяславского, капитанъ лейбъ гвардіи преображенского полку, Петръ Петровичъ Воейковъ, которому и слѣдовать о обидахъ полку переяславского, обще зъ господиномъ полковникомъ Тургеневымъ, поручено и зъ секретаремъ сенатскимъ Іваномъ Івановичемъ Топѣлскимъ [71]).

31. Тотже капитанъ зъ полковникомъ господиномъ Тургеневымъ былъ у ясневелможного и подалъ о Танскомъ грамоту.

Августа.

2. Одправленъ Качановскій въ домъ и чрезъ негожъ послана стадница и писма до домашнихъ писаны.

3. Одправлены писма въ Москву и наши челобитніе по почтѣ чрезъ козака глуховского Ющенка.

Пану господару двору реймантарского заплачены 14 р. въ Глуховѣ за пару коней гнѣденкихъ.

4. Алексію данъ рубль, Федору слузѣ Козми Іакимовича за егожъ Алексія заплатилъ пять рублей въ Глуховѣ.

---

[71]) Василій Михайловичъ Танскій, слѣдствіе надъ которымъ кончилось тѣмъ, что въ 1735 г. онъ былъ «наказанъ публично и сосланъ въ сибирскіе города». Въ 1742 г. Танскій былъ прощенъ и получилъ переяславское полковничество обратно. Марк. I, 436 и II, 179 и 184.

7. Василю Вишнѣцкому старостѣ семіоновскому даны 2 руб.

8. Писалъ въ Москву къ Дмитрію Даниловичу Гурчину, обрѣтающемуся при домѣ ея высочества, государыни цесаревны и в. кн. Екатерины Іоанновны о тожъ съ комплементомъ, и до Петра Василіевича Курбатова въ дѣлѣ моемъ о Перегонѣ, а вручилъ оніе писма пану Петру Искрицкому. [72])

Віехалъ я зъ Глухова.

12. Прибылъ въ Луку.

13. Въ монастырь Мгарскій, въ которомъ confess. communicavi

14. Тутъ намѣстникъ отецъ Іоакимъ Литвишко пріймовалъ мене зъ экономомъ. Datum est aureum meum in monasterio.

Того-жъ 14 числа предъ вечеромъ прибылъ въ Лубнѣ, где послѣ прибылъ и его милость панъ полковникъ лубенскій [73]) и обослалъ мене на квартерѣ хлѣбомъ и проч.

15. Кушалъ у пана полковника, и его милость панъ Петръ Кулябка обослалъ мене хлѣбомъ, виномъ, медомъ и бараномъ. Вечералъ у пана Кулябки [74]).

16. Панъ Федоръ Василенко прислалъ коня сивого по давней своей обѣтницѣ.

17. Подано прошеніе пану полковнику лубенскому о млинѣ лучанскомъ и съ крѣпостей копіи.

18 Одехалъ въ Сорочинцѣ.

20. Захоровалъ. Сотникъ Хорольскій Стефанъ Родзянка прислалъ корову съ телямъ.

22. Віехалъ одтоль и прибылъ въ Миргородъ, где въ домѣ пана Якова Николаевича Дуніна пролежалъ 23 и 24 число и заледво по полднѣ собрался ехать въ Лубнѣ, куда и прибылъ коло заходу слонца, боленъ.

25. Принималъ лекарство проносное.

26. Принималъ лекарство крѣпительное. Сегожъ числа вручилъ его милости пану Стефану Савіцкому, писарю полковому лубенскому, 24 р. денегъ для отсилки къ господину Славую Требинскому, а 20 р. денегже томужъ пану Савіцкому доправить на пану Івану

---

[72]) Племянникъ гетманши Ульяны Апостолъ и зять Григорія Демьяновича Скорупы.

[73]) Петръ Апостолъ.

[74]) Зять гетмана Апостола, женатый на его дочери Аннѣ.

Гамалія, до которого и листъ реймептарскій о томъ одосланъ, поручилемъ, а доправы тіе 26 руб., к томужъ господину Славую одослать, жебы уплачены сполна 50 р. просилемъ, о чемъ подъ симъ числомъ писмо зъ цедулою до пана Славуя написано въ Лубнахъ и отдано для пересылки къ нему...

27. Его милость панъ полковникъ лубенскій прислалъ коня карого подарунку чрезъ свого конюшого, которому данъ 1 р. отузного, а манталѣру золотий 1.

28. Віехалъ зъ Лубенъ.

29. Прибылъ въ Луку.

31. Купилъ у пана Александра Саковича 4 коней гнѣдыхъ за 60 р. и далъ сму рублей 20, а рублей сорокъ надлежитъ одослати до ярмарку борзенского. Онъ же панъ Саковичъ прислалъ и гатласъ алый.

Мѣсяцъ Септеврій.

1. Сторговалъ футоръ на Артополотѣ у Івана, Ігната и Василя и Зѣнця Сподинейковъ козаковъ, жителей брисявскихъ, за 60 руб. и далъ онымъ задатку два червоныхъ золотихъ, а былъ торгъ при Якову Манку, при діаку Данилу, при Александру Крячковому внуку и при другихъ.

2. Прибылъ въ Ромснъ и обѣдалъ у панеи Марковичевой, а почовалъ въ Смѣломъ.

3. На обѣдъ прибылъ въ Семіоновку [75]), где доставлены два коне, гнѣдий и вороний, да вручено писмо Роману Мостовенку, до сотника новомлинского писанное о облигѣ Алексія Михайловского на останніе 20 р. отъ него должніе и оному Роману приказалъ зъ тимъ писмомъ ехать въ Новые Млины и требовать у сотника резолюціи.

4. Прибылъ въ 2 часѣ по полудни въ Мутинъ, на ночъ въ Кролевецъ.

5. Въ 12-мъ пополуденномъ часу превеликій въ Кролевцѣ учинился пожаръ, отъ которого многіе домы въ мѣстѣ и по-за мѣстомъ, также товары купеческіе, конѣ, возы и прочее, да и нѣсколко человѣкъ и одна жонка згорѣли. Ночовалъ у пана Стефана Бутовича.

---

[75]) С. конотопскаго уѣзда, принадлежавшее Гамалѣямъ.

6. Рано віехавши зъ Кролевца, прибылъ въ Глуховъ въ 3-мъ часу пополудни.

8. Грамота прислана къ ясневелможному о виступленіи въ походъ.

9. Iterum febricitabam. 10. Idem pastus.

11. Рано передъ службами имѣлъ входъ свой церемоніалный его преосвященство, отецъ Рафаилъ архіепископъ кіевскій въ Глуховъ. Сегожъ числа коло вечерень віехалъ зъ Глухова.

12. Прибылъ хорій въ Новгородокъ.

13. Въ Перегонъ ночью.

14. Получилъ листъ одъ полковника зъ полѣценемъ команди полковой, на который учинилемъ отвѣтъ. Сего числа взяти у Ноздри, шинкаря чаусовского, девять рублей.

15, 16, 17, 18 и 19 прожилъ въ Перегонѣ, да 19 одтоль віехавши, прибылъ на ночъ въ Левенку.

20. По обѣдѣ зъ Левенки прибылъ въ Стародубъ. Сегожъ числа на ночъ перешолъ въ дворъ, купленный у Самусенка на чернѣговской улицѣ за 280 р.

21. За покупленную въ тотъ дворъ разную посуду дано 1 р.

22. Позичена будка блакитная пану Григорію Скорупѣ, для отвезенія дѣтей его Івана и Павла за границю, въ Полщу, для наукъ [76]).

23. Отправлены въ Глуховъ три писмѣ, одно до пана Скоропадского, другое до пана подскарбія енер. Марковича, третье до Пантелимона Юркевича зъ посилкою рубля для отдачи оного лѣкарю Вѣттиху, чрезъ козака Мих. Гриневича, жителя стародубского. Тогожъ числа посланы писма до его благородія, г. полковника стародубского, Александра Івановича Дурова въ походъ, въ разнихъ дѣлахъ, о чемъ въ канцеляріи полковой имѣются черные отпуски, чрезъ козака Александра Лущика, жителя лищицкого.

24. Оние писма отправлены къ полковнику. Сего числа едучимъ зъ двора панеи тещи ночю былъ случай жестокій, что носили конѣ и на силу отъ бѣды чрезъ мілосердіе Божіе спаслися.

25. За два кожухи 2 р., за сафянъ 1 р. 10 к., шевцю ad rationem 20 к.

---

[76]) См. примѣч. 69.

26. Алексію за черевики 15 к. Данъ Алексію кожухъ въ 1 р., за овчину емужъ 25, за рукавици 20, за 3 бруся, доски и прочч. 54 к. далъ Янченокъ.

27. За семнадцать тертицъ 63 к., еще за нѣкоторую дворовую посуду 23 к.

30. Посланъ чайникъ мѣдный въ 5 фунтовъ, которій дѣланъ Карпомъ Котляромъ, въ Глуховъ до доктора Бока, чрезъ капрала Дмитрія Минина, сина Чиркова, осмой роти капитана Неплюева полку гварнѣзонного глуховского. Сегожъ числа прислано отъ городничого лицицкого Патермуфія стекло, шибы, глеки и проч. и двѣ гуски. Рано посѣщалъ мене графъ Гаврило Владиславичъ. [77]). За бочку соли Федору Янченку 3 р. 25 к., за шовкъ 10 к.

Октоврій.

1. Подрядили видрать дранѣ конъ 50, коню полуторпой по гривнѣ, двосаженной по 15 к.; а подрядившихся человѣкъ зъ Лицичъ — одинъ Василь, прозиваемый Рощина, другій Федоръ Пшедченокъ, которимъ дано житной муки полусмакъ, безмѣнъ сала, безмѣнъ соли, крупъ ячныхъ два безмѣна, риби вялой чотири лящи, и что они видеруть, должны о томъ давать знать, жебы тое спискивать за погоды.

2. Пришло извѣстіе, что полковникъ имѣетъ быть 5 числа сего октября въ Стародубъ.

3. Отецъ городничій лицицкій прислалъ шибъ прозрачистыхъ шестдесятъ. Получено извѣстіе, что полковникъ зъ полкомъ почуютъ коло Мишковки [78]).

4. Прибылъ господинъ полковникъ зъ полкомъ и зъ 4-мя сотнями въ Стародубъ зъ походу, въ 10-мъ часу предъ полуднемъ, на которого пріездъ зъ 5-ти пушокъ и козаки тихъ сотень бѣглымъ огнемъ палили.

---

[77]) Рагузинскій — племянникъ извѣстнаго серба Саввы Владиславича Рагузинскаго, вызваннаго Петромъ В. въ 1703 г., какъ человѣка хорошо знакомаго съ торговлею, съ цѣлію воспользоваться его знаніями для развитія внѣшней русской торговли. Савва Рагузинскій получилъ въ 1710 г., въ Малороссіи, богатыя имѣнія, которыя умирая оставилъ племяннику Гаврилу. Послѣдній былъ женатъ на дочери генер. бунчучн. Ивана Бороздны Аннѣ, и умирая оставилъ 1066 крест. дворовъ.

[78]) Село стародубскаго уѣзда.

5. Ісакъ Пузиръ оженилъся на Сависѣ, да у Тищенка на веселѣ, которій женилъ сина на дочерѣ Соболевского, сотника погарского былисмо. За бервеня до двора 36 к.

7. Прибылъ панъ обозный въ Стародубъ. Сынъ пана Григорія Скорупи Петръ, лѣтъ 15 отъ роду, умеръ. Прибыли служители отъ пана Саковича за денгами. Господинъ полковникъ хлѣбомъ и солю обослалъ на новоселя.

8. За драпь, лотоки и проч. 50 коп.

9. Прислалъ мнѣ господинъ полковникъ зъ копей злодѣйскихъ клячонку ріжую и коніонка вороного. Сего числа взяти у Радіопа Янченка 40 р. денегъ въ отдачу пану Саковичу за конѣ, которіе деньги, также дзигарокъ и атласъ, сегожъ числа отправлены чрезъ людей пана Саковича, нарочно за тимъ присланнихъ.

10. Посланъ Іванъ Кошка въ Перегонъ и чрезъ него посланы помянутіе конѣ.

11. Извѣстили подрядчики на драпь, что видрали 20 копъ, а 30 копъ еще имѣютъ драть, коцу по 15 к., которымъ дано въ задатокъ 1 р. 50 к. да хлѣба чвертку, соли безмѣнъ, сала безмѣнъ, два безмѣна крупъ.

12. Присланы зъ Перегону 15 р., взятіе у Ноздри, шинкаря чаусовского.

14. Расплатился за всѣ преждніе покупки зъ Федоромъ Янченкомъ, которому даны 5 р. 98 к. Маляру умовленному маліовать издебку зъ комнаткою, Сопроненку, перве дано 65 к., а сего числа 40 к., и того 1 р. 5 к., а еще сму доводится отъ издебки 1 р., кромѣ великой хати. На желѣзо и проч. 25 к. Зоставлены у Івана Кошки на расходъ дворовый 2 р.

15. Шклярамъ даны за роботу 8-ми оконъ золот. 4.

16. Степану Римару за роботу коло старой кулбаки, и до новой за послиска и что направовалъ де що золот. 1, а шаговъ 5. Семену слюсару въ отроботокъ напередъ дано золот. 1. Золотарю Антону Ярцевскому при росплатцѣ за 12 гузіковъ срѣбныхъ додано репти золот. 1.

17. Теслямъ перегонскимъ, Палашу зъ товарищемъ, даны на дорогу 10 к. Сегожъ числа віехалъ зъ Стародуба до Глухова и ночовалъ въ Мишковцѣ, откуду послано писмо и яблоки чрезъ Косовича.

18. Обѣдалъ въ Бучкахъ [79]), а на ночь прибылъ въ Новгородокъ.

19. Обѣдалъ въ Новгородку; прибылъ на ночъ въ Собичъ и почовалъ у Вѣлчика; на перевозѣ даны 3 к.

20. Передъ обѣдомъ въ Глуховъ прибылъ, а обѣдалъ у ясневелможного. Челяди даны на харчъ 3 к.

21. За колпакъ спалный 55 к. Посланы писма чрезъ козака новгородского до полковника, до пана тестя, до жени и до Иванця и до хоружого Данченка. На харчъ людямъ 5 к.

22. За канчукъ 8 к., за двое носковъ 8 к., за возъ дровъ 7 к., за овесъ 10 к., на харчъ 6 к., Алексѣю на рукавицѣ 20 к., вентрамъ 50 к. Dux aegrotare caepit de nocte.

23. На харчъ людямъ 4 к. Купили у пана обознаго сперального [8]), ради тезоименитства его. На свѣчки 1 к.

24. Одправлены писма вчора писанные до полковника, до пана тестя, до пана Стефана Миклашевского и до сотника новгородского зъ урядомъ, о козаку середнобудлянскомъ Федору Соколину.

24. Посланы писма въ Москву sub data 22 praesentis, писанные до Петра Василіевича Курбатова, до Василія Маркеловича Леонтева, до Урила, до п. п. Холодовича и Данченка, такожъ до полковницы нашей стародубовской, на почтѣ чрезъ куріера отъ капитана преображенского полку Петра Петровича Восйкова одправленного. Сегожъ числа прийила вѣдомость въ Глуховъ о преставленіи государини царевни Парасковіи Ивановни, сего октоврія 9 дня. Розышлось на харчъ 20 к. Подъ симъ числомъ писано писмо до полковника о той печалной вѣсти.

25. Подала панѣ Ломиковская [81]) челобитную на пана тестя въ судъ енеральный. На харчъ, дрова и овесъ пошло 24; за шкурку жовтую на митюкъ 30; за стожечокъ шесть локоть 22.

Маленкая дочь Анастасія панѣ Скоропадской [82]) умерла на оспу и похована въ церквѣ святого Николая.

[79]) Село новгородсѣверскаго уѣзда.

[80]) Яковъ Ефимовичъ Лизогубъ, генер. бунчужный 1717—29, генер. обозный 1729—49. Въ 1749 г. онъ умеръ въ Петербургѣ и похороненъ въ Невской Лаврѣ. См. о немъ Кіевск. Стар. 1882, I, 115—119.

[81]) Должно быть дочь Апостола Татьяна, бывшая замужемъ за старшимъ сыномъ генер. обозн. Ломиковскаго, Иваномъ.

[82]) Жены Мих. Вас. Скоропадскаго. См. прилѣч. 40.

26. За двѣ желѣзные жаровнѣ данъ 1 р. 10 к., на харчъ пошло и проч. 28 к.

27. Писаны писма въ Москву до госпожи Толстой [83]), до пана Холодовича, до пана Борковского и до пана Данченка, чрезъ пана Андрея Горленка. Сегожъ числа подписана грамота въ коллегію иностранную, подъ датою нынешнего мѣсяца 29 числа, о удостоеніи, а удостоеніе вчора закрѣплено [84]). Розишлось на розницю 18. Взяты у доктора лекарства для себе и для хлопця, а ему надобно будетъ зъ Стародуба прислать оробковъ [85]).

28. Рано віехалъ зъ Глухова и прибылъ на обѣдъ въ Локотки, одтоль писалъ до пана Юркевича и до пана Стефана Косача. На мясо и на перевозъ дано 8 к. На ночъ прибылъ въ Новгородокъ.

29. Въ Новгородку за 4 лиця даны 30 к., на діоготь 5 к. Обѣдалъ въ Смячи у сотника шептаковского, прибылъ на ночъ въ Андрійковичи [86]).

30. Прибылъ въ Стародубъ о 12-й годинѣ полуденной.

31. Въ домѣ пана Андрея Миклашевского было весели, одправованное дочерѣ его панинѣ Еленѣ, за полковниченка кіевского пана Михаила Танского видаванной [87]).

Ноеврій.

1. Тоежъ веселле продолжалося.

2. Гуляли всѣ на веселіи званіи персоны, зъ перезвою ходячи, и въ домѣ пана Миклашевского.

3. Розехались зъ веселя пріежжіе гостѣ и молодіе до Козелца отехали. Сего числа бывшимъ на квартерѣ моей музікамъ кіевскимъ даны 20 к., трубачамъ кіевскимъ же 40 к., капеллѣ пана Корсака червоній золотій [88]).

---

[83]) Ульяна Ивановна, дочь гетмана Скоропадскаго.

[84]) Разумѣется „удостоеніе" маетностями, селами Чубаровымъ и Куровымъ.

[85]) Рябчиковъ.

[86]) Село стародубскаго уѣзда.

[87]) Михаилъ Антоновичъ Танскій, послѣ смерти своего отца былъ поставленъ на его мѣсто—кіевскимъ полковникомъ.

[88]) Говорится о Максимѣ Михайловичѣ Корсакѣ, одномъ изъ первыхъ стародубскихъ богачей. Отецъ его, смоленскій шляхтичъ Михаилъ Богдановичъ Корсакъ, женившись на дочери гетманича Семіона Самойловича, успѣлъ при Петрѣ В. полу-

4 и 5. Розшлось на розницю 40 к. Малярамъ ad interim 10 к.

6. За футерце [89]) бѣлее дано 80 к., за кожухъ бѣлій для немого 1 р., за мамсу Стефану 1 р. 10 к. Малярамъ за образъ 50 к. На розницю пошло 7 к.

7. Писаны писма: одно до сотника новгородского о присылцѣ пивачки Макрины, другое до Івана Степанова, старости Серединой Буды [90]), о покупкѣ сто четвертей жита. Пивовару за зварене пива и за хмѣль даны 30 к. На розницю розышлось 11 к. Бондару 9 к.

8. Получена вѣдомость въ Стародубѣ о преставленіи въ Глуховѣ, зъ 1-го противъ 2-го числа сего ноеврія, ея м. панеи Михайловой Скоропадской Параскевіи Апостоловни гетмановны [91]). Заказано Могилевцю шевцю сдѣлать для панеи туфлѣ и для Василя молодика чоботи нѣмецкіе, которому шевцю дано ad interim 40 к.

9. Господинъ полковникъ принималъ насъ полчанъ у себе кушанемъ за воспоминаніе рочинъ [92]) сго полковничества. Панъ Іскрицкій [93]) прибылъ въ Стародубъ. Розышлось 4 к.

10. Заплачено Мочоповнѣ за давній долгъ 2 р. 85 к., а осталось еще на насъ 2 р. Дано за овчину для Василя 22 к. За поиск чить царскую грамоту на всѣ тестевскія имѣнія, въ ушербъ другому сонаслѣдинку Григорію Гамалѣю (см. Русск. Арх. 1875 г., 445). Имѣнія Макс. Корсака перешли сначала къ двумъ его сыновьямъ Василію и Михаилу, которые стали уже писаться Римскими-Корсаковыми, а по смерти ихъ за бездѣтствомъ,—къ ихъ сестрамъ Дарьѣ и Евдокіи, которыя имѣнія эти, какъ обремененныя долгами, продали въ 1793 г., родственнику своему генералу Ивану Ник. Римскому-Корсакову, за 200,000 р. Затѣмъ корсаковскія имѣнія перешли къ Ладомірскимъ.

[89]) Бѣличій мѣхъ.

[90]) Мѣст. новгородсѣверскаго уѣзда.

[91]) Дочь гетмана Апостола, бывшая замужемъ первымъ брокомъ за Мих. Вас. Дунинымъ-Борковскимъ. Ея портретъ хранится у П. И. Скоропадскаго.

[92]) Годовщины. Полковникомъ былъ въ это время Александръ Ивановичъ Дуровъ. См. примѣч. 25.

[93]) Петръ Григорьевичъ Искрицкій родной племянникъ гетманши Ульяны Васильевны Апостолъ. Отецъ Петра Искрицкаго, будучи сотникомъ Сумскаго полка, убитъ въ походѣ противъ Булавина. По смерти отца, Петръ Искрицкій переѣхалъ къ теткѣ, которая въ 1731 г. женила его на дочери стародубскаго богача Григорія Скорупы—Еленѣ, а затѣмъ съ помощью мужа, надѣлила и имѣніями въ настоящемъ Суражскомъ уѣздѣ. Въ 1732 г. Апостолъ отдалъ ему свои земли въ с. Дроковѣ (Ст.) и слободу Далисичи, около которыхъ самъ Искрицкій поселилъ нѣсколько новыхъ слободъ: Нов. Дроковъ, Слище, Росль, Искрицу и друг. Умирая въ 1771 г., онъ оставилъ своимъ наслѣдникамъ около 2,500 крест. об. пола.

Івану 60 к. Розышлось на розницю 9 к. Писано къ атаману новгородскому о присылцѣ Макрины и отсылцѣ листа до сотника новомлинского пана Івана Шишкевича, до которого писалемъ о долгу на Михайловскомъ Алексію имѣючомся. Подъ симъ же числомъ писалъ до его м. пана Скоропадского consolatorias. До варистой печи желѣза 16 к.

11. Чиненъ порахунокъ зъ мѣщаниномъ старод. Шагою о заборѣ разныхъ у него крамныхъ вещей, за которіе довелось ему 3 р. 97 к. Заплочено теды сего числа 1 р. 97 к., а остались винноватн 2 р. За Савку Кожомяку перенялься заплатить рѣзникъ стародубовскій Михайло Федоровъ 3 р. 10 к., а брать у него имѣемъ лосемъ и мясомъ отъ сего числа; бондару за набите кухви на медъ 8 к. Розышлось на розницю 8 к. Посланы писма до пана Скоропадского и пана Юркевича зъ посилкою листа Лисаневичового до сотника лохвицкого.

12. Еще дано въ заплату 1 р. тимъ лицицкимъ людямъ, которін драпь драли, а доводится имъ решти 2 р. Снѣцару [94]) за рямки 10 к., за зроблене свѣчъ восковихъ 29-ти дано 12 к. За двѣ тертицн 7 к. Розышлось на розницю 11 к. За сѣчку 7 к.

13. Дано кравцамъ 10 к. Господинъ полковникъ прислалъ два зайцн своего полову, а панъ Іванъ Миклашевскій одного зайця жъ. Малярамъ еще дано 50 к., на мясо 7 к., за замочокъ 4 к.

14. Шевцю, що нѣмецкіе чоботи пивъ и пошилъ Василю, дано еще 18 к., за мясо и проч. 9 к.

15. Томужъ шевцю дано 13 к., маляру 50 к.

16. Алексію кухару дано 20 к., снѣцару за дви стойки 12 к. У Савки Кожемяки взята шкура яловичая въ 8-ми гривнахъ.

17. Взялъ чернецъ до направы стѣнный дзегарь [95]), которому даны денгами 50 к., въ задатокъ; емужъ знову на свѣчки 10 к.

18 На розницю розышлось 15 к.

19. Даны въ дѣло ножи и вѣделки Кліованого сину и опому на желѣзо дано 6 к., на уголье 3 к., на сталь 10 к., золотарю 4 к., за тертицѣ 20 к.

22. Алексію даны на заплату шевцю за чоботы 20 к. Кравцю,

---

[94]) Столяръ.

[95]) Часы.

що ковдры [96]) перешивалъ, 12 к., на питки 4 к., за вибойку до ковдеръ 88 к., за крашенину до ковдеръ же 24 к. За перебите баволны [97]) 3 к. Полковникъ позавчора обослалъ рыбою.

23. Далъ Алексію 1 р. 50 к., а прежде забралъ онъ же на слѣдующій службы его рокъ 50 к., и того стало 2 р. сполна, а рокъ началъся отъ 8. Чубѣ даны 5 к. за чинбу лисиць. На молебствіе у Вознесенія 40 к., на молоко для дѣтей 3 к. Сего числа въ 3-мъ часу пополудни даровалъ мнѣ Богъ сина, которому дано имя Петръ по числу сего мѣсяца 25-му. Священнику за молитву 30 к., паламару 3 к.

24. За зроблене пѣрниковъ [98]) 90 к. Писаны писма зъ посылкою родинного хлѣба [99]).

25. Получилъ листъ отъ енерала де-Вейзбаха.

26. Vacant.

27. За сѣмъ щукъ рибы 55 к.

28. Отправлено крещеніе сину нашему Петру, которому воспріемникомъ былъ господинъ полковникъ стародуб. Александръ Ивановичъ Дуровъ и ея м. панѣя Андріева Миклашевская [100]).

29. Трактованы были повчора гостѣ, для которыхъ вчора и сегодня пошло вина: у пана Івана Данченка взятого 11 гарцевъ за 6 р. 60 к.

30. Карпу кухару [101]) за трудъ его данъ сафянъ.

Декаврій.

1. Писано писмо до его сіятелства, господина енерала кавалера, графа фонъ Вейзбаха о парусной пробѣ.

2. Отправлено оное писмо въ Полтаву чрезъ козака сотнѣ полковой.

---

[96]) Одѣяла.

[97]) Шерсть.

[98]) Одинъ изъ видовъ сладкихъ закусокъ.

[99]) При рожденіи ребенка въ семействѣ родители его, извѣщая объ этомъ своихъ близкихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ посылали и хлѣбъ, называвшійся «родинным».

[100]) Андрей Миклашевскій, старшій сынъ стародубскаго полковника, первымъ браком былъ женатъ на княжнѣ Маринѣ Юрьевнѣ Четвертинской, а вторымъ—на вдовѣ Андрея Жураковскаго. Здѣсь говорится, кажется, о Четвертинской.

[101]) Повару.

3. Свѣцару дано задатку на шафу 20 к., черпецу перехожому 20 к., на розницю пошло 8 к. Писано писмо до полковника чернѣговского за паномъ Булавкою; да писанъ же отвѣтъ до пана сотника варвинского сторони конец, къ нему посилатись имѣючихъ.

4 Сего числа умовили мамку до Петруся на рокъ, а давать ей грошми пять копъ, запаску штаметовую, три чвертки житной муки, а чвертка крупъ. Сего жъ числа пріездили ко мнѣ въ домъ панъ Дублянскій [102]) и Романовичъ, принеся вину свою въ томъ всемъ, чимъ мене поносилъ предлюдне.

5. Пришолъ указъ отъ ясневелможного о приготовленюся въ походъ. За імбиру фунтъ дано 12 к., на розницю розышлось 8 к.

6. Розышлось на розницю 16 к. Зъ Стародуба віехалъ и ночовалъ въ Борщевѣ.

7. Прибылъ въ Погаръ и сталъ квартерою у Круковского.

8. На покупку кореній пошло 2 р. 27 к., за полотно 95 к., дѣвцѣ 90 к., за стіожки два локтѣ зъ чверткою 1 р. 10 к., за скороду и бублики 28 к. Взято у Пуховича въ Погарѣ 14 локоть гарнѣтури попелястой, по 6-ти гривенъ 5 к. за локоть, и того чинить 9 р. 10 к. на долгъ, за флишу вина 50 к. Заплаченъ сей долгъ и еще лишку всего 13 р., 1734 г. іюня 28.

9. Былъ въ Перегонѣ у мене панъ тесть и отехалъ тогожъ дня ввечерѣ.

10. Дніовалъ тамъ же въ Перегонѣ.

11. Прибылъ въ Стародубъ.

12. Былъ у мене въ домѣ на купаню панъ Леонтій Галецкій зъ женою. Сегожъ числа привезли въ Стародубъ славныхъ двохъ разбойниковъ, родныхъ братовъ Гришу и Тимошку Соколовыхъ, пойманныхъ въ описной слободѣ Зибкой [103]) 8 числа сего мѣсяца.

13 Отданъ камень хоружому пану Данченку млиновый.

14. По прибытіи въ Стародубъ по се число розышлось на розницю 72 к. Взято сукна на колиску для Петруся 3¼ локти за 1 р. 17 к., крашенины 3 аршины зъ четвертю за 16 к.

---

[102]) Павелъ Дублянскій, сначала стародубскій полковой писарь, а потомъ съ 1714 г. сотникъ новоямѣтскій.

[103]) Настоящій уѣздный г. Новозыбковъ. Слобода Зыбкая, изъ которой возникъ теперешній Новозыбковъ, поселена въ 1701 г. по позволенію Миклашевскаго, около с. Людкова, на земляхъ с. Тростани.

15. Прислалъ мнѣ въ подарокъ меделянную суку молодую панъ Ігнатъ Данченко, приведенную зъ Москви. Помирилась наша панѣ матка и другіе претенсори зъ п. и. Миклашевскими въ претенсіи о рубановскомъ добрѣ [104]) и въ проч. Писанъ листъ до отца намѣстника Чолнского въ отвѣтъ противъ его писма, такожъ до пана Леонтія Галецкого, что перенялъ ся я за него платить Дробязцѣ 17 осмачокъ жита старод. мѣри, да и до пана Кондзеровского [105]) писалемъ отвѣтъ, что денги ему должніе на Пузиру доправлены.

16. Взялъ у мене въ долгъ швець 50 к., а емужъ даны за роботу 15 к., еще томужъ шевцю дано 5 к. въ долгъ.

17. Въ сей день тезоименитства ясневелможного правили за его здорове молебствіе. Розышлось на разную до двора покупку 40 к.

18. За сѣчку сими часы заплатилъ 21 к.

19. Взялъ у пана тестя 1 р. мелкими денгами.

20. Положилъ у Федора Янченка 2 червонныхъ, а взялъ 4 р. дробною монетою. Куплено до двора то дерево, то другое де що, за 47 к. Заплатилъ останніе два рубли тимъ лицицкимъ мужикамъ, которіе подрядились драпь випускати, а осталось на насъ чвертка хлѣба, а на нихъ коло десятка копъ дранѣ. Привезено зъ степу возовъ 14 сѣна. Гармашу дано 6 к. Взято у Пузиря 10 попопокъ, по золотому, да 40 фунтовъ желѣза, пара фунтовъ по 3 к.

21. Взялъ Янченко 74½ фунта и полчвертки сахару канарского, фунтъ по золотому, до порахунку [106]).

22. За пошите рисіого куптуша Чубѣ 30 к., на нитки, крохмаль, гвоздя и проч. 9 к. За сито густее 26 к. Кравцямъ 18 к.

23. За вичинку медведя и пошите медвежого одѣяла 21 к. За кецу для Васенка 30 к. За направу чугунного казана 30 к.; на розницю въ расходъ дворовій 12 к. Сего числа получилъ писма зъ Кіева отъ Козмы Іакимовича, отъ Рогуцкого зъ солянками, зъ Козелца

---

[104]) Рѣчь идетъ о глуховскихъ имѣніяхъ, оставшихся послѣ глух. сотника Данила Рубана, на дочери котораго отецъ Настасьи Корецкой женатъ былъ первымъ бракомъ.

[105]) Андрей Кондзеровскій при гетманѣ Скоропадскомъ былъ его «господаремъ», т. е. домоправителемъ. Онъ былъ женатъ на родной сестрѣ гетманши Скоропадской.

[106]) Разсчетъ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

примѣчательныхъ личныхъ и географическихъ именъ, встрѣчающихся въ VII томѣ «Кіевской Старины» [1]).

А.

Ларонъ, господарь Молдавскій конца XVI в., 530—531, 537.
Адабашъ, первый начальникъ казач. Новосерб. полка, 116.
Адамовичъ, Симеонъ, протопопъ нѣжинскій (XVII ст.), 388—399.
Аджамка, с. ал-дров. у., 676—678.
Аксаковъ, С. Т., изв. рус. пис., 391.
Александровичъ, Митрофанъ, малорус. пис., 671.
Александровъ, С., малорус. писатель, 668.
Александръ I Павловичъ, имп.; отношенія его къ Черномор. козакамъ, 231—232; пребываніе его въ Кіевѣ въ 1816—1817 г.г., 690—691.
Алексѣй Александровичъ, в. князь, 345.
Алексѣй Алексѣевичъ, царевичъ (сынъ царя Алексѣя Мих.), 376.
Алексѣй I Михайловичъ, царь, 18, 314, 353.
Алешки, нынѣ у. г. Таврич. губ., прежде урочище и мѣсто 9-ой по времени Сѣчи, 590, 601—602.
Альваръ, уч., авт. латинской грам., 4.
Амвросій. архіеп., авт. „Россійской іерархіи“, 386.
Амвросій, Келембетъ, префектъ Кіев. д. акад., впослѣд. архіеп. тобольскій, 300.
Ангелевскій хуторъ, имѣніе Марковичей, 64.
Андрушкинъ островъ на Днѣпрѣ, 598.
Анна Іоанновна, имп-ца, 144, 212, 601.
Антоновичъ, Влад. Бон, изв. ученый, проф. у-та св. Влад., авт. ст. „Зміевы валы въ пред. Кіев. земли“, 355—370; упом., 425.
Апостолъ, Данилъ, гетманъ, 56—57, 60, 61, 63, 74, 75, 81, 82, 211—212, 216.
Апостолъ, Петръ Дан., 211.
Апраксинъ, Ѳ. М, 60.
Артополотскій хуторъ, имѣніе Марковичей, 55, 64.
Аѳанасьевъ-Чужбинскій, изв. пис., 668—669.

В.

Багалѣй, Дм. Ив., доц. харьк. у-та; его рецензіи книгъ Гурова и Бродскаго, Чижевскаго и Харьков. Календаря, 305—321; упом. 695—697.
Базавлукъ, р., 590, 595, 598, 603.
Базили, изв. скрипачъ; воспоминанія о немъ П. Д. Селецкаго, 622—623.
Балабанъ, Діонисій, митр. Кіев., 331, 576.
Барановичъ, Лазарь, архіеп. черниг., изв. ученый XVII ст., 1, 3, 5, 8, 10, 17—20, 186—187, 191, 196, 201, 204, 376, 384—389, 565—571, 576—578, 580, 582, 584, 587—588.

[1]) Цифры означаютъ стр. тома.

Барановскій, Ник. Яков.; см. его „Школьныя воспом. о Кіевѣ, 498—505.
Барвинскій, Влад., галицкій публицистъ († 1883 г.), 489—491.
Бароній, зап. ученый, XVII ст., 12—13.
Барскій (Григоровичъ), Василій, изв. путеш. по св. мѣстамъ, 577, 585, 688.
Барскій (Григоровичъ), Иванъ, братъ Василія, кіев. архитекторъ, 688—690.
Баторій, Сигизмундъ, князь Седмиградскій, 538.
Баша, Ѳедоръ, лирникъ, 24.
Беервицъ, (въ текстѣ опечатка; напечатано: Бефвицъ), баронъ, гер.-поручикъ временъ Екат. II, 122.
Безсоновъ, изв. собиратель рус. нар. пѣс., 45, 47.
Белецкій-Носенко, малорус. пис. XIX в., 666, 670.
Бериславль, г. Херсон. губ., 602,
Бецъ, проф. у-та св. Влад., 41.
Бешко, кобзарь, стр. 42—44.
Бибиковъ, Д. Г., кіев. ген.-губ., 285, 287, 294, 505.
Бирковскій, польск. пропов. половины XVII ст., 184, 195.
Благодатное, хуторъ купян. у.; вертепъ въ немъ, 512—515.
Блакитный, полков. Кодацкій, (1770 г.), 159.
Блудова, граф. Антон. Дмитр., 167—168.
Боговитинъ, Вацлавъ, хорунжій волынскій, 440.
Богородскій, С. О., проф. у-та св. Влад., 286, 292, 503—504.
Богуславъ, м. Кіев. губ., 356.
Богушъ, Якимъ, атаманъ запорожскій, 599—600.
Бодянскій, О. М. изв. славистъ, проф. моск. у-та, 206, 352, 669.
Бойма, Павелъ, іезуитъ XVII ст. 384, 565—567, 570.
Болдинскія подъ Черниговомъ горы, 386.
Бона, гора у Кременца; посѣщеніе ея Н. И. Костомаровымъ въ 1845 г., 325—326.
Боровиковскій, В. Л., изв. художникъ начала XIX ст., 701—708.
Боровиковскій, Л., малорус. пис. XIX в., 668—669, 702.
Боровицкій, Жданъ, староста острожскій, 541.
Борозна, Иванъ, ген. хорунжій (1729 г.), 212.
Боромля, с. ахтыр. у., 493—498.
Боярка, с. кіев. губ., 357.
Брадке-фонъ, Е. Ф., попеч. кіев. уч. округа, 283, 285, 288, 460.
Бразоль, Григ. Евг., сообщ. записки И. Д. Селецкаго, 294—296, 443—465.
Браницкій, графъ; письмо его къ кіев. губ. П. П. Панкратьеву, 179—180.
Братиця, кобзарь; его думы и пѣсни, 41—50.
Бродскій, прис. пов.; разборъ его книги о старозаим. землевлад. въ харьков. губ., 305—316.
Брожка (Броціусъ), проф. математ. крак. у-та въ XVII ст., 4.
Бронскій, Христофоръ, изв. уч. XVI ст., авт. «Апокрисиса», 8, 565.
Брунонъ, архіеп. мерзебург.; письмо его къ имп. Генриху II. (1008 г.), 367—369.
Брыково, с. волын. губ., 167—168.
Брюховецкій, гетманъ, 19, 61, 376.
Брянскъ, г., 205.
Бугай, р., притокъ Днѣпра, 595.
Бурлѣй, полков. сердюцкій, 74.
Бутаковъ, ген., 392.
Буцинскій, доц. харьков. у-та, авт. соч. «Богданъ Хмельн.», 595—596.
Буцка, см. Томаковка.
Буцкій (около Полтавы) бродъ, 73—75.
Бышевъ, м. кіев. губ., 357, 368.
Б.-Церковь, м. кіев. губ., 356.
Бѣлгородъ, г., 357.
Бѣлый, Сидоръ, атаманъ кошевой черноморскаго войска, 224—232.
Бѣльскій, польск. истор. нач. XVII ст., 426, 432, 437—438, 562—564.

В.

Вакуленко, лирникъ изъ Прилукъ; его думы и пѣсни, 30—34.
Валки, с. кіев. губ., 357.
Валькевичъ, Петръ, ген. асаулъ, 214.

Васильковъ, г., 357, 366, 368.
Величко, Самуилъ, лѣтописецъ, 380.
Вельяминовъ, Степ. Лукичъ, президентъ малорос. коллегіи, 61, 68—69, 72—78.
Венсовскій, малорус. пис., 671.
Вересай, Остапъ, кобзарь, 25.
Верлооко, с. кіев. губ., 357.
Веселовскій, А. Н., акад., ученый, 351.
Вишенскій, южнорус. Іоаннъ, ученый XVII ст., 1, 183.
Вишневецкій, князь Ал-дръ, староста черкасскій, 439—440.
— князь Дм. Ив.; основаніе имъ Хортицкой сѣчи, 592.
Владиміръ св., в. князь кіевскій, 368.
Владиміръ Мономахъ, вел. кн. кіев., 365—369.
Владиміръ Мстиславичъ, кн., внукъ Мономаха, 367.
Влодекъ, Ел. Мих., жена графа Вас. Петр. Завадовскаго, 255—256.
Внучки, с. черниг. губ., 218.
Волынскій, А. П., кабинетъ-министръ Анны Іоанновны, 60.
Воронцовъ, князь Мих. Сем., новорос. ген.-губ., 448, 453, 461—462, 502.
Воронцовъ, кн. Сем. Мих., 448.
Воропановъ, подполк., 133.
Вукаловичъ, М. Д., мать П. Д. Селецкаго, 250—256, 260, 274, 275.
Выдыборъ, с. волын. губ., 357.
Вышгородъ, с., 357, 367.
Вяземскій, Ал-дръ Алекс., ген.-прокуроръ, 141.

Г.

Галаганъ, Григ. Павл., членъ госуд. совѣта, 261.
— Григорій, полков. прилуцкій, 143—146, 214.
— Игнатій, 209—210.
Галецкіе, дворяне, 64.
Галятовскій, Іоанникій, извѣст. ученый XVII ст.; монографія о немъ Н. Ѳ. Сумцова, 1—20, 183—204, 371—390, 565—588.
Гамалѣевскій (въ Полтавщинѣ) монастырь, 59, 71.
Гедеонъ Святополкъ-Четвертинскій, митроп. кіевскій, 585.
Гейденштейнъ, польск. историкъ нач. XVII ст., 426, 432, 437, 534, 545, 552—553, 561, 564.
Гербель, Н. В., изв. поэтъ и переводчикъ († 1883 г.), 501.
Гервасій, еписк. переяслав. XVIII ст., 675—677.
Гизель, Иннокентій, архим. кіево-печ. лавры, изв. уч. XVII ст., 1, 17, 191, 201, 384—386, 565, 567, 500, 574, 576, 580, 582.
Гильдебрандтъ, П. А., уч., пис., 346.
Глинекъ, ново-серб. колонія, 114.
Глубоярскій хуторъ, имѣніе Марковичей, 64.
Глѣбовъ, малорус. поэтъ, 176, 151.
Глѣбовъ, ген., основатель крѣпости. св. Елисаветы (Елисаветграда), 114.
Гнилая, р., 596, 598—599.
Гнилозубъ, тесть Андр. Ив. Стороженка, 209—210.
Гоголь, Н. В., знам. пис., 665, 669, 671.
Гоголь, В., (отецъ) пис., 667.
Голицынъ, кн. Михалъ, 60, 72—76, 80, 81.
— кн. Петръ, ген., 209.
Головатый, кошевой атаманъ войска черномор., 224, 227, 232.
Головацкій, Я. Ѳ., изв. ученый; разборъ его «Географ. словаря слав. земель», 649—652.
Головкинъ, графъ и канцлеръ, 60—63.
Головчичъ, ректоръ к. д. акад. XVII ст., 466—467.
Голубцовъ, Сергѣй Плат., попечитель кіев. уч. окр., 290.
Голубъ, Константинъ, генер. бунчужный при гетманѣ Самойловичѣ, 52, 54.
Гордонъ, полякъ-эмигрантъ, 286—287.
Гордѣенко, Конст., атаманъ запорож., 599—600.
Горленко, Вас. Петр., авторъ статей: «Кобзари и Лирники», 21—50; «О трудахъ П. П. Чубинскаго», 349—351; «107 лѣтъ южнорус. этнографіи», 505—507; «В. Л. Боровиковскій» 701—708; разборъ книгъ Щоголева и Жуковскаго, 149—155, біографіи Барвинскаго. 489-491, и «Обзора ист. укр. литер.,» Петрова.

Горленко, Дмитрій, полков. прилуцкій, 59, 208.
Городище, с., см. Томаковка.
Грабовскій, авт. соч. «Ukraina dawna i teraźniejsza», 356, 359, 360.
Гребенка, малорус. пис., 669.
Грибоѣдовъ, А. С., изв. рус. пис., 254.
Грушевка, с. херсон. у., 515.
Гугуревичъ, ректоръ к. д. акад. XVII ст., 466—467.
Гулакъ-Артемовскій, малорусскій пис., 666—668.
Гулевичъ, Вас., войскій владимірскій, 440.
Гуликъ, Мокій, асаулъ войсковой, 226.
Гуровъ; разборъ его книги о старозаимоч. землевлад., 305—306.
Гурьевъ, мин. финансовъ при имп. Александрѣ I, 316.
Гусятинъ, г., 526.

Д.

Давыдовъ, кн. С. И., попеч. кіев. уч. округа, 288—289, 502.
Даль, Вл. Ив., писат. ученый, авторъ «Толковаго Словаря», 44, 647.
Даниловичъ, проф. у-та св. Влад., 291.
Дашевъ, м. кіев. губ., 357.
Дворецкій, Вас. Ѳед., полковникъ кіев., 18.
Дворянская (въ Новорос.) колонія; разсказъ объ ея основаніи, 132—133.
Девлетъ-Гирей, ханъ Крымскій, 592.
Демидовъ-Санъ-Донато, князь; разборъ его книги „Еврейскій вопросъ въ Россіи“, 155—158.
Десна, р., 368.
Димитрій св., митроп. Ростовскій, 587.
Дмитренко, малорус. пис. XIX ст., 671.
Довжикъ, с. черниг. у., 218.
Долгорукій, кн. Ив. Мих., пис., 249—250.
Долгоруковъ, кн. Ал-дръ Григ., 60.
Домецкій, Гавріилъ, архим. новгород. Юрьева мон. (1706 г.), 566.
Донецъ, Григорій, полков. харьковскій, (1684 г.), 310—311, 314.
Дорошенко, гетманъ, 174, 331, 580.
Дубъ, Прокопъ, кобзарь, 49.
Думитрашко-Раичъ, малорус. пис. XIX в., 668, 671.

Дѣвица, Великая и Малая, с. прилуцкаго полка, имѣнія Марковичей, 52.

Е.

Евгеній (Болховитиновъ), митр. кіевскій; письма его къ архим. Мелетію Леонтовичу, 297—304; упом. 289.
Евдоконье, с., имѣніе Марковичей, 55, 58, 64.
Евфимій, инокъ, уч. XVII ст., 191.
Езуполь, см. Чешибисы.
Екатерина II, имп-ца, 117—118, 177, 295, 702—704.
Екатеринодаръ, г. Куб. обл.; разсказъ объ его основаніи, 228.
Елена Павловна, в. княгиня, 496.
Елизавета I Петровна, имп-ца; ея отношенія къ запорожцамъ, 604—607; упом., 112—113, 315.
Елизаветы св крѣпость; (Елизаветградъ); Греки въ немъ (1754—1777 г.), 673—684.
Емченко, Кондратъ, лирникъ, 27—29.
Епифаній, еписк. бѣлгород. конца XVII ст., 467.
Есимонтовскій, Мих., товарищъ бунчуковый (1744 г.), 471—476.
Ефименко, Петръ Саввичъ, авт. замѣтокъ: „Попытка околдовать вол. судъ“, 508—509; „Послѣдствія клятвопреступленія“, 510—511, и „Могила гетманцевъ въ г. Лебединѣ“, 693—695; разборъ изд. подъ его редакціей Харьк. календаря, 317—321.

Ж.

Жванецъ, м., 488—489.
Ждановъ, членъ малорос. коллегіи (1723 г.), 71.
Желиборскій, Арсеній, еписк. львовскій, 185—186.
Желѣзо, Іовъ, игум. почаевскій, 331.
Жолкѣвскій, гетманъ, 425, 431—432, 538; борьба его съ Лободой и Наливайкомъ, 544—564.
Жоравка, Иванъ, ген.-асаулъ, 216.
Жоховскій, Кипріанъ, епископъ мстиславскій XVII ст., 572—573, 582.
Жуковскій, В. И.; разборъ его „сценъ изъ малорус. нар. быта“, 154—155.

Жуковъ, с., 528.
Жураковскій, ген. асаулъ, 73—77.

З.

Забѣла, Михаилъ, судья генеральный (1739 г.), 215.
— , малорус. пис. XIX ст., 668.
Завадовскій, графъ Ал-дръ Петр., 252—255.
— , графъ Вас. Петр., 252, 256.
Залескій, Бронславъ Францовичъ, другъ Шевченка, 391—392.
Замойскій, Янъ, гетманъ коронный; 527—529, 537—538, 542—548, 558.
Запорожье, см. Сѣчь.
Заславскій, кн., воевода подлясскій, 561.
Засулье, предмѣстье Роменъ, см. Ромны.
Зборовъ, мѣсто изв. побѣды Хмельницкаго, 206.
Звенигородка, г., 366, 372.
Звѣревъ, Вас. Степ., маіоръ, 176.
Згуровка, с. прилуцкаго у., 209.
Здвижъ, р., притокъ Тетерева, 356, 357, 368.
Зимовскій, дир. немиров. гимназіи, 500.
Золотаревскіе лѣса (херсон. губ.); разбойничество въ нихъ, 133—134.
Зоричъ, Сем. Гавр, ген-маіоръ, любимецъ и-цы Екатерины II, 117—118.

И.

Ивановъ, ассессоръ иностр. кол., 61.
Ивахники, с., имѣніе Марковичей, 80.
Иващенко, собират. нар. пѣсенъ, 41—48.
Ивонія, господарь молдавскій конца XVI ст., 429.
Изяславъ Мстиславичъ, в. кн. кіевскій, 366.
Ингулъ, р., 124.
Ингулецъ, р., 124.
Иннокентій, архіеп. херсонскій, 289, 297.
Ирпень, р, притокъ Днѣпра, 356—357, 366.
Исаія, монахъ, уч. XVI ст., 198.
Исаковъ, ген.-маіоръ, одинъ изъ разслѣд. дѣла ген. Хорвата, 115.
Искра, Андрей, полковникъ.
Истомина, изв. танцовщица 20 хъ гг. нын. ст., 254.
Итляръ, ханъ половецкій, 365—366.
Ичня, м. Борзен. у., 206—208, 213.

І.

Іеропесъ, инспек. кіев. I гимназіи (1840 г.), 500—501.
Іоакимъ, патріархъ москов, 191.
Іоаннъ IV Васильевичъ, царь и в. князь московскій, 592.
Іовъ, митр. новгородскій, 566.

К.

Казиміръ-Янъ, кор. польскій, 202, 206.
Калиновскій, Григорій, авт. „Опис. свад. обрядовъ въ Малороссіи“, 505—507.
Калнишевскій, Петръ Иван., послѣдній кошевой запорож., 163—164; 604.
Калнышъ, Григорій, кошевой запорож., 128.
Каменка, р.; при устьѣ ея мѣсто 8-й по времени Сѣчи, 356, 590, 601—602.
Канарскій, польскій эмигрантъ и революціонер, 287—289.
Каневъ, г., мѣсто 2-й по времени Сѣчи, 589.
Каппистъ, графъ, Кіев. губ. предводитель дворянства (1787 г.), 702.
Капыловка, с. екат. у., 590, 601.
Каразинъ, Вас. Зах., одинъ изъ основат. харьк. у-та, 318.
Карлъ XII, кор. шведскій, 53, 175.
Кармелюкъ, изв. разбойникъ; разсказы о немъ, 698—701.
Карповичъ, Леонтій, южно-рус. пропов. XVII ст., 185.
Квитка-Основьяненко, украин. писатель, 667—668.
Келлеръ, графъ, 501.
Кизикерменъ, см. Бериславль.
Кисилевичъ, Лука, прот., авт. статьи „Вымирающіе типы украин. дер., 515—522.
Кистяковскій, А. Ѳ., проф. у-та св. Влад.; некрологъ Н. П. Чубинскаго, 343—349.
Китянъ, ханъ половецкій, 365—366.
Кіевъ; его населеніе въ прошломъ ст. 352—354; Кіевъ 40-хъ гг. наст. ст.

въ воспоминаніяхъ Н. Я. Барановскаго, 498—505; воспоминанія о Кіевѣ П. Д. Селецкаго,
Княжевичъ, попеч. одес. уч. окр., 446, 456—457.
Кодимъ, мѣсто битвы татаръ и козаковъ въ 1693 г., 210.
Коломакъ, р., 74, 75.
Кольбергъ, Оскаръ, польск. этнографъ; разб. его соч. „Покутье“, 482—487.
Кондратьевъ, сумской полковникъ XVIII ст., 310, 311, 314.
Конисскій, Георгій, архіеп. бѣлорус., предполаг. авт. „Исторіи Руссовъ“, 171.
Константинъ Павловичъ, цесаревичъ, 691.
Копыстенскій, Захарія, кіев. ученый XVII ст. 2, 8, 12.
Кореницкій, малорус. пис. 1, 668, 671.
Короваи, с., имѣніе Марковичей, 64.
Корсунъ, малорус. пис. 1, 668—669.
Корсунь, м. кіев. губ., 356.
Косинскій, гетманъ, 426—442, 506, 550.
Космодемьянскій, перев. „Мессіи“ Галятовскаго на рус. языкъ, 377.
Коссовъ, Сильвестръ, митр. кіевскій, 5, 18.
Костомаровъ, Ник. Ив., изв. историкъ; Н. И. какъ учит. исторіи въ кіев. I гимназіи, 502—505; статья его: „изъ прожитыхъ на Волыни дней“, 325—332; упом. 346, 351, 425, 432, 525—526, 533, 580, 593—594, 648, 668—669, 693—695.
Костюринъ, одинъ изъ основ. Новой Сербіи, 114.
Котельня, с. ахтыр. у., 493—498.
Котляревскій, Т. Т., атаманъ кошевой запорож., 230—232.
Котляревскій, изв. малорус. пис., 665—666.
Коцупѣевскій хуторъ, имѣніе Марковичей, 64.
Кочубей, Вас. Леонт. подк., 351, 352.
— , кн. Сергѣй Викт., 351.
Кошеватое, с., 359.
Кошелевъ, членъ малорос. коллегіи, (1723 г.), 71, 77, 80.
Краевскій, А. А., изв. публиц.; письмо къ нему Т. Г. Шевченка, 391.
Красная, р., 356, 358, 365.
Красногригорьевка, см. Чернышевка.
Красный-Кутъ, с. херсон. у., 590, 595, 603.
Крашановскій, М. сообщ. нар. пѣсню объ уніи, 181—182.
Крашевскій, І. И., изв. польск. пис.; разборъ его повѣсти „Четъ или не четъ, 487—489.
Кремянскій, протоіерей, авт. „записокъ о запорож. обычаяхъ“, 601—602.
Кремпскій, козацкій полковникъ конца XVI ст., 554, 562—564.
Кречкевичъ, Иванъ, войсковой писарь, 440.
Кролевецъ, г., нынѣ м. черниг. губ., 54, 64.
Кропивницкій, малорус. актеръ и пис., 671.
Круча, (Великая и Малая) с. пирятин. у., 685.
Крыловъ, сербская колонія въ Новороссіи, 114.
Крымъ-Гирей, ханъ крымскій, 159, 676.
Крюковскій, Иванъ, кобзарь, 6, 34.
Крюковъ, нынѣ пос., сербская колонія въ Новороссіи, 114.
Кубанскіе козаки; исторію ихъ самоуправленія см. въ статьѣ Ѳ. А. Щербины, 223—246.
Кузьменко, малорус. поэтъ, 151.
Кулажинцы, с., имѣніе Марковичей, 58, 64.
Куликъ, малорус. поэтъ, 151.
Кулишъ, П. А., пис., 391, 425, 646, 668, 669.
Кулябка, бунчуковый товарищъ, 213.
Кунцевичъ, Іосафатъ, изв. уніатск. епископъ XVII ст., 572.
Купятицкій (близъ г. Минска) монастырь, 17, 384.
Курбатовъ, Петръ Вас., совѣтникъ кол. иностр. дѣлъ, 60.
Курень, с., имѣніе Марковичей, 64.
Курцевичъ-Булыга, князь, польск. магнатъ конца XVI ст., 433.
Кухаренко, малорус. пис. XIX в., 667.

Кушелевъ, графъ, директоръ артил. департамента, 460.

Л.

Лабза, Остапъ, кобзарь, 24.
Лазаревскій, А. М., пис., авт. изслѣд. о родѣ Марковичей, 51—82; сообщ. документъ о постройкѣ церкви въ XVII ст., 522—524; упом. 217.
Лебедевъ, первый форшмейстеръ въ Новороссіи, 120.
Лебединъ, г. харьков. губ.; могила гетманцевъ въ немъ, 693—695.
Левандовскій, І., свящ., сообщ. письма митроп. Евгенія къ архим. Мелетію, 297—304.
Левашевъ, графъ, кіев. ген.-губ., 290.
Левицкій (Нечуй), Ив. Сем., изв. пис., авт. повѣсти »Старосвѣт. батюшки и матушки«, 82—110; упом., 671.
Лелевель, изв. польск. историкъ, 658.
Леонтьевъ, кіев. ген.-губ., 213.
Лжедмитрій I, царь и в. князь моск.; 205.
Лизогубъ, Семенъ, 79, 212.
Линія (Старая и Новая—на Кубани) 239—245.
Линчай, Ѳедоръ, атаманъ запорож., 594—595.
Липпоманъ, польск. мемуаристъ XVIII ст., 356, 360—361.
Листъ, Францъ, знам. піанистъ; воспомин. о немъ П. Д. Селецкаго, 626—641.
Литвинова, П., авт., »сообщ. о народ. вѣрованіяхъ«, 695—697.
Лобановъ-Ростовскій, князь, ген.-адъютантъ, 460, 462.
Лобода, изв. предв. козаковъ въ XI ст., 525—564.
Лукашевичъ, Плат. Яковл., 276, 277, 290, 294.
Лучицкій, Ив. Вас., проф. у-та св. Влад., 684.
Любовицкій, маршалъ посольской палаты въ Варшавѣ, 200.
Любовичъ, Н. И., доц. варшав. у-та; разб. его соч.: »Ист. реформаціи въ Польшѣ«, 477—482.
Ляссота, Эрихъ, посолъ имп. Рудольфа II къ запорожцамъ въ 1594 г., 528—529, 597—598.

М.

Мазепа, Иванъ, гетманъ, 53—54, 174, 206—207, 599—600, 693—494.
Макаровскій, малорус. пис. XIX в., 668.
Маковскій, Е., сообщ. разсказы о Кармелюкѣ, 698—701.
— , кролевецкій сотникъ нач. XVIII вѣка, 53.
Максимовичъ, Іоаннъ, архіеп. черниг., 709.
Максимовичъ, М. А., изв. ист.; письма его къ Шевченку 643—648; упом., 278, 358, 361, 669.
Манштейнъ, авт. изв. »Записокъ« о Россіи, 112.
Марко Аврамовичъ, родонач. Марковичей († 1712 г.), 51—53.
Марковичи, малорус. двор. родъ; изслѣд. о нихъ Лазаревскаго въ статьѣ »Люди Старой Малороссіи«, 51—82.
Марковичъ, Ал. М., внукъ Якова Андреевича, черн. губ. предв. дворянства, 65, 82.
— , Андрей Андр.; біографія его 53, 65; письмо къ нему гетмана Скоропадскаго въ 1712 г., 52—53; упом., 64, 215.
— Иванъ Андр., 58, 64.
Марковичъ, Ив. Марк., 64.
— , П. А., правнукъ Якова Андр., 65.
— , Сем. Андр., 65.
— , Ѳедоръ Марковичъ, 53.
— , Яковъ, авт. »Дневныхъ записокъ«, 58—82, 211—212.
Марко-Вовчокъ, изв. пис. псевдонимъ, 661.
Мартосъ, лубен. полковой обозный, 63, 73.
Матвѣевъ, Артамонъ, бояринъ, 388.
Медвѣдевъ, Сильвестръ, изв. уч. XVII ст., 191.
Мейербееръ, изв. композиторъ; воспом. о немъ П. Д. Селецкаго, 618, 623.
Мелетій, Леонтовичъ, архим., ректоръ к. д. акад.; письма къ нему митр. Евгенія (Болховитинова), 297—304.
Мельгуновъ, новорос. губерн., 115, 679—680.
Меньшиковъ, кн. Ал-дръ Дан., изв. временщикъ, 56—57, 693.

Метлинскіе, А. и С., братья, пис. малорус. XIX в., 668.
Мещерскій, кн. Платонъ, бригадиръ, 216.
Меѳодій, епископъ мстиславскій XVII в., 19, 388.
Микитинъ рогъ (мысъ), мѣсто 6-ой по времени Сѣчи, 590, 595—597.
Милашевичъ, кіев. губернаторъ, 353.
— Иванъ, кошевой атаманъ, 603.
Милорадовичъ, графъ Григ. Ал.; зам. его »Неузнанная рукопись«, 351, 352.
— графъ Мих. Андр., 218.
Миклашевскій, Богданъ, гетманъ, 528.
Мирный, соврем. малоруск. пис., 671.
Мироградъ, (Миргородъ) одна изъ первыхъ ново-серб. колоній, 113—114.
Мирославскій, гражданинъ кіевскій; извлеченіе изъ его дневника, 690—693.
Мицкевичъ, проф. кіев. у-та, 291, 291.
Млодзяновскій, Ѳома, польск. пропов. XVII в., 372, 381—382.
Многогрѣшный, Вас., братъ Демьяна, 390.
— , Демьянъ, гетманъ, 376, 386, 387.
Могила, Іеремія, господарь молдав, 538.
Могилянскій, Мат. Матв., инсп. училищъ кіев. уч. окр., 498—500.
Моисеевка, с., имѣніе Марковичей, 58.
Мордовцевъ, Дан. Лукичъ, изв. пис., 671.
Морксъ, изв. контрапунктистъ 40-хъ гг. XIX в., 614, 615, 618.
Мышецкій, князь, авт. „Исторіи о козакахъ запорож.“, 589—591, 601.
Мытница, с. кіев. губ., 368.
Мѣловое, с. Херсон. у., 602.

Н.

Навроцкій, малорус. пис. XIX в., 670.
Надаржинскій, Тимофей, духовникъ имп. Петра I и II, 59, 60.
Наливайко, Семеринъ, гетманъ; его войны съ Польшей, 525, 564.
— , Демьянъ, его братъ, 526, 540—542.
Нарожье, с., имѣніе Марковичей, 58.
Настасья Марковна, жена гетмана Скоропадскаго, 52, 53, 60, 63, 66—67, 71—72.
Наумовъ, сенаторъ временъ имп. Петра I, 56, 57, 59 и слѣд.
Неволинъ, К. А., проф. у-та св. Влад., 292, 295—296, 445—446.
Нейманъ, Ц. Г.; см. разборъ имъ книгъ Кольберга, („Покутье“) 482—487, и Потебни („Малорус. и сродн. пѣсни“), 657—663.
Некрасовъ, знам. поэтъ, 669.
Нелюбовичъ-Тукальскій, Іосифъ, митроп. кіевскій, 378, 386.
Нечаевая, с. екат. у., 596.
Николай I Павловичъ, имп.; его отношенія къ черномор. козакамъ, 233—237; посѣщеніе имъ кіев. у-та въ 1837 и 1839 г., 285—287, 293—294; упом. 691—692.
Николаѣчикъ, Ѳ., авт. статьи „Первыя козацкія движенія въ Рѣчи Посполитой“, 426—442, 525—564; его рецензія на „географич. словарь слав. земель“, Я. Ѳ. Головацкаго, 649—652.
Никшичъ-Требашиничъ, кн. черногорскій; пріѣздъ его въ Россію, 130—131.
Новая Сербія; основаніе въ ней колоній, см. въ запискахъ Пишчевича, 111—134, 333—336, и въ зам. Ястребова „Греки въ Елисаветградѣ“, 673—675.
Новицкій, О. И., проф. у-та св. Влад., 285.
Нордманъ, проф. Ришельев. лицея, 448.
Носъ, полков. прилуц., начала XVIII в., 53, 209.

О.

Обресковъ, рус. резид. въ Стамбулѣ, 607.
Одесса 40-хъ годовъ нын. ст. въ воспоминаніяхъ П. Д. Селецкаго, 443—457.
Ольгердъ Гедиминовичъ, в. кн. литовскій, 321—322.
Ольденбургскій, принцъ Петръ Георг. († 2 мая 1881 г.), 270—273.
Омиловое урочище, см. Мѣловое.
Орловъ, островъ на Днѣпрѣ, 590.
Орнатскій, проф. у-та св. Влад., 285, 292.

Остерманъ, канцлеръ, 60, 62.
Остеръ, р., 368.
Островъ, с. кіев. губ., 356.
Острожскій, кн. Конст. Конст., изв. ревнитель православія на Руси, 183, 427, 429, 432, 435—442, 526—527, 529, 532—537.
— кн. Янушъ Конст., 433, 436.
Остропольс, м., 437.

П.

Павелъ I. Петровичъ, имп.; его отношенія къ черноморск. козакамъ, 230—232; упом., 353.
Падренъ-де Карне, надзир. кіев. 1 гимназіи, впослѣд. пом. попеч. одес. учеб. окр., 501.
Палій, Семенъ, изв. козацк. предв., 210.
Панинъ, графъ, 162.
Панкратьевъ, Петръ Прокоф., кіев. губ., 177—187.
Пашковскій, Романъ, козац. полк., 160, 210—211.
Пащенко, авторъ «описанія черниг. намѣстничества», 217.
Пекарскій, Адріанъ, іезуитъ XVII ст.; споръ его съ Галятовскимъ о главенствѣ папы, 202—203.
Переволочна, м. полтав. губ., мѣсто 3 ей по времени Сѣчи, 589—591.
Перепелица, Ефимъ, лирникъ, 30.
Перепетово поле, 366.
Перервинцы, с., имѣніе Марковичей, 58.
Переяславль, г, 359, 366.
Пемровцы, с. кіев. губ., 357.
Песковка, с. кіев. губ., 357.
Петренко, малорус. пис, 668.
Петровцы, с., 367.
Петровъ, Н. Ив., проф. кіев. дух. акад.; разборъ его «очерковъ изъ ист. украин. лит. XIX в., 664—672; упом., 512.
Петръ Могила, митроп. кіевскій, 2—3, 12, 186, 373.
Петръ I, имп., 59, 69, 211, 599—601, 693.
Петръ II, имп., 59, 211, 212.
Пиминъ, Евсевій, см. Петръ Могила.
Пироговъ, Н. И., изв. ученый, попеч. кіев. учебнаго округа, 499.
Писаревскіе, братья, малорусскіе пис. XIX в., 668.
Пишчевичъ, Ал-дръ Семеновичъ, авт. «Примѣчаній на Новорос. край», 111—134 и дополненій къ нимъ, 333—336.
— Екат. Дмитр., его мать, 111.
— Семенъ Степановичъ, его отецъ, 111.
Плаховъ, А., изд. послѣд. рус. перевода «Неба» Галятовскаго, 373.
Плетенецкій, архим. к.-печ. лавры, изв. уч. XVII ст., 2.
Повстинъ, с. пирят. у., 214.
Погарщина, с. имѣніе Марковичей, 64.
Подасы, с. бердичев. у., 169—171.
Подвысоцкій, Касперъ, предв. козацкій XVI ст., 556, 563—564.
Подпольная, р., въ извивѣ ея, на Базавлуцкомъ полуостровѣ, мѣсто 10 й по времени Сѣчи, 590—603.
Полоцкій, Симеонъ, южнорус. ученый XVII ст., 17, 191, 196, 198, 384.
Полуботокъ, полковникъ черниговскій, 67—78, 217.
— Андрей, 212.
— Семенъ, 80, 81, 217.
Пономаревъ, С. И., изв. библіографъ, сообщ. письма Максимовича къ Шевченку, 643—648.
Попельня, с. кіев. губ., 356.
Попко, А., ген.-лейт., 232.
Поповичъ, Гавріилъ, кодацкій полков., 164.
Поповщина, с., имѣніе Марковичей, 64.
Посьетъ, адм., нынѣ мин. путей сообщ., 347.
Потебня, А. А., проф. харьк. у-та; разборъ его книги «объясненія малорус. и сродныхъ пѣсенъ», 657—663; упом., 321.
Потемкинъ, кн. Григ. Ал-дровичъ, 117, 120, 225.
Потоцкая, Анна, двоюродная сестра митр. Петра Могилы, 373.
Потоцкій, графъ, староста каневскій; разсказы о его жизни, 326—329.

Поцѣй, Ипатій, епископъ влад., изв. пропагаторъ уніи, 183, 539.
Пошманъ, ген.-маіоръ, первый директоръ учил. правовѣдѣнія, въ воспом. П. Д. Селецкаго, 261—271, 460.
Пражмовскій, еписк. и канцлеръ коронный XVII ст., 202.
Претвичъ, Яковъ, каштелянъ галицкій, 440.
Прилуки, г., 51.
Припеть, р., 357.
Прогной, р., см. Гнилая.
Проскуры-Сущанскіе, дворяне, 186.
Пугачевъ, Е. И., 219.
Пушкинъ, Ал-дръ Сергѣевичъ, знам. поэтъ, 445, 668—670.
Пятка, м., 437, 438.

Р.

Радзивиллъ, Криштофъ, воевода виленскій и гетманъ литов., 535—537.
Радивиловскій, Антоній, южнорс. ученый XVII ст., 1, 8.
Радомысль, г., 356.
Раевскій, П., авт. разск. пис., 670.
Раздоровка, с., 590.
Разумовскій, графъ Кириллъ Григ., гетманъ, 216, 511, 604, 607—608.
— Петръ, нѣжинскій полк., 216.
Ракушка, Романъ, первый ген. подскарбій (ок. 1665 г.), 61.
Раставица, р., притокъ Роси, 356.
Рафаилъ Заборовскій, архіеп. кіевскій; письмо къ нему Ѳеофана Прокоповича, 465—470.
Рахмановъ, м. волын губ., 165—167.
Ревунча, р., 595.
Ревунъ, р., 595, 596.
Репнинъ, малорос. ген.-губерн., 316.
Ржавецъ, с. прилуцкаго у., 206—210, 213, 215—217.
Ржевусскій, графъ Адамъ; письмо его къ П. П. Панкратьеву, кіев. губернатору, (1809 г.) 180—181.
Ригельманы, А. А. и Н. А., 261.
Ришелье, герцогъ, основатель Одессы, 131.
Рожинскій, кн.; борьба его съ Савулой, 550—554; 561.
Рожновка, с. Борзен. у., 212.
Ромны, г., 58, 62—64, 70—71, 80—81.
Ромодановскій, князь, 376.
Рославичи, с. кіев. губ., 357.
Ростиславъ II Изяславичъ, в. кн. кіевскій, 365.
Рось, р, 356—358, 369.
Ротъ, Максимъ, кущовскій атаманъ, 160.
Руда, (Тальская) с. кіев. губ., 357.
Руданскій, д-ръ, малорус. поэтъ, 151, 671.
Рудня Новая, с. черниг. губ., 217.
Рудольфъ II., имп. германскій; его сношенія съ козаками, 597—598.
Румянцевъ Ал—дръ, президентъ малороссійской коллегіи, 76—81.
— графъ Петръ Ал—дровичъ, 136, 159—165, 171, 215, 216, 219.
Рѣчица, р., притокъ Бугая, 595.

С.

Сабатей-Цви, (Сабефа) Лже-Мессія смирнскій, (1666 г.) 379—380.
Савицкій, лубенскій полковой пис., 75.
Савичъ, Василій, лубенскій полковникъ начала XVII ст., 55.
Савула, гетманъ, 544, 550—554.
Сагайдачный, (Конашевичъ) Петръ, гетманъ, 592—593.
Самара, р, 601.
Самойловичъ, Иванъ, гетманъ, 52, 387, 389, 583.
Самоквасовъ, изв. рус. археологъ, 319.
Сапѣга, Левъ, канцлеръ литовскій, 205.
Сарбѣвскій, іольскій пропов. XVII ст., 195.
Сасько, полковникъ козацкій конца XVI ст., 550—554.
Сатановскій, Арсеній, ученый XVII ст., 198.
Сафоновичъ, Ѳеодосій, ученый XVII ст., 384.
Сварково, с., имѣніе Марковичей, 65, 67, 70, 82.
Свидницкій, малорус. пис. XIX в., 671.
Святополкъ II Михаилъ, вел. князь кіевскій, 365.
Святославъ Владиміровичъ Мономашичъ, кн., 366.

Седневъ, м. въ 30 верстахъ отъ Чернигова, мѣсто 1-й по времени Сѣчи, 589—591.
Селецкіе, Андрей и Максимъ Петровичи, 250.
— Петръ, Василій и Яковъ Лаврентьевичи, 249—257.
— Дмитр. Лаврентьевичъ, отецъ П. Д., 250—256, 261, 270—276, 296, 446, 458.
— Ив. Яковл., новорос. ген.-губ., 248—249.
— Лаврентій Яковл., малороспочтъ-директоръ, 248—250.
— Петръ Дмитріевичъ, гофмейстеръ, кіев. губ. предвод. дворянства; «записки» его; 247—296, 443—464, 609—644.
Селивановъ, А., авт. зам. «Вертепъ въ купянскомъ у.,» 512—515.
Семашко, Ал—дръ, староста луцкій и каштелянъ брацлавскій, 541, 542, 598.
Сенявинъ, Иванъ, полковникъ, 215.
Серапіонъ, митр. кіевскій, 690—691.
Серафимъ, митроп. петерб., 303.
Сигизмундъ I, кор. польскій, 205, 428—429, 434, 525—564.
Сигоній, польскій ученый XVI ст., 12.
Синица, с. кіев. губ., 356.
Синюха, р., 357.
Скалевое, с. ал—дрійскаго у., имѣніе Пишчевичей, 111.
Скальковскій, Ал., историкъ новой Сѣчи, 126.
Скарбная, р., 598—599.
Скарга, іезуитъ, польскій проповѣдникъ XVII ст., 184.
Скворцовъ, И. М., прот., профес. у-та св. Влад., 289.
Сковорода, Григ. Савичъ, изв. пис. и мыслитель, 318.
Скоропадскій, Иванъ, гетманъ; письмо его къ Андрею Марковичу, 52—53; упом. 52—57, 67, 146—147, 209—210.
— Михаилъ, ген. подскарбій, 59, 214.
Скоруппа, Григорій, бунчуковый товарищъ, 471—476.
Славинецкій, Епифаній, изв. ученый XVII ст., 191, 195—198.
Слободзея, с. мѣсто Зап. Коша въ 1790 г., 225.
Смарагдъ Крыжановскій, архіепископъ Рязан., 298.
Смотрицкій, Мелетій, извѣст. ученый XVII ст., 1, 8, 10, 184.
Снятынъ, с., 528.
Соколовъ, Никодимъ, свящ.; разборъ его книги объ Остробрамской иконѣ Божьей Матери, 321—324.
Соломерецкій, кн. Богданъ, староста кричевскій и олучицкій, 537.
Софья Алексѣевна, царевна, 586.
Социны, Лелій и Фаустъ, первые представители социніанства въ Польшѣ, 581—582.
Срезневскій, изв. ученый, 309, 311, 319.
Ставровецкій, ученый XVII ст., 196.
Старовольскій, польскій проповѣдникъ XVII ст., 195.
Стеблинъ-Каменскій, Е. П. надзир. въ кіев. I гимн., впослѣд. виленскій губ., († 1882 г.) 501.
Степанки, с. бердичев. у., 169.
Степановъ, Вас. Петр., членъ иностр. коллегіи при Петрѣ I, 60.
Стороженки, дворян. родъ; изслѣд. о нихъ, 205—222.
— Алексѣй Петр., извѣст. малор. пис., 219—221, 669, 685.
— Андрей, старшій полковникъ запорожскій; біографія его, 205.
— Андрей Иван., сотникъ иваницкій, 207—209.
— Данило, Андрей, Петръ, Степанъ, Григорій и Ал-дръ, сыновья Григ. Андр., 214—219.
— Григорій, сотникъ иваницкій, 209—210.
— Григ. Андр., бунчуковый товарищъ, 211—213.
— Иванъ, полков. прилуцкій, 206—207.
— Ив. Андр., сотникъ иваницкій, 214.
— Михайло, сотникъ тульчинскій, 205—206.

Стороженки, Мих. Ив., тов. бунчуковый, 215—216.
— Мих. Мих., тов. бунчуковый, 216—218.
— Мих. и Иванъ, сыновья Степана Григор., 219.
— Н., авт. предисл. къ «3 докум. къ ист. Малороссіи», 143—144, и изсл. о родѣ Стороженковъ, 205—222
— Ник. Мих., черниг. губ. предв. двор., 218.
— Петръ и Павелъ, сыновья Даніила Григ., 219.
— Яцько, козакъ брацлав. полка, 206.
Строкова, с. полтав. губ., 358.
Струсь, Юрій, староста брацлавскій, 530, 549, 557, 560—562.
Стугна, р., 356—358, 361, 365—369.
Суворовъ, свѣт. кн. Италійскій, А. В., 166.
Сулакъ, р., 211.
Сумцовъ, Н. Ѳ., доц. харьк. у-та, авт. слѣд. статей и зам.: «Іоанникій Галятовскій», 1—20, 183—204, 371—390, 565—588; «Къ ист. малорус. нравовъ XVII ст.», 332—333, и «Къ ист. слоб.-укр. чумачества, 493—498; упом., 321, 659.
Суражъ, с. волын. губ., 165 и слѣд.
Сухоносовка, с., имѣніе Марковичей, 58, 68.
Сухоржицкій хуторъ, имѣніе Марковичей, 64.
Сѣровъ, А., изв. рус. композиторъ, 264.
Сѣчь, въ статьѣ «Число и порядокъ запорож. сѣчей», 589—608; въ статьѣ «Первыя козацкія движенія въ Рѣчи-Посп.», 423—442, 525—564; «Еврейскій плѣнъ въ Запорожьи, 159—165; разсказъ объ ея уничтоженіи, 121; внутреннее управл. Сѣчи, 126—128; упом. 223, 224, 229 и слѣд.

Т.

Тарнавскій, А. И., 325.
Тарнополь, г., 437.
Таубертъ, изв. піанистъ; воспом. о немъ П. Д. Селецкаго, 614—615, 618.
Текели, Савва, ген.-поручикъ, 116.
Терещенко, этнографъ, 507.
Терлецкій, Кириллъ, еписк. луцкій, 383—384, 539, 591.
Тетеревъ, р., 356, 357, 368.
Токари, с., имѣніе Марковичей, 55, 64, 79.
Толстой, графъ Л. Н., знам. пис., 31.
— Петръ Андр., изв. сподвижникъ Петра I, 56.
— елисаветградскій комендантъ, 674.
Томаковка или Токомаковка, иначе Городище, островъ противъ с. Красногригорьевки или Чернышевки, екат. у., мѣсто 5-й по времени Сѣчи, 590, 593—596.
Томара, полков. переяславскій, 53.
Тополя, малорус. пис. XIX в., 668.
Торческъ, г., 365.
Тоттъ, бар., мемуаристъ прошлаго вѣка, 676.
Траскинъ, ген.-маіоръ, попечит. кіев. учебнаго округа, 498, 502—505.
Третьякъ, Данило, войсковой старшина (1770 г.), 159—160.
Триполье, м. кіев. губ., 356, 365, 368.
Троицкій въ г. Вильнѣ мон., 322—323.
Тростянецъ, с. харьков. губ., 59.
Троцкій, Кириллъ, бунчуковый тов., 212.
Трощинскій, Дмитрій Прок., сенаторъ и мин., 178.
Трубежъ, р., 368.
Туліголовъ, с., 71.
Туманскій, Вас., пис. генеральн., 216.
Тысьменица, г., 528.
Тяпкинъ, резид. москов. во Львовѣ (ок. 1675 г.), 201.
Тясьминъ, р., 357.

У.

Убеды, г., 64.
Уваровъ, Сергѣй Семеновичъ, мин. нар. просвѣщенія, 460—461.
Уздица, с., имѣніе Марковичей, 70.
Унава, р., притокъ Ирпеня, 356, 366.
Усвятъ, валаш. колонія въ Новороссіи, 132.
Ушаковъ, членъ малорос. коллегіи, 71.
Ушъ, р., 357.

Ф.

Фелицынъ, Е. Д.; разборъ изд. подъ его ред. «Кубанскаго сборника», 652—657.
Филаретъ, архіеп. смоленскій, 19.
— Гумилевскій, архіеп. черниговскій, изв. ученый, авт. «Стат. опис. чернигов. и харьков. епархій», 309—314; 318—319; 695.
— митроп. кіевскій, 289, 692.
Филипповичъ, Аѳанасій, игуменъ брестскій XVII ст., 572.
Фомбергъ, проф. у-та св. Влад., 503.
Френъ, академикъ, 301, 303.
Фундуклей, авт. «опис. кіев. губ.», 356, 357, 359.

Х.

Ханенко, Николай, 212.
Хвостовъ, Осипъ, полковникъ, (1765г.)
Херсонъ, г.; основаніе его, 117.
Хмелецкій, Ив., посолъ гетмана Потоцкаго къ Хмѣльницкому, 594.
Хмельницкій, Богданъ-Зиновій, гетманъ, 206, 489, 578—579; 594—597.
— Гедеонъ-Юрій Богдановичъ, 202.
Ходкевичъ, Іеронимъ, каштелянъ краковскій, 536, 554, 561.
Ходоновичъ, Іосифъ, игуменъ минскаго монастыря, 378.
Ходосовка, с. кіев. губ., 357.
Холодный, островъ на Днѣпрѣ, 598.
Хоружовщина, имѣніе Марковичей, 64.
Хорватъ, Ив. Сам., осн. Новосербіи, 111—117, 119.
— Н. И., помѣшикъ ал-дрійскаго у., 334.
Хортица, островъ на Днѣпрѣ противъ г. Ал-дровска, екат. губ., мѣсто 4-й по времени Сѣчи, 589—593, 595.
Хрущовъ, Мих. Сем., прокуроръ малорос. коллегіи при Петрѣ I, 71, 77.

Ц.

Цась, малорус. пис. XIX в., 671.

Ч.

Чаговъ, с. кіев. губ., 515—522.
Чалый, М. К., авт. книги «Жизнь и произв. Т. Г. Шевченка», 645.
Челищевъ, полковникъ (1749 г.), 214.
Чепѣга, атаманъ кошевой черноморскій, 224, 225, 232.
Черневъ, см. Черногородка.
Чернобыль, м. радомысльскаго уѣзда; разборъ описанія его, сдѣланнаго г. Л. П., 149—151.
Черногородка, с. кіев. губ., 357.
Черноморскіе козаки, см. Кубанскіе.
Чернышевка, с. екат. у., 590, 596.
Чешибисы, нынѣ Езуполь, с., 528.
Чижевскій, Николай; разборъ его книги «Старозаимочныя земли», 305—316.
Чортомлыкъ, р.; при устьѣ ея мѣсто 7-й по времени Сѣчи, 590, 597—600, 603.
Чубинскій, Пав. Плат., изв. этнографъ; некрологъ его, 343—349; оцѣнка его трудовъ, 349—351; упом., 483, 486, 661.
Чуйкевичъ, Ал-дръ, тов. войсковой, 143—148, 209.
— Андрей, 147.

Ш.

Шабалиновъ, с., имѣніе Марковичей, 54, 64.
Шамовка, с. ал-дрійскаго у., 334.
Шафонскій, авт. топографич. опис. черниг. намѣстн., 217.
Шевичъ, ген.-маіоръ, одинъ изъ основ. ново-серб. колоній, 112—114.
Шевченко, Т. Г., знам. поэтъ; повѣсть его «Княгиня», 391—422; письма къ нему Максимовича, 645—650; упом. 505, 668—670.
Шепетовскій хуторъ, имѣніе Марковичей, 64.
Шереметевъ, Вас. Ал-дровичъ, 254.
— воев. кіев. (1666 г.), 19.
Шулакъ, м. волын. губ., 105.
Шутъ, Андрей, кобзарь, 42—44.

Щ.

Щепкинъ, М. С., изв. трагикъ, 646—647.
Щепотьевъ, членъ малор. коллегіи, 71.
Щербина, Ѳ. А.; его статья «Исторія самоуправленія у кубан. козаковъ», 223—246; отзывъ о его трудахъ, 654—657.

Щоголевъ, малорус. поэтъ; разборъ его ~~эти~~хотвореній, 151—154.

Э.

Эварницкій, Дм. Ив., доц. харьков. у-та, авт. статьи «Число и порядокъ запорож. сѣчей», 589—608.
Эрдели, Павелъ, маіоръ ново-сербскаго полка, 165.

Ю.

Юзефовичъ, Мих. Влад., помощникъ попеч. кіев. учебнаго округа, 503.
Юрій Владиміровичъ (Долгорукій), в. князь суздальскій, 366—367.

Я.

Яворскій, Стефанъ, извѣстный ученый XVII ст., 196—198.
Язловецкій, Николай, староста снятынскій, 427—429, 434, 435, 529—530, 534, 561.
Язловецъ, м. въ Галиціи, 488.
Яковлевъ, В. А., библіотекарь одес. публ. библ., 491—492.
Якубовичъ, полковникъ нѣжинскій (1774 г.), 218.
Ямполь, м. волын. губ., 168.
Янчино, с., 366.
Янъ Собѣсскій, кор. польскій, 487—488.
Ярославъ Великій, в. князь кіевскій, 369.
Ястребовъ, В., авт. зам. «Греки въ Елисаветградѣ», (1754—1777 г.), 673—684; сообщ. «Примѣчанія А. Пишчевича на Новорос. край» и дополненія къ нимъ, 111—134, 333—336.

Ѳ.

Ѳедоровъ, Григ., атаманъ кошевой, 604—607.
Ѳедоръ Алексѣевичъ, царь и в. князь, 567—568.
Ѳедоръ Іоанновичъ, царь и в. князь, 431.
Ѳедотовъ-Чеховской, проф. у-та св. Влад., 291.
Ѳеофанъ Прокоповичъ, изв. пропов., архіеп. псковской; письмо его къ Якову Марковичу, 65—66; письмо къ архіеп. кіев. Рафаилу Заборовскому, 465—470.

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА VIII. 1883 г.

Январь, 1884 г.

стр.

I. ІОАННИКІЙ ГАЛЯТОВСКІЙ. (Къ исторіи южно-русской литературы XVII вѣка). **Н. Ѳ. Сумцова** 1

II. КОБЗАРИ И ЛИРНИКИ. (*Очерки I—III*). **В. Горленка** 21

III. ЛЮДИ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ. (Марковичи). **Ал. Лазаревскаго** . . 50

IV. СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ. (Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.). **И. Левицкаго**. . . . 83

V. ПРИМѢЧАНІЯ АЛЕКСАНДРА ПИПЧЕВИЧА НА НОВОРОССІЙСКІЙ КРАЙ. Съ предисл. и примѣч. **В. Ястребова**. 111

VI. ЗАПИСКА ГЕНЕРАЛЬНАГО СУДЬИ АКИМА СЕМЕНОВИЧА СУЛИМЫ. 135

VII. ТРИ ДОКУМЕНТА КЪ ИСТОРІИ ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ ОТНОШЕНІЙ ВЪ МАЛОРОССІИ XVIII СТОЛѢТІЯ. **Н. С—ко**. 143

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Городъ Чернобыль (кіевской губерніи), описанный отставнымъ военнымъ Л. П. Кіевъ, 1883 г.—*В. Г—ко.*—б) Ворскло, лірна поэзія Я. Щоголева, Харьковъ. 1883 г.—*Его-же.*—в) Юмористическіе разсказы и сцены изъ малорусскаго народнаго быта В. П. Жуковскаго. Кіевъ, 1883 г.—*Его-же.*—в) Демидовъ Санъ-Донато. Еврейскій вопросъ въ Россіи. Спб. 1883 г. 149

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Еврейскій плѣнъ въ Запорожьи 1770—1772 гг.—*А. Скальковскаго.*—б) Волынская бывальщина.—*И. О.*—в) Живой упырь въ борьбѣ съ умершими упырями.—*К. Кошовика.*—г) Образчикъ малорусской «покормежной».—д) Высшіе женскіе курсы въ бывшей гетманщинѣ.—е) Послѣднія домогательства малороссійскаго шляхетства.—ж) Изъ писемъ помѣщиковъ кіевской губерніи къ кіев. гражд. губернатору Панкратьеву.—Сообщ. *А. А—скій.*—з) Пѣсенный отголосокъ давно минувшей уніи.—Сообщ. *М. Крашановскій* . . 159

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКОЕ СООБЩЕНІЕ.

Февраль, 1884 г.

стр.

I. ІОАННИКІЙ ГАЛЯТОВСКІЙ. (Къ исторіи южно-русской литературы XVII вѣка). (*Продолженіе*). **Н. Ѳ. Сумцова** 183

II. СТОРОЖЕНКИ. (Фамильная лѣтопись). **Н. В. С—ко**. 205

III. ИСТОРІЯ САМОУПРАВЛЕНІЯ У КУБАНСКИХЪ КОЗАКОВЪ. **Ф. Шербины** 223

IV. ЗАПИСКИ П. Д. СЕЛЕЦКАГО. (Часть первая). 1821—1846 г. . 247

V. ЧЕТЫРЕ ПИСЬМА МИТРОПОЛИТА ЕВГЕНІЯ КЪ РЕКТОРУ КІЕВ. АКАД., АРХИМ. МЕЛЕТІЮ. Сообщ. свящ. **І. Левандовскій**. . . . 297

VI. БИБЛІОГРАФІЯ: а) 1) Старозаимочная земля. Судебныя по искамъ объ нихъ рѣшенія. Изданіе Николая Чижевскаго. Харьковъ. 1883 г.— б) 2) Гурова и Бродскаго. Замѣтки и матеріалы по вопросу о старозаимочномъ крестьянскомъ землевладѣніи харьковской губерніи. Харьковъ. 1883 года).—*Дм. Багалѣя.*—в) Харьковскій календарь на 1884 года. Харьковъ. 1883 года.—*Б. Г.*—г) Островоротная или остробрамская икона Богородицы въ г. Вильнѣ. Историческое изслѣдованіе, съ восемью рисунками. Составилъ и издалъ Никодимъ Соколовъ. Вильна. 1883 г.—*К. Ц.* 305

VII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Изъ прожитыхъ на Волыни дней.—*Н. Костомарова.*—б) Къ исторіи малорусскихъ церковно-общественныхъ нравовъ XVIII столѣтія.—*Н. С.*—в) Домашнее воспитаніе начала нашего столѣтія.—*В. Ястребова.*—г) Роковое чтеніе псалтири. (Изъ быта и нравовъ старыхъ кіевскихъ «студеевъ»).—*Кс. Цыбульскаго.*—д) П. П. Чубинскій. (Некрологъ).—*А. Ѳ. Кистяковскаго.*—е) «Труды этнографическо-статистической экспедиціи» Чубинскаго въ сравненіи съ другими подобными.—*В. Г.*—ж) Не узнанная рукопись. (По поводу статьи: В. Л. Кочубей въ дек. кн. «Русской Старины» 1883 г.)—Графа *Милорадовича.*—з) Населеніе Кіева въ прошломъ столѣтіи.—*Д. Т.* 325

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ.

Мартъ, 1884 г.

стр.

I. ЗМІЕВЫ ВАЛЫ ВЪ ПРЕДѢЛАХЪ КІЕВСКОЙ ЗЕМЛИ. **В. Антоновича** 253

II. ІОАННИКІЙ ГАЛЯТОВСКІЙ. (Къ исторіи южно-русской литературы XVII вѣка). (*Продолженіе*). **Н. Ѳ. Сумцова** 271

III. КНЯГИНЯ. (Разсказъ Т. Г. Шевченка) 391

IV. ПЕРВЫЯ КОЗАЦКІЯ ДВИЖЕНІЯ ВЪ РѢЧИ ПОСПОЛИТОЙ. (1591—1596 г.). **Ѳ. Николайчика** 423

V. ЗАПИСКИ П. Д. СЕЛЕЦКАГО. Часть первая. 1821—1846 годъ. *(Продолженіе)*. 443
VI. ПИСЬМО АРХ. НОВГ. ѲЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА КЪ АРХ. КІЕВ. РАФАИЛУ ЗАБОРОВСКОМУ. (О способахъ къ улучшенію матеріальнаго положенія кіев. академіи) 465
VII. РЯДНАЯ ЗАПИСЬ 1-й ПОЛОВИНЫ XVIII В. 471
IX. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Н. Любовичъ. Исторія реформаціи въ Польшѣ. Кальвинисты и антитринитаріи. Варшава. 1883 г.—б) Покутье. Этнографическій этюдъ. Сост. Оскаръ Кольбергъ. Краковъ. I. 1882. II. 1883. *Ц.—Неймана.*—в) Четъ, или не четъ? Историческая новѣсть конца XVII в. І. Крашевскаго. Варшава. 1884. Т. 1 и 2. *S.*—г) Споминки про жите и дѣяльность Володимира Барвѣньского. Львовъ. 1884 г.—*В. Г—ка* —д) Къ новоселью городской публичной библіотеки въ Одессѣ (1829—1883 г.). Одесса. 1883 г. 478
X. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ исторіи слободско-украинскаго чумачества.—*Н. Сумцова.*—б) Изъ школьныхъ воспоминаній о Кіевѣ.—*Н. Я. Бар—вскаго.*—в) Сто семь лѣтъ южно-русской этнографіи.—*В. Г—ка.*—г) Попытка околдовать волостной судъ.—*П. Еф.*—д) Послѣдствія клятвопреступленія. *П. Еф.*—е) Вертепъ въ купянскомъ уѣздѣ харьковской губерніи.—*А. Селиванова.*—ж) Вымирающіе типы украинской деревни. Прот. *Луки Киселевича.*—з) Контрактъ на постройку церкви конца XVII в. 493
XI. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1727—1753 г.). Съ предисловіемъ и поясненіями *А. М. Лазаревскаго*. (Приложеніе). . . . . 1—16

Апрѣль, 1884 г.

СТР.

I. ПЕРВЫЯ КОЗАЦКІЯ ДВИЖЕНІЯ ВЪ РѢЧИ ПОСПОЛИТОЙ. (1591—1596 г.). *(Окончаніе).* **Ѳ. Николайчика.** 525
II. ІОАННИКІЙ ГАЛЯТОВСКІЙ. (Къ исторіи южно-русской литературы XVII вѣка. *(Окончаніе).* **Н. Ѳ. Сумцова.** 565
III. ЧИСЛО И ПОРЯДОКЪ ЗАПОРОЖСКИХЪ СѢЧЕЙ. **Д. И. Эварницкаго.** 599
IV. ЗАПИСКИ П. Д. СЕЛЕЦКАГО. Часть первая. 1821—1846 годъ. *(Продолженіе)* 609
V. ИЗЪ ПИСЕМЪ МАКСИМОВИЧА КЪ ШЕВЧЕНКУ. **С. Пономарева** . 634
VI. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Географическій словарь западно и юго-славянскихъ земель и прилежащихъ странъ, сост. Я. Головацкимъ. Съ приложеніемъ географ. карты. Вильна. 1884 г.—*Ѳ. Ни—ка.*—б) Кубанскій Сборникъ. Труды Кубан. Област. Статистическаго Комитета, издаваемые подъ

редакціею Е. Д. Фелицына: Т. I., съ картою Кубан. Области. Екатеринодаръ. 1883 г.—в) А. А. Потебни. Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсень. Варшава 1883.—*Ц. Неймана*—г) Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія. Н. И. Петрова. Кіевъ, 1884 г.—*В. Г.* 621

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Греки въ Елисаветградѣ (Отрывокъ изъ исторіи колонизаціи)—*В. Ястребова.*—б) Малоизвѣстные и неизвѣстные источники свѣдѣній о минувшей жизни Полтавщины.—*Н.С.*—в) Кіевскія лѣтописныя замѣтки XVIII и XIX ст. 1) Изъ приписокъ къ подлиннику путешествія Василія Григоровича Барскаго. 2) Изъ записной книжки кіевскаго гражданина Мирославскаго.—г) Могила гетманцевъ въ г. Лебединѣ.—*П. Ефименка.*—д) Два сообщенія по части народныхъ вѣрованій: 1) Криница—богиня плодородія у сѣверянъ.—Сообщ. *П. Литвинова.*—2) Полъ неодушевленныхъ предтетовъ.—Сооб. *М. Г—овъ.*—е) Изъ разсказовъ о Кармелюкѣ.—*Маковскаго.*—ж) Художникъ В. Л. Боровиковскій. 1758 (?)—1825 г.—*В. Горленка*—з) Греческія музы въ малорусскомъ изображеніи (Рисунокъ и поясненіе къ нему). 673

VI. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728—1753 г.) (*Продолженіе*) 17—32

VII. АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.